

АРХЕОЛОГИ-
ЧЕСКИЕ
ВЕСТИ

- I -

•1992•

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АРХЕОЛОГИ-
ЧЕСКИЕ
ВЕСТИ

— I —

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
·1992·

**Институт истории материальной культуры
Российская Академия наук
Археологические вести
№ 1
Санкт-Петербург
1992**

Редакционная коллегия:

В. А. Алекшин, М. В. Аникович, В. М. Массон (отв. редактор), Е. Н. Носов (зам. отв. редактора),
Н. В. Хвоцинская (отв. секретарь), П. В. Шувалов.

Секретарь редакции:

Т. С. Дорофеева

Художник:

Г. В. Кузнецова

Адрес редакции:

Россия, 191065, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, дом 18, Институт истории материальной культуры
РАН.

Телефоны:

(812) 3121484, 3140685, 3115092

Издано при содействии Института археологии Словацкой академии Наук, г. Нитра - Кошице

**The Institute of the History of Material Culture
Russian Academy of Sciences
Archaeological News
№ 1
St.-Petersburg 1992**

Editorial Board:

V. A. Alekshin, M. V. Anikovitch, V. M. Masson, E. N. Nosov, N. V. Khvostinskaja, P. V. Shuvalov

Secretary of edition:

T. S. Dorofeeva

Painter:

G. W. Kuznetzowa

Address:

Russia, 191065, St-Petersburg Dvortzovaja Nab 18, Institute of the History of Material Culture

Tel:

(812) 3121484, 3140685, 3115092

This volume is published with the financial help of the Institute of Archaeology of Slovakia Academy of Sciences,
Nitra-Košice

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

- В. М. МАССОН.** Движение информации в археологии 11

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ.** Орудия труда архантропов из пещеры Азых
(Азербайджан) 17
- Н. Д. ПРАСЛОВ.** О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной
Евразии 28
- В. В. ПИТУЛЬКО.** Открытие мезолита в Приполярной зоне Арктики 40
- И. Б. ВАСИЛЬЕВ, П. Ф. КУЗНЕЦОВ, А. П. СЕМЕНОВА.**
Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье 52
- А. И. ИСАКОВ.** Богатое женское погребение из Саразма (Таджикистан) 64
- А. А. НЕХАЕВ.** Домайкопская культура Северного Кавказа 76
- Г. Н. КУРОЧКИН.** Открытие богатой жреческой гробницы сибирских
скифов 97
- С. С. МИНЯЕВ.** Изучение погребений сюнну в Забайкалье 107
- В. А. СЕМЕНОВ.** Военские погребения ранних кочевников Тувы 116
- В. М. ГОРЮНОВА.** Новый клад антского времени из Среднего
Поднепровья 126
- А. Н. КИРПИЧНИКОВ, В. А. НАЗАРЕНКО.** Археологические
открытия в Старой Ладге. Черты сходства средневековых
городов региона Балтики 141
- Е. А. РЯБИНИН.** Северный трансевропейский путь X века и мера (по
материалам резной кости Костромского Заволжья) 153

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

- Ю. В. АНДРЕЕВ.** Коллапс микенской цивилизации и варварский мир
Центральной Европы 165

CONTENTS

EDITORIAL

- V. M. MASSON.** The "Flow" of information in archaeology 11

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

- V. E. SHCHELINSKY.** Tools of the archanthrops from Azykh cave (Azerbaijan) 17
- N. D. PRASLOV.** Ceramic production in the Palaeolithic Age 28
- V. V. PITULKO.** The discovery of a Mesolithic site in the Polar region of the Arctic 40
- I. B. VASILYEV, P. F. KUZNETSOV, A. P. SEMYONOV.** A Burials of nobility in the Volga region during the Bronze Age 52
- A. I. ISAKOV.** A rich burial of a woman from Sarazm(Tadjikistan) 64
- A. A. NEHAEV.** The premaikop culture of the Northern Caucasus 76
- G. N. KUROCHKIN.** The discovery of a rich priest's tomb of the Siberian Scythians 97
- S. S. MINYAEV.** The investigation of burials of the Hunnu in the Baikal region 107
- V. A. SEMYONOV.** Military burials of early nomads in Tuva 116
- V. M. GORUNOVA.** A new hoard of Ants from the territory of the Middle Dnieper 126
- A. N. KIRPICHNIKOV, V. A. NAZARENKO.** Archaeological discoveries in Staraja Ladoga. Similar features of Medieval towns in the Baltic region. 141
- E. A. RYABININ.** Northern transeuropean route of the 10 th century and the Merya (decorated bone objects from the region near Kostroma) 153

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

- Y. V. ANDREEV.** The collapse of the Mycenaean civilization and the Barbarians of Central Europe 165

NEW PUBLICATIONS

- Z. A. ABRAMOVA.** New approach to the art of the Palaeolithic Age 177
- G. P. GRIGORYEV.** The neanderthal man and his epoch 184
- M. V. ANIKOVICH.** The Upper Palaeolithic in Central and Eastern Europe:
realities and problems 188
- E. Y. GIRYA.** Technological analysis of palaeoindian industries 192
- Y. E. BEREZKIN.** New data on the origin of agriculture 196
- V. A. ALEKSHIN.** The Indo-European problem and archaeology 200
- A. Y. SCHETENKO.** Complex study of ancient Indian relics 204
- Y. E. BEREZKIN.** On the threshold of state formation 208
- V. P. NIKANOROV.** Single combats of horsemen in Parthian and Sassanian
rock carvings 214
- Y. E. BEREZKIN.** Studies in the archaeology of the Near East and Central
Asia 218
- P. V. SHUVALOV.** Artistic world of the Celtic civilization 224
- P. M. DOLUKHANOV.** Systematic studies and archaeology 227

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

- L. B. KIRCHO** The reconstruction of the Institute of the History of Material
Culture in St. Petersburg 191

THE EAST-WEST COOPERATION

- G. F. KOROBKOVA.** Traceology and the International Traceological School 239
- E. N. NOSOV.** The archaeological conference in Newcastle-on-Tyne 243
- A. A. SINITSYN.** Soviet-American collaboration in the study of the Palaeo-
lithic Age 246
- E. N. NOSOV.** The symposium of Danish and Russian archaeologists. 252

О Т Р Е Д А К Ц И И

ДВИЖЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

В. М. МАССОН

Наука с ее зарождения имела четко выраженную информационную природу. Как известно в современной наукометрии большое распространение получила информационная модель науки, рассматривающая ее как самоорганизующуюся систему, управляющую информационными потоками (Налимов, Мульченко 1969: 6). Феноменологически науку вообще можно рассматривать как процесс получения существенно новой информации. Поэтому естественно, что вопросы информации в науке занимают важное место в специальной литературе (например, Урсул 1975). Здесь существенны два момента - само понятие информации и понятие информационной ценности. В 20-30-х годах XX века под информацией предлагалось понимать любые факты или "новости". Однако, исследователи справедливо отмечают, что информация включает в себя в определенной степени и факты, и теории, и гипотезы (Урсул 1975: 100). Не менее важно включение производимых знаний в коммуникативный процесс. Обычно считается, что именно включение нового знания в систему научной информационной связи и есть главное условие превращения ее в научную информацию, приобретение информационной ценности. Хорошо известен и экспоненциальный рост науки, включая информационные потоки. В этой области прогресс носит лавинообразный характер и остро стоит вопрос о коэффициенте адекватного использования этой новой информации (Старостин 1980: 73, 76).

Археология принадлежит к числу дисциплин гуманитарного знания стремительно увеличивающих объем своей информации. Многочисленные экспедиции, широкие раскопки, целенаправленные обследования памятников и обширных территорий доставляют огромные новые археологические материалы. По некоторым оценкам каждые 7-10 лет происходит удвоение этих данных. Показательно число документов с разрешением на проведение раскопок - открытых листов, выдаваемых на территории РСФСР, ныне Российской республики.

В 1951 г. таких документов было выдано 116, в 1976 г. - около 600. Только в составе Института истории материальной культуры Российской Академии наук ежегодно работают до 60 экспедиций и самостоятельных отрядов, каждый из которых получает в результате раскопок и разведок значительные археологические коллекции. Естественно, что превращение этих материалов в подлинные информационные ценности, введение их в коммуникативный процесс вызывает большие сложности.

Как известно, существуют два различных уровня введения в оборот подобной археологической информации - предварительные сообщения и полные отчеты. Значение первых особенно велико, так как публикация полных отчетов и сложное, и дорогостоящее мероприятие. Нередко эталонные памятники прочно входили в научный оборот, в том числе и в итоговые труды по всемирной истории только на основании

предварительных сообщений. Так обстояло, например, дело с раннеземледельческим поселением Месопотамии Джармо, развернутые отчеты о раскопках которого появились лишь более 30 лет спустя после его исследования. До сих пор отсутствуют полные отчеты о раскопках докерамического неолита Иерихона или таких знаменитых памятников шумерской истории и культуры как Джемдет-Наср или Эриду. Это повышает ценность предварительных отчетов, особенно, если они обеспечены должной информативностью. Другим привходящим обстоятельством является тенденция к своего рода монополизации новых археологических знаний авторами раскопок, особенно их официальными руководителями. При этом в повседневной практике раздаются даже разговоры об авторском праве. Строго говоря, авторское право распространяется на произведения, созданные самим индивидуумом. Его объектом в данном случае, могут быть отчеты о раскопках экспедиций, но не сам добытый археологический материал, подлинники создатели и авторы которого давно исчезли с лица земли. Ложно понятое "право собственности" принадлежит к числу своего рода этических традиций научного сообщества, чем к строго кодифицированным правовым явлениям. Другое дело, когда речь идет об источниках финансирования подобных исследований, будь то учреждение, группы учреждений или частное лицо. При всех обстоятельствах ясно, что лицо, претендующее на информационную монополию, несет за дискриминационные действия моральную ответственность перед ученым миром.

Все эти обстоятельства и побудили Институт истории материальной культуры Российской Академии наук выступить с инициативой нового издания с названием "Археологические вести". Его главной задачей является оперативное введение новой информации в коммуникативные системы. Естественно в данном типе издания речь может идти только о предварительной информации, но мы будем стараться делать ее максимально насыщенной. Помимо информации о новых раскопках и исследованиях сотрудников ИИМК РАН в "Археологических вестях" будут помещаться сообщения об аналогичных изысканиях в других республиках и государствах.

Здесь необходимо указать еще на один аспект данной проблемы. Берлинская стена, долгие годы разделявшая естественную столицу Германии, была своеобразным символом определенной эпохи. В той или иной степени барьер разрывал и информационные потоки в антитезе Восток-Запад. Политические, лингвистические, психологические факторы в немалой степени способствовали этому печальному явлению. В результате, в сводных и обобщающих работах западноевропейских и американских археологов часто или попросту отсутствовала новая, причем принципиально важная, археологическая информация или она была представлена в виде случайных и зачастую непредставительных выборок. Одна из задач нового издания - усиленное преодоление этого барьера, носящего двусторонний характер. В той же мере, в какой Запад оставался почти в неведении о бескрайнем море новой археологической информации, исследователи, работающие на территории бывшего Советского Союза, ныне Союза независимых государств, весьма выборочно и, как правило, с большим запозданием были информированы о западной печатной продукции. Обычно не менее двух лет проходило от издания книги за Западе до ее поступления в библиотеки Санкт-Петербурга или Москвы. Работники научных учреждений и музеев других городов узнавали о ней еще позже. Мы надеемся, что оперативное библиографическое обобщение иностранной литературы в данном издании поможет улучшению обмена информацией и в этой сфере. По мере возможности "Археологические вести" будут стараться учитывать различные потоки информации - в области новых раскопок, в области печатной продукции, в сфере организации науки, в сфере движения идей. С последней целью вводится специальный раздел "Актуальные проблемы археологии". Мы надеемся, что наши авторы и читатели, объединяемые общими интересами мировой археологической

науки, будут способствовать утверждению в этой ее системе еще одной коммуникативной цепочки.

НАЛИМОВ, В. В., МУЛЬЧЕНКО, З. М. 1969. Наукометрия. Москва.

СТАРОСТИН, Б. А. 1980. Параметры развития науки. Москва.

УРСУЛ, Д. А. 1975. Проблемы информации в современной науке. Москва.

The "Flow" of Information in Archaeology

V. M. Masson

Archeology is one of the humanities which rapidly extend the amount of their information. According to some estimates, this amount doubles every 7 - 10 years. The inclusion of new information into the system of scientific information exchange is the main condition of its conversion into scientific information. The Institute of the History of Material Culture, the Academy of Sciences of Russia, is the initiator of the new journal entitled "Archaeological News". Its main aim is to favour the operative use of new information in archaeological research. It is obvious that such a publication can deal with preliminary information only, but we shall try to consider as much information as possible.

One more aspect of the problem should be pointed out. The Berlin Wall, dividing the natural capital of Germany for many years, was the peculiar symbol of a particular era. This "wall" tore, to some extent, the "flows" of information between the East and the West. Political, linguistic and psychological factors greatly promoted this sad phenomenon. As a result, there was either no new and moreover, especially important archaeological information in general works of West European and American archaeologists, or it was represented by occasional examples. One of the tasks of the new journal is the attempt to overcome this barrier. Western scientists were virtually ignorant of the great amount of new archaeological information from the former U.S.S.R. Also, archaeologists in the former U.S.S.R.: were informed about western publications rather perfunctorily and usually with great delay. As a rule, it took a book published in the West at least two years to year to get the libraries in St. Petersburg and Moscow. Scientists working at research institutes and museums received the information even later. We hope that the blitz review of foreign literature in this journal will help to improve the exchange of information in this sphere as well. "Archaeological News" will do everything possible to take different "flows" of information into account - in the fields of new excavations, published matters, the organization of science and new ideas. For the latter, a special section, "The Actual Problems of Archaeology", has been introduced. We hope that our authors and readers united by common interests in world archaeology, will promote the development of this journal and support it - one more communicative link in the system of archaeology.

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ**

ОРУДИЯ ТРУДА АРХАНТ-РОПОВ ИЗ ПЕЩЕРЫ АЗЫХ (АЗЕРБАЙДЖАН)

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

В настоящее время едва ли надо доказывать, что изучение артефактов нижнего палеолита на основе критериев одной лишь типологии доставляет скудную информацию об орудиях труда древнейших людей. Однако известно, что существуют и другие дополнительные методы распознавания палеолитических орудий труда и изучения их конкретного использования и функционального назначения. Наиболее надежным и результативным является трасологический метод. Трасологические исследования в археологии сейчас получили широкое развитие и увенчались замечательными успехами. В месте с тем, они носят неравномерный характер. Больше повезло археологическим материалам поселений энеолита, неолита и мезолита, из которых изучено много массовых коллекций орудий (Коробкова 1969; 1987; Anderson-Gerfaud 1983: 77-105). Инвентарь палеолитических поселений подвергался трасологическому изучению не так интенсивно, хотя в последние годы наметилось расширение исследований и в этой области (Щелинский 1974; 1975: 51-57; 1981: 53-58; 1983: 72-133; Казарян 1979: 98-110; Anderson 1980: 33; Anderson-Gerfaud 1981; Anderson-Gerfaud et Helmer 1987: 37-54; Beyries 1984; 1987: 55-62; Keeley 1980; Moss 1983; Plisson 1985). Однако, по-прежнему наиболее ограниченными и отрывочными остаются сведения о функциях орудий древнейших ашельской и олдовайской эпох нижнего палеолита. Это отчасти связано с неудовлетворительной сохранностью многих археологических находок этого времени. Тем не менее, первые трасологические исследования домустьерских орудий уже проводились и результаты их оказались вполне обнадеживающими (Щелинский 1981a: 63-67; Beyries and Roch 1982: 267-278; Keeley 1977: 108-126; 1980: 86-165; Keeley and Toth 1981: 464-465).

В последнее время мы провели функционально-трасологическое исследование полного комплекса изделий ашельской эпохи, связанного с пещерой Азых в Закавказье. Это один из немногих древнейших памятников нижнего палеолита, расположенный вне территории Африки.

Пещера Азых находится на юго-восточном склоне Малого Кавказа в Нагорном Карабахе. Она открыта в 1960 г. М. М. Гусейновым и исследуется им вместе с другими специалистами. В пещере обнаружено 7 одновременных слоев с культурными остатками нижнего палеолита: III слой (самый верхний) - начало мустьерской или конец ашельской эпохи (рисс-вюрм), V слой - среднеашельская индустрия (миндель-рисс и рисс) VI слой - раннеашельское время (гюнц-миндель и миндель), VII-X слои - содержат предметы, относимые к галечной культуре. Последние датируются поздним эоплейстоценом

(Гусейнов 1975: 31-104; 1985; Величко, Антонова и др. 1980: 20-35; Герасимов, Величко и др. 1981: 13-21).

Сохранность артефактов из пещеры неодинакова. Лучше сохранились изделия из V среднеашельского слоя. Находки в нем залегают в глинистых отложениях и это способствовало их в целом сравнительно неплохой сохранности. Данное обстоятельство привлекло наше внимание и мы выбрали для исследования материал именно из этого слоя. По данным М. Б. Сулейманова (Сулейманов 1986: 144), нижняя часть слоя формировалась при теплом климате межледниковья (миндель-рисс), а верхняя - в условиях начавшегося похолодания (рисс.) В слое зафиксирован ряд интересных структурных особенностей: очаги, скопление рогов оленей и овальная ниша - своеобразное хранилище с несколькими фрагментами черепов медведей, вероятно, культового назначения. Исключительно важной находкой в слое является фрагмент нижней челюсти самого ископаемого человека с переходными чертами от поздних архантропов к ранним палеоантропам. Надо отметить и такую примечательную особенность слоя, как обилие в нем костных остатков различных животных (Гусейнов 1985: 33, 38).

Нами изучена коллекция изделий, добытая раскопками М. М. Гусейнова с 1968 по 1983 гг., состоящая из 280 предметов. Изделия изготовлены из разного каменного сырья (Таблица 1).

Таблица 1

Сырье	Количество изделий	
Кремень	129	(46,1%)
Обсидиан	3	(1,1%)
Халцедон	2	(0,7%)
Окремненные породы	131	(46,8%)
Плотные крупнозернистые породы	15	(5,3%)
Всего	280	(100%)

По технико-типологическим характеристикам они весьма разнообразны (Таблица 2). Среди них четко выражены не только сформированные орудия, но и сколы-заготовки, а также производственные отходы от разных циклов обработки камня. Особенностью типологического облика комплекса является наличие в нем наряду с хорошими чопперами, чоппингами и рубилами, серии оригинальных двустороннеобработанных массивных обушковых орудий и большого количества разнообразных скребел.

Уже в ходе визуального осмотра материала были установлены явные свидетельства использования каменных орудий. Мы имеем в виду следы от работы орудиями, сохранившиеся на костях животных.

Следы эти оказались от разных рабочих действий. Связаны они не только со свеживанием и разделкой туш животных, но и намеренной обработкой кости орудиями. Так, исследование нами известного фрагмента черепной крышки бурого медведя с системой крупных нарезок на поверхности, найденного в скальной нише-хранилище в пределах слоя, убедили нас в том, что нарезки эти сделаны специально и нанесены по свежей кости. При этом поверхность кости предварительно выстругивалась и оскабливалась каменными лезвиями. Сами нарезки выполнены резанием с элементами долбления заостренным концом каменного орудия. Заслуживает также внимания упоминание М. М. Гусейнова (Гусейнов 1985: 57) о найденной им в этом слое трубчатой кости мелкого животного со следами сверления каменным орудием.

Надо отметить, что несмотря на неплохую в целом сохранность, многие из изученных каменных изделий все же не лишены некоторых повреждений. Однако поврежденность эта часто слабая и не разрушает полностью следы сработанности на орудиях.

В результате анализа с помощью микроскопов малого и большого увеличения (до 350 раз) в инвентаре слоя было выявлено 128 каменных орудий с достаточно выразительными

и информативными следами сработанности. Эти орудия в количественном отношении составили 45,7 % от всей изученной коллекции изделий. Большинство среди них (97 экз., 75,8 %) являются орудиями, оформленными вторичной обработкой. Меньшую часть образуют изделия, которые без трасологического изучения следовало относить к сколам-заготовкам, отходам производства и просто случайным предметам (например, гальки), ибо они не несут на себе следов дополнительной обработки. Степень выраженности следов сработанности различная. Примечательно наличие орудий с весьма сильным износом (рис. 4), свидетельствующим о продолжительности использования орудий и значительных силовых воздействиях на них при работе. Анализ следов сработанности позволяет констатировать, что каменная индустрия исследованного слоя содержит большое количество несомненных орудий труда. Причем для орудий характерен удивительно широкий спектр функций. Обращает на себя внимание разнообразие монофункциональных орудий труда, применявшихся для какой-то одной рабочей операции. Правда, степень оформленности вторичной обработкой и морфологическая законченность таких орудий весьма различная. Поэтому далеко не все они были орудиями специализированными для определенного вида работ. Вот, например, как использовались орудия основных технико-типологических категорий.

Таблица 2

Изделия	Количество изделий	
	(в скобках - со следами сработанности)	
Чопперы	9	(8)
Чоппинги	5	(5)
Многогранник	1	(1)
Рубила	6	(3)
Обушковые двусторонне обработанные орудия	6	(5)
Остроконечники-бифасы	2	(1)
Лимас бифасиальный	1	(1)
Клиновидное орудие-бифас	1	(1)
Долотовидное орудие-бифас	1	(1)
Зубчатое двусторонне обработанное орудие	1	(1)
Остроконечник	1	(1)
Скребла угловатые	11	(9)
Скребла двулезвийные продольные	6	(2)
Скребла однолезвийные продольные	20	(14)
Скребла диагональные	5	(4)
Скребла поперечные	9	(7)
Зубчатые орудия	15	(10)
Выемчатые орудия	2	(2)
Скребки	2	(1)
Проколки	3	(2)
Сколы с ретушью	25	(18)
Комбинированное орудие	1	-
Аморфные обломки орудий	7	-
Сколы без вторичной обработки	92	(21)
Гальки	14	(10)
Нуклеусы	22	-
Неопределимые обломки камня	12	-
Всего	280	(128)

Чопперы (9). Это были орудия в основном для обработки дерева-кости (рога). Из 8 чопперов со следами сработанности 7 являются монофункциональными. С учетом выполнявшихся ими операций, их можно определить как рубящие и рубяще-раскалывающие орудия. Специализированный характер чопперов, как будто, не вызывает сомнений. Вместе с тем, это не значит, что они не применялись для других функций. Имеется, например, чоппер со следами от разделки мяса и скобления шкур. На некоторых чопперах прослеживаются следы от работы орудиями в качестве отбойников.

Чоппинги (5). Монофункциональных орудий среди них 3. 2 орудия связаны с обработкой дерева-кости (рога) и определяются как раскалывающее орудие и орудие-клин. И чоппинг служил для обработки шкур (струг для шкур). Другие чоппинги полифункциональны. Отсутствие выраженной специализации у чоппингов наводит на мысль, что эти орудия были менее устойчивыми в морфологическом отношении и часто переделывались.

Рубила (6). Орудия со следами сработанности малочисленны (3). Эти рубила служили ножами для разделки мяса. Выделяются мясные остроконечные ножи и нож, совмещавший резание и рубку мяса ("рубак").

Обушковые двусторонне обработанные орудия (6). От рубил отличаются наличием обушка. 5 со следами сработанности. 4 из них служили для разделки мяса (3 являются мясными ножами, - мясным ножом типа "рубак"). Совершенно очевидно, что назначение этих орудий было в целом таким же, как у рубил. Только обушковое орудие применялось в качестве раскалывающего инструмента для обработки дерева-кости (рога).

Каковы были функции орудий на отщепках и пластинах? Обратимся к тем из них, которые представлены более или менее серийно.

Угловатые скребла (11). Из 9 сработанных орудий 4 являются монофункциональными: мясными остроконечными ножами (2), скребком для шкур и проколкой для шкур. Другие орудия данной категории полифункциональные.

Скребла однолезвийные продольные (20). Со следами сработанности 14 орудий. 7 монофункциональных. 4 из них - ножи для дерева-кости (рога), 3 - мясные ножи. Ориентация изготовления орудий прежде всего с целью использования их в качестве ножей представляется довольно отчетливой.

Скребла поперечные (9). Со следами сработанности 7 орудий, из которых 3 монофункциональные. Применялись они по-разному. Среди них есть мясной нож, нож для дерева-кости (рога) и проколка для шкур.

Зубчатые орудия (15). Из 10 орудий, определяемых по следам изношенности, 8 являются монофункциональными, использовавшимися в качестве скребков для шкур (5) и мясных ножей (3). Орудия предназначались для работы по мягким органическим материалам.

Отщепы и пластины с ретушью (25). Определимы 18 орудий. 17 из них монофункциональные: 7 были скребками для шкур, 5 - ножами для дерева-кости (рога), 3 - мясными ножами, 1 - проколкой для шкур и 1 - скребком для дерева-кости (рога).

Ясно, что несмотря на применение многих орудий на сколах в какой-то одной функции, намеренность изготовления их именно для установленных функций в большинстве случаев остается проблематичной. До некоторой степени специализированными были, пожалуй, лишь однолезвийные продольные скребла, которые особенно часто служили ножами, и зубчатые орудия, использовавшиеся как своеобразные скребки для шкур и мясные ножи. Однозначно можно говорить о полифункциональности многочисленных орудий в виде отщепов и пластин без вторичной обработки. Из 21 орудия такого рода со следами сработанности 19 оказались монофункциональными, однако, применявшимися для весьма разных функций.

Как бы то ни было, факты отчетливо свидетельствуют, что ашельские орудия труда отнюдь не были примитивными и исключительно полифункциональными, как их часто безосновательно оценивают. Орудия эти в массе своей, вне всякого сомнения, изготавливались осознанно и целенаправленно с учетом выполнения ими конкретных производственных функций. При этом в процессе производства орудий в должной мере учитывался фактор максимальной пригодности и эффективности их использования для работы. Такими орудиями труда в исследованном нами комплексе были, прежде всего,

чопперы, рубила, обушковые бифасы, однолезвийные продольные скребла и зубчатые орудия. Надо думать, это были формы орудий труда, закрепленные многовековыми традициями обработки камня.

Изучив функции орудий труда, обратимся теперь к самой домашне-хозяйственной деятельности ашельских людей, живших в пещере во время накопления V слоя. Деятельность эта отчетливо вырисовывается, если мы примем во внимание, прежде всего, состав производственных функций, в которых использовались исследованные орудия, и соотношения этих функций. Следует при этом оговориться, что выявленные соотношения тех или иных функций в силу многих причин конечно же являются приблизительными и, как представляется, отражают в основном тенденцию, общую направленность в распределении видов деятельности людей.

Какие же виды работ определяли хозяйственно-производственную деятельность ашельских людей в пещере? В общем плане их выделяется три: обработка дерева-кости (рога), обработка шкур и обработка камня (Таблица 3).

Таблица 3

Виды деятельности	Количество рабочих участков на орудиях со следами сработанности		Количество монофункциональных орудий	
Обработка дерева - кости (рога)	60	(39%)	39	(36,5%)
Обработка шкур	31	(20,1%)	28	(26,2%)
Обработка камня	13	(8,4%)	7	(6,5%)
Разделка мяса	50	(32,5%)	33	(30,8%)
Всего	154	(100%)	107	(100%)

Интересным и неожиданным оказался большой удельный вес в балансе производства на стоянке деятельности по обработке дерева-кости (рога). Важно при этом отметить значительное разнообразие рабочих операций, выполнявшихся орудиями. Показательно также и то, что среди последних много орудий монофункциональных, в том числе специализированных форм, однозначно свидетельствующих об интенсивной и разноцелевой обработке на стоянке материалов группы дерево-кость-рог. Заслуживает внимания весьма выраженный характер обработки шкур. На обработку камня непосредственно в пещере указывают, прежде всего, отбойники. Наконец, в орудиях труда хорошо проявляется и еще одна очень важная деятельность обитателей пещеры. Это разделка мяса, для которой использовались разные функциональные группы орудий, но в первую очередь ножи. Очевидно, что в пещеру люди приносили части туш убитых животных и здесь их потребляли.

Заканчивая краткое изложение результатов проведенных исследований, попытаемся ответить на вопрос, что же представляла собой стоянка архантропов в пещере Азых времени V слоя? К какому функционально-хозяйственному типу следует ее отнести? Полученный комплекс принципиально новых данных, касающихся функций и состава орудий труда, структуры и особенностей домашне-хозяйственной деятельности людей на стоянке, дает нам надежные основания для ответа на этот вопрос. Как нам представляется, все факты однозначно указывают на то, что перед нами остатки базового пещерного лагеря ашельских горных охотников, в котором осуществлялась многоплановая и разноцелевая деятельность, включая все стадии производства орудий труда. Складывается впечатление, что это было место обитания сравнительно небольшой общины охотников, которая периодически, возможно, в теплое время года покидала пещеру.

- ВЕЛИЧКО, А. А. АНТОНОВА, Т. В. ЗЕЛИКСОН, Э. М. МАРКОВА, А. К. МОНОСЗОН, М. Х. МОРОЗОВА, Т. Д. ПЕВЗНЕР, М. А. СУЛЕЙМАНОВ, М. Б. ХАЛЧЕВА, Т. А. 1980. Палеогеография стоянки Азых - древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Известия АН СССР: серия географии 3: 20-35.
- ГЕРАСИМОВ, И. П. ВЕЛИЧКО, А. А. ЛЮБИН, В. П. ПРАСЛОВ, Н. Д. 1981. Древнейшие люди в Европе и условия их обитания. Первые результаты совместных советско-французских исследований // Вестник АН СССР 10: 13-21.
- ГУСЕЙНОВ, М. М. 1975. Археология Азербайджана (каменный век). Баку: Азербайджанский Государственный Университет (на азербайджанском языке).
- 1985. Древний палеолит Азербайджана. Баку.
- КАЗАРЯН, Г. 1979. Об этноспецифичности функций мустьерских орудий // Вестник общественных наук АН Армянской ССР 9: 98-110.
- КОРОБКОВА, Г. Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Ленинград.
- 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Ленинград.
- СУЛЕЙМАНОВ, М. Б. 1986. Динамика развития природной среды юго-восточной части Малого Кавказа в позднем эоплейстоцене и в голоцене // Известия АН Азербайджанской ССР: серия наук о Земле 3: 138-147.
- ЩЕЛИНСКИЙ, В. Е. 1974. Производство и функции мустьерских орудий // Архив Института истории материальной культуры. Фонд 35, опись 2, Но. 2057, 2058.
- 1975. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // Краткие сообщения Института археологии 141: 51-57.
- 1981. Виды и использования каменных орудий из мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы-мустьерская стоянка на Среднем Днестре : 53-58. Москва.
- 1981 а. Следы от работы на кремневых орудиях из местонахождений Хряци в Михайловское (Северский Донец) // Краткие сообщения Института Археологии 1965 : 63-67.
- 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита : 72-133. Ленинград.
- ANDERSON P. 1980. A microwear analysis of selected flint artefacts from the Mousterian of southwest France // Lithic Technology IX (2) : 33.
- ANDERSEN - GERFAUD P. 1981. Contribution méthodologique á l'analyse des microtraces d'utilisation sur les outils préhistoriques. These de Doctorat. Université de Bordeaux I.
- 1983. A consideration of the Uses of certain backen and "lustrated" stone tools from late Mesolithic and Natufian levels of Abu Hureyra and Mureybet (Syria) // Traces d'utilisation sur les outils néolithiques du Proche Orient. Travaux de la Maison de l'Orient . 5:77-105.
- ANDERSON - GERFAUD P. et HELMER D. 1987. L'emmanchement oui Moustérien // Les main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques. Travaux de la Maison de l'Orient . 15: 37-59.
- BEYRIES S. 1984. Approche fonctionelle de la variabilité des différents faciés du Moustérien. Thèse de 3-e cycle. Université de Paris X. Mauferre.
- 1987. Quelques exemples de stigmates d'emmanchements observés sur les outils du Paléolithique moyen // La main et l'outil. Manches et emmanchements préhistoriques. Travaux de la Maison de l'Orient . 15 : 55-62.
- BEYRIES S. et ROCH H. 1982. Technologie et traces d'utilisation : application á des industries acheuléennes (carrières Thomas, Casablanca, Maroc) // Studia Praehistorica .2:267-278.
- KEELEY L.H. 1977. The Function of Palaeolithic Flint Tools // Scientific American. 237(5):108-126.
- 1980. Experimental Determination of Stone Tools Uses. Chicago and London : The University of Chicago Press.
- KEELEY L.H. and TOTH.H. 1981. Microwear polishes on early stone tools from koobi - Fora (Kenya) // Nature 293 (5832) : 464-465.
- MOSS E.H. 1983. The functional analysis of flint implements. Pincevent and Pont d'Ambon, two case studies from the French final Palaeolithic // British Archaeological Report. Oxford : International series 177.
- PLISSON H. 1985. Etude fonctionelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse des micro-usures : recherche méthodologique et archéologiques. Thèse présentée de l'Université de Paris I. Paris.

Tools of the Archanthrop from Azykh Cave (Azerbaijan)

V. E. Schchelinsky

Use-wear analysis, widely developed in archaeology, is the most reliable and effective method for distinguishing primitive tools. However, it has been applied mainly to the tools of the Mesolithic, Eneolithic, Neolithic, and Bronze Age. The functional study of Palaeolithic tools is rarely carried out. Very limited and scanty information is available on the functions of Acheulian and Oldowai tools of the Lower Palaeolithic.

The article considered the results of the functional-traceological study of the whole complex of Acheulian tools, connected with Azykh cave in Transcaucasia - one of the most ancient sites of the Lower Palaeolithic situated outside Africa. A collection of tools (280 items) from the Vth Middle-Acheulian layer formed in Mindel-Riss - at the beginning of Riss was studied. Bone remains of the Archanthrop were excavated in the layer. As a result of this analysis 128 stone tools with informative use-wear traces have been found in the layer with the help of microscopes with strong (up to 350 times) magnification. Most of them are tools formed by secondary treatment. The rest of the tools could be treated as blankspolls, waste material, without their use-wear study. The tools excavated are characterized by an exceptionally wide range of functions. There is a great variety of mono-functional tools, used to perform one labour operation. However, these tools are finished to quite a different degree.

Choppers. These tools were mainly used for the processing of wood and bone (horn). They are treated as chopping and chopping-splitting tools. Chopping tools. They were not specialized and were often altered.

Handaxes: the tools were used as meat knives Backed bifaces: differed slightly from handaxes as regards their function.

Crapers dejets: had various functions, mainly for the processing of skin butchering. Longitudinal scrapers single: mainly knives to cut various materials. Transversal scrapers: were used in different ways. Denticulated tools: used for the processing of skin and butchering. Retouched flakes and blades: these were different tools. It can be definitely stated that numerous tools, in the form of flakes and blades without secondary treatment were polyfunctional. However, the facts indicate that Acheulian tools were by no means primitive and exclusively polyfunctional as they are often treated. The study of the tools' functions throws light on the economy of the Acheulian people in the cave (a general trend towards the regulation of human activity). Of particular interest is an unexpectedly great share of activity on multi-purpose treatment of wood-bone (horn). The fact that stone was processed right in the cave is indicated by the discovery of hammerstones. Finally, the tools visually demonstrate how butchering was done. People brought parts of animal carcasses into the cave and cut them up there. The new data on the functions and the composition of tools and the structure and peculiarities of the economy, allows us to conclude that the Vth layer in the Azykh cave represents a base camp of Acheulian mountain hunters, engaged in a wide range of activities, including all stages of tool production. This was a habitation of a comparatively small group of hunters who may have left the cave periodically in the warm season of the year.

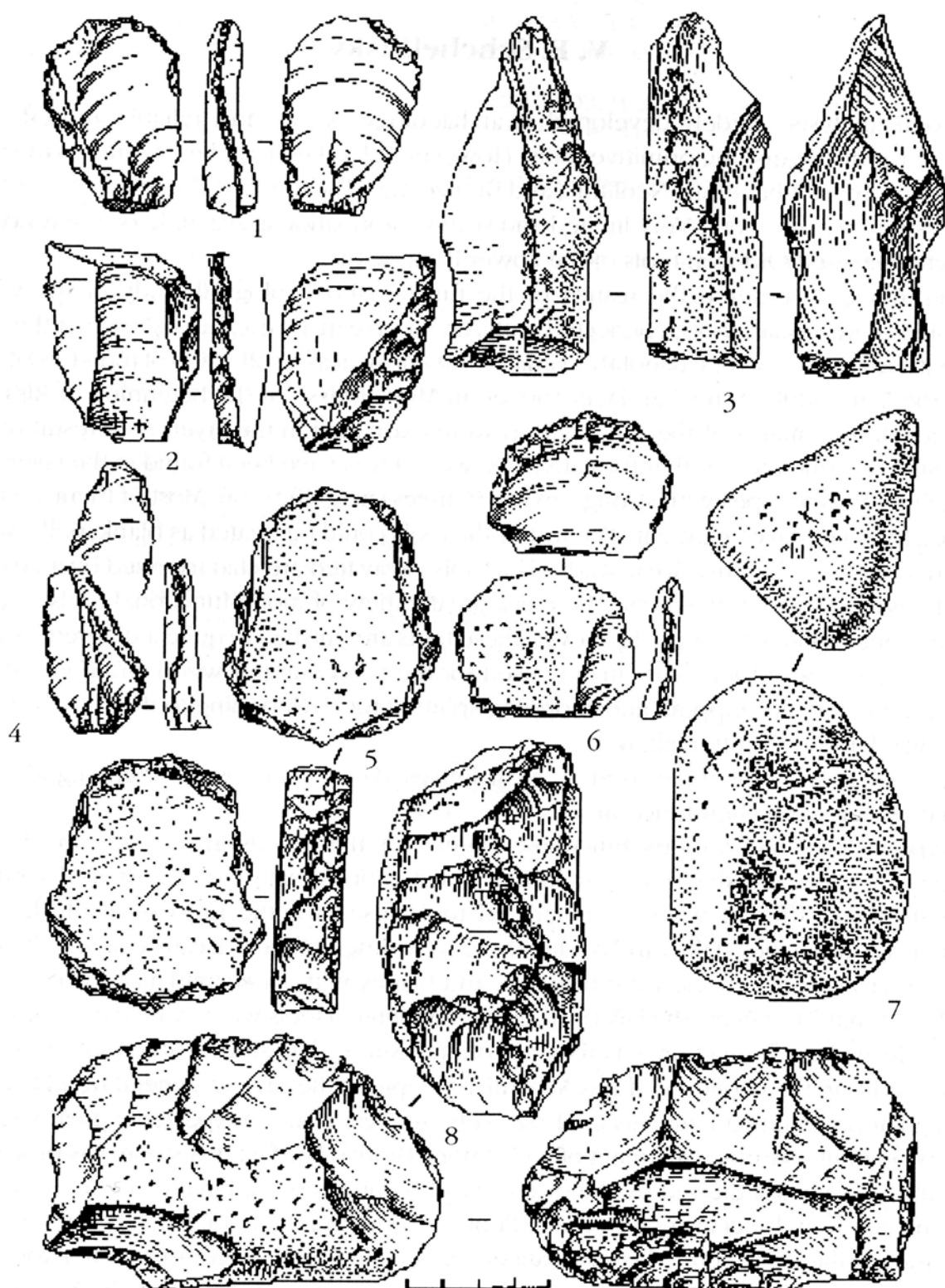

РИС. 1. Пещера Азык. V среднеашельский слой. Каменные изделия (1,4 - из кремня, 2,3,5,6,8 - из окремненной породы, 7 - из кристаллической породы):

1 - леваллуазский отщеп с поврежденными краями; 2,6 - зубчатые орудия с вентральной ретушью (2 - мясной нож, 6 - скребок для шкур); 3 - обломок гальки (скребок для шкур; следы сработанности см. рис. 4-2); 4 - отщеп с ретушью (скребок для шкур); 5 - скребок на плоской гальке (скребок для шкур, ретушер); 7 - галька (отбойник); 8 - обушковое двусторонне обработанное орудие (мясной нож - "рубак").

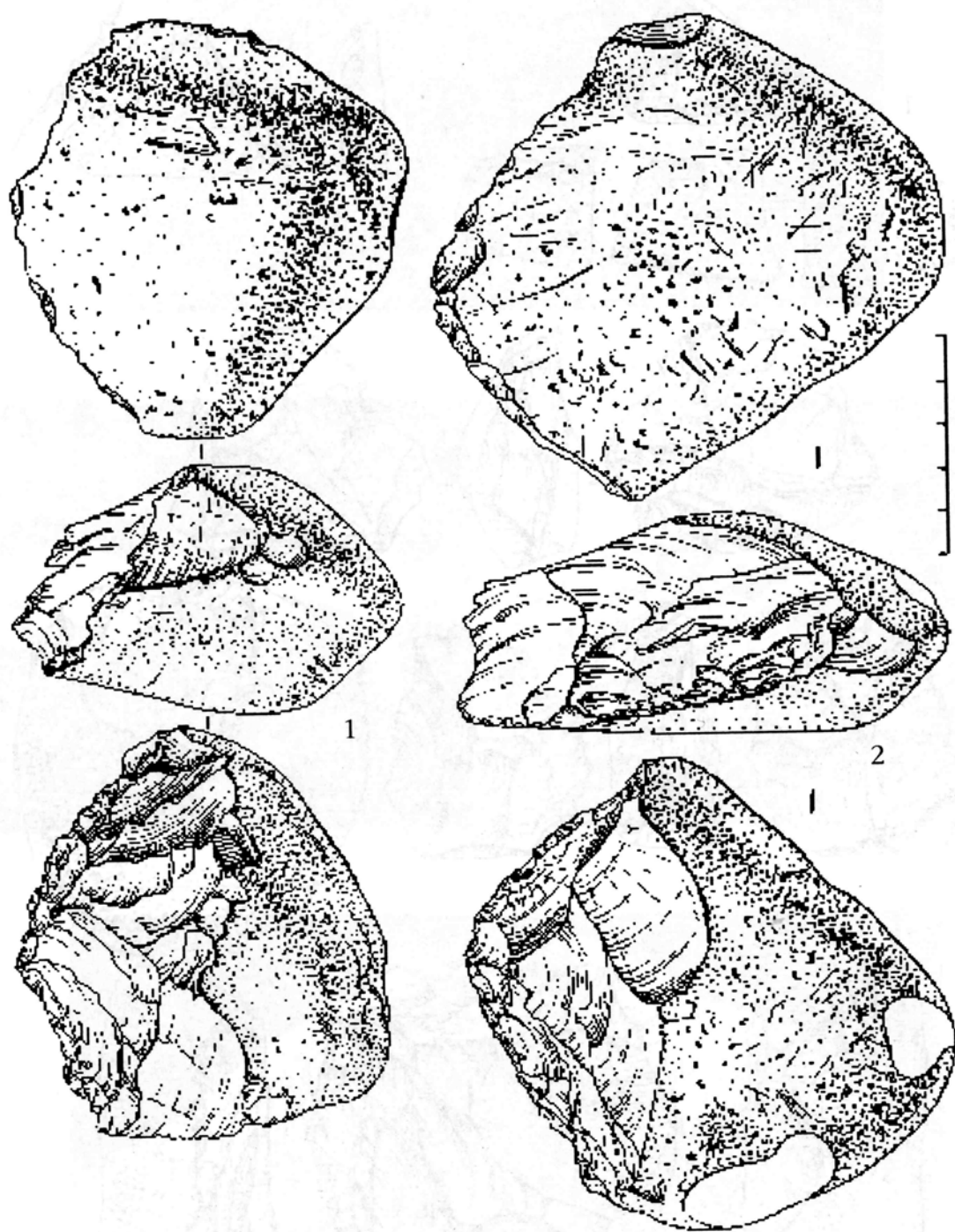

РИС. 2. Пещера Азых. V среднеашельский слой. Чопперы из кремненных пород:
 1 - рубящее орудие для дерева-кости (рога); 2 - рубящеразкалывающее орудие для дерева-
 кости (рога), отбойник (следы сработанности см. рис. 4-4).

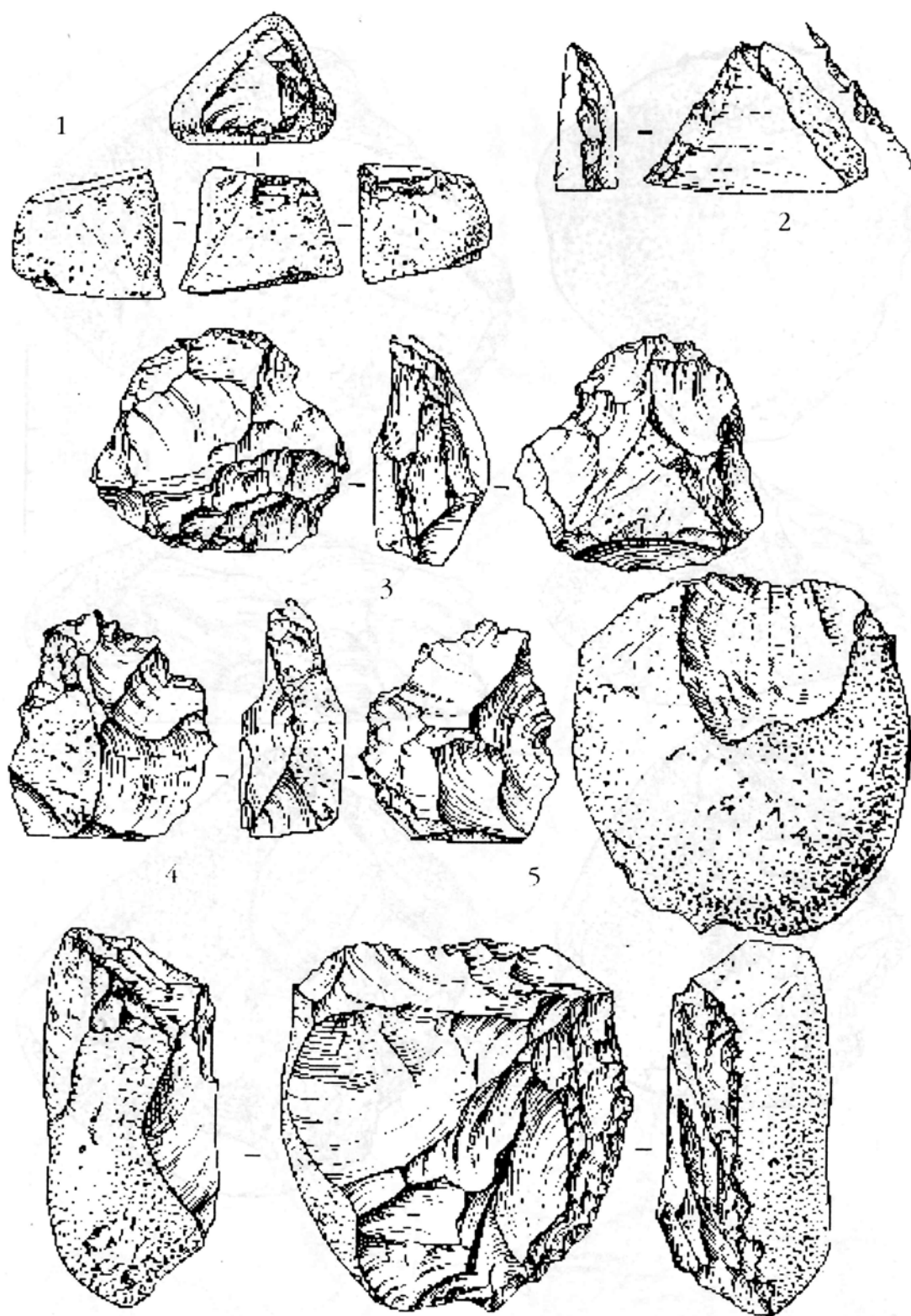
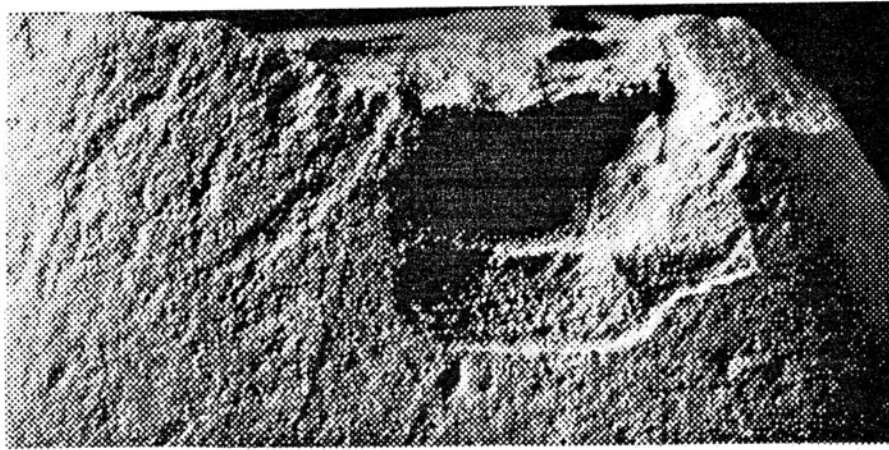
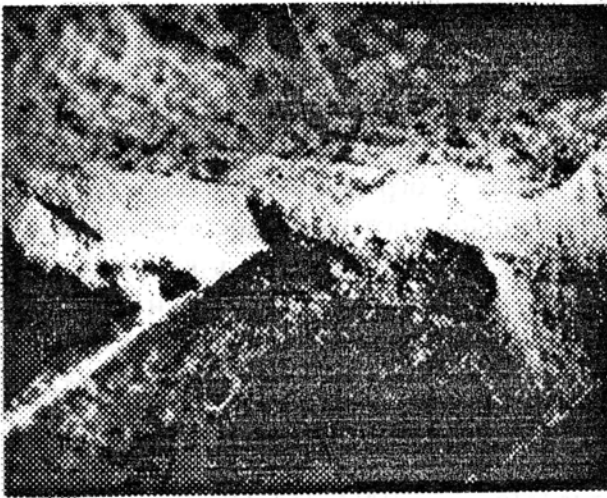

РИС. 3. Пенза А 5х, V среднеашельский слой. Каменные изделия из кремневой породы: 1 - обломок гальки с отбитым концом (обломок рубящего орудия для дерева-кости (рога); следы сработанности см. рис. 4-1); 2 - однолезвийное скребло (нож для дерева-кости); 3 - рубило (мясной нож); 4 - зубчатое двусторонне обработанное орудие (мясной нож); 5 - чопер-чопшиг (полифункциональное орудие для рубки, резания мяса, скобления шкур, рубки и обтески дерева-кости (рога), использовался и как отбойник (следы сработанности см. рис. 4-3).

1

1 CM

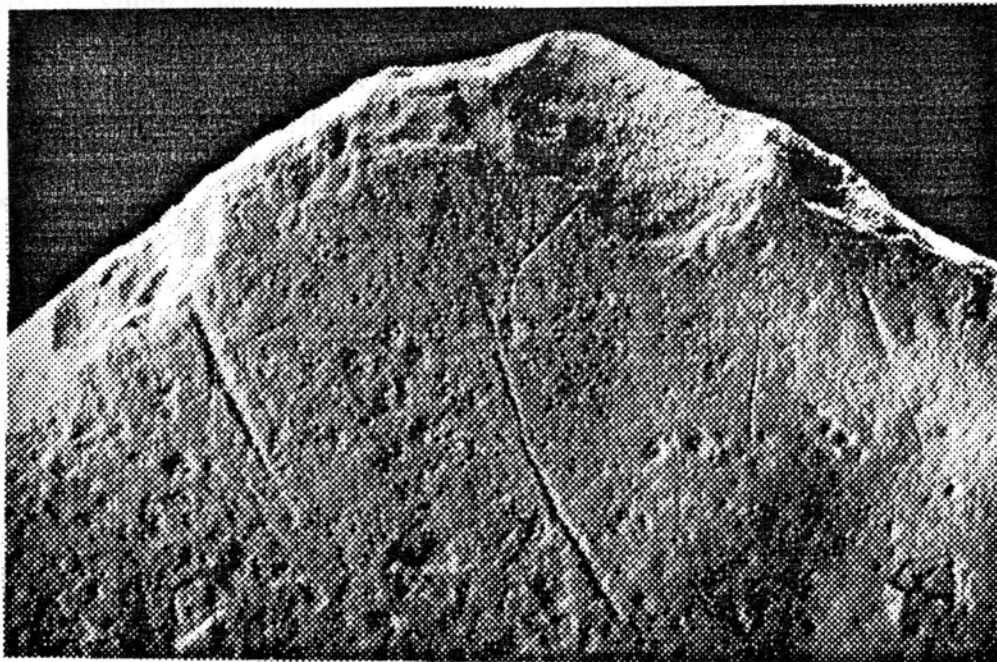
2

3 MM

3

1 CM

4

1 CM

РИС. 4. Пещера Азых. Следы сработанности на каменных орудиях труда из V средешельского слоя:
1 - на рубящем орудии для дерева-кости (рога) (орудие см. рис. 3-1); 2 - на скребке для шкур (орудие см. рис. 1-3); 3 - на отбойнике (орудие см. рис. 3-5); 4 - на рубяще-раскалывающем орудии для дерева-кости (рога) (орудие см. рис. 2-2).

О КЕРАМИКЕ ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Н. Д. Праслов

В истории культуры ископаемого человека имеются яркие феномены, которые вызывают постоянный интерес у исследователей ввиду огромной сложности их объяснения. К числу таких явлений относится, несомненно, потрясающее по силе своей выразительности верхнепалеолитическое искусство, которое появилось как бы вдруг в самом начале верхнепалеолитической эпохи более 30 тысяч лет тому назад и занимало важное место в жизни первобытных охотников на протяжении многих тысячелетий (Столяр 1985). Вторым примером может быть широчайшее, почти повсеместное распространение лука и стрел на рубеже плейстоцена и голоцена, т.е. около десятого тысячелетия, хотя их изобретение можно проследить в глубинах верхнего палеолита, по крайней мере около двадцать пятого тысячелетия (Праслов 1982: 232-235; Praslov 1982: 252). Подобная картина наблюдается и с керамикой. Появление её и широкое распространение считается одним из главных критериев выделения неолитической эпохи, пришедшей в Европе на смену мезолиту в конце седьмого тысячелетия. Знание основных признаков эпох мезолита и неолита настолько глубоко проникло в наше сознание, что мы психологически не готовы к правильной оценке наблюдаемых фактов, а зачастую и не видим их в процессе полевых работ, особенно, если они не столь выразительны, как глиняная посуда или глиняные фигурки животных и человека. Известные уже долгие годы находки обожженных глиняных фигурок в Дольни Вестонице и в Павлове в Южной Моравии (Klíma 1983: 134-154) рассматривались как уникальный частный случай. Но теперь, после открытия значительного количества хронологически верхнепалеолитических памятников, в которых найдены изделия из обожженной глины (рис.1), нужно несколько иначе смотреть на проблему изобретения керамики.

Толчком для сбора информации и подготовки этой статьи послужили находки обломков обожженных глиняных изделий в четком археологическом контексте в верхнем культурном слое Костёнок 1, который имеет дату по радиоуглероду около 23 тысяч лет.

Начиная с 1971 г. на Костёнках 1 приступили к систематическому планомерному исследованию второго жилого комплекса, расположенного по соседству с первым, исследованным П.П.Ефименко в 1930-е годы (Ефименко 1958). Первые два фрагмента хорошо промешанной и обожженной глины были найдены среди костного угля в большом зольнике, располагавшемся в центре жилой площадки между несколькими окружавшими его жилыми землянками. Эти два куса желто-палевого цвета оказались более плотными, чем почти не отличающийся по цвету и текстуре суглинок, вмещающий культурный слой. (Абрамова и др. 1974: 39). Признаков обжига в виде красноты не было.

Учитывая результаты многолетних предшествующих раскопок в Костёнках 1, мы не ожидали находок керамики, поэтому не были готовы к их восприятию. Возникали большие сомнения. Можно было предполагать самые разные варианты образования этих кусочков породы, в том числе и естественным путём. Потребовалось много времени, новые находки и тщательные аналитические исследования для признания того факта, что в Костёнках 1 палеолитические охотники использовали в быту промешаную и обожжённую глину, т.е. знали керамическое производство.

Вслед за большинством исследователей, занимающихся историей керамического производства, я называю находки в Костёнках 1 керамикой, а не просто обожжённой глиной. Термин "керамика" имеет более широкое понятие, чем глиняная посуда, хотя в археологической литературе этот термин употребляется обычно для описания горшков и их обломков. К керамике должно быть отнесено всё, что основано на использовании и переработке глины или суглинка путём моделирования и термической обработки - терракота, различного рода трубы и черепица, горшки и т.д. (Matson 1982: 19). Для керамического производства, очевидно, главным обязательным условием является разрушение первичной структуры сырья путём размачивания в воде и перемешивания, а также последующее высушивание и обжиг при искусственной температуре свыше 400°C . В таком случае при обжиге вода улетучивается из молекул глины или силикатов при 400°C и не восстанавливается при последующем увлажнении. Наши наблюдения показывают, что глины и суглинки с сохранившейся первичной структурой и подвергавшиеся обжигу, например, стенки очагов, при повторном увлажнении постепенно разрушаются, образуя конусы, характерные для естественных пород. Поэтому, с моей точки зрения, наряду с высокой температурой обжига, для керамики характерным признаком должно быть и разрушение первичной структуры, приводящее к изменению физико-химических свойств породы.

В настоящее время в Костёнках 1 собрано более 400 различных по величине кусочков керамики. В большинстве случаев они, по-видимому, являются обломками глиняной обмазки наземной части конструкции очагов. Это документально установлено в процессе раскопок. В 1988-1989 гг. мы приступили к изучению сплошной массы обожжённой глины на площади около четырёх квадратных метров, представляющей собой, возможно, развал какой-то глиняной печи, наподобие тех, которые известны в Дольни Вестонице (Klíma 1983: 61-77). Однако в настоящее время этот объект законсервирован с целью организации здесь комплексных работ с привлечением более широкого круга специалистов, поэтому выводы имеют предварительный характер.

На стенках многих фрагментов обожжённой глины из Костёнок 1 имеются отпечатки древесных прутьев (рис. 2-2), составлявших, вероятно, каркас каких-то сооружений, обмазывавшихся глиной. В этом случае обжиг имел непреднамеренный характер. В одном случае удалось зафиксировать положение комочков обожжённой глины в виде полукруга, образующих как бы стенку сосуда. Эта находка не связана с очагом и, возможно, представляет собой отдельную ёмкость из глины, намазанной на каркас и обожжённой - своего рода протогоршок. По этнографическим данным известно изготовление каркасных глиняных горшков, хотя и не очень распространённое. Возможно, попытки изготовления глиняных сосудов на каркасе послужили основой для изготовления в последующем настоящей глиняной посуды, получившей широкое распространение у охотников-рыболовов эпохи палеолита.

Из чётко моделированных форм в Костёнках 1 пока найден только 1 обломок плечевого пояса фигурки какого-то животного (рис. 1-1).

Поскольку возникло много вопросов относительно достоверности определения керамики в Костёнках 1, несколько образцов были переданы профессору А.Г. Черняховскому в Институт географии АН СССР, а также посланы в Смитсоновский

институт в Вашингтоне одному из лучших знатоков древнейшей в мире керамики доктору П. Вэндивер. Ими были использованы различные физико-химические методы изучения, включая петрографический, рентгеноструктурный и термогравиметрический анализы при помощи различной аппаратуры, в том числе и электронно-сканирующего микроскопа. Полученные этими исследователями независимо друг от друга результаты аналогичны, что позволяет использовать их для доказательства существования керамики в палеолите Костёнок.

Кроме керамики А.Г. Черняховский изучил серию образцов из толщи культурного слоя, а также образцы местной ледниковой морены и различного рода "белёсой обманки", часто встречающейся в культурном слое и связанной с какими-либо искусственными конструкциями.

Четыре образца керамики отобраны из одного квадрата 0-80 и были представлены комками красного, красноватого и желтоватого цвета.

По заключению А.Г. Черняховского образец красного цвета представляет собой плотную карбонатно-глинисто-песчанистую породу. В песчаной составляющей преобладают округлые и угловато-округлые зёрна кварца с заметной примесью кремнистых пород и калиевых полевых шпатов. В единичных зёрнах встречаются обломки известняков, кислых плагиоклазов, эшидота, а также пород, содержащих роговую обманку и биогенного происхождения. Преобладает фракция 0,1-0,35 мм., но встречаются зёрна до 1 мм. Цемент карбонатно-алевро-глинистый, базального типа, т.е. песчаные зёрна, погружённые в цементную массу, не соприкасаются друг с другом.

Среди карбонатных обломков биогенного происхождения нередко встречаются прямоугольные или конические формы, которые можно квалифицировать как известковые фитоолиты.

В алевритовой составляющей цемента угловатые зёрна кварца, калиевых полевых шпатов, роговые обманки, чешуйки мусковитовых и измененных биотитовых слюд, непрозрачные черные и обладающие красноватыми внутренними рефлексами рудные, органо-минеральные и органические частицы, редкая акцессория и т. п.

Глинистая составляющая представляет наибольший интерес. Она образована бурой в проходящем свете и белёсо-розовой в косом отраженном свете изотропной аморфизированной массой. Характерны ступени этой массы по периферии многих крупных обломочных зёрен. Такие "мёртвые" оптические свойства глинистой массы не свойственны природным объектам, но характерны для прокаленных глинистых препаратов. Полную аналогию оптических свойств глинистой массы описываемого образца А.Г. Черняховский находит в изученной им хорошо обожженной бесспорной керамике Дьяковского городища под Москвой.

Карбонатная составляющая цемента образована в основном эпигенетическими кристаллическими выделениями, связанными с циркуляцией вод после захоронения материала.

Второй образец по составу обломочной и цементной составляющей, а также по структурно-текстурным признакам аналогичен предшествующему, но отличается несколько более грубым составом. В нём встречаются угловато-округлые зёрна кварца размером 2,5-3,5 мм. Аморфизированная изотропная глинистая масса в косом отраженном свете имеет более густую красную окраску.

Третий и четвёртый образцы по всем характеристикам почти аналогичны первым двум. Однако в них заметно меньше примеси кварцевого песка. Среди карбонатных обломков много фитоолитов. Последние отличаются необычными оптическими свойствами. Они заметно менее прозрачны и окаймлены тонкой черной, слабо действующей на поляризационный свет каймой с красноватыми, внутренними рефлексами в косом

отраженном свете. А.Г.Черняховский полагает, что эта кайма обусловлена термической аморфизацией карбонатного материала.

Петрографический анализ этих образцов, по заключению А.Г.Черняховского, позволяет определенно говорить о том, что данный материал был термически обработан.

Суглинок, отобранный из слоя в непосредственном контакте с комочками керамики, дает совершенно иные характеристики. Он преимущественно известкового состава и представлен тонкокристаллическим материалом, собранным в мелкие округлые агрегаты при помощи небольшой глинистой добавки. Присутствие глины фиксируется по тончайшим оптически ориентированным оторочкам вокруг кварцевых и карбонатных зёрен. Всё это позволяет говорить о том, что материал для производства керамики приносился на стоянку со стороны.

В качестве примера была проанализирована морена, обнажающаяся в верховьях логов и оврагов и на водоразделе в районе Костёнок. Большинство характеристик этой морены совпали с характеристиками керамики. Отличия наблюдаются только в деталях. В морене нет карбонатных фитоцитов, нет красноватых органо-минеральных и органических примесей. Для объяснения появления в составе керамики органических примесей, особенно карбонатных фитоцитов, можно допустить версию о добавках в тесто, приготовленное из морены, золы древесных и травянистых растений. Нам приходилось наблюдать, что в качестве отощителя использовался также костный уголь и толченая кость.

Рентгеноструктурным и термогравиметрическим методом в сравнительном аспекте в лаборатории Почвенного института им. В.В. Докучаева профессором Б.П.Градусовым исследовалась пара образцов - типичная керамика и морена.

Анализ проводился на образцах в целом, а для керамики еще и на фазе, выделенной после разрушения карбонатной составляющей двухпроцентной соляной кислотой и отстаивания в течении 2-х часов. Рентгенодифрактограммы записаны на установке ХЦГ /Карл Цейс, Йенна, Германия/ с порошковых препаратов, а для фракции из керамики с препарата, приготовленного высаживанием частиц из водной суспензии на стекло. Термогравиметрический анализ выполнялся на приборе "Дериватограф-1500" (Венгрия).

По заключению Б.П.Градусова, образец морены (рис.3, кривая 3) состоит из кварца, который резко преобладает, полевых шпатов и кальцита (магнезиального кальцита), а среди слоистых, в том числе глинистых минералов, присутствуют гидрослюда, слюда-сметитовые смешаннослойные образования и каолинит.

В керамике (рис.3, кривая 2) также резко преобладает кварц, присутствуют полевые шпаты и магнезиальный кальцит. По содержанию характеристических рефлексов этот образец близок к морене, но в нем понижено количество слоистых силикатов, в особенности смешаннослойных слюда-сметитовых образований. Дифракционные пики отражений хлоритовой фазы и слюда-гидрослюдистой более острые, чем в морене. В двухчасовой фракции (рис.3, кривая 1) количество слоистых минералов повышено по сравнению с целым образцом. Однако и в этой фракции слоистые минералы дают более острые и четкие рефлексы, чем минералы из морены. Имеются особенности и в карбонатной составляющей: она в большей мере представлена разностями магнезиального кальцита.

По мнению Б.П.Градусова, между образцами керамики и морены имеются черты сходства и черты различия. Сходны соотношения породообразующих минералов: кварца, полевых шпатов, карбонатной составляющей. Различны количества слоистых и особенно глинистых минералов, в том числе смешаннослойных образований. Различна и структурная упорядоченность фаз. Глинистых минералов меньше в образце керамики, а структурная упорядоченность слоистых силикатов выше. Эти отличия могут

объясняться процессами глубокой деградации структур глинистых минералов и их разрушения, например, каолинита.

Важным подтверждением термических изменений образца керамики по сравнению с мореной является существенная противоречивость среднетемпературной части их кривых ДТА (рис.4). В среднетемпературной области в образце керамики эндотермических реакций дегидратации глинистых минералов нет совсем, тогда как высокотемпературная реакция синтеза новых фаз по глинистым минералам развита достаточно интенсивно. Это возможно только тогда, когда глинистые минералы прокалены при температурах более 550°C , но менее $900-950^{\circ}\text{C}$.

Для определения верхнего предела прокаливания существенно то обстоятельство, что карбонатная составляющая керамики сохранилась. Её распад происходит при температуре $775-940^{\circ}\text{C}$. Эта температура является указанием на верхний предел прокаливания. Таким образом, имеются определенные основания полагать, что образец керамики был подвергнут в древности обжигу или прокаливанию при температуре более 550° и менее $860-940^{\circ}\text{C}$. В связи с этим вспомним признаки начального разрушения карбонатов в керамике, отмеченные при петрографическом анализе.

В связи с новыми находками в Костенках следует, вероятно, вспомнить наличие обожженной глины в Тимоновской стоянке и в Гонцах.

При характеристике землянки, раскопанной в 1932г. в Тимоновской стоянке, В.А.Городцов писал: "Над очагом, в крыше, стояла дымовая труба, значительно осевшая вместе с крышей вниз внутрь землянки. Труба имела усеченную коническую форму высотой в 0,70 м и диаметрами: вверху в 0.60 м, а внизу в 1.10м. Труба была сооружена, вероятнее всего, из древесного каркаса (луба?), снаружи обмазанного глиной. От каркаса остатков не сохранилось, но глиняная уплотненная и как-будто обожженная обмазка сохранилась удовлетворительно (Городцов 1933: 43-44). В.А.Городцов был очень тонким наблюдательным исследователем и вряд ли мог ошибиться в определении обожженности породы. К сожалению, на этот факт, отмеченный им, не обратили внимания, а образцов не сохранилось. Исследователи палеолита не были готовы к признанию подобных фактов. Поэтому незамеченным осталось и указание И.Ф.Левицкого о глиняном перекрытии над одним из очагов в Гонцах (Левицкий 1947/1941/: 207).

В Дольни Вестонице и в Павлове в Чехо-Словакии собрано около 10 тысяч обломков фигурок животных и человека (рис.2: 3-7), в том числе знаменитая женская статуэтка. Анализы, проведенные П.Вэндивер, показали, что обитатели этих стоянок около 26 тысяч лет тому назад использовали в качестве сырья местный лесс. Все вещи после первичного моделирования проходили стадию обжига при температуре $500-700^{\circ}$ (Vandiver et al. 1989: 1002-1008).

Помимо Дольни Вестониц, Павлова, Пшедмости и Петржковице в Центральной Европе известно еще несколько находок керамики, в позднепалеолитических памятниках Цейков и Кашов в Восточной Словакии (Bánesz 1961:779; Bánesz 1986: 43). Два фрагмента из Кашова мне удалось лично изучить в Нитре благодаря любезности Л.Банеса. Оба они сильно отличаются от керамики из Дольни Вестонице и напоминают аналогичные находки в Костенках 1.

Замечательные открытия фигур животных в ряде позднепалеолитических пещер Южной Франции (Тюк д'Олубер, Монгеспан, Мас д'Азиль, Лабуиш) помимо искусствоведческого подхода для нас интересны только тем, что здесь в качестве материала использовалась глина (Méroc 1959: 18-25). Гораздо важнее вспомнить указание А. де Ферри о находке керамики в очаге стоянки Солютре, опубликованное в 1868г. (Ferry 1868: 211). На него, естественно, никто также не обратил внимания.

На востоке Европы находку керамики следует отметить в Каповой пещере на Урале. Здесь в культурном слое, имеющем возраст по радиоуглероду в 14 тыс. лет,

В.Е.Щелинский нашел глиняную округлую чашечку диаметром 6 см и со скругленным дном. Высота ее чуть более 2-х см, толщина около 6 мм. Она, по-видимому, вылеплена из местной пещерной глины и обожжена (Щелинский 1986: 201; Shchelinsky 1990: 188).

Оригинальная глиняная фигурка человека найдена С.А.Васильевым в многослойной Майнинской стоянке на Енисее. Она залегала в У культурном слое, имеющем возраст около 15 тыс. лет. Изготовлена она из тонкой алевритистой породы не местного происхождения. Имеет неравномерный красновато-коричневый обжиг. В качестве отощителя использовался крупнозернистый песок. Фигурка в профиль слегка изогнута, головка и конечности оформлены в виде округлых выступов (рис.2-8). По указанию С.А.Васильева, с лицевой стороны на туловище заметны следы сминания куска глины перед обжигом (Васильев, Ермолова 1983:72).

Особого внимания заслуживают открытия в Японии и на Дальнем Востоке. В местонахождении Зазараги близ Сендая на острове Хонсю найдена маленькая фигурка из обожженной глины (Мияги 1978: 1-122), иногда интерпретируемая как головка лошади (Vandiver 1990: 244-248). На ее поверхности имеются отпечатки пальцев, глазницы проткнуты круглой палочкой. Твердость от 3 до 4 единиц по шкале Мооса указывает на высокую степень обожжения. Радиоуглеродный возраст этой находки около 13 тыс. лет.

На территории Японии найдена и древнейшая глиняная посуда в плейстоценовых слоях древнейшего (или инициального) дзёмона. По данным японских ученых (Aikens, Higuchi 1982: 95-117), наиболее ранняя керамическая посуда появляется вначале на о.Кюсю, а чуть позднее в Сикоку и в центре Хонсю. Самая древняя керамика зафиксирована там вместе с микролитической каменной индустрией.

На протяжении дзёмонского периода керамика и кремень стилистически немного трансформируются, показывая прекрасную стабильность и непрерывность в культурной адаптации охотников-рыболовов-собирателей. Любопытно, что в начальном дзёмоне орнаментация керамики более разнообразна, включает несколько технологий (прочерчивание, отпечатки ногтей, веревочки и т.д.). Позднее она становится более стандартизированной (рис.2; 9-12). Для начального дзёмона имеется более 20 радиоуглеродных дат в интервале от 12,5 до 7 тыс. лет т.н. Наиболее важными памятниками являются стоянка Фукуи в 60 км к северу от г.Нагасаки на о.Кюсю, где в 3 и 2 культурных слоях найдена глиняная посуда с возрастом соответственно 12700 ± 500 и 12400 ± 350 , а также стоянки Семпукуджи на о.Кюсю, Камикуроива на о.Сикоку, Косегасава на о.Хонсю и стоянка Нацусима. В последней собрано около 10 тыс. фрагментов керамики, ее возраст - 9500 лет.

Изготовление глиняной посуды в 12-ом тысячелетии зафиксировано и в Северном Китае. Имеется сообщение о находках керамики в это время и на Дальнем Востоке нашей страны. В стоянке Гася на окраине с.Сакачи-Алян на правом берегу Амура ниже по течению от г.Хабаровска, по сообщению А.П.Окладникова и В.Е.Медведева (1983: 93-97), в нижнем культурном слое вместе с кремневыми орудиями, характерными для "осиновской мезолитической культуры", собрано немного керамики. Удалось собрать и восстановить плоскодонный "ведраобразный" сосуд высотой около 35 см (рис.2-13). Толщина его стенок - 1,5 см, в изломе черепок черного цвета плохого обжига, рыклый, расслаивающийся. Стенки сосуда орнаментированы вертикальными полосками, возможно, отпечатками тонкого шнура. Для культурного слоя, из которого происходит керамика, имеется радиоуглеродная дата 12960 ± 120 лет (АЕ-1781).

Перечисленные примеры указывают на то, что в различных регионах Евразии в разные отрезки времени эпохи верхнего палеолита первобытные люди в условиях оседлого образа жизни начали употреблять в быту глину, которую научились моделировать и обжигать. В Восточной Азии совершенно самостоятельно возник древнейший очаг по изготовлению настоящей глиняной посуды.

- Абрамова, З. А., Праслов, Н. Д., Рогачев, А. П. 1974. Костенковская экспедиция // Археологические открытия 1973: 39-40.
- Васильев, С. А., Ермолова, Н. М. 1983. Майнинская стоянка - новый памятник палеолита Сибири // Палеолит Сибири: 67-75. Новосибирск.
- Городцов, В. А. 1933. Исследование Тимоновской палеолитической стоянки в 1932 г. // Вестник АН СССР 6: 42-47.
- Ефименко, П. П. 1958. Костенки I. Москва-Ленинград.
- Левицкий, И. Ф. 1947 (1941). Гонцивська палеолітична стоянка // Палеоліт и неоліт України I: 197-247. Київ.
- Мняги, 1978. Отчет о полевых исследованиях на стоянке Зазараги I: 1-122 (на японском языке).
- Окладников, А. П., Медведев, В. Е. 1983. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Известия Сибирского отделения АН СССР 1: 93-97.
- Праслов, Н. Д. 1982. О времени изобретения лука // XI конгресс ИНКВА(INQUA) 11 : 232-233. Москва.
- Столяр, А. Д. 1985. Происхождение изобразительного искусства. Москва.
- Щелминский, В. Е. 1988. Раскопки в Каповой пещере // Археологические открытия 1988 г.: 201.
- Aikens, C. M., Higuchi, T. 1982. Prehistory of Japan: 95-117. New York: Academic Press.
- Báñez, L. 1961. Zlomok hlinenej plastiky z paleolitickej stanice v Kašove // Archeologické rozhledy XIII (6): 774-780. Praha.
- Báñez, L. 1986. Nález kostených predmetov na paleoliticom sídlisku v Cejkove // Archeologické výskumy a nálezy na Slovensku v roku 1985. Nitra.
- Ferry, H.de 1868. Note sur une figurine en pierre de l'age du Renne, trouvée dans la station de Solutré (Saône-et-Loire) // Revue archéologique, nouvelle série, neuvième année XVII.
- Klíma, B. 1983. Dolní Věstonice tábořiště lovců mamutů. Praha: Akademia.
- Matson, F. R. 1982. Archaeological Ceramics and the Physical Sciences: Problem, Definition and Results // Archaeological Ceramics, in J. S. Olin and A. D. Franklin (eds.): 19-27. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Méroc, M.L. 1959. Prémoustériens, magdaléniens et gallo-romains dans la caverne de Labouiche // Gallia Préhistoire II: 18-25. Paris.
- Praslov, N. D. 1982. On the time of the Invention of the Bow // XI INQUA Congress II: 252. Moscow.
- Shchelisky, V. E. 1990. Some results of new investigations at the Kapova Cave in the Southern Urals // Proceedings of the Prehistoric Society 55: 181-191.
- Vandiver, P. 1990. An investigation of some soft stone technologies of the Upper Palaeolithic in Eurasia. Ceramics and Pigments // Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America: 244-248. Novosibirsk.
- Vandiver, P. B., Soffer, O., Klíma, B., Svoboda, J. 1989. The Origins of Ceramic Technology at Dolní Věstonice, Czechoslovakia // Science 246 (24 November): 1002-1008.

Ceramic Production in the Palaeolithic Age

N. D. Praslov

The finds of fired clay statuettes from Palaeolithic sites in Czecho-Slovakia are well known. We have some reason to say that this phenomenon was spread even wider. Fragments of fired clay lamps were found at Kostenki-I settlement not far from Voronezh (about 23 000 B. P.). These finds show that Palaeolithic hunters used well puddled and fired clay. Over 400 pieces of fired clay of different sizes have been collected at Kostenki so far. The majority of these pieces must have been parts of a clay coating on the ground surface of the hearths. A section entirely covered by fired clay and occupying 3-4 square metres was examined at the site. These are likely to be the fragments of a ruined kiln similar to that found at one of the sites in Czecho-Slovakia (Dolní Věstonice). There are imprints of wooden twigs on the sides of many fragments of fired clay pieces. These twigs must have been parts of a frame-work of some construction coated with clay.

The analysis of the samples made in several laboratories has shown that the temperature of baking varied from 500 to 600-700 °C. for different samples. Large granular quartz sand was used as admixture.

A fragment of a ceramic animal figure was also excavated. These finds are one more illustration of the development of ceramic production in the Palaeolithic.

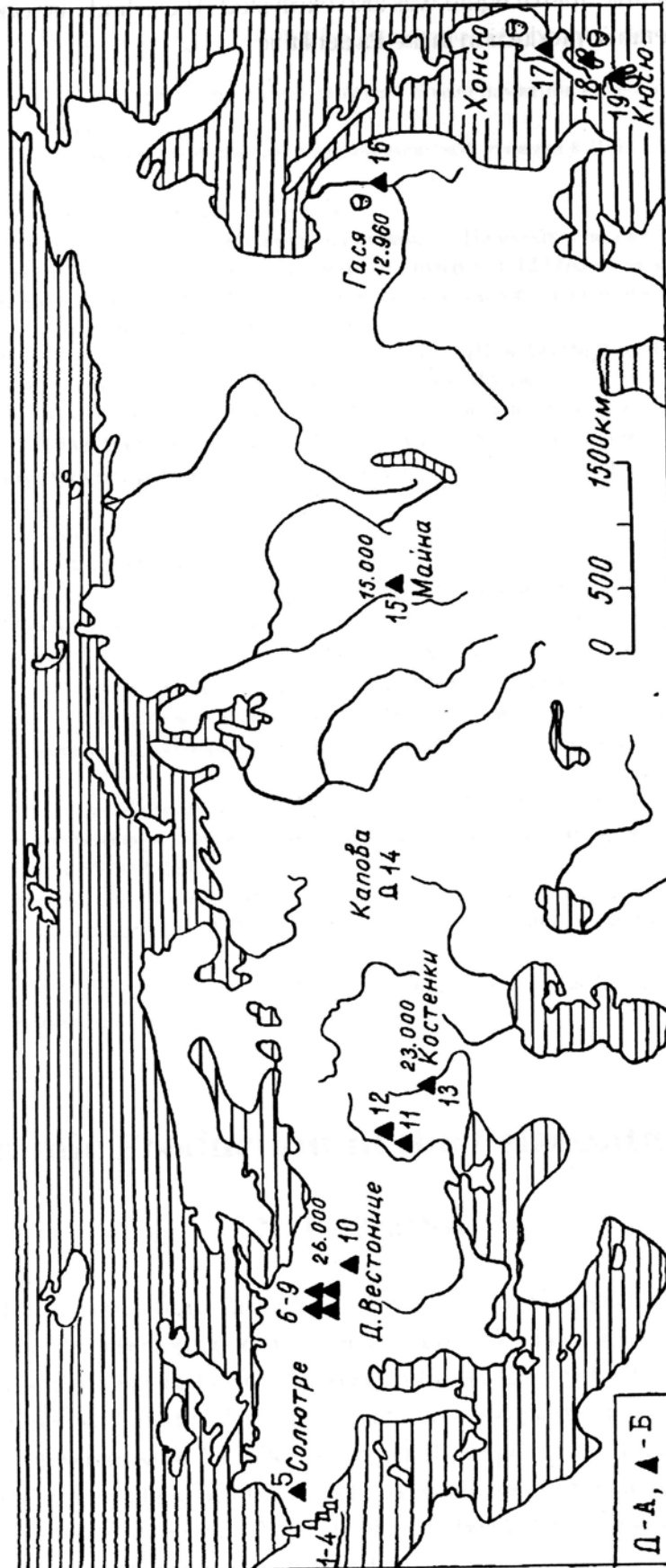

Рис. 1. Карта распространения археологических памятников эпохи верхнего плейстоцена с находками керамики.

Условные обозначения: А - пещеры, Б - стоянки открытого типа. 1-4 - Монтеспан, Тюк д'Одубер, Мас д'Азиль, Лабуиш; 5 - Солютре; 6-9 - Дольни Вестонице, Павлов, Пшедмости, Петржковице; 10 - Цейков, Кашов 1; 11 - Гонцы; 12 - Тимоновка; 13 - Костенки 1; 14 - Капова; 15 - Майна; 16 - Гася; 17 - Зазараги, Натсусима, Косегасава, Исигоя; 18 - Камикуроива; 19 - Фуки, Созудан, Семпукуджи.

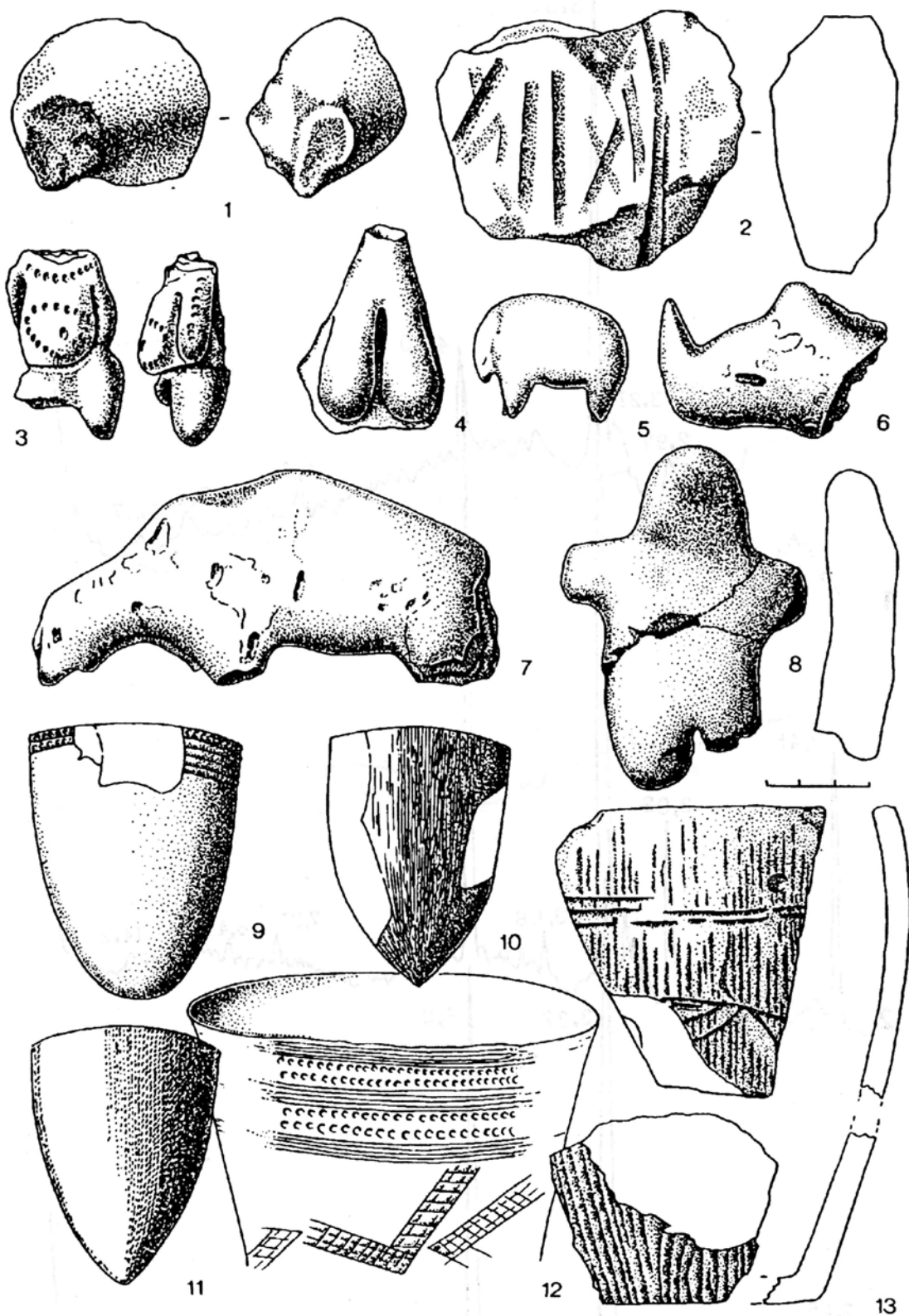

Рис. 2. Образцы керамических изделий: 1-2 - Костенки 1; 3-7 - Дольни Вестонице; 8 - Майна; 9-12 - сосуды из разных стоянок начального дземона в Японии (сильно уменьшено); 13 - обломок сосуда из стоянки Гася.

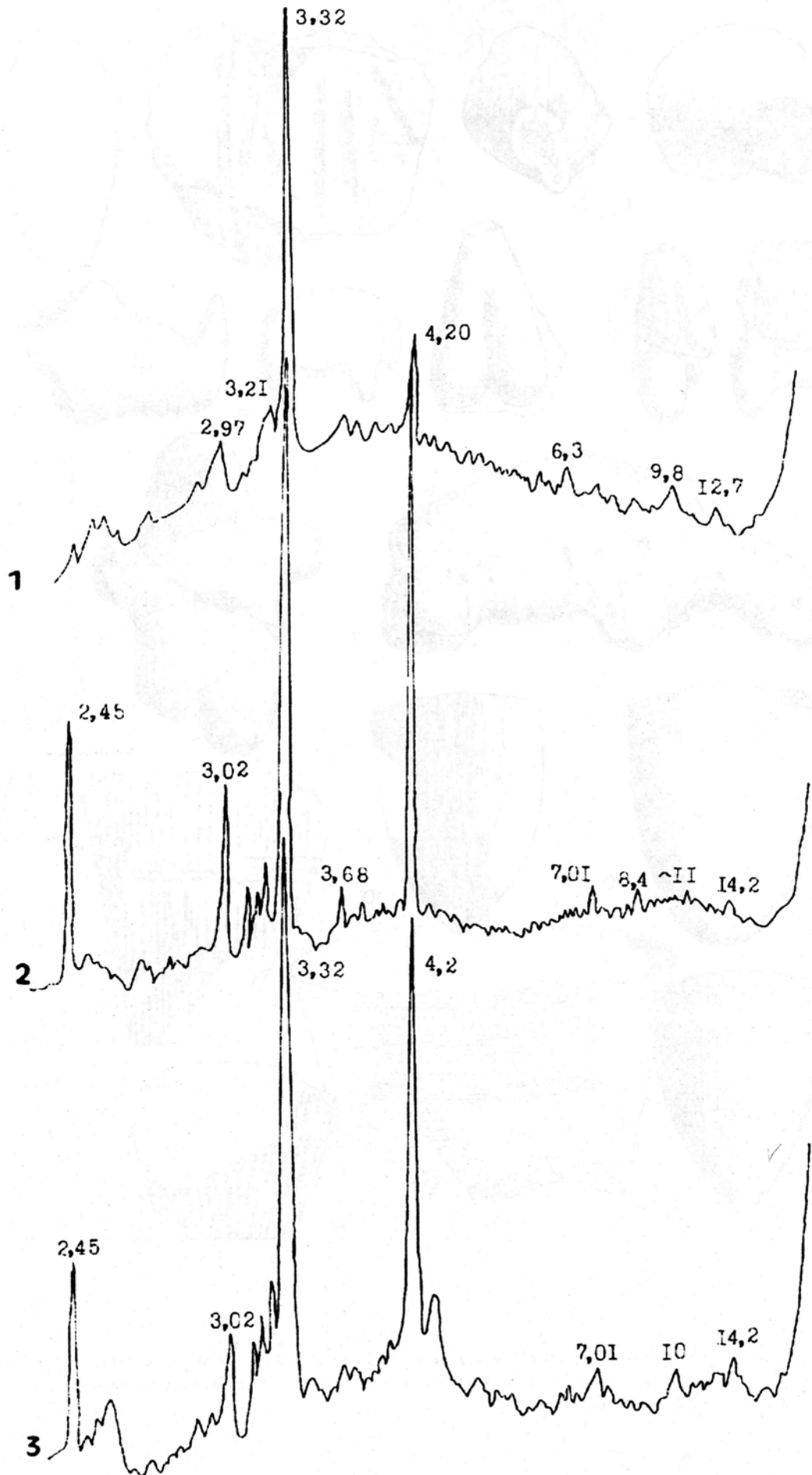

Рис. 3. Костенки 1. Рентгенодиффрактограммы образцов керамики (кривые 1-2) и морены (кривая 3).

ОТКРЫТИЕ МЕЗОЛИТА В ПРИПОЛЯРИОН ЗОНЕ АРКТИКИ

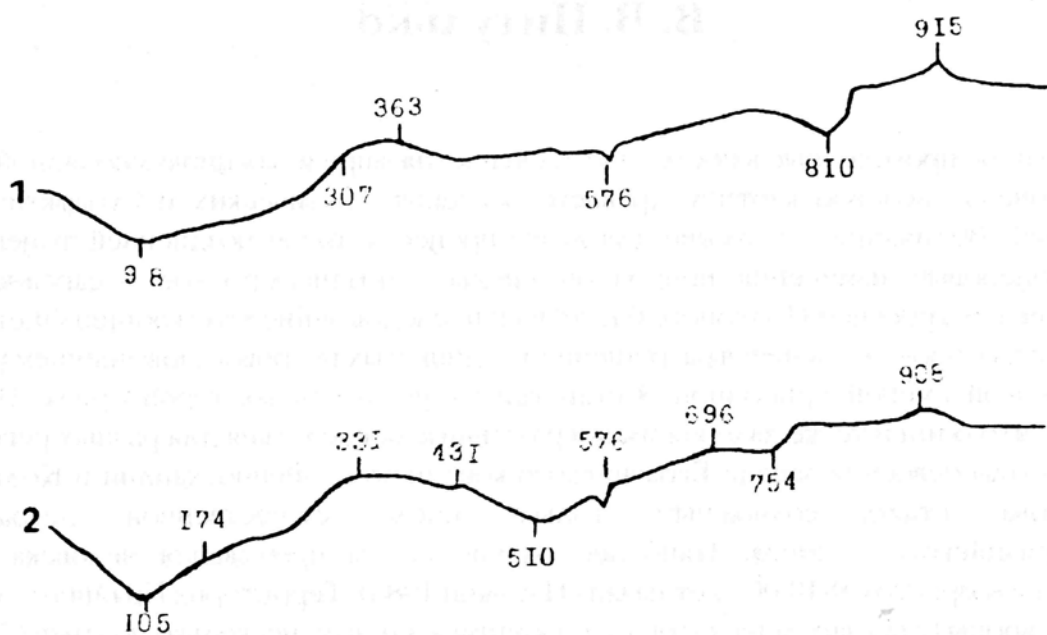

Рис. 4. Костенки I. Термограммы образцов керамики (кривая 1) и морены (кривая 2).

ОТКРЫТИЕ МЕЗОЛИТА В ПРИПОЛЯРНОЙ ЗОНЕ АРКТИКИ

В. В. Питулько

Исследования, проведенные в последние десятилетия в пределах циркумполярной зоны, выявили очень сложную картину древнего освоения Арктических и Субарктических территорий. Величайшее значение для этого процесса имели позднеплейстоценовые-раннеголоценовые изменения природной среды - позднеюрмское (сартанское) оледенение с регрессией Полярного бассейна и последовавшие затем общепланетарное потепление, сопровождавшееся разрушением ледниковых покровов, повышением уровня океана, резкой сменой природной обстановки на значительных территориях. Вполне очевидно, что одни и те же явления имели различные последствия для разных регионов.

Так, начало освоения запада Евразийского континента - Фенноскандии и Кольского полуострова стало возможным только после существенной деградации Североевразийского ледника. Наиболее ранние следы пребывания человека здесь датируются возрастом 9-10.000 лет назад (Шумкин 1988). Территория Крайнего Северо-Востока Европы была заселена, судя по имеющимся данным, несколько позднее (7-8.000 лет назад). Заполярные территории Западной Сибири и Таймыра, исследованные только в южной части, посещались примерно в это же время (Хлобыстин 1982). Близкая картина известна по результатам исследований на Американском Севере, где в течение длительного времени существовал Лаврентийский ледниковый покров, и на севере Канады, где наиболее ранние следы пребывания человека относят к моменту примерно 7.000 лет назад (Arnold 1982). С другой стороны, известен ряд пунктов преимущественно на Субарктических территориях, которые исследователи относят к позднему плейстоцену (McNeich 1959; Campbell 1963; Schlesier 1967). В то же время, известна точка зрения Д. Дьюмонда (Dumond 1977), согласно которой возраст этих комплексов не превышает 5.500-4.600 лет назад. Внутренние районы Аляски были обжиты носителями палеоарктической традиции 11-8.000 лет назад (Dumond 1977). Что касается высокоширотных, островных территорий Канадской Арктики, то их освоение стало возможным только после деградации Лаврентийского щита и относится к моменту 4-5.000 лет назад, когда на Севере Канады распространяются предорсетские культуры, а в Гренландии - индепенденс и саркак (Maxwell 1976).

Принципиально иная ситуация сложилась 18-20.000 лет назад на восточносибирском Севере, где вследствие разрастания североευропейских и лаврентийского ледниковых покровов произошло осушение значительной части современной шельфовой зоны, в пределах которой существовала обширная прибрежная равнина, включавшая в себя современные Новосибирские острова и остров Врангеля, уничтоженная голоценовой трансгрессией Полярного бассейна (Дегтяренко, Пуминов, Благовещенский 1982).

Субарктические и Арктические континентальные территории восточной Сибири, как об этом свидетельствуют результаты Ю.А.Мочанова, были обитаемы, вероятно, уже в позднем плейстоцене (Мочанов 1977), а следы позднепалеолитического населения фиксируются уже под 71° северной широты. (Стоянка Берелех с возрастом примерно 13.000 лет назад) (Верещягин, Мочанов 1972). Ко времени существования раннеголоценовой мезолитической сумнагинской культуры относятся уже весьма многочисленные памятники, выявленные как на территории Якутии, так и на Чукотке (Аргунов 1990; Кирьяк 1989). Известен также ряд материалов, относимых исследователями к палеолиту.

Вполне очевидно, что следы не только мезолитического, но и позднепалеолитического населения могут быть обнаружены в этом регионе на высокоширотных Арктических островах. Возможно, свидетельством позднеплейстоценового заселения человеком высокоширотной Арктики является скопление разбитых костей мамонта, носорога, лошади, обнаруженное Ю.А.Мочановым на одном из островов Новосибирской островной цепи (личное сообщение Ю.А.Мочанова).

Полученные в последнее время данные позволяют говорить о том, что уже в раннем голоцене острова Новосибирского архипелага неоднократно посещались группами мезолитических охотников, стоянка которых, бесспорно, являющаяся древнейшим памятником высокоширотной Арктики, была исследована в 1989-1990 гг. Возраст памятника определяет серия датировок, полученных по различным образцам органики: ЛУ 2432: 7870 ± 60 дерево; ЛУ 2433: 7860 ± 40 дерево; ЛУ 2499: 8020 ± 50 дерево; ЛУ 2502: 8790 ± 90 детрит (подстилающий горизонт); ГИН 6399: 8200 ± 40 дерево; ГИН 6400: 7930 ± 40 кость; ЛЕ 3527: 8563 ± 180 уголь; ЛЕ 4533б: 7940 ± 170 кость.

Поскольку к настоящему моменту опубликован ряд материалов предварительного характера, в которых освещены основные данные по топографии и стратиграфии памятника (Питулько 1991а; Pitulko, Makeev 1991), а также рассмотрены данные, характеризующие развитие природной среды региона в позднем плейстоцене - раннем голоцене (Питулько, Makeev, Самарский 1990; Makeev, Питулько 1991), представляется необходимым уделить наибольшее внимание вещественным материалам, которые благодаря вечномерзлым условиям залегания дают уникальную информацию о древней аборигенной культуре Восточной Арктики.

В результате частичного разрушения памятника некоторая часть материала переотложена в русле ручья. Коллекция, полученная в ходе работ, составляет около 1200 предметов, как собранных на поверхности, так и извлеченных при раскопках. Последние составляют большую часть. Это изделия из камня, кости и дерева.

Для производства орудий применялось разнообразное сырье - различные разновидности кремня, кремненые туфы, песчаники, халцедон, обсидиан (4 предмета). Обсидиан и немногочисленный кремень высокого качества являются, несомненно, импортом. В качестве местного сырья могут рассматриваться все его остальные разновидности, в первую очередь, коричневый кремень различных оттенков, гальки которого часто встречаются на острове. Изделия из него наиболее многочисленны. Обращает на себя внимание чрезвычайно малое количество первичных и полупервичных сколов. Повидимому, первоначальная обработка кремня производилась либо вне пределов памятника, либо на каком-то определенном участке. Техника обработки камня имеет ярко выраженный мезолитический характер: резко преобладают пластинки и микропластинки с правильной огранкой, как правило, фрагментированные. К микропластинкам относится 27, 4% пластинчатых заготовок, наибольшее количество принадлежит пластинкам и их фрагментам шириной до 7 мм. Пластины шириной свыше 9 мм представлены единичными экземплярами. Пластинки в целом относительно

короткие и широкие. В коллекции хорошо представлены разнообразные технологические сколы.

Пренуклеусы, нуклеусы и их обломки часто уплощенные, с плоскими или слабовыпуклыми поверхностями скалывания шириной 3-4 заготовки. Угол скалывания близок к 90° (рис. 1-3,4). Часто использовались треугольные в плане естественные уплощенные заготовки - плитчатые отдельности халцедона и кремня. Как характерный прием, можно отметить намеренное уплощение одной из боковых поверхностей пластинчатыми снятиями, произведенными с основной площадки. В процессе срабатывания нуклеуса отмечается сближение поверхностей скалывания, и на заключительных стадиях использования они иногда напоминают нуклеусы с круговой системой снятия.

Орудия представлены медиальными частями пластин с ретушированным краем (7 экз.), служившими, по-видимому, вкладышами.

Следует отметить, что из культурного слоя извлечено 21 экз. отщепов со шлифованной стинкой, полученных, вероятно, при переоформлении шлифованных орудий.

Было найдено также 4 обломка таких орудий, 2 из которых определимы: обломок пятки крупного орудия удлиненно-треугольных (?) в плане очертаний с эллипсовидным поперечным сечением и обломок (рабочая часть) полностью шлифованного долотовидного инструмента, имеющего следы переоформления в нуклеус. Целые орудия представлены только в подъемном материале, откуда происходят приостренно-обушковое тесло, изготовленное из плитчатой отдельности зеленокаменной породы, и долотовидный инструмент с односторонне-выпуклым поперечным сечением из черного кремнистого туфа, причем последнее получено в результате переоформления какого-то орудия, скорее всего, аналогичного. Оба орудия имеют пришлифовку рабочего края и обушка (рис. 1-5,6).

Орудия из кости и рога представлены в значительном количестве. За исключением небольшого числа отщепов, щепок и осколков (39 экз.), это в основном различные орудия и их обломки, отличающиеся высоким качеством обработки.

Кирковидные орудия из рога найдены в количестве 15 экз.: большую их часть составляют изделия из оленьего рога, различающиеся по весу и размерам. Для их изготовления использованы питанги рогов различного размера и крупные отrostки. Диаметр орудий 20-60 мм, длина 150-270 мм, причем последние, по-видимому, затачивались неоднократно. Длина большинства орудий 220-240 мм. Верхний конец орудия подготовлен для закрепления рукояти в обвязке. Отмечено 3 варианта оформления. Рабочий конец орудия имеет клиновидную заточку (рис. 2-1, 2, 3).

Кирковидные орудия из ископаемого бивня мамонта представлены в 13 экз. Судя по имеющимся фрагментам, использовались различные куски бивня. Самый крупный обломок (только рабочая часть орудия) имеет длину 268 мм. Длина большинства орудий 200-220 мм, диаметр использованных кусков - до 88 мм. Рабочий участок заточен чаще всего "на конус", но в одном случае имеется и клиновидное в профиль острие. Верхний конец орудий подготовлен для закрепления обвязок. По-видимому, орудия неоднократно подправлялись, и вследствие этого полностью сохранившиеся предметы выглядят непропорционально, рабочий участок составляет 1/2-1/3 общей длины орудия (рис. 1-8).

Большую часть коллекции составляют предметы охотничьего вооружения, целые и фрагментированные, Певкладышевые формы встречены в 4-х экземплярах. Два из них изготовлены из осколков стенки метоподий северного оленя и почти не имеют дополнительной обработки, два других - обломок трехгранного полированного костяного метательного наконечника и наконечник копья или пика с односторонне-уплощенным насадом, изготовленный из массивной (возможно, ископаемой) кости.

В коллекции широко представлены разнообразные вкладышевые орудия (табл.1; рис.1-2,7; 3-1,2,3,4,5,6; 4-1,2,3), намного превосходящие по численности все известные в пределах Средней и Восточной Сибири находки, относящиеся к тому же к различным эпохам (Козлов 1980, Федосеева 1968). В основном, это обломки орудий различного размера с 1 или 2 пазами (рис.3,4), хотя имеются и целые экземпляры, а также незаконченные и, напротив, переоформленные изделия.

Таблица 1

Тип	Материал оправы	Рог оленя	Кость	Бивень мамонта	Клык моржа	Всего
<i>Обоюдоострые:</i>						
- с трехгранным сечением		1	1	2		4
- с односторонне-выпуклым сечением		4	4			8
<i>Односторонние:</i>						
- с трехгранным сечением			2			2
- с односторонне-выпуклым сечением		2			1	3
- с уплощенным сечением			7	1		8
ВСЕГО:		7	14	3	1	25

Обоюдоострые (с двумя пазами) и односторонние (с одним пазом) представлены практически равным количеством изделий (соответственно 12 и 13). Для их изготовления были использованы осколки крупных костей, птанги рогов северного оленя, ископаемый бивень мамонта, клыки моржа. Последние весьма редки (3 экз.).

Обоюдоострые наконечники все крупного размера. Видимо, это наконечники пик и копий. Судя по имеющимся орудиям и их фрагментам, они изготовлены всего в 2-х вариантах: 1) массивные, с трехгранным поперечным сечением, из оленьего рога и бивня мамонта (рис.3-3); 2) односторонне-выпуклые в поперечном сечении с вогнутой тыльной поверхностью, появляющиеся в результате выскабливания губчатого заполнения рога или благодаря сохранению естественного сечения стенки кости (рис.3-1,2,5). Эти орудия менее массивны, чем первые. Их толщина колеблется в пределах 5-10 мм. Как правило, это крупные острия, достигающие в длину 368 мм, но, судя по пропорциям большинства обломков, размеры изделий в среднем составляли 240-280 мм. Пазы занимают 2/3 длины боковых сторон орудия и имеют глубину 3-5 мм при ширине 1,5-2 мм. Наконечники чаще всего симметричные удлиненно-приостренных в плане очертаний. Односторонне-приостренный насад, как правило, не имел дополнительной обработки. Следует отметить, декоративный элемент - прочерченную по продольной оси костяных (рис.3-1,2) и роговых (рис.3-4) орудий линию, иногда на ее месте оказывается естественная канавка на поверхности кости (рис.3-5).

Оправы вкладышевых орудий с одним пазом имеют заметно большее число вариаций. Помимо морфологических различий, они принадлежат к различным функциональным группам - среди них представлены как наконечники стрел, так и игловидные метательные острия, а также ножи (?).

1) Игловидные метательные острия. Имеют трехгранное поперечное сечение и различные размеры. Паз занимает 2/3-3/4 длины орудия при глубине 3-4 и ширине 2 мм. У первого из них вкладыши, сохранившиеся *in situ*, выступали из паза на 1,5 мм, у второго - на 2-4 мм (в момент находки в пазу находилось 8 вкладышей из кремня (6) и обсидиана (2), причем наиболее широкими были вкладыши, расположенные ближе к насаду).

2) Массивные наконечники копий с односторонне-выпуклым поперечным сечением из рога оленя (рис.1-7) и клыка моржа (рис.1-2) с сохранившимися *in situ* вкладышами. Общая длина орудий достигала, вероятно, 240-250 мм. Паз прорезан по левой стороне орудий, причем на наконечнике из моржового клыка он был пропилен на всю длину орудия. Глубина пазов 3-5 мм, ширина - 1,5-2 мм. Вкладыши из черного кремня

сланца выступают из них на 2-3 мм. Орудие, изготовленное из моржового клыка, имеет дополнительное оформление насада: для закрепления обвязки на нем прорезано 3 пары углублений (рис.1-2).

3) Орудия с односторонне-уплощенным сечением большей частью представляют собой оправы ножей (рис.3-6; 4-1,2,3). Они изготовлены из кости, сильно уплощены; основание прямо срезано. В трех из них сохранились *in situ* вкладыши, выступающие из пазов на 1,5-2 мм. Глубина пазов 3-4 мм, ширина - 2 мм. К этой же группе отнесены 2 фрагмента оправ, интерпретированные нами как наконечники дротиков. Описанные выше предметы являются в той или иной степени серийными изделиями. В ходе раскопок были сделаны также индивидуальные находки, в том числе - наконечник гарпуна и шило.

Наконечник гарпуна или, скорее, остроги, изготовлен из рога оленя, его размеры - 212x12x3-8 мм. Поперечное сечение - односторонне-уплощенное, слабовыпуклое; профиль - веретенообразный. Наконечник многозубый (по 8 зубьев с каждой стороны), с асимметричной расстановкой боронок. Расстояние между ними 10-12 мм, их высота 2-3 мм. Поверхность обстругана и заполирована. Клиновидный насад занимает половину изделия (рис.1-1). Шило изготовлено из толстого осколка массивной кости. Обозначена рукояточная часть, а острие плавно выведено от середины орудия.

Собрано также значительное число предметов из кости и рога, назначение которых неясно и серия рукоятей из оленьего рога, предназначенных для закрепления долотовидных и тесловидных инструментов, а также обычные для сибирских мезолитических памятников "колотушки" из рога оленя.

Найдено значительное число изделий из дерева. Назначение большинства из них неясно, но, тем не менее, в коллекции можно отметить фрагменты древков стрел, дротиков, "посуду" - емкости типа черпаков или ковшей и, наконец, крупный фрагмент нарточного полоза (длина 1110 мм) весьма совершенной конструкции: он имеет хорошо выраженный износ от внешнего края к внутреннему, гнездо для установки переднего копыла, прорези для укрепления обвязок. В сочетании с находкой костей черепа и посткраниального скелета собаки, а также с выявленным при раскопках ограниченным по площади пятном копролитов собаки (такие скопления возникают при содержании ездовых собак на привязи в летний период), находка позволяет предполагать наличие у мезолитического населения высокоширотной Арктики упряжного собаководства.

Анализ фаунистического материала, произведенный А.К.Каспаровым (табл.2), говорит о весьма своеобразной охотничьей специализации:

Таблица 2

ВИДЫ	Количество костей	Количество особей
Волк	3	1
Песец	8	1
Белый медведь	397	21
Морж	1	1
Ластоногие	4	2
Северный олень	450	20
Птицы	35	3
Собака домашняя	8	1
ИТОГО:	906	50

Основными объектами охоты, таким образом, являлись белый медведь и северный олень, добывавшиеся в примерно равном количестве.

Комплекс, исследованный на острове Жохова, имеет ряд специфических черт, заметно выделяющих его среди мезолитических памятников Восточной Сибири. Своим ярким обликом он обязан благоприятным тафономическим условиям, предопределившим сохранность материалов, обычно утрачиваемых (для многочисленных сумнагинских

памятников известны лишь единичные изделия из кости, отсутствуют предметы из дерева и т.д.). Спецификой комплекса является своеобразная микропризматическая индустрия расщепления, сочетающаяся с использованием полностью или частично шлифованных орудий. Для одновременных памятников сумнагинской культуры это не характерно (Мочанов 1977). Наконец, своеобразие комплексу придают особенности охотничьей специализации и вероятное использование такого важного элемента адаптационной системы, как транспортное собаководство.

Вопреки, а может быть, и в силу специфичности Жоховского комплекса, представляется затруднительным определение его места в системе северных восточносибирских мезолитических древностей (Питулько 1991 в), представленных почти исключительно памятниками сумнагинской культуры (Мочанов 1977, Аргунов 1990, Кирьяк 1989). На фоне последней "инородным телом" выглядят колымские сибердиковский и малтанский комплексы (Диков 1979). В Центральной и Восточной Чукотке донеолитические материалы представлены очень слабо. Вопросы генезиса и хронологии упомянутых культур являются в значительной мере дискуссионными. Неоднократно обсуждалась также проблема единства сумнагинской культуры (общности? традиции?), памятники которой располагаются на огромных пространствах с разнообразными природными условиями - от горнотаежных до арктикотундровых.

На современном этапе исследований жоховский комплекс может рассматриваться в системе сумнагинских мезолитических материалов. Сходство с ними проявляется в самых общих чертах, возможно, лишь вследствие принадлежности сравниваемых памятников к разным типам. Жоховский комплекс может быть интерпретирован, как своеобразная арктическая версия сумнагинской культуры. Возможно, в перспективе удастся выделить и другие варианты "сумнагинского" мезолита, отражающие адаптацию древнего населения к различным экосистемам Севера Восточной Сибири.

- Аргунов, В. Г. 1990. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск.
- Верещагин, Н. К., Мочанов, Ю. А. 1972. Самые северные в мире следы верхнего палеолита // Советская археология 3: 332-336.
- Дегтяренко, Ю. П., Пуминов, А. П., Благовещенский, А. Г. 1982. Береговые линии восточноарктических морей в позднем плейстоцене и голоцене // Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет: 174-185. Москва.
- Диков, Н. Н. 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Москва.
- Кирьяк, Р. А. 1989. Археология Западной Чукотки, Среднего и Нижнего Приколывья и некоторые вопросы этногенеза юкагигов. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ленинград.
- Макеев, В. М., Питулько, В. В. 1990. Новые данные о природных условиях в конце позднего плейстоцена - начале голоцена в высокоширотной Азиатской Арктике и времени ее заселения древним человеком // Доклады Академии Наук СССР 319 (2): 435-437.
- Мочанов, Ю. А. 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
- Питулько, В. В. 1991а. Древние этапы заселения Арктики: новые данные // Древние культуры и археологические изыскания: 6-10. С.-Петербург.
- Питулько, В. В. 1991б. На краю ойкумены каменного века // Природа 8: 56-59.
- Питулько, В. В. 1991в. Проблемы мезолита Севера Сибири (в связи с исследованиями на о. Жхова) // Проблемы историко-культурной среды Арктики: 112-114. Сыктывкар.
- Питулько, В. В., Макеев, В. М., Самарский, М. Б. 1990. Древнейшая стоянка в высокоширотной Арктике // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки 1: 259-261. Новосибирск.
- Хлобыстин, Л. П. 1982. О древнем заселении Арктики // XI Конгресс ИНКВА (INQUA) 1: 286-288. Москва.
- Шумкин, В. Я. 1988. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // Краткие сообщения Института археологии 193: 9-14.
- Федосеева, С. А. 1968. Древние культуры Верхнего Вилюя. Москва.
- Козлов, В. И. 1980. Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. Якутск.
- Arnold, Ch. 1982. Archaeology on the Northwest territories // Northern Perspectives 6 (4): 2-13.

- Campbell, J. M. 1963. Ancient Alaska and paleolithic Europe. Early Man in the West American Arctic // Anthropology papers of the University of Alaska 10 (2): 61-80.
- Dumond, D. 1977. The Eskimos and Aleuts. London.
- Maxwell, M. S. (ed.) 1976. Eastern Arctic Prehistory: Paleoeskimo problems //Memoires of the Society for American Archaeology 31.
- McNeich, R. S. 1959. Men out of Asia as seen from Northwest Yukon //Anthropology papers of the University of Alaska 7: 41-70.
- Pitul'ko, V. V., Makeyev, V. 1991. Ancient Arctic Hunters //Nature 349: 374.
- Schlesier, K. H. 1967. Senda Creek: report on archaeological survey on the Arctic slope of the Brooks Range // American Antiquity 32 (2): 210-219.

The Discovery of a Mesolithic Site in the Polar Region of the Arctic

V. V. Pitul'ko

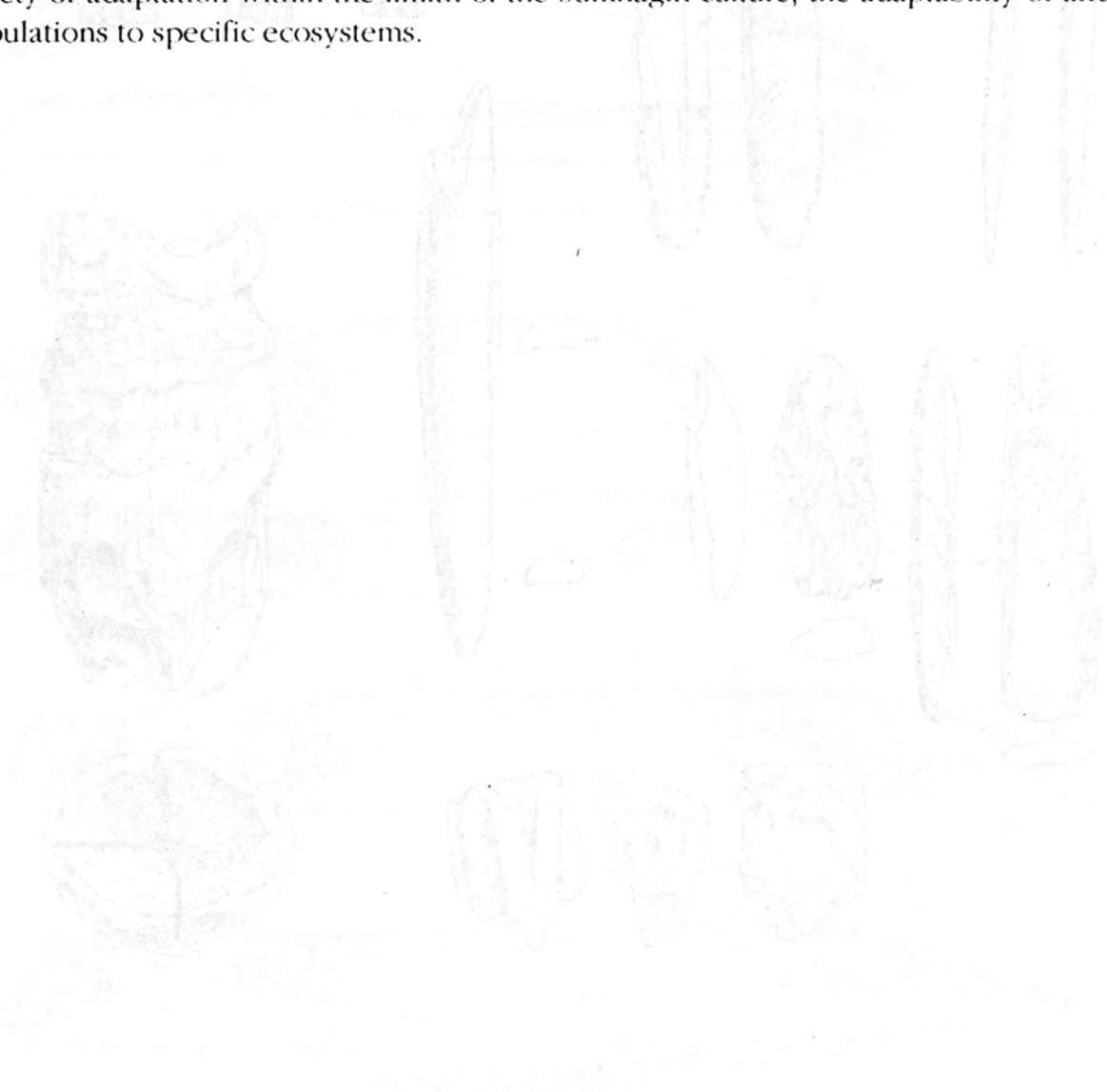
It is established that the settling of the Arctic and Sub-Arctic regions by man was by no means a synchronous process and depended mainly on natural factors. The exploration of a number of the territories, such as for instance, Northern and North-Eastern Europe and the American and Canadian Arctic could begin only after the degradation of massive ice sheets covering this territory in the Late Pleistocene epoch. This is the reason why the most ancient sites discovered on the Arctic coast of Canada are Pre-Dorset, while in Greenland - Independence and Sargaq (5000-4000 B.P.). The palaeogeographical situation in the Eastern Arctic was quite different. Here, due to the regression of the polar basin there formed the Arctic land which ceased to exist only in the Middle Holocene. Its relics are the islands in the High Eastern Arctic where the signs of not only Mesolithic but also Late Palaeolithic habitation can be found.

The fact that man inhabited these territories at least in the Mesolithic period is confirmed by the discovery of a Mesolithic site on Zhokhov Island (De Long Archipelago), investigated in 1989-90. This site dates back to the Early Holocene and represents the most ancient example of migration to the High Arctic known at present. (It is necessary to emphasize the fact that it is the High Arctic island that we discuss here, as both Early Holocene and Late Pleistocene sites are known in some Mainland territories of the Asiatic and American Arctic and Subarctic). The age of the site is determined by a series of radiocarbon data obtained from different samples in three laboratories (7870 ± 60 , Lu 2432 \pm ; 7860 ± 40 , Lu 2433; 8020 ± 50 , Lu 2499; 8200 ± 40 , GIN 6399; 7930 ± 40 , GIN 6400; 8563 ± 180 , Le 3527; 7940 ± 170 Le 4533 b). Of most importance is the sample Lu 2502 obtained on detritus from a buried deposit and dated 8790 ± 90 (Lu 2502). About 1100 items was collected during the excavations. They include numerous articles made of flint, bone, wood, various inset tools among them (mainly hunting implements), a bilaterally multibarbed "harpoon" head (fish-spear head), fragments of arrowshafts, household utensils and a fragment of a sledge runner. The latter find, together with the discovery of the bones of a dog and some other finds, may indicate that the ancient aboriginals of the island, used dog-traction, which is unexpectedly ancient for the Arctic. A characteristic feature of the Zhokhov complex is the combination of a perfect microprismatic blade industry of flint napping and an axe polishing industry which is usually discovered in later sites of Eastern Siberia. Specialization in hunting was also unique, as the population

economic basis was hunting these polar bear and reindeer. These were bagged in approximately equal numbers.

Zhokhov occupies a special place among the Mesolithic sites of Eastern Siberia due, to the discovery of various organic objects which are usually lost. In this sense Zhokhov is a source of unique information not only for the Eastern Siberia Mesolithic period.

In spite of having only some general features in common with finds of the Sumnagin Mesolithic culture, Zhokov island might be considered as the arctic version of the Sumnagin culture in Eastern Siberia, spread over vast territories with a great variety of natural conditions, ranging from mountains and taiga to arctic tundra. We think that the problem of the Eastern Siberia Mesolithic unity should be studied from this point of view. It is probable that scientists will soon manage to determine the archaeological indicators showing the variety of adaptation within the limith of the Sumnagin culture, the adaptability of ancient populations to specific ecosystems.

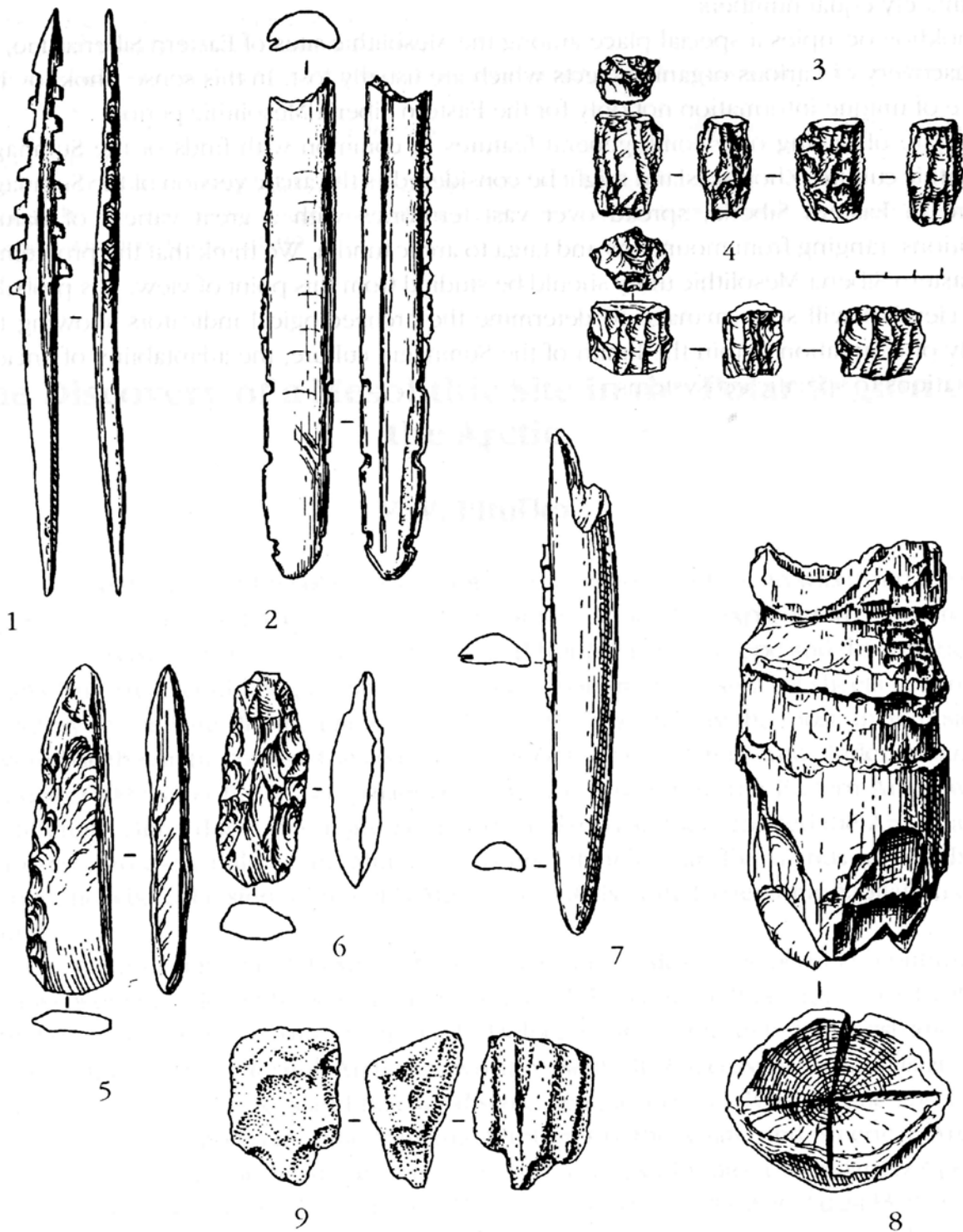

РИС. 1 Поселение на о. Жохова. Находки из культурного слоя (1-4; 7-9) и подъемный материал (5,6):

1 - гарпун; 2, 7 - обломок вкладышевого наконечника копья или пики; 3, 4 - призматические нуклеусы; 5, 6 - тесловидные орудия; 8 - кирка (?); 9 - абразив.

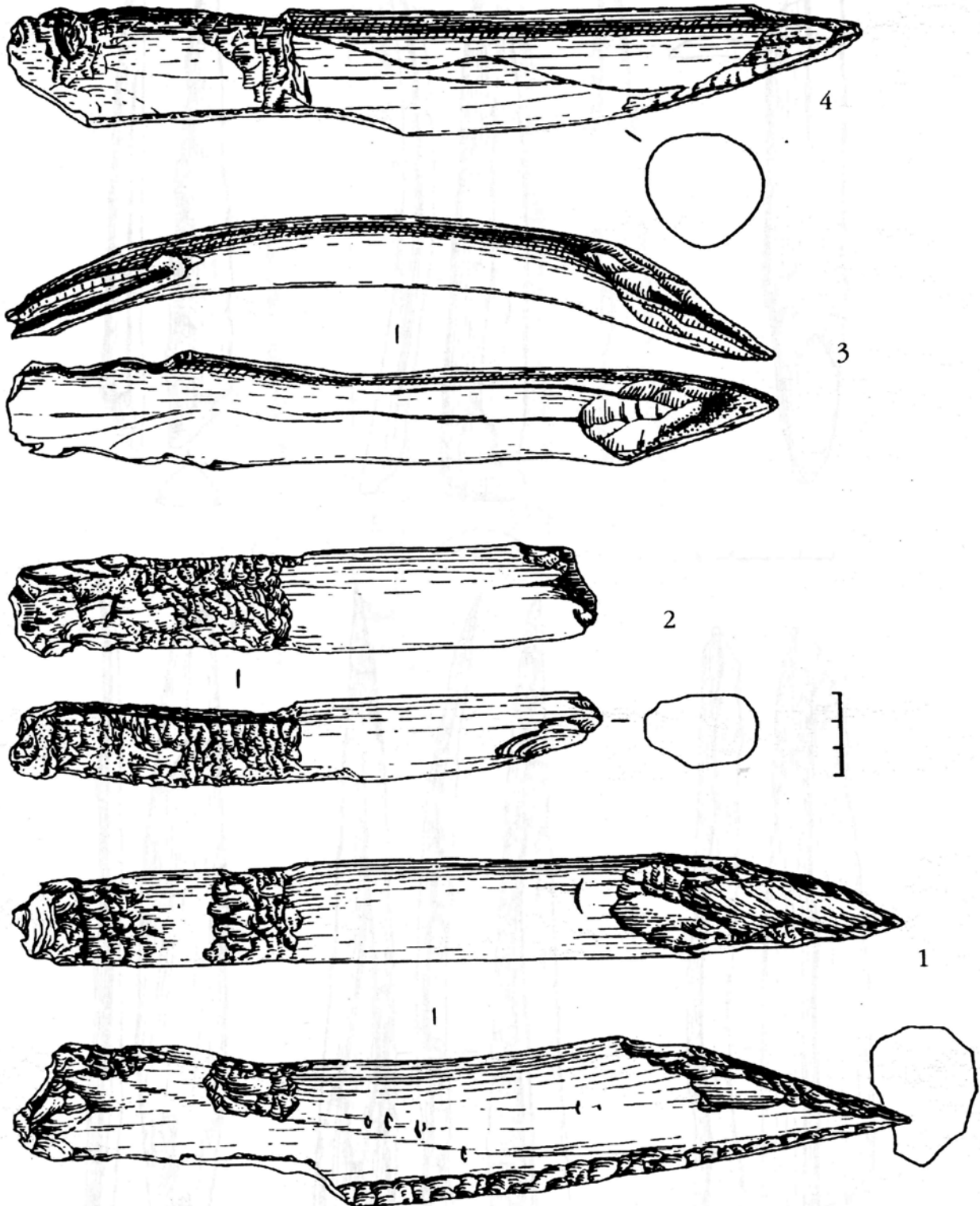

РИС. 2. Поселение на о. Жохова. Изделия из оленьего рога: 1-4 - кирковидные орудия.

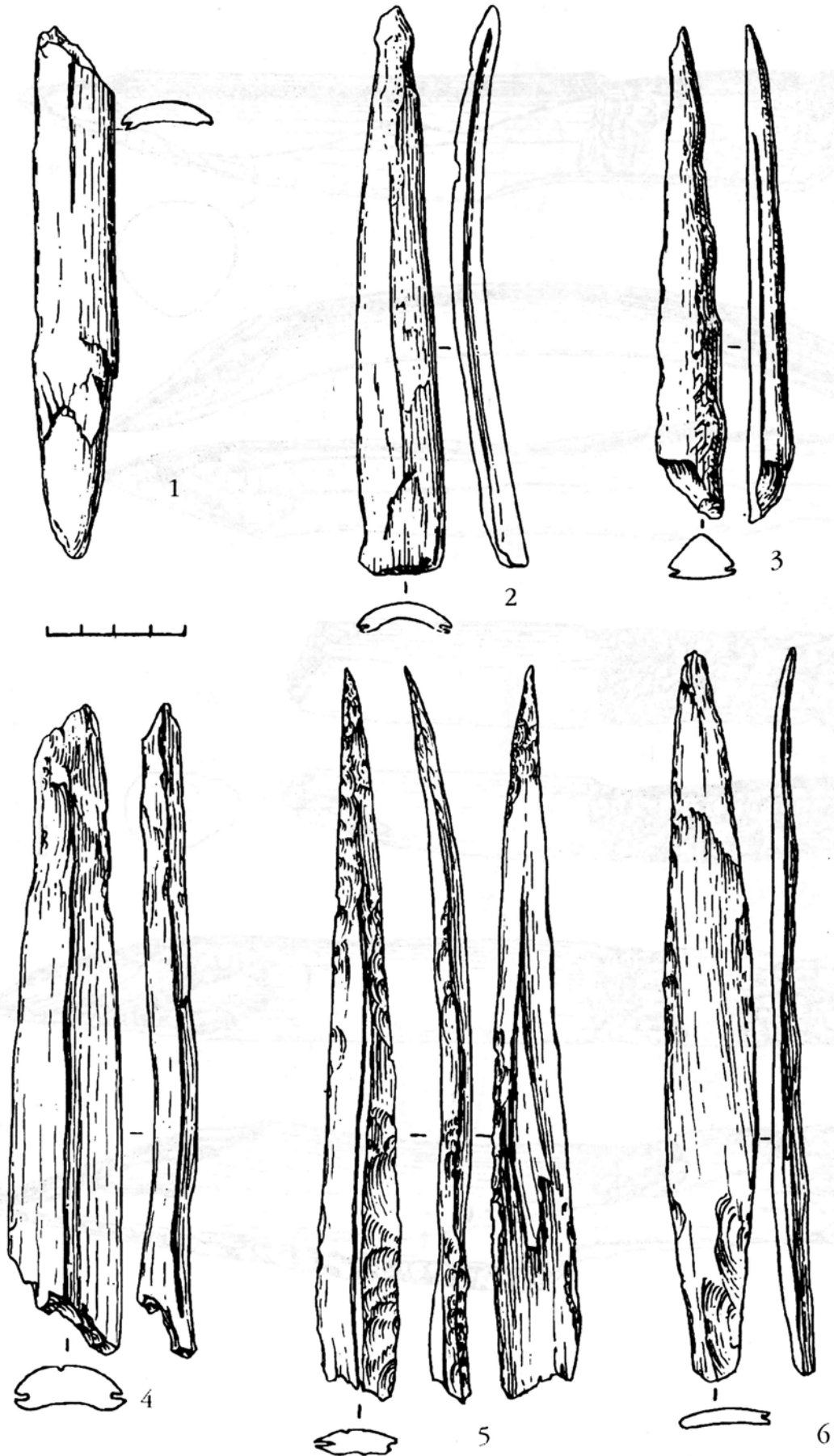

РИС. 3. Поселение на о. Жохова. Оправы обоюдоострых (1-5) и односторонних (6) вкладышевых орудий из рога (1,2,4), кости (5,6) и бивня мамонта (3).

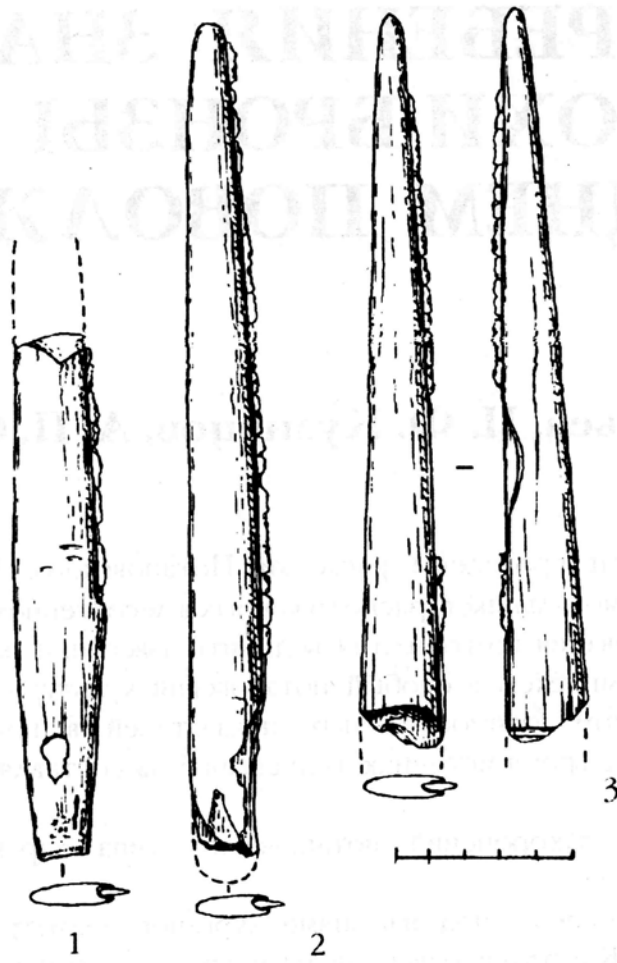

РИС. 4. Поселение на о. Жохова. Костяные оправы вкладышевых ножей с вкладышами *in situ* (1-3).

ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семенова

В 1985-1991 годах были проведены раскопки Потаповского, II Лопатинского и VI Утевского курганных могильников, расположенных в лесостепном Поволжье на р.Сок и р.Самаре. Эти исследования позволили объединить известные ранее в лесостепном Поволжье отдельные комплексы в особый потаповский культурный тип памятников, характеризующийся рядом взаимосвязанных показателей в погребальном обряде и инвентаре. В настоящее время источниковедческая база составляет 11 курганов и 80 погребений.

Погребальный обряд захоронений потаповского типа характеризуется рядом основных признаков (рис.1).

Все захоронения совершены под насыпями курганов диаметром от 24 до 30 м и высотой от 0,3 до 0,5 м. Как правило на подкурганных площадках выделяются большие центральные могилы (их может быть две-три), вокруг которых расположены кольцом периферийные захоронения в могильных ямах меньших размеров. Все ямы могут быть окружены узкими кольцевыми ровиками. Дно многих ям имеет обмазку темно-серого цвета. На подкурганных площадках и в центральных ямах расположены останки жертвенных животных - целые скелеты или черепа и конечности лошадей, бычков, мелкого рогатого скота и собак. В периферийных погребениях - часто встречаются отдельные части туш жертвенных животных: головы и конечности быков и мелкого рогатого скота.

В одной могиле (погребение 4, курган 6,VI Утевский могильник) зафиксирована сложная деревянная конструкция - под перекрытием из плах находились костяки двух лошадей, уложенных ногами друг к другу. Под костяками лежали доски с пропилами, на одной из коротких стен погребальной камеры обнаружены оттиски округлого предмета (колеса?). Возможно это остатки колесницы.

Костяки лежат на левом боку (преобладающее положение), правом боку и спине. Степень скорченности - слабая и средняя. Руки согнуты в локтях, иногда одна рука вытянута в направлении таза. В отдельных случаях обнаружены вторичные захоронения. Встречаются парные и коллективные погребения. Зафиксирован обряд положения двух костяков лицами друг к другу, при этом скелеты как бы обнимают друг друга (рис.2). В некоторых могилах дно и костяки посыпаны охрой. Центральные ямы ориентированы преимущественно на юго-запад. Ориентация периферийных ям зависит от кругового расположения могил. В нескольких погребальных камерах обнаружены ярусные захоронения; в насыпи верхней части ямы, над основным погребением расчищены расчлененные костяки взрослых или костяки детей.

В погребальных комплексах представлено несколько типов керамики:

1. Горшки с выраженным плечом в верхней трети сосуда. Их размеры варьируют от миниатюрных до высоких сосудов с большим диаметром горла и дна. В отдельных случаях фиксируется внутреннее ребро в верхней части венчика горшка (рис.2-2,6, 9,11;5-1,2,3,4; 6-12).

2. Горшки с плавной профилировкой тулова и отогнутым венчиком. Некоторые из этих сосудов имеют шаровидное тулово (рис.2-4,5,7,8; 4-19).

3. Банки (иногда с большим диаметром горла). Все сосуды орнаментированы. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда или только его верхнюю и придонную (иногда дно) части. Некоторые сосуды покрыты узорами, образованными сочетанием различных элементов орнаментации. В других случаях керамика украшена однообразно: елочный орнамент на тулове, заштрихованные треугольники, ромбы, зигзагообразные линии на шейке сосуда. Есть горшки, орнаментированные "уточками", перевернутыми "пирамидками" и заштрихованными зигзагами. Эти орнаментальные мотивы всегда входят в композиции. У нескольких сосудов на внутренней поверхности венчика имеются один-два желобка. В ряде случаев на дне зафиксированы отпечатки ткани. Группа сосудов, отремонтирована медными скобками (до 7 на одном горшке). Один горшок полностью окрашен охрой (рис.2-4).

Кроме керамики в захоронениях погаповского типа найдены богатые и разнообразные изделия из металла, камня, кости и рога. При раскопках курганов обнаружен 21 нож и 3 ножа-бритвы. Эту категорию изделий характеризует значительное типологическое разнообразие - маленькие ножи-бритвы, ножи-серпы, массивные ножи с костяными рукоятками (рис.3-1,2,3; 4-1; 6-1). Кроме ножей в погребениях найдены: долота, тесла, шилья, иглы, крючки, бляшки-накладки с пуансонным орнаментом, широкие желобчатые браслеты, полые височные подвески с несомкнутыми концами, желобчатые, округлые в плане подвески в полтора оборота, височные кольца, медные бусины. В одном погребении найдена серебряная подвеска из плоского в сечении прутка, в другом - золотая. Уникальными являются штыковидные изделия с крюком. В VI Утевском могильнике в кургане 6, погребение 4 найдено копьё (рис.4-20).

Одной из наиболее массовых категорий археологического материала являются кремневые наконечники стрел (67). В одном погребении может лежать до шестнадцати наконечников (рис.3-24). Они представлены несколькими типами: наконечники с выделенным черенком, бесчеренковые, с намеченной выемкой у основания.

В могилах обнаружено несколько оббитых камней (сколы валуного галечника), которые, вероятно, служили для заточки металлических изделий (рис.3-11).

В погребении 9 (VI Утевский могильник, курган 6) обнаружена рифленая алебастровая булава с четырьмя выступами (рис.6-14).

Во многих погребениях найдены бусины (металлические, фаянсовые, каменные). Особо следует отметить мелкие медные пронизки. Поскольку скопления бусин расчищены в области шейных позвонков, плечевых костей и костей ног захороненных, возможно предположение, что ими была расшита одежда умерших (рис.3-6,7,8,9).

Роговые дисковидные псалии и псалии с подтреугольной планкой найдены как правило только в центральных могилах при взрослых захоронениях (рис.4-7,8,9,18; 5-12,13; 6-9,10,11). В одном захоронении могло быть до четырех экземпляров псалий. Всего обнаружено 15 псалий. Обычно они имеют большое центральное отверстие и несколько дополнительных малых. Шипы могут быть как монолитные, так и вставные. Три псалия орнаментированы зигзагом и овальным меандром, причем на одном из них орнаментированы и шипы (миниатюрный крестик, вписанный в меандр). Эти псалии имеют аналогии по всей лесостепной и северной степной зоне Евразии (Синташтинский,

Староюрьевский могильники, щитковые псалии Северного Казахстана). Два роговых изделия условно отнесены к разряду псалиев.

Предметы из кости типологически разнообразны. Это наконечники стрел, плоские диски и цилиндры с центральным отверстием, бусины, трубочки, гребень, лопатки (рис. 3-5, 23; 4-6; 6-7).

Таким образом, на территории лесостепного Поволжья выделяется группа памятников, объединяемая единым комплексом погребального обряда и инвентаря. Эти памятники позволяют говорить о выделении особого потаповского культурного типа. Понятие "культурный тип" на данном этапе исследования используется в качестве рабочего термина. В настоящее время изучаемые памятники невозможно объединить в единую археологическую культуру, так как анализ показывает значительную близость этой группы с другими одновременными культурными образованиями лесостепи Волго-Уралья (Новый Кумак, Синташта, Петровка); (Зданович 1988; Смирнов, Кузьмина 1977; Генниг 1975: 94-95). В то же время, ряд специфических особенностей не позволяет считать изучаемую группу памятников вариантом этих культурных образований.

Выделение потаповских памятников в лесостепном Поволжье ставит перед исследователями целый ряд проблем, важнейшей из которых является проблема происхождения и дальнейшей судьбы населения, оставившего эти комплексы. Для ее решения обратимся к археологическим культурам, рассматриваемого региона, датирующимся досрубным временем.

Отдельные черты погребального обряда памятников потаповского типа аналогичны соответствующим признакам уральской абашевской культуры: небольшие земляные насыпи; могилы средних размеров; захоронения на уровне дневной поверхности; костяки, вытянутые на спине, вторичные и коллективные захоронения; подстилка на дне некоторых могил.

В Поттаповском могильнике представлен сосуд уральской абашевской культуры. Сходство потаповской и абашевской керамики проявляется в наличии сосудов подколоколовидных форм и аналогичных орнаментальных мотивов: фестоны, желобки, заштрихованные ромбы и треугольники. И там и тут сосуды изготовлены из глины с обильной примесью толченой раковины. В обеих культурах представлены металлические ножи с ромбической пяткой, крючки и пластинчатые орудия. Оба культурных комплекса имеют округлые желобчатые подвески в полтора оборота и браслеты абашевских форм, близки формы кремневых наконечников и стрелы костяных дротиков.

Потаповские погребения также близки захоронениям полтавкинской культуры по целому ряду показателей: простые земляные насыпи, кольцевые ровики под насыпью, могилы средних и крупных размеров, сложные внутримогильные конструкции, ступени-уступы, канавки по периметру дна могильной ямы, столбовые ямки на дне больших могил, подсыпка охрой и мелом, подстилки и покрывала на костях, положение погребенных на спине и на правом боку, восточная ориентировка. В инвентаре потаповских захоронений встречены отдельные полтавкинские сосуды: сосуды с уступчиком и зауженным горлом, орнаментация веревочкой, насечками, погтевыми вдавлениями и шагающей гребенкой. Для потаповских и полтавкинских памятников характерны ножи с прямыми черенками, слабо выраженными уступчиками и перехватами. В некоторых потаповских захоронениях доминируют полтавкинские признаки (обряд, инвентарь), в других они существенно дополняются собственно потаповскими чертами.

Вместе с тем потаповские памятники имеют специфические черты, отличающие их от комплексов абашевской и полтавкинской культур: наличие останков жертвенных животных под насыпью кургана (череп и ноги лошадей и быков); обмазка стен и дна могилы глиной, останки жертвенных животных (череп и кости ног мелкого рогатого скота в заполнении ям), западная ориентировка захороненных. Выделена специфическая

группа керамики, не имеющая аналогий ни в одной из упомянутых культур. Речь идет о посуде с трехчленным делением профиля, с внешним и внутренним ребром, с зональной орнаментацией, состоящей обычно из геометрических фигур (заштрихованные ромбы, треугольники, зигзаги), украшающих шейку сосуда и горизонтальных или вертикальных рядов елочек, покрывающих все тулово. В потаповских могилах обнаружены сосуды, починенные с помощью медных скобок, штыковидные металлические предметы с крюком. Только в памятниках потаповского типа известны роговые псалы с шипами.

В целом данная группа памятников по сложности погребального ритуала и исключительно богатому инвентарю не имеет аналогий в культурах средней и поздней бронзы лесостепного Поволжья. Вероятно эти захоронения являются погребениями персон особого социального статуса. Следует отметить, что в памятниках потаповского типа четко прослеживаются ведущие признаки как полтавкинской, так и абашевской культур, переработанные в соответствии с новой культурной традицией. Таким образом в лесостепном Поволжье на основе средневожской полтавкинской и абашевской культур оформился новый тип памятников. Этот процесс был усложнен воздействием более восточных родственных групп, сформировавшихся на основе - полтавкинской и абашевской культур Урала. Восточное влияние фиксируется появлением таких редких черт погребального обряда, как особая форма культа коня, захоронения собак и других животных, богатство металлического инвентаря, разнообразие типов роговых псалиев, примесь талька к тесту отдельных потаповских сосудов.

Возникнув в каждом регионе относительно самостоятельно на местной, хотя и близкой основе, эти племена находились в постоянном взаимодействии друг с другом. Новое культурное образование впитало в себя наиболее прогрессивные традиции предшествующих культур, в первую очередь южного подвижного скотоводческого хозяйства, а также наиболее передового для этого времени абашевского металлургического производства. Процесс образования потаповских комплексов шел достаточно интенсивно, динамично и был хронологически быстротечен. Потаповско-сингаптинский пласт возникает позже полтавкинской и абашевской культур. Он знаменует конец эпохи средней бронзы. На его основе формируется пласт культур поздней бронзы.

Дальнейшая судьба населения, оставившего памятники Потаповского культурного типа связана с формированием срубной и алакульской культур.

До последнего времени считали, что в Степном Поволжье срубная культура формируется на основе полтавкинской, а в лесостепном Поволжье в результате взаимодействия полтавкинской и абашевской культур. Кроме этого, существует точка зрения о том, что срубные племена формировались на основе взаимодействия полтавкинского населения с племенами более западных территорий. В настоящее время, с появлением новых материалов и значительным расширением источниковедческой базы точка зрения об участии полтавкинской и частично абашевской культуры в формировании срубной дополняется и конкретизируется. Выявление памятников потаповского типа позволяет глубже исследовать процесс происхождения срубной культуры в лесостепном Поволжье.

Сравнение срубных погребальных комплексов с потаповскими и полтавкинскими показывает, что по ряду компонентов погребального обряда между ними возможна прямая преемственность: размеры курганов, оформление погребальной камеры, внутримогильные конструкции и подсыпки охры, мела, подстилки и ориентация умерших. Скорченность костяков незначительна, они лежат на левом боку, руки согнуты в локтях, иногда одна из них вытянута к тазу. Аналогичны большие погребальные камеры,

охристые подсыпки и жертвенники, включающие целые костяки и части скелетов коня (голова и конечности). Сопоставимы и обычные могилы средних размеров. И в срубных, и в потаповских памятниках имеются коллективные захоронения. В керамике прослежено сходство в формах и орнаментации сосудов. Так, именно к потаповским близки раннесрубные горшки, имеющие ребро-уступ в верхней трети сосуда, высокие горшки с шарообразным туловом и отгибом венчика, и сосуды с внутренним ребром и расчесами внешней поверхности. Все эти сосуды характеризует обильная примесь толченой раковины в глине.

Значительная близость, вплоть до прямых аналогий, прослежена в орнаментах: зигзаги, заштрихованные треугольники и ромбы, прямые прочерченные линии, элементы меандра. Видимо, срубный орнаментальный геометризм вероятнее всего восходит к традициям орнаментации потаповской посуды. Сходство другого инвентаря прослежено по многим категориям вещей (ножи, украшения, изделия из кости). Традиция богатых захоронений могла быть унаследована срубными племенами от потаповского населения. Различия срубных и потаповских культурных традиций фиксируются в наличии или отсутствии некоторых категорий вещей.

В настоящее время раннесрубные комплексы лесостепного Поволжья делятся на две группы, - одна из которых имеет значительную степень сходства с потаповскими, другая - с полтавкинскими памятниками. Обе группы характеризуют единый этап в развитии культуры и являются показателем сложности ее формирования. Участие абашевских племен в этом процессе представляется опосредованным, через племена, оставившие потаповские комплексы.

Таким образом, выявление памятников потаповского типа позволяет проследить преемственность культурных традиций среднего и позднего бронзового веков в поволжской лесостепи. Сходство срубной и алакульской культур объясняется происхождением их на близкой - потаповско-синташтинской основе. Устойчивые взаимосвязи культур Поволжья, Урала и Казахстана обусловлены общим процессом культурогенеза на этих территориях на рубеже средней и поздней бронзы.

Генинг, В. Ф. 1975. Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника) //Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов)1: 94-95. Киев.

Смирнов, К. Ф., Кузьмина, Е.Е. 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. Москва.

Зданович, Г. Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. (Основы периодизации). Свердловск: Уральский Государственный Университет.

Burials of Nobility in the Volga Region during the Bronze Age

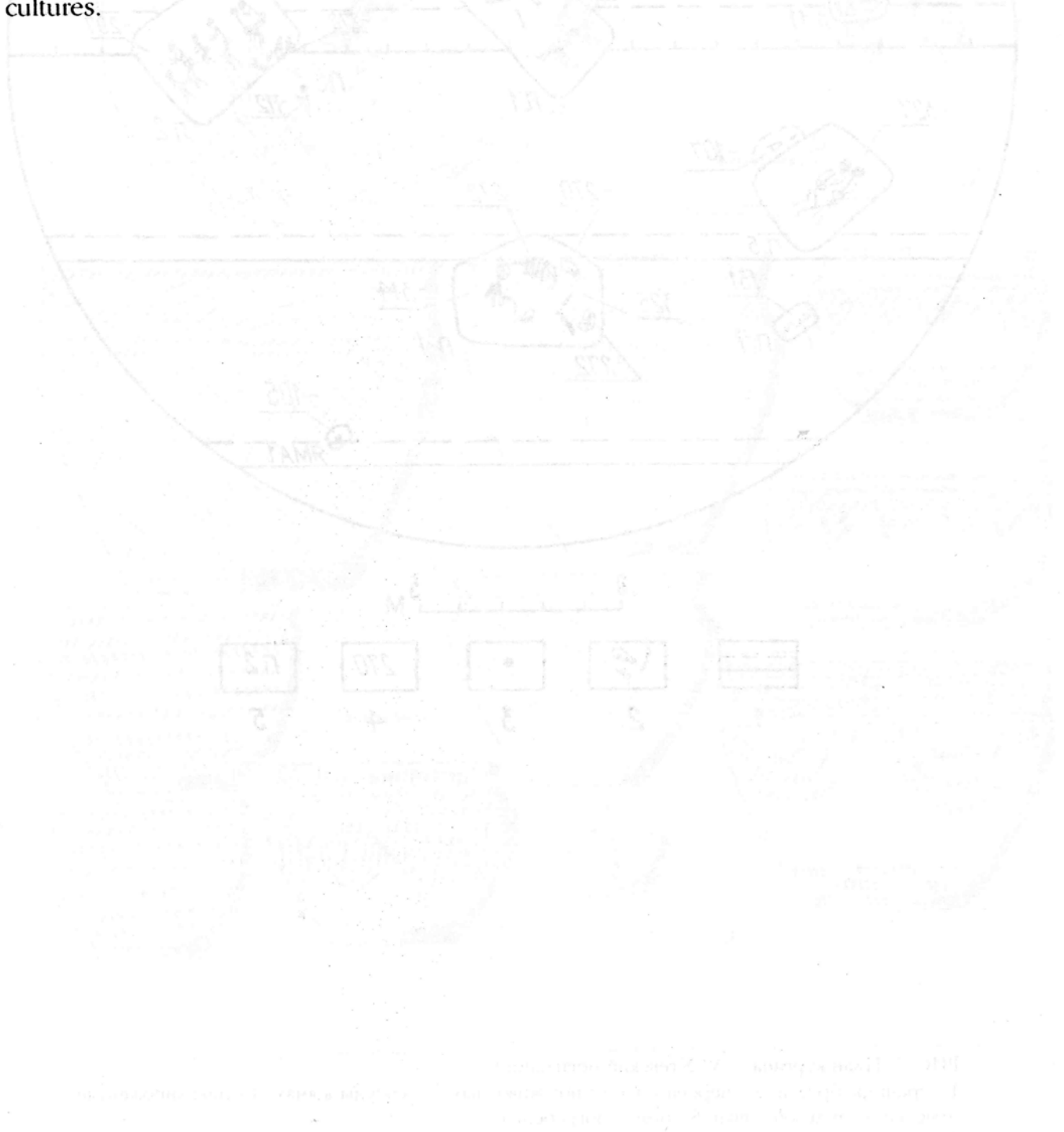
I. B. Vasilyev, P. F. Kuznetsov, A. P. Semynov

In the 1985-1991, three burial mounds - Potapovskij, Lopatinskij II, and Utevsij VI - were excavated on the banks of the Sok and Samara rivers, in the forest-steppe Volga region. Beneath each wide, low mound, a central interment was surrounded by a number of other graves. Small, narrow, circular ditches were found around the graves. The remains of sacrificed animals (horses, bulls, small cattle, dogs) were discovered near the graves. The graves contained contracted skeletons lying mainly on the left side. The central grave pits

were oriented to the south. Some graves contained double and multiple interments. Among the grave goods were ornamented pots, copper, knives, chisels, adzes, awls, needles, hooks, bracelets, pendants, flint arrows, copper, faience, stone beads. As a rule, bone cheek-pieces are found in the central graves where adults were buried. The burial mounds considered form a special group of monuments under the common name - "Potapovskij cultural type".

The burial customs and grave goods of the Potapovskij culture have some similarities with those of the Poltavkinskaja and the Urals Abashevskaja cultures. But the Poltavkinskaja and Abashevskaja traditions were transformed in the Poltavkinskaja culture new cultural standards. The Potapovskij burial tradition has no parallels in the cultures of the forest-steppe Volga region during the Middle and Late Bronze Age. People belonging to a special social status must have been buried in these graves.

The further fortune of the population who created the burial places of the Potapovskij cultural type is connected with the development of the Timbergrave and Alakulskaja cultures.

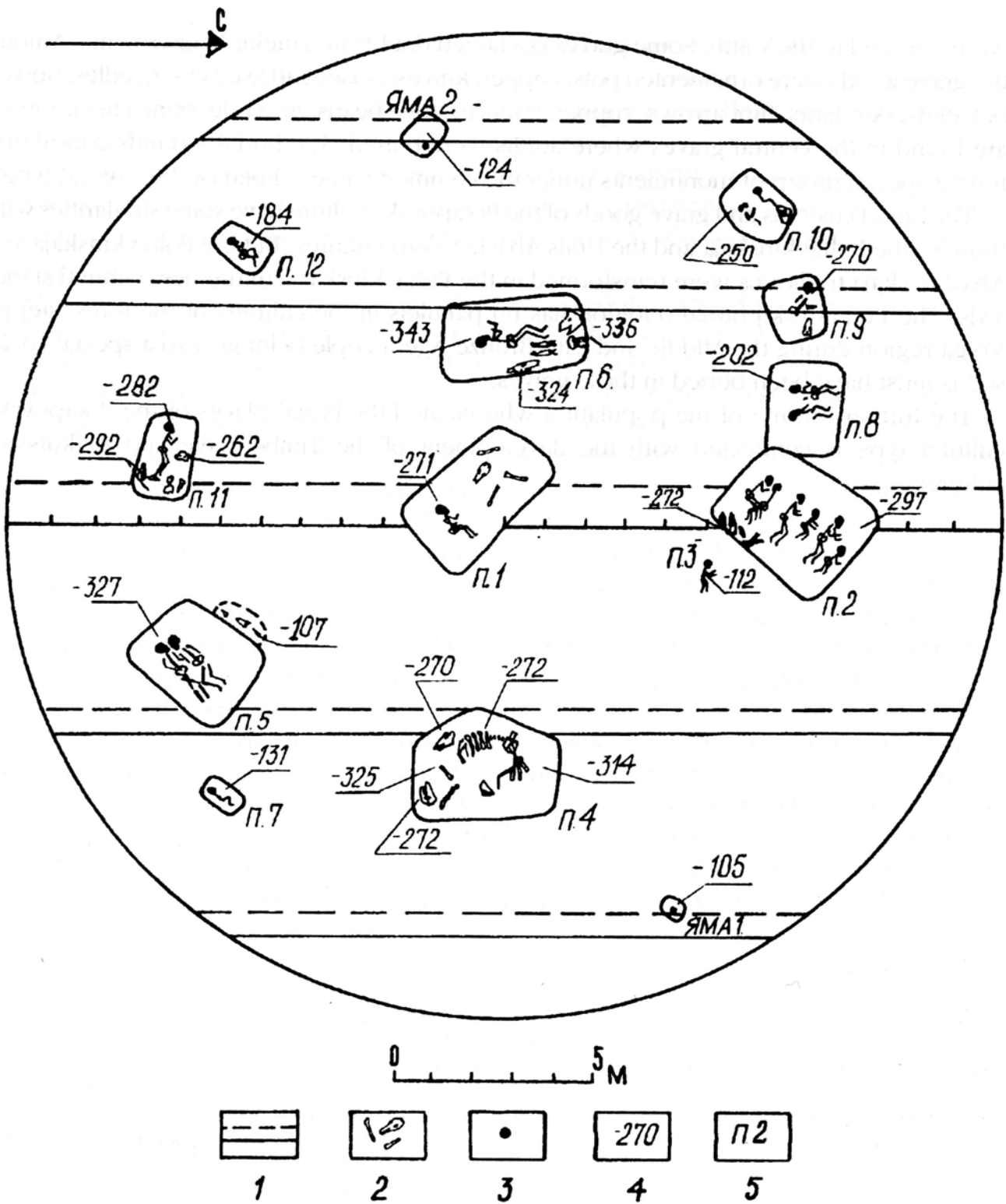

РИС. 1. План кургана 6 (VI Утевский могильник):

1 - границы бровки; 2 - черепа и кости ног животных; 3 - сосуды в ямах; 4 - нивелированные отметки от нулевой точки; 5 - номер погребения.

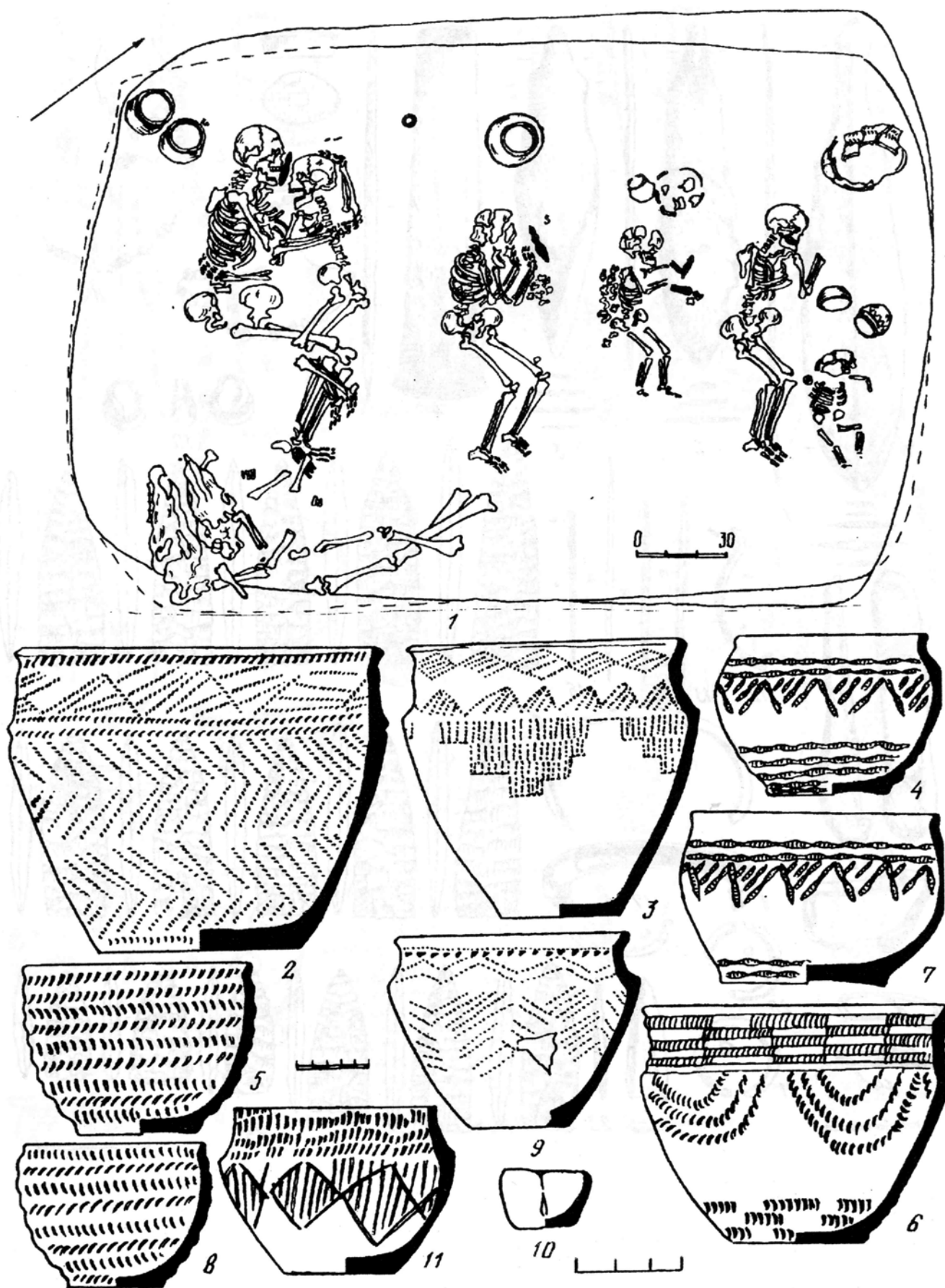

РИС. 2. Курган 6 (VI Утевский могильник): 1 - план погребения 2; 2-11 сосуды из погребения 2.

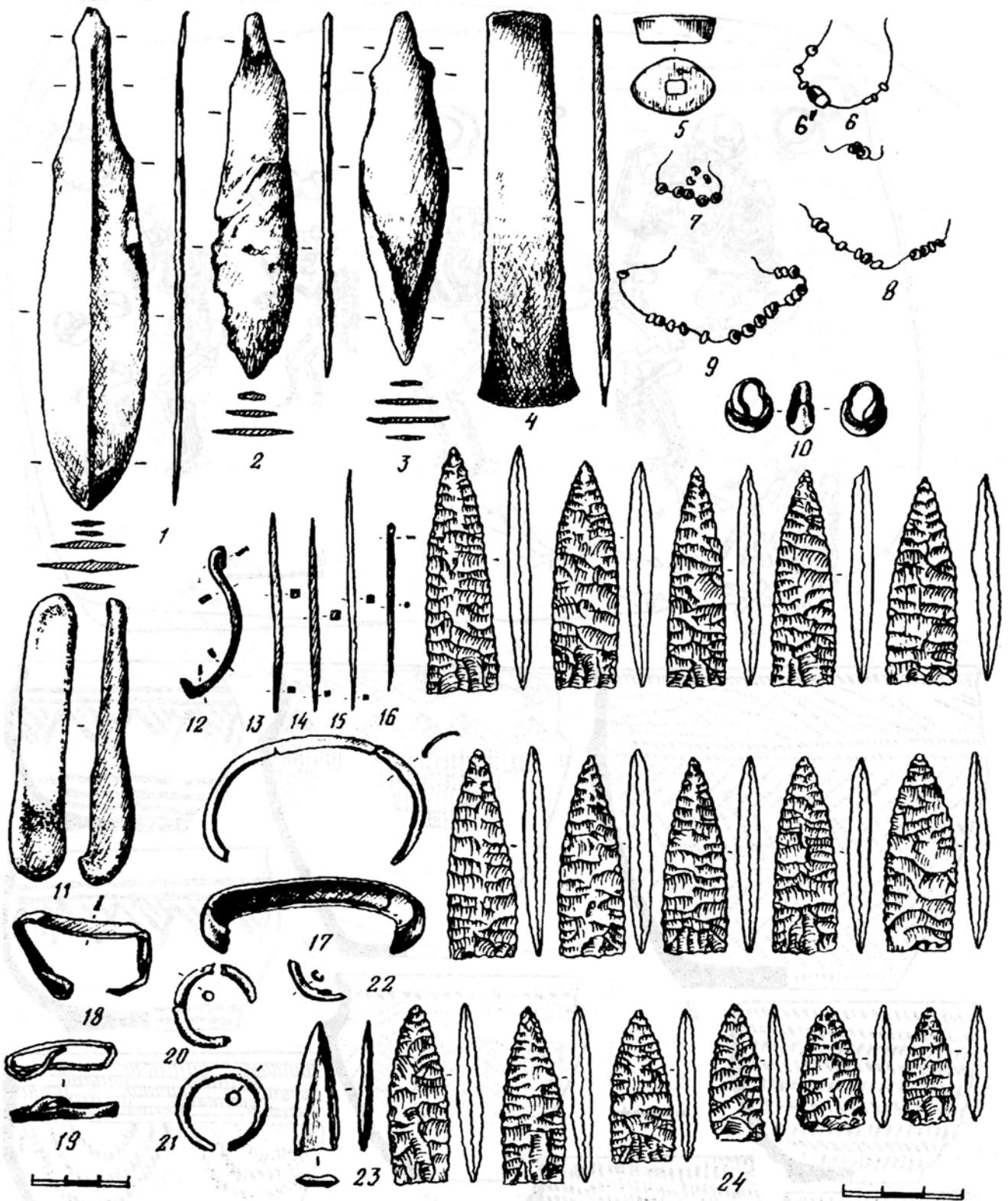

РИС. 3. Погребальный инвентарь захоронения 2 кургана 6 (VI Утевский могильник):
 1-4, 10, 12-22 - бронза; 5, 23 - кость; 6-9 - фаянс; 6 - агат (?); - камень; 24 - кремнь.

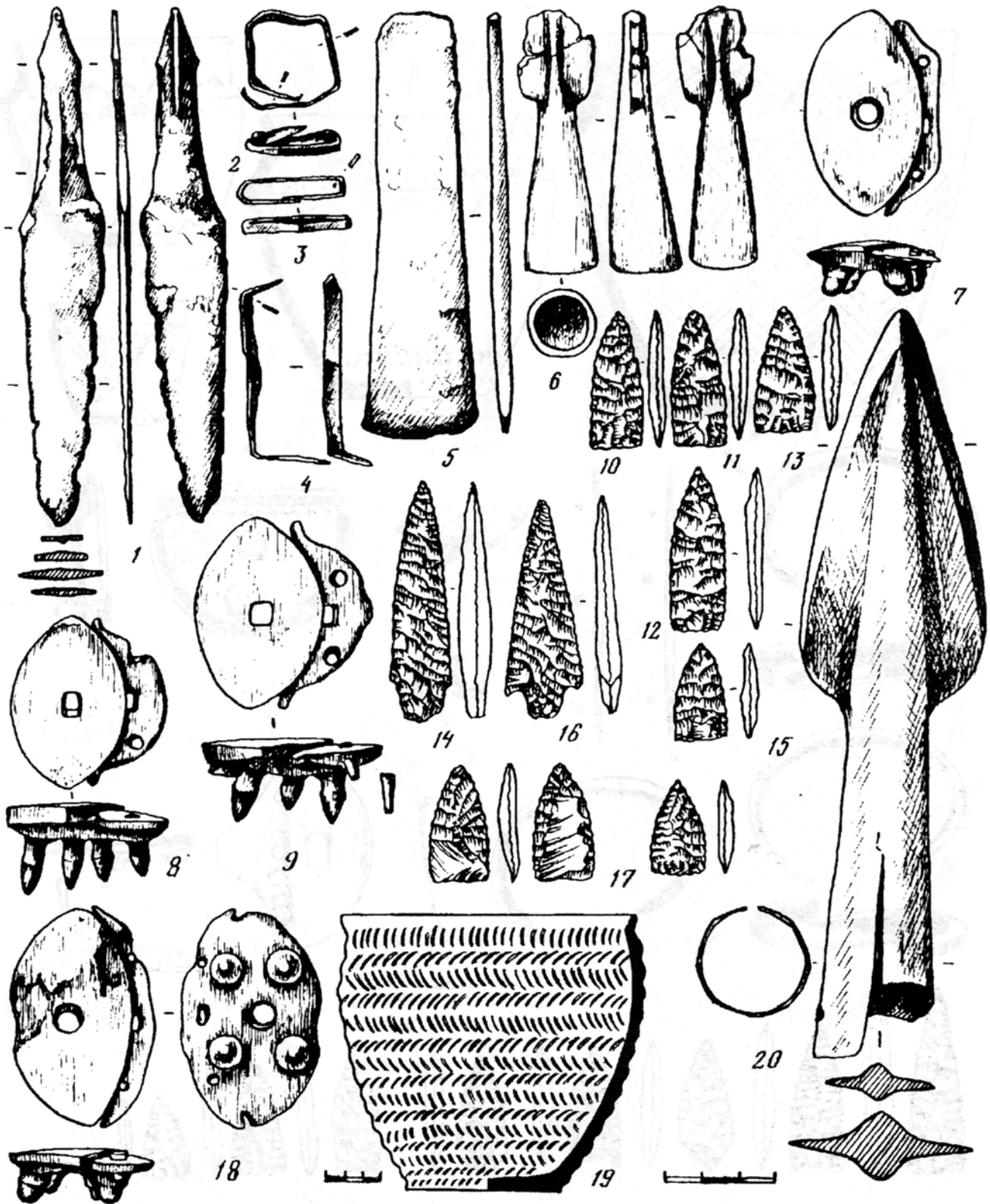

РИС. 4. Погребальный инвентарь захоронения 4 кургана 6 (VI Утевский могильник):
1-5, 20 - бронза; 6-9, 18 - кость; 10-16 - кремь; 19 - керамика.

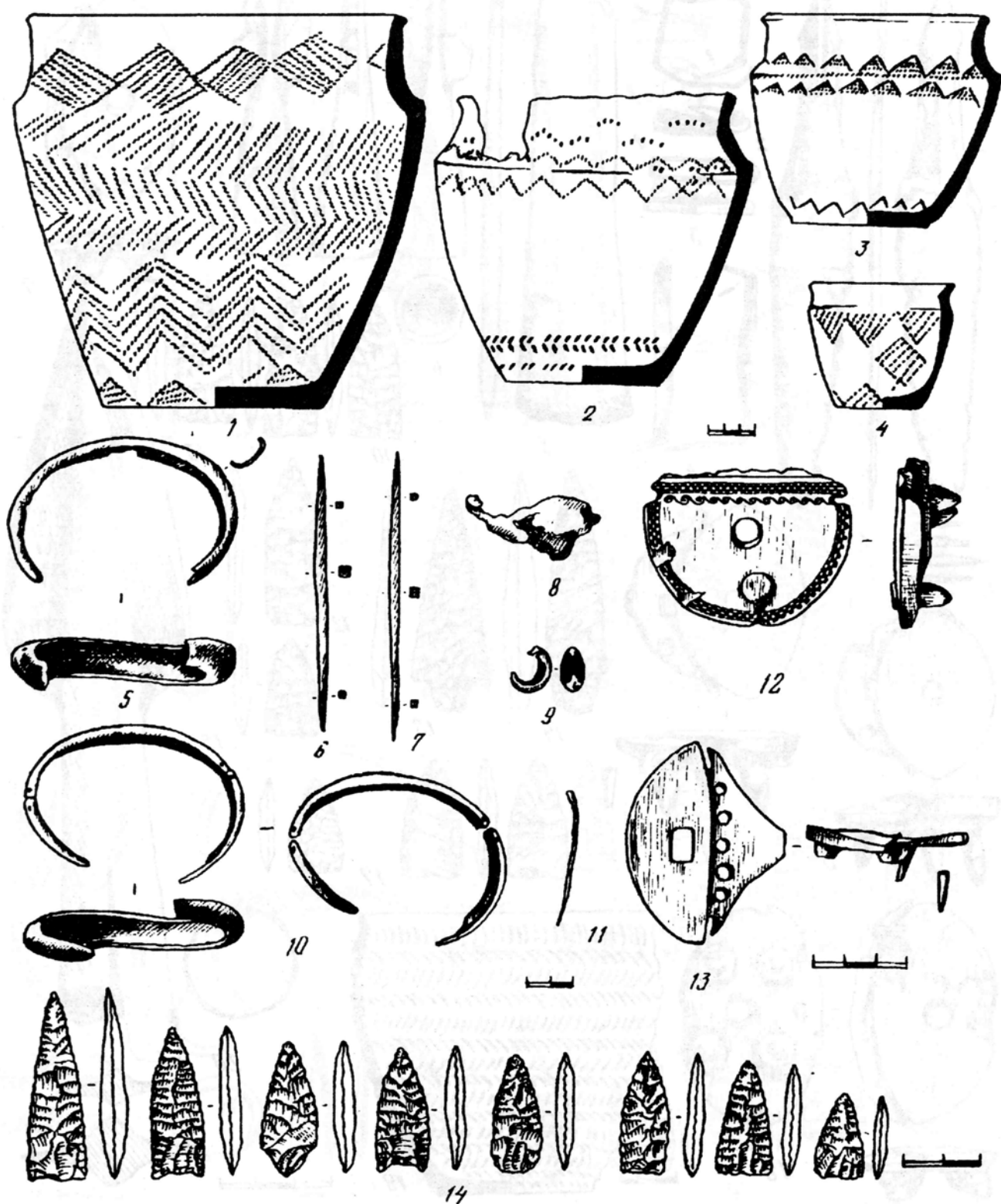

РИС. 5. Погребальный инвентарь захоронения 6 кургана 6 (VI Утевский могильник):
1-4 - керамика; 5-7, 10, 11 - бронза; 8 - каляя меди; 12, 13 - кость; 14 - кремь; 9 - золото.

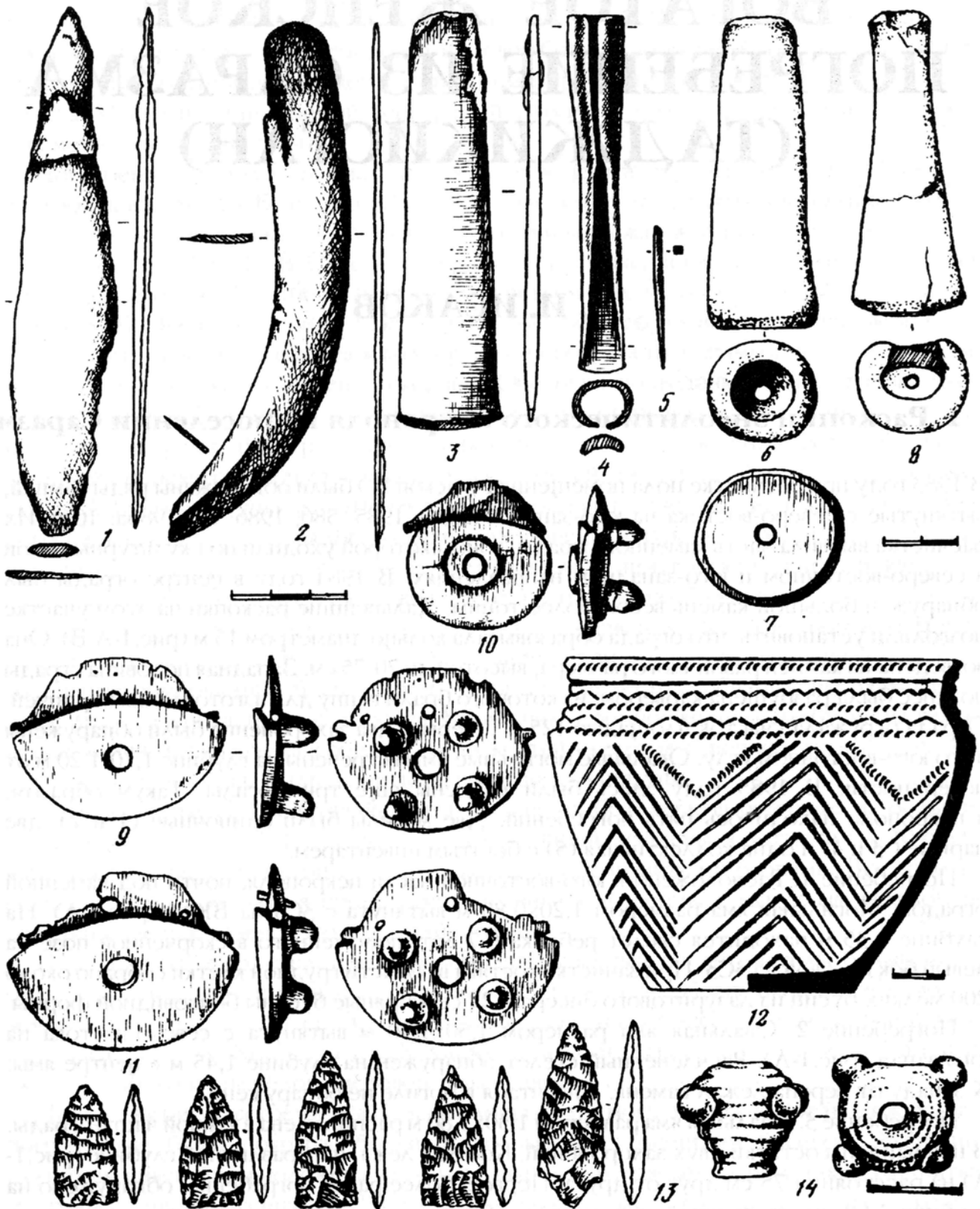

РИС. 6. Погребальный инвентарь захоронений 6 и 9 кургана 6 (VI Утевский могильник):
 1-5 - бронза; 7, 9-11 - кость; 6, 8 - глиняные сопла; 12 - керамика; 13 - кремь; 14 - навершие
 булавы из алебастра (погребение 9).

БОГАТОЕ ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ САРАЗМА (ТАДЖИКИСТАН)

А. И. ИСАКОВ

1. Раскопки энеолитического некрополя на поселении Саразм

В 1983 году при расчистке пола помещения I (раскоп IV) были обнаружены ряды камней, вытянутые с северо-востока на юго-запад (Исаков 1985: 586; 1986: 80; 1986а: 164). Их расчистка выявила часть каменной ограды, концы которой уходили под культурные слои в северо-восточном и юго-западном направлениях. В 1984 году в центре ограды был обнаружен большой камень весом более тонны. Дальнейшие раскопки на этом участке позволили установить, что ограда образовывала кольцо диаметром 15 м (рис. 1-А, Б). Она возведена из камней различного размера, высотой до 70-75 см. Западная половина ограды позднее была разрушена карьером, из которого брали глину для изготовления кирпичей. Ограда окружала участок площадью 125 м². Первые два захоронения были обнаружены в его юго-восточном углу. Овальные могильные ямы встречены на глубине 1,10-1,20 м от поверхности. В 1985 году здесь были найдены еще три могилы. Таким образом, в некрополе находилось пять погребений. Две могилы были одиночные (1 и 2), две парные (3 и 4) и одна коллективная (5) с богатым инвентарем.

Погребение 1. Расположено в юго-восточной части некрополя, почти под каменной оградой. Могильная яма размером 1,20x0,80 м вытянута с ЗСЗ на ВЮВ (рис. 1-А). На глубине 1,35 м находится скелет ребенка 6-7 лет, положенного в скорченной позе на левый бок головой на ЗСЗ. При зачистке костяка в области грудной клетки собрано около 200 мелких бусин из лазуритового бисера и 22 серебряные бусины бочковидной формы.

Погребение 2. Овальная яма размером 1,50x1,40 м вытянута с северо-востока на юго-запад (рис. 1-А). Расчлененный скелет обнаружен на глубине 1,45 м в центре ямы. К западу от черепа лежал камень. Инвентаря в могиле не обнаружено.

Погребение 3. Овальная яма размером 1,30x1,80 м расположена в южной части ограды. В ней найдены остатки двух захоронений. Костяки лежали на различной глубине (рис. 1-А) на расстоянии 75 см друг от друга. Первое, более раннее погребение, обнаружено на глубине 1,60 м от дневной поверхности. Судя по тому, что анатомический порядок костей скелета нарушен, можно предполагать, что он был поврежден более поздним погребением. Между костями скелета встречены три фрагмента мраморной миски, которая, видимо, была положена в могилу с умершим. Второй скелет был захоронен в скорченной позе на левом боку значительно позже первого. По определению Т.К.Ходжайова, это захоронение 36-37-летней женщины. Возле нее найдены наперстки, булавки и пряслице.

Погребение 4. Круглая яма размером 1,10x1,40 м, глубиной около 1 м (рис.1-А). Ее дно оказалось в 35 см под полом постройки этапа А-1. В могиле обнаружено парное захоронение, в котором скелеты лежат на левом боку, в скорченной позе. Над ними были обнаружены большой лепной котел с сильно заостренной донной частью (диаметр 28 см, высота 33 см) и миниатюрный серебряный стаканчик с отогнутым наружу венчиком (диаметр 4 см, высота 5 см).

Погребение 5. Овельная яма, расположена в центре ограды на глубине 2, 8 м от дневной поверхности. Ее площадь 7 м². В могиле похоронено три человека (рис.1-В). По определению Т.К.Ходжайова первый скелет принадлежал женщине 19-20 лет, ростом 163-164 см (рис.1-В: 1). В 110 см к северо-востоку от женщины лежал скелет мужчины 20-21 года, его рост 159-160 см (рис.1-В:2). Третьим был похоронен подросток 13-14 лет (рис.1-В: 3). Все погребенные лежали на левом боку в скорченной позе, головой на юг. Левая рука скелета 1 вытянута к колену, правая согнута под прямым углом и пальцами касается локтя. Скелет 2 менее скорчен. Обе руки подведены к лицу, голова была откинута назад. У третьего погребенного руки не были подведены к лицу, а голова наклонена к груди. Все три захоронения совершены одновременно. В 50 см северо-западнее женского скелета лежала кучка костей молодого барана (определение Ш.Ш.Ларипова). Туша животного была положена на циновку или в корзину. Весь погребальный инвентарь связан с женским захоронением. В полуметре, восточнее черепа находилось массивное бронзовое зеркало, рядом с ним костяное шило и каменное навершие. Здесь же обнаружена женская статуэтка из необожженной глины. Вторая статуэтка-амулет, видимо, была положена рядом с первой, хотя ее точная локализация в могиле не установлена. В районе черепа найдено три каменных навершия булавы и две массивные ромбовидные бусины. За головой на дне могилы обнаружены ряды бус из сердолика, лазурита, бирюзы серебра. Кроме них огромное количество бусин из тех же пород камня и известняка собрано среди костей скелетов и непосредственно на дне могилы. Видимо, бусы были нашиты на покрывало или плащ.

Большой интерес представляют два массивных браслета, вырезанные из больших морских раковин (рис.2-1,2). Под затылком женщины найдены золотые бусы. 10 бусин собраны на черепе и внутри него, а также между позвонками и ребрами. Все золотые бусины (49 шт.) являются пронизками биконической формы с выпуклым валиком по середине. Не исключено, что они были литыми.

При зачистке трех скелетов встречены рассыпанный по дну могилы белый бисер (рис.3-1,2). После флотации двух тонн заполнения могилы собрано около 10 кг комочков земли вперемешку с бисером. Сотрудники Пенджикентской археологической базы (М.А.Исакова, О.А.Холмотва и С.Х.Хисмутулина) отделили бисер от земли, получив около 10000 бусин из белого мелового известняка.

Поскольку бисер встречается по всей площади дна могилы, можно предположить, что погребенные были покрыты большим покрывалом, расшитым бисером. Женщина с богатым инвентарем положена в могилу с пышным головным убором, также расшитым многочисленными бусинами. Прическа или нижняя часть головного убора украшена золотыми и серебряными бусинками. Следует упомянуть, что в могиле найден амулет, изображающий женское божество.

2. Археологический комплекс некрополя

Исследования Т.К.Ходжайова показали, что древнее население Саразма относится к европеоидному доликохоранному антропологическому типу, причем население, оставившее энеолитические слои, видимо, происходит из более южных районов Средней и Передней Азии. Наиболее вероятно, что саразмийцы генетически связаны

с энеолитическим населением Южной Туркмении (Геоксюр и Кара-депе). Впоследствии саразмийцы могли сыграть важную роль в формировании населения Зеравшанской долины и других регионов северо-востока Средней Азии. Известно, что обнаруженные ранее черепа в Заман-бабе (Бухарская область), в Муминабаде (20 км юго-западнее Саразма), в Чаче (под Самаркандом) близки черепам из Саразма.

Вернемся к захоронениям могилы 5. Подросток не мог быть ребенком похороненных вместе с ним мужчины и женщины. Продолжительность жизни, судя по антропологическим материалам Саразма, была невысокой и достигала у взрослых в эпоху энеолита и бронзы 34-35 лет (Ходжайов 1977). Кости женщины окрашены красной охрой, которой, вероятно, было посыпано тело перед захоронением.

Темные пятна под скелетами позволяют предположить, что двое из погребенных (женщина и подросток) были уложены на плетеные подстилки типа бурье. Следы аналогичных подстилок обнаружены В.М.Массоном при раскопках захоронений энеолитического поселения Кара-депе на юге Туркмении (Массон 1959: 72; 1961: 338). Кроме Саразма (могила 5) кости барана встречены в Сумбарском могильнике эпохи бронзы (Хлопин 1984: 24) и в захоронениях бронзового века Восточного Памира (Виноградова, Кузьмина 1986: 134). В Саразме мы впервые имеем дело с новым типом погребального сооружения энеолитического периода: каменная ограда вокруг захоронений. В различных древнеземледельческих культурах Древнего Востока были встречены коллективные гробницы. Одна из них найдена Е.Шмидтом в слое Фара III и представляет собой сырцовую камеру внутри которой оказалось 7 захоронений (Schmidt 1932).

Толосы, обнаруженные на ряде памятников эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана, были сооружены из сырцовых кирпичей и имели купольные перекрытия. Погребальные камеры - толосы, раскопанные в Геоксюр I, имеют прямоугольную (толос А) и круглую в плане форму (толосы Б, В и Г) (Сарианиди 1965: рис.1-4). Они были предназначены для захоронения двух-трех покойников. И толосы Геоксюра, и погребальные камеры раннеминойского периода - 2800-2500 гг. до н.э. - в Мессаре (Крит), возведенные из грубо обработанных камней, имеют небольшие размеры (Пендлбери 1950: рис.8). Саразмийские каменные кольца имеют некоторое сходство с могильным сооружением, открытым на поселении Северное Хили (Объединенные Арабские Эмираты). Оно представляет собой круглую каменную ограду диаметром 10 м с входным проемом. Внутри ограда разделена на 4 узкие камеры, в которых скелеты лежат не в анатомическом порядке (Cleuziou 1985 : 251, fig.D). Могила в Хили относится к III тысячелетию до н.э. (Vogt 1985: 20-37, pl.: 22, 29). В ранне земледельческих культурах юго-запада Средней Азии в основном представлены одиночные погребения в ямах и коллективные захоронения в специальных камерах (Гулямов, Исламов, Аскарлов 1966: 156). По материалам раскопок Алтын-депе А.Ф.Ганялин выделил три типа погребальных сооружений: ямы, камеры и особые архитектурные комплексы (Ганялин 1967: 209).

Сравнивая каменную ограду некрополя Саразма с особым погребальным комплексом Алтын-депе, мы видим близость погребальных обрядов юга Туркмении и юга Таджикистана. Каменная ограда погребального комплекса в Саразме, как и погребальный архитектурный комплекс в Алтын-депе, свидетельствует о выделении специального некрополя для членов семьи, очевидно, занимавшей высокое социальное положение. На Алтын-депе ценные находки - золотые головки быка и волка - были встречены в особом архитектурном комплексе, который интерпретируется как жреческая усыпальница (Массон 1981: 87). Инвентарь, сопровождающий женщину в могиле 5 некрополя Саразма, по ценности и значению не уступает находкам на Алтын-депе.

В могилах Саразма умершие лежат в скорченной позе, на левом боку. Как известно, в Сумбаре и в Джаркутане женщины были уложены на левом боку, мужчины - на правом

(Хлопин 1984: 44; Аскарлов, Абдуллаев: 1983). В Саразме доминирует юго-западная ориентировка покойников (могила 5 и 3) и юго-восточная (могила 4). Детский скелет ориентирован на запад. Видимо, в Саразме предпочитали южную ориентировку умерших, тогда как в Сапаллитепе предпочитали северную ориентировку, в Джаркутане - северо-восточную и северо-западную (Аскарлов 1976: 12), на моллалинском этапе Сапаллинской культуры и в культуре Заманбаба покойника ориентировали на В, СВ и С (Гулянов, Исламов, Аскарлов 1966: 129). Не исключено, что ориентировка умершего зависела от социальных либо культовых причин. Известно, что, начиная с VIII века в связи с исламизацией народов Средней Азии, покойников стали хоронить головой на север, лицом на юго-запад, ориентируя в сторону Мекки.

Распределение инвентаря в коллективном захоронении свидетельствует о социальном неравенстве похороненных. Традиция покрывать труп плетеными или тканными покрывалами или плащом имеет глубокие корни. В Северном Ираке в позднеубейдский период умерших покрывали тростниковой циновкой (Ллойд 1984: 94). В античной Бактрии покойника покрывали плащом, который был расшит золотыми нитями и золотыми пластинами с рельефными изображениями (Сарианиди 1984: 145).

В северо-западной части могилы были найдены фрагменты красноглиняной, плохо обожженной женской статуэтки с высокой вытянутой шеей и птицевидной головой и двумя схематично моделированными ногами (рис.4-1). Вероятно, она изображает популярное у древнеземледельческих племен женское божество, связанное с культом плодородия (Массон 1959: 15). Статуэтка имеет типологическое сходство с терракотами древнеземледельческих памятников юго-восточного Туркменистана (Сарианиди 1965: рис.19,4).

В могиле I было собрано около 200 лазуритовых бисерин (рис.4-2:а) и 22 серебряные пронизки (рис.4-2:б). В могиле 3 найдена мраморная чаша (рис.4-5) и 2 пряслица. Непосредственно над скелетами могилы 4 обнаружен котел с заостренным дном (рис.4-3) и серебряный стаканчик (рис.4-4). Эти находки свидетельствуют о высоком уровне производства в эпоху позднего энеолита на поселении Саразм.

Находки лазуритового бисера и мраморных чаш весьма распространены на многих позднеэнеолитических памятниках Южного Туркменистана и Ближнего Востока. Отметим, что форма каменной чаши близка формам конических глиняных сосудов из позднеэнеолитического слоя поселения Саразм. Саразмская чаша отличается от острореберчатых каменных сосудов с высокими горлами Кара-депе (Массон 1961: табл. XVIII-6,9) и плоскодонных цилиндрических сосудов Шахри-Сохте II-III. Некоторые каменные сосуды поселения Шахри-Сохте похожи на саразмскую чашу, но отличаются от последней поддоном (Tosi 1983: fig. 16).

В виду оригинальности формы, интересен глиняный котел с заостренным дном из могилы 4 (рис.4-3). Этот тип сосудов обычно встречается в горизонтах III и IV поселения Саразм, и поэтому котел, возможно, имеет позднее происхождение. Форма сосуда очень близка к сосуду из могилы 17 в могильнике Заман-баба (Гулянов, Исламов, Аскарлов 1966: табл. X-A: 1). Возможно, котел из Саразма был изготовлен носителями кельтеминарской культуры, поселившимися в Саразме в середине III тыс. до н.э. и находившимися под влиянием заманбабинской культуры. Миниатюрный серебряный сосуд (рис.4-4) изготовлен способом литья, а затем венчик подправлен ковкой. Сосуд сделан из сплава серебра (95%) с медью. Находка этого сосудика и серебряных пронизей в могилах 1 и 5 убедительно свидетельствуют о наличии разработок серебра у саразмийцев в позднем энеолите, а, возможно, и ранее.

Необычно большое количество предметов найдено в женском погребении (коллективная могила 5). Оно условно названо нами погребение "богини Саразма" (рис.1-Б:1). Здесь обнаружено несколько типов изделий из разных материалов: золото, серебро,

бронза, терракота, лазурит, бирюза, сердолик, кварцит, мрамор, камни речного происхождения, известняк, морская ракушка, кость. Бронзовое зеркало (рис.2-3), терракотовые статуэтки (рис.2-4,5), шило (рис.2-6) и одно каменное навершие лежали в 50 см к востоку от затылка, за спиной. Четыре других навершия находились за черепом. За черепом, в 10-15 см от него лежали различные бусы из серебра (рис.3-11), бирюзы (рис.3-1-10), лазурита (рис.5:1-19). Основное количество бус (за исключением серебряных) было собрано в районе рук и ног. Руки "богини" украшали два браслеты из ракушек (рис.2-1,2). Значительное количество сердоликовых бусин найдено к северо-западу от ступней. Они лежали цепочкой, и мы предполагаем, что они, возможно, были пришиты к краю одежды (халата?). Особого внимания заслуживают 49 золотых бусин бочонковидной формы с выпуклым валиком посередине (рис.3-14).

При разработке типологии бус некрополя были получены интересные результаты. Выделено 9 типов сердоликовых, 6 типов лазуритовых, 7 типов бирюзовых, 1 тип золотых, 3 типа бисера, 4 типа известняковых бус и 3 типа серебряных. Кроме того, в могиле найдены две бусины из яшмы и три крупные бусины из обычного камня. Таким образом, выявлено 26 типов бус, отличающихся технологией обработки и материалом.

Бусы из сердолика и браслеты из ракушек, вероятно, являются привозными изделиями. Очевидно, их доставляли из более южных областей Ближнего Востока. Все типы бус находят широкие аналогии среди находок на раннеземледельческих памятниках Средней Азии (Массон 1961: 342; Аскарлов 1977: 75, рис.33) и Ближнего Востока (Tosi 1983: 168, pl.7; Schmidt 1937: pl.XIX-2908, 3010, 3387; pl.XXXI).

По сведениям начальника и главного геолога Магианской геологической экспедиции на Зеравшане Б.А.Холмурадова и К.А.Харченко, все породы полудрагоценных камней, кроме сердолика, встречаются в недрах Туркестанских и Зеравшанских гор.

Большой интерес представляет массивное бронзовое зеркало с длинным черенком, в связи с чем ряд специалистов считали его бритвой. Аналогичный предмет найден в Гиссаре Ш.Е.Шмидт называет его ложкой (Schmidt 1937: 141, pl.CXXI A-4867). Зеркало из могилы Северного Хилли (Vogt 1985: tabl.28-3) обнаруживает некоторое сходство с находкой из Саразма.

Таким образом, уже на раннем этапе существования Саразма погребальный обряд свидетельствует о наличии в общине родовой знати, захоронения которой отличались от рядовых погребений наборами инвентаря (Алекшин 1981: 20). Для характеристики общественного положения женщины, похороненной в могиле 5, большую роль играют две женские статуэтки (рис.2). Это однотипные схематичные изображения. На первой статуэтке (высота 7 см) схематично представлены разпущенные волосы и грудь. Второе изображение настолько миниатюрное (высота 2 см), что лишь слегка вогнутая талия дает основание признать его женской статуэткой. Сквозное отверстие, сделанное на носу, позволяет предположить, что статуэтка служила подвеской-амулетом. Терракотовые статуэтки Южной Туркмении не дают прямых аналогий саразмийской находке. Некоторое сходство со статуэтками Саразма имеют статуэтки Тель Матарра, относящиеся к хассунской культуре Месопотамии (Антонова 1977: табл.XXX III-4). Статуэтки, найденные в женском захоронении (могила 5), дают основание считать погребенную здесь женщину с богатым инвентарем персоной особого социального ранга. "Погребения с женскими статуэтками - отмечает В.А.Алекшин, - как правило, содержат богатый погребальный инвентарь. Этот факт, вероятно, служит признаком социальной иерархии данной группы священнослужителей, являющихся, судя по находкам в их могилах женских статуэток, жрецами богини плодородия" (Алекшин 1986: 69).

Резюмируя, подчеркнем, что открытие энеолитического некрополя в Саразме имеет принципиальное значение для изучения социальной структуры общества, оставившего памятник. Характеризуя значимость могильников для исследования археологического

комплекса, Ю.Н.Захарук пишет, что "как бы высоко ни оценивать археологические материалы исследуемых ископаемых поселений, последние, если представляется возможность, должны быть дополнены материалами соответствующих им могильников" (Захарук 1987: 14). При этом отметим, что своеобразие некрополя в Саразме свидетельствует о самобытности древнеземледельческой культуры Зеравшана.

- Алексин, В. А. 1981 Традиции и инновации в погребальных обрядах эпохи первобытнообщинного строя //Преемственность и инновации в развитие древних культур. Материалы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии: 18-22. Ленинград.
- 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Ленинград.
- Антонова, Е. В. 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. Москва.
- Аскарлов, А. А. 1976. Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Москва.
- 1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН.
- Аскарлов, А. А., Абдулаев, Б. Н. 1983. Джаркутан: К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. Ташкент: ФАН.
- Виноградова, Н. М., Кузьмин, Е. Е. 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы //Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и среднего Востока: 126-151. Москва.
- Ганялин, А. Ф. 1967. Раскопки в 1959-1961 гг. на Алтын-депе //Советская археология 4: 207-219.
- Гулямов, Я., Г., Исламов, У., Аскарлов, А. А. 1966 Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент. ФАН.
- Захарук, Ю. Н. 1987. Выдающееся произведение марксизма и проблемы археологии (к 100-летию работы Ф.Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства")//От доклассовых обществ к раннеклассовым: 3-22. Москва.
- Исаков, А. И. 1985. Раскопки поселения Саразм //Археологические открытия 1983: 566-567. Москва.
- 1986. Саразм. Горизонт древней цивилизации //Наука и жизнь 4: 78-81.
- 1986а. Саразм - новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // Советская археология 1: 152-167.
- Ллойд, С. 1984. Археология Месопотамии. Москва.
- Массон, В. М. 1959. О культе женского божества у анауских племен //Краткие сообщения Института истории материальной культуры 73: 14-20.
- 1959а. Изучение анауских культур в 1956 г. //Краткие сообщения Института истории материальной культуры 73: 70-77.
- 1961. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955-57 гг.) // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции X: 319-463. Ашхабад.
- 1966. Расцвет и упадок культуры земледельцев Юго-запада //Средняя Азия в эпоху камня и бронзы: 151-178. Москва-Ленинград.
- 1981. Алтын-депе: Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Ленинград.
- Пендлбери, Д. 1950. Археология Крита. Москва.
- Сарианиди, В. И. 1965. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении // Свод археологических источников Б-3-8, часть IV. Москва.
- 1984. Бактрия сквозь тьму веков. Москва.
- Хлопин, И. Н. 1984. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Москва.
- Ходжайов, Т. К. 1977: Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалли-тепа. Ташкент: ФАН.
- Cleuziou, S., Vogt, B. 1985 Tomb A at Hili North (United Arab Emirates) and its material connections to Southeast Iran and the Greater Indus Valley, in J.Schotsmans and M.Taddei (ed.) // South Asian Archeology 1 (1983): 249-277. Maples.
- Schmidt, E. F. 1932. Excavations at Fara, 1931-1932 // The museum journal XXII (3/4): 193-246. Philadelphia.
- 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damgan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. The Iranian section of the University museum.
- Tosi, M. 1983. Excavations at Shahr-i-Sokhta. 1969-1970 // Prehistoric Sistan 1: 1-20. IsMEO Rome.
- Vogt, B. 1985. The Umm an Nar Tomb at Hili North: A preliminary report on three seasons of excavation, 1982-1984 //Archaeology in the United Arab Emirates. Departement of antiquities and Tourizm Al-Ain IV: 18-40.

A Rich Burial of a Woman from Sarazm (Tajikistan)

A. A. Isakov

A cemetery of the Eneolithic period was first discovered during the excavations at Sarazm, an early farming settlement in Southern Tajikistan, in 1984-1985. The funerary complex consisted of a round stone fence, within which five grave pits were excavated. The first pit contained the contracted skeleton of a 6-7 years old child, with a necklace made of 200 lapis lazuli beads and 22 silver beads. The second burial contained a dismembered skeleton, unaccompanied by grave goods. The third grave represents a double interment of two people buried at different times, the earliest skeleton being damaged by the second burial. The fragments of stone bowl were found around the former. The second skeleton (a woman of 36-37 years of age) was discovered together with a pin-head and spindle whorl. Another double burial, this time where the burials were contemporary with each-other, was found in the fourth grave pit. A hand-made kitchen-pot and a tiny silver vessel were found above the skeletons. The fifth grave contained the skeletons of woman (19-20 years old), a man (20-21 years old) and a teenager (13-14 years old). The skeletons in four and five graves were contracted on their left sides. All the grave goods in pit five indicate the burial of a woman: a bronze mirror, a bone awl, a stone pin-head, a statuette of a woman made of unbaked clay and a statuette-amulet, 3 stone mace-heads, a great number of cornelian, lapis lazuli, turquoise and silver beads, and massive bracelets made of shells.

The beads must have been sewn on a shawl or coat. The burial of the woman also contained 49 golden beads. This rich burial we will call conditionally "The burial of a goddess from Sarazm". All the three corpses in grave five were covered with a large coverlet embroidered with beads.

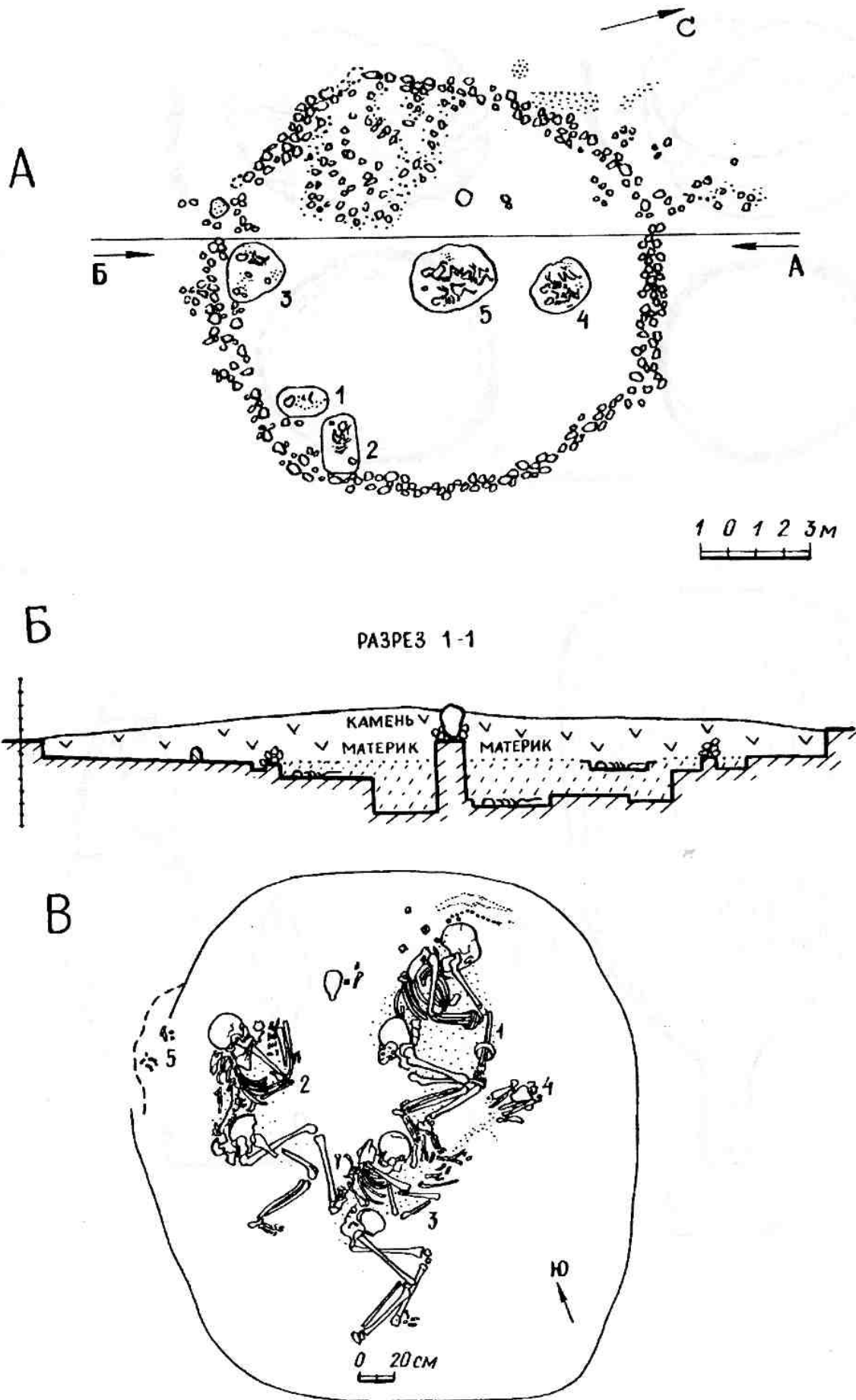

РИС. 1. Энеолитический некрополь поселения Саразм:
 А - план некрополя; Б - археологический разрез некрополя; В - план погребения 5.

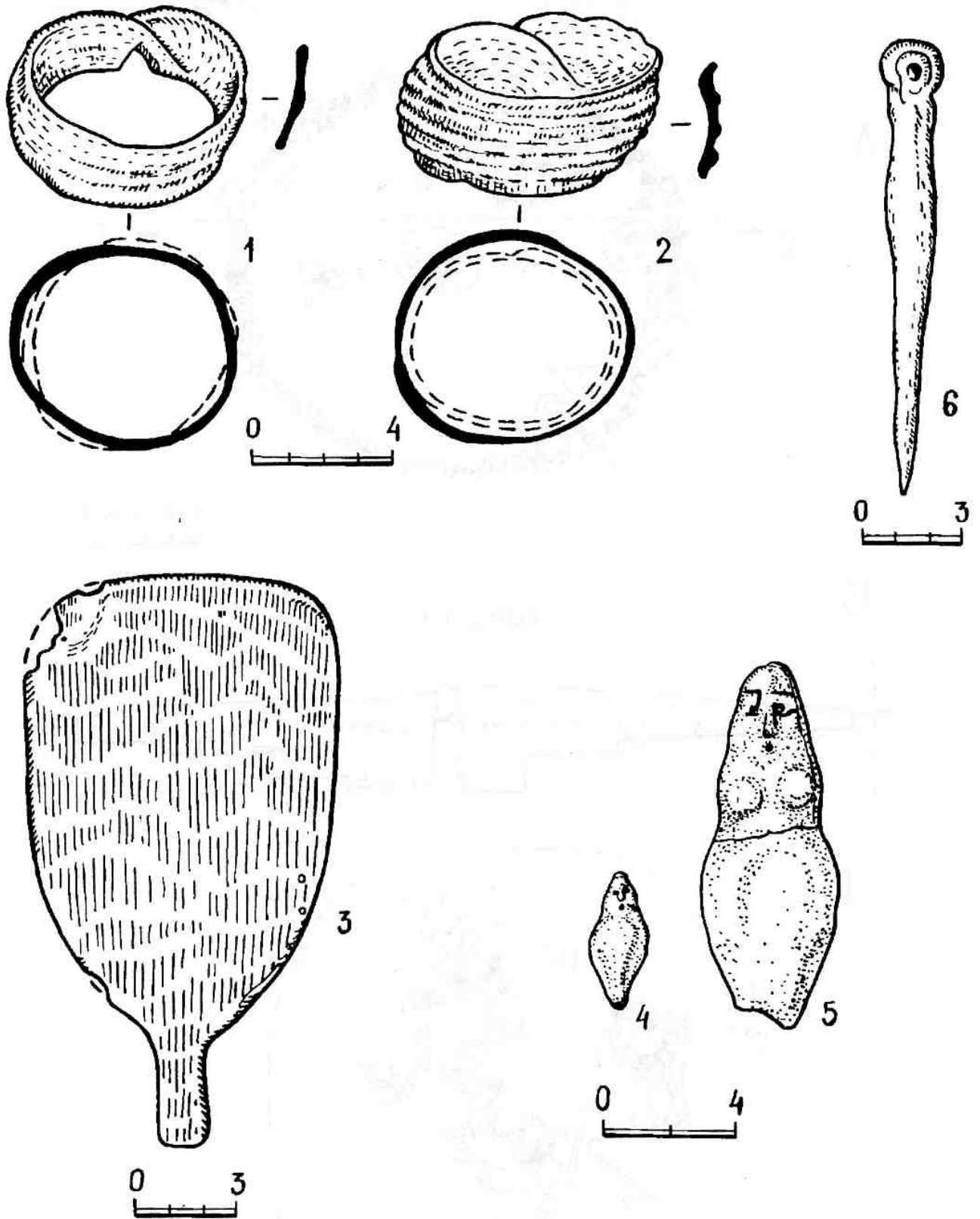

РИС. 2. Археологический комплекс некрополя:
 1, 2 - браслеты из морской ракушки; 3 - бронзовое зеркало; 4, 5 - терракотовые статуэтки; 6 -
 костяное шило.

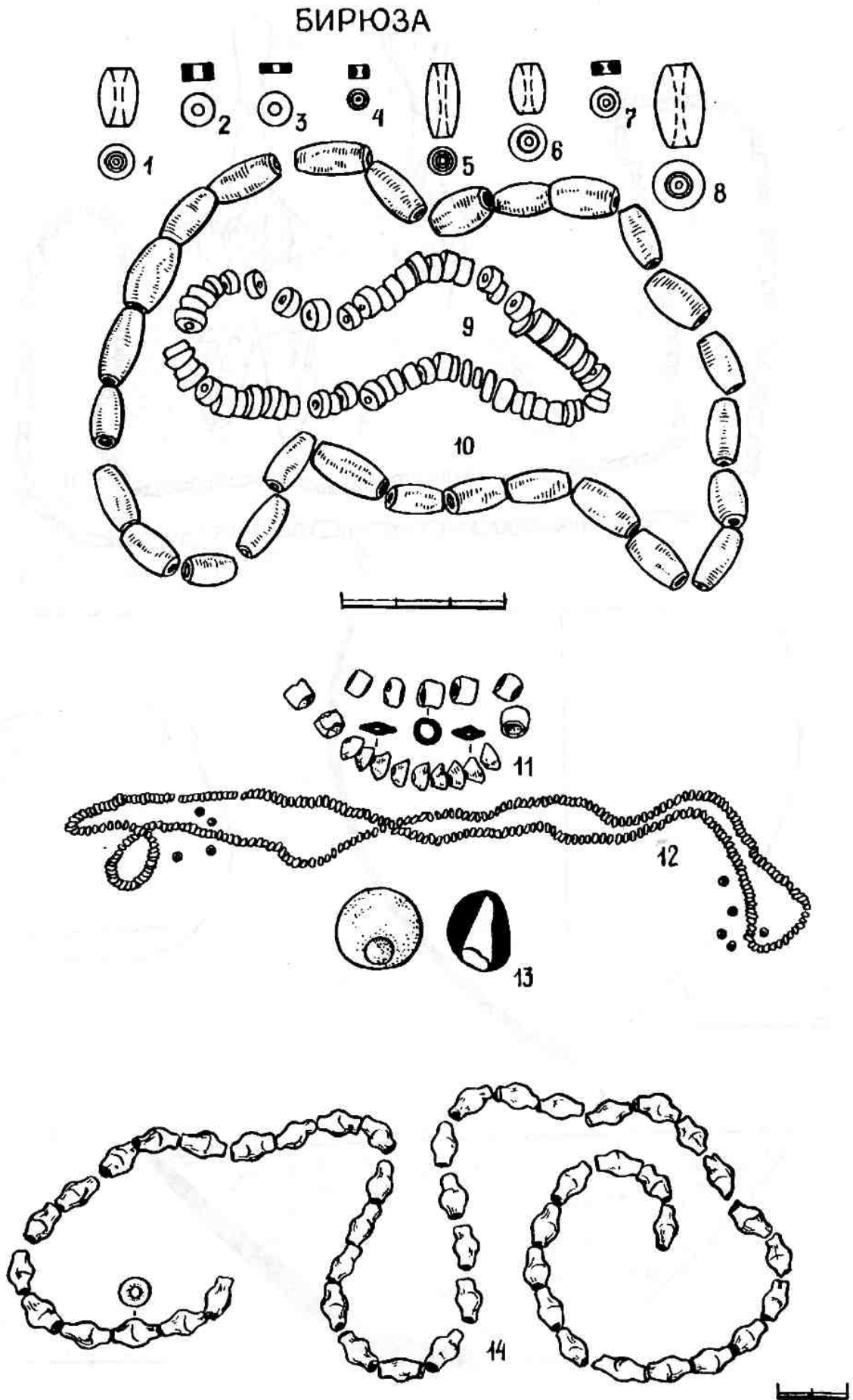

РИС. 3. Археологический комплекс некрополя:

1-10 - формы и типы бус из бирюзы; 11- серебряные пронизки; 12 - каменный бисер; 13 - навершия булавок; 14 - золотые бусы.

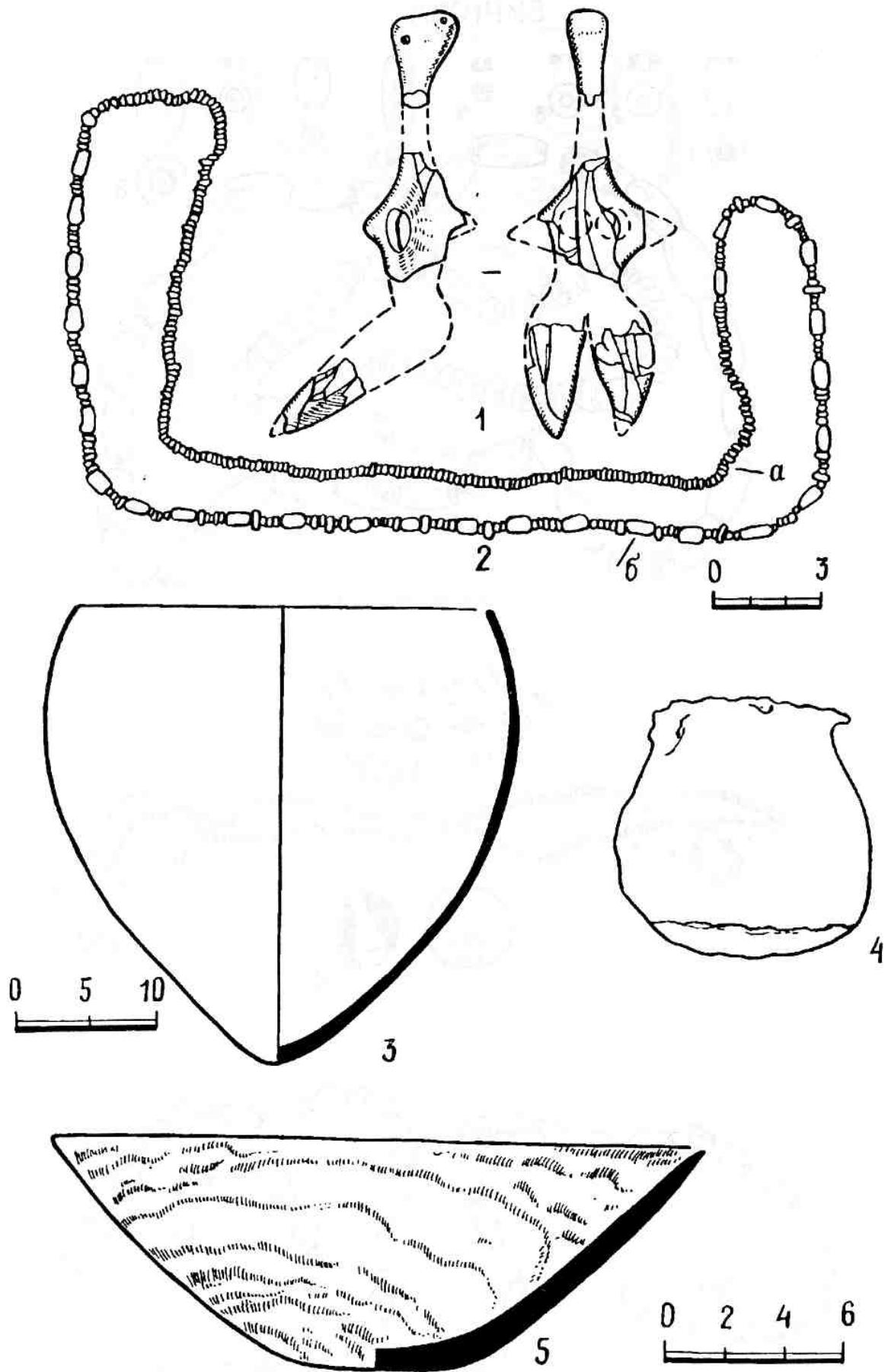

РИС. 4. Археологический комплекс некрополя.

Погребение 1: 1 - терракотовая статуэтка; 2а - бисер из лазурита; 2б - серебряные пронизки.
 Погребение 4: 3 - керамический сосуд; 4 - серебряный сосудик. Погребение 3: 5 - мраморная чаша.

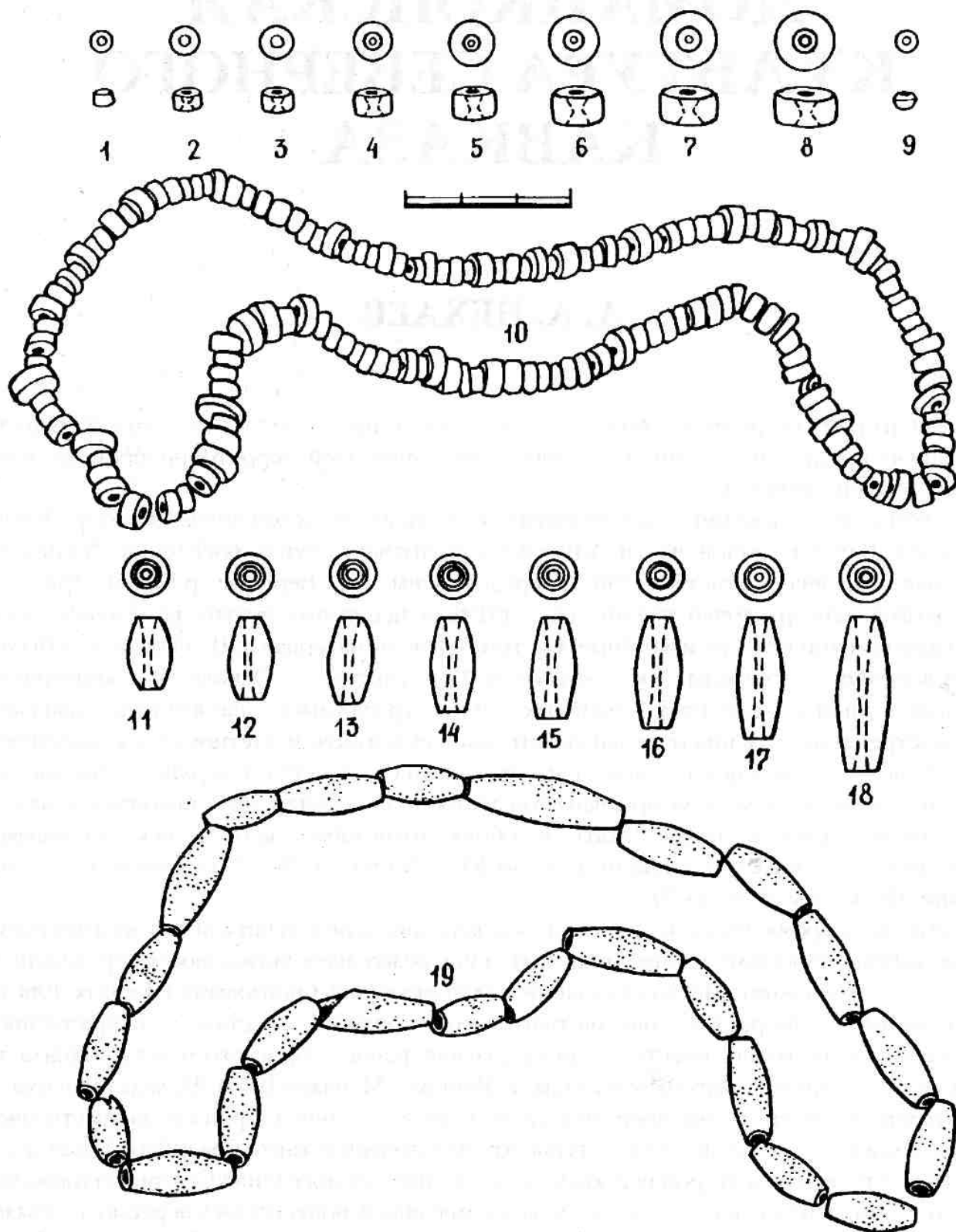

РИС. 5. Археологический комплекс некрополя.
Погребение 5. Формы и типы лазуритовых бус.

ДОМАЙКОПСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

А. А. НЕХАЕВ

Зона предгорий северного склона Большого Кавказа переходит в бассейне р.Кубань в наклонную предгорную равнину. Активное освоение этой территории происходило в эпоху раннего металла.

В 1960-е гг. усилиями ленинградских и московских археологов (Столяр 1961; Формозов 1965) в горной части Адыгеи была открыта группа поселений (Мешоко, Ясеновая Поляна, Замок). Они сосредоточены по берегам р.Белой (рис.1). Археологические раскопки указанных, а также и некоторых других поселений дали обильные, по-существу, не известные для того времени материалы. Все поселения были безоговорочно отнесены к майкопской культуре. Основным критерием декларированного единства бытовых и погребальных памятников явилась взаимовстречаемость в них отдельных категорий инвентаря. В частности, в культурном слое Мешоко, состоящем из двух горизонтов: нижнего- раннего и верхнего - позднего, керамика нижнего слоя была признана тождественной сосудам знаменитого Большого майкопского кургана. Кроме того, в обоих памятниках встречались кремневые микролитические изделия - сегменты: около 200 в Мешоко и 17 - в Большом майкопском кургане (Формозов 1965: 33,70).

Длительное время металл из Большого майкопского кургана считали медью, а поэтому и сам курган относили к энеолиту. Ситуация резко изменилась после проведения спектрального анализа. Металлические изделия оказались бронзовыми (Черных 1966). Стадиальный возраст рассматриваемого кургана стал существенно моложе. Соответственно, вместе с ним на ступень раннего бронзового века поднялась и вся свита бытовых памятников во главе с Мешоко (Мунчаев 1975). Вследствии этого значительный интервал времени между неолитом и ранней бронзой искусственно превратился в "белое пятно" на культурно-хронологической карте Северного-Кавказа.

В 1980-х гг. начался второй период в изучении древних поселений Северного Кавказа. Наряду с открытием и исследованием новых памятников, подвергалась пересмотру связь нижнего слоя поселения Мешоко и Большого майкопского кургана (Нехаев 1989). При ближайшем рассмотрении выяснилось, что близость в керамике не соответствует реальности. Сходство между посудой нижнего слоя Мешоко и Большого майкопского кургана весьма поверхностное и основано, главным образом, на аналогиях технологического порядка. Формы сосудов существенно различаются. Что касается кремневых сегментов, то в нижнем слое Мешоко они практически отсутствовали, а находились почти все в верхней части его культурных отложений. Следовательно, данное сопоставление для нижнего слоя Мешоко вообще не приемлемо.

Значительно больший интерес представляют параллели нижнего слоя Мешоко с материалами поселения Свободное (Нехаев 1983). Оно находится на древней террасе р.Кубань между г.Усть-Лабинск и селом Красногвардейским. Обращает внимание интересная, и вместе с тем совершенно не свойственная для этих мест система фортификации (Нехаев 1984). Со стороны поля поселение площадью около 1 га окружал ров подковообразной формы. Его глубина достигала 4 м. Земля, вынутая из рва, была использована для сооружения вала, укрепленного сверху дополнительно деревянным частоколом.

Оборонительный ров, вырытый в лессовых суглинках, из которых была сложена в данном месте терраса Кубани, быстро оплывал и его глубина постепенно уменьшалась. Когда толщина натеков на дне рва достигла 60 см, его как это видно в стратиграфических разрезах, начали постепенно засыпать. После завершения работ по ликвидации оборонительных сооружений, последовало расширение площади поселения. На месте рва появился ряд жилых построек. С этим этапом жизни связано возведение оборонительных сооружений нового типа - деревянного частокола.

Необходимо отметить уникальный для данного региона характер укреплений. Видимо, эта традиция появилась на Северном Кавказе одновременно с проникновением сюда древнего населения, оставившего памятники типа поселения Свободное. Значительное распространение приемы ограждения поселений рвами получили в культурах Кукутени-Триполья. Рвы обнаружены на трипольском поселении этапа В/1 Поливанов Яр (Пассек 1961), на эпонимном поселении фазы Кукутени Аз (Petrescu-Dimbovița 1965), на поселении Траян-Дялул-Фынтынилор (Dumitrescu, Dumitrescu 1962: 249-252), на поселении Хэбэшешти фазы Кукутени Аз (Dumitrescu 1967: 23-25). Ряд поселений неолита-энеолита, укрепленных рвами, известны на Балканах, в Венгрии, Германии.

На поселении Свободное сохранились остатки жилищ в виде площадок из обожженной глины. Прямоугольные дома имели толстый глинобитный пол, каркасные стены, обмазанные глиной, и камышовую крышу. Площадь их варьировала от 14 до 20 кв.м. По всей видимости, рядом с очагом находился алтарь, на котором располагалась культовая антропоморфная и зооморфная пластика. Одновременно на поселении стояло 30-35 построек, в которых проживали 120-150 человек (рис.2). Элементы аналогичных жилых построек отмечены в Мешоко и Ясеновой Поляне (Формозов 1965: 101,102). Таким образом, структурные особенности рассматриваемых поселений подчеркивали их близость памятникам различных культур, предшествующих майкопскому времени.

Более определенные выводы вытекают из анализа материалов, полученных во время археологических раскопок указанных памятников. Обилие изделий из кремня является характерной чертой домайкопских поселений Северного Кавказа. В настоящее время кремневые индустрии этих поселений исследуются в трасологической лаборатории ИИМК, руководимой Г.Ф.Коробковой.

Наиболее полно изучена индустрия поселения Свободное. В ней преобладают выразительные типологические формы, высокий уровень техники скальвания, тщательная вторичная обработка поверхности орудий. Общее количество кремневых орудий - 982 ед., отщепов, осколков - 1754 ед. Орудия труда составляют свыше 50% всей коллекции. Кремневая индустрия поселения Свободное носила, в основном, пластинчатый характер (53, 5%). Отчетливо выражены микролитовидные черты, представленные геометрически правильными микропластинками, округлыми микроскребками, микротрапецией (рис.3).

Функциональный набор кремневых изделий очень разнообразен. Наибольший удельный вес имеют орудия, связанные со скотоводством. На раннем этапе функционирования поселения они составляют 58%, на позднем - 20%. Второе место

занимают орудия, относящиеся к домашним промыслам - 16 и 25% соответственно для раннего и позднего этапов. Следующая по количеству группа - ножи, для разделки туш животных, - также могут быть связаны со скотоводством, но, только отчасти, поскольку ими разделывались и туши животных, добытых охотой. На раннем этапе насчитывается 11% ножей, на позднем - 15%.

Количество земледельческих орудий, связанных с обработкой злаковых, невелико. 5,5% вкладышей серпов приходится на ранний этап и 7% - на поздний. Изделия, связанные с металлообработкой, на раннем этапе представлены одним экземпляром, позднее их количество возрастает до 2%.

Преобладающая часть кремневых орудий, найденных на поселении, связана со скотоводством, особенно на раннем этапе существования памятника. Обработка камня находится на вершине своего развития. Доминируют изделия, изготовленные на пластинах, многообразны типологические формы орудий.

Близкий уровень развития кремневой индустрии прослеживается в так называемом неолитическом слое Каменноостской пещеры (рис.3). Кремневая индустрия Мешоко и других поселений выглядит более поздней. Количество орудий от общего числа кремня в них не превышает 2-3%. Подавляющее большинство кремневых изделий изготовлено на отщепках, отсутствуют правильно огранные нуклеусы, тонкие пластинки и орудия из них. Доминируют концевые скребки, наконечники стрел и дротиков, двустороннеобработанные вкладыши серпов, треугольной и прямоугольной формы (рис.4,6).

Рассмотренные материалы характеризуют два этапа в развитии кремневых индустрий Северного Кавказа. Первый - связан с расцветом пластинчатой индустрии с чертами микролитонности (Каменноостская пещера, Свободное); второй - свидетельствует о постепенном упадке кремневой индустрии. Это может объясняться начавшимся распространением металлических орудий, понемногу замещавших каменные (Мешоко, Ясеновая Поляна, Замок, Скала, Веселый и другие).

Широкое распространение на поселениях Северного Кавказа получили каменные клиновидные топоры, тесла и долотца (рис. 3,4,5). Почти все они изготавливались из местных пород кремня, - в основном, зеленого серпентина. Богатством сырьевой базы объясняется обилие каменных топоров и тесел в Мешоко, где только в полевой сезон 1963 г. найдено 236 целых и 586 обломков каменных клиновидных топоров (Мунчаев 1975: 208). В свободном, расположенном примерно в 100 км от гор, их обнаружено всего 35, но качество изготовления (точность пропорций, тщательная шлифовка, полировка поверхности) гораздо выше, чем на других поселениях этого времени. Следует отметить, что серпентиновые топоры и тесла, не встречаются в поселениях, соответствующих времени Большого майкопского кургана.

Для изготовления орудий из кости и рога на поселении Свободное использовались рога и лопатки оленей, метаподии и берцовые кости мелкого рогатого скота, козули и т.д. Коллекция орудий состоит из 232 экземпляров. Основную ее часть составляют проколки (106 экз.), ложила (50 экз.), предметы для плетения - кочедыки (27 экз.), роговые муфты, использовавшиеся часто как рукоятки топоров и тесел (13 экз.), долотца (10 экз.). встречены костяные крючки (5 экз.), гарпуны из роговых заостренных стержней с двумя симметричными боковыми пазами для кремневых вкладышей (3 экз.), роговые мотыги (7 экз.), роговые основы жатвенных ножей в виде изогнутого стержня с одним продольным пропилом (2 экз.) и другие (рис.3). Наиболее близкие аналогии этим изделиям обнаружены в памятниках раннего и среднего Триполья, культуры Гумельницы и др.

Глиняные (31 экз.) и одна костяная ложка (рис.3) встречены на Северном Кавказе только в поселении Свободное. Значительно чаще ложки находят в культурах Триполье и Гумельница. Костяная ложка имеет полную аналогию в раннеземледельческом

поселении Закавказья - Шулаверистора (Кигурадзе 1976: табл.14). Похожие ложки известны также в Джармо, Чатал-Хеюке, Караново-1.

В Свободном широко представлены украшения. Особенно интересны массивные каменные браслеты из серпентина и сланца. В настоящее время на территории СССР известно 27 местонахождений каменных браслетов (Северный Кавказ, Закавказье, Поволжье и левобережье Нижнего Дона). 14 из них приходится на Северный Кавказ. Наибольшее количество типов (восемь) представлено на поселении Свободное, причем доминируют серпентиновые браслеты (рис.7: 1-8).

Браслеты иного типа встречены в нижнем слое Мешоко: тип 9 (рис.4), Ясеновой Поляне: тип 10 (рис.4), а также в энеолитических поселениях Западного Закавказья (Джапаридзе 1976: рис. 79). Примечательно, что на других поселениях Северного Кавказа преобладают простые, тонкие сланцевые браслеты. Так, в 1963 г. при раскопках Мешоко из 686 обломков браслетов 605 оказались сланцевыми (Мунчаев 1975: 209). Очевидно массивные серпентинитовые браслеты постепенно были замещены более простыми сланцевыми.

Количество других украшений в поселениях Северного Кавказа сравнительно невелико. В Мешоко это подвески из зубов оленей и их имитации, костяные пронизи с нарезкой, каплевидные и иные виды подвесок (рис.4,5).

Спектральный анализ в лаборатории ИА АН СССР д.и.н. Е.Н.Черных показал, что металлическая бусина из поселения Свободное является медной и связана с Балканской группой металла.

Весьма разнообразен состав свободненской группы украшений (рис.3). Преобладают глиняные бусы округлой формы - 226 экз., встречены серпентиновые, костяные и перламутровые кольцевидные бусы, характерные для энеолитических погребальных комплексов Украины, Поволжья, а также могильника близ г.Нальчик, найдены костяные (11 экз.) и глиняные (5 экз.) пронизи, а также костяные пронизи с насечками по краю. Аналогичные украшения уже встречались в ранних энеолитических погребениях Поволжья (Мерперт 1974: рис.5) и Подонья (Столяр 1958: 386). Подвески в поселении Свободное изготовлены, как правило, из зубов оленя, срезов кабаньих кликов, раковин (рис.3). В целом, большая часть данной группы украшений сопоставима с материалами Днепро-Донецкой культуры и памятников типа Хвалынского могильника.

Большую роль в реконструкции идеологических представлений энеолитических племен Северного Кавказа играет пластика. Долгое время она считалась нехарактерной для памятников рассматриваемого региона. Между тем, статуэтты, обнаруженные при раскопках шести поселений, образуют достаточно информативную коллекцию.

Одна целая и несколько десятков фрагментов антропоморфной и зооморфной пластики найдены в Мешоко. Обломок фигурки сидящего человека происходит из поселения Скала (Формозов 1965: 128,129), четыре фрагментированные зооморфные фигурки - из Ясеновой Поляны. Восемь антропоморфных сидящих фигурок происходят из поселения Замок (Рунич 1967: рис.4). 18 женских и 30 фигурок бычков найдено на поселении Свободное (рис.3). Глиняное тесто, шедшее на их изготовление, почти не отличалось от формовочной массы столовой посуды. Антропоморфные фигурки имеют четко моделированный бюст, руки полностью отсутствуют, голова и другие части тела переданы схематично. На нескольких статуэтках в области плечей сделаны отверстия. Такие же отверстия имеются на женской фигурке из поселения Замок. Отверстия на статуэтках характерны, преимущественно для трипольской пластики (Погожева 1983) и крайне редко встречаются на скульптуре памятников Юго-Восточной Европы и Балкан. Перевязь на плече женской фигурки из Мешоко аналогична трипольским. Такие же перевязи, включая несомненную близость форм в целом, имеются на скульптурах этапа В II из Шипенцов (Погожева 1983: 71).

В целом для Северного Кавказа прослеживается динамика в развитии антропоморфной пластики - от раннего натуралистично-схематизированного стиля, присущего поселению Свободное, к более позднему - схематичному (Мешоко, Скала, Замок). Несмотря на самобытность антропоморфной пластики поселений Северного Кавказа, можно признать определенную близость некоторых ее образцов пластике Триполья.

Не менее важную роль в культовых представлениях ранних земледельцев и скотоводов играл бык. Его глиняные фигурки обнаружены в поселениях: Мешоко, Ясеновая Поляна и Свободное. В Ясеновой Поляне представлены схематичные статуэтки бычков с короткими рогами и слабо моделированными ногами (рис.4), в Свободном представлен устойчивый тип лежащего бычка (рис.3). Есть основания считать, что отдельные небольшие фигурки бычков подвешивали на шнурах и носили в качестве амулетов.

Самой массовой категорией находок является керамика. Отсутствие ее детальной классификации служит серьезным препятствием для решения проблем хронологии энеолита Северного Кавказа. Ниже предложена классификация керамического комплекса поселения Свободное.

Коллекция насчитывает более 10 тысяч фрагментов посуды. Реконструировано 6 типов сосудов.

1 тип - крупные широкогорлые тонкостенные сосуды серого и коричневого цвета с яйцевидным туловом и острым дном. Диаметр горла - от 20 до 50 см (рис.8 - 1,2).

2 тип - остродонные сосуды средних размеров. Форма и технологические особенности соответствуют керамике 1 типа. Диаметр горла от 10 до 20 см (рис.8 - 3,4,5).

3 тип - высокогорлые сосуды (амфоры) оранжевого и светло-коричневого цвета с яйцевидным туловом, переходящим в острое (коническое) донце. Диаметр горла - от 3 до 8 см, высота - до 35 см (рис.8 - 6,7).

4 тип - миски конической формы коричнево-красного, серого или оранжевого цветов. Миски диаметром от 18 до 32 см имеют плоское или уплощенное донце. Миски диаметром 11-17 см имеют плоские, уплощенные, круглые и конические донца (рис.9: 8-12).

5 тип - миниатюрные сосуды, образцами для которых служили более крупные изделия. Высота их колеблется от 2 до 10 см (рис.9: 13-18).

6 тип - банковидные сосуды коричневого цвета. Встречены небольшие фрагменты и один реконструированный четырехгранный сосуд. Его поверхность украшена вертикальными двойными рядами жемчужин, высота - 7,5 см, диаметр горла - около 12 см (рис.9 - 19).

Сосуды 1-4 и 6 типа имеют хорошо заглаженную поверхность и залощены, причем миски залощены и изнутри; в тесте присутствует примесь дробленой раковины. Для сосудов 5-го типа примеси и лощение не характерны.

Вся посуда, кроме 4-го типа, украшена разнообразным орнаментом. В этом отношении выделяются сосуды первого типа. Орнамент наносился на плечики, и, лишь иногда, поднимался на горло сосудов. Преобладает рельефный орнамент в виде жемчужин, полученных продавливанием стенки сосуда изнутри, а иногда и снаружи притупленным стержнем (рис.8, 9 - 5, 7, 19). Встречаются жемчужины в сочетании с прочерченными линиями и желобками (рис.8 - 2). Нередко употреблялся штамп, оттиснутый прямоугольными, треугольными, овальными и листовидными в сечении стержнями, пальцевые вдавления и т.д.

При всем разнообразии орнаментации, эта часть посуды поселения Свободное можно считать местной, выполненной в едином технологическом стандарте. Следует отметить совершенное для энеолитических ранне-скотоводческих племен гончарное производство. Тонкостенные (3-5 мм) симметричные сосуды различных размеров, с

поверхностью, лощенной подчас до металлического блеска, создают впечатление вышедших из специализированных мастерских земледельческих племен. Но доминируют остродонные сосуды с раковинной примесью, характерные для ранних скотоводов.

Генетическая линия развития керамики поселения Свободное пока не ясна. Ее ранние аналогии не известны. Более поздние отмечаются в керамике нижнего слоя Мешоко. Однако, здесь уже совсем исчезли острые донца и примеси дробленной раковины. Керамическая традиция поселения Свободное, зафиксирована в постмариупольской-новоданиловской группе энеолитических памятников Украины. Новоданиловская амфора является аналогом 3 типа сосудов поселения Свободное (Археология Украинской ССР 1985: 312-314).

Небольшую часть керамики поселения Свободное можно считать импортом. Речь идет о серых или коричневых остродонных сосудах средних размеров с яйцевидным туловом, переходящим в широкое утолщенное горло. Большая часть тулова, горло и плечики покрыты различным орнаментом в виде штампов, зигзагов, прочерченных линий и т.д. Черепок часто плотный, с примесями дробленной раковины (рис. 10).

Форма, орнаментация и технология этой керамической группы отличается от свободненской. С другой стороны, очевидны и объединяющие черты, свидетельствующие, вероятно, о контактах с близкими племенами. Аналогии этой группе керамики уходят к энеолитическим памятникам ранних скотоводов Поволжья и Нижнего Дона (Васильев 1981; Кияшко 1987).

Остродонная керамика найдена также на поселении Замок близ Кисловодска. Однако, в этом памятнике остродонная посуда сосуществует с круглодонной. Применительно к Свободному, очевидны различия в профилировке и технологии изготовления сосудов, с одной стороны, и сходство в остродонности и способе орнаментации жемчужинами, с другой стороны.

Керамика других поселений эпохи раннего металла Северного Кавказа существенно отличается от Свободненского. В них отсутствуют острые донца, примесь раковины, иной типологический набор. Но элементы свободненской традиции в оформлении верхних частей сосудов улавливаются в ряду более поздних памятников вплоть до майкопского времени.

В трасологической лаборатории ИИМК выделены три группы орудий труда, связанные с хозяйством: земледельческие орудия составили 39%, охотничье-скотоводческие - 54%, орудия для рыболовства - 7%. Эти данные дополняются результатами фаунистических исследований: найдено 3199 костей домашних животных от 137 особей, костей диких животных 1835 от 105 особей. Основными объектами охоты являлись благородный олень (31,1% от всей фауны) и кабан (20%). В домашнем стаде преобладал мелкий рогатый скот: овца - 41,6%, коза - 5,8%. На втором месте находится свинья - 35,8%, далее крупный рогатый скот - 11,7%. Учитывая значительное число костей диких животных, хозяйство поселения Свободное можно определить как скотоводческо-охотничье-земледельческое.

На среднем и позднем этапах отмечается резкое увеличение костей домашних животных. В Мешоко домашний скот составляет 96%, в Ясеновой Поляне - 87%. Доминирующим животным становится свинья. За ней следует крупный и мелкий рогатый скот. Роль охоты в хозяйстве значительно сократилась.

Подводя итог анализу материальной культуры поселений Северного Кавказа, можно констатировать существование раннего пласта поселений, предшествующего майкопской культуре. В связи с этим встает вопрос о поселениях майкопской культуры. Безусловно между погребениями майкопской культуры эпохи ранней бронзы, имеющей довольно развитую металлургию, и поселениями должно быть стадийное соответствие.

Бытующее еще и сейчас мнение, что архаизм поселений Северо-Западного Кавказа (Мешоко, Скала, Веселый, Ясеновая Поляна и некоторых других) связан с отставанием их развития от Закавказья, совершенно не состоятельно. Историческое развитие региона Северного Кавказа происходило достаточно динамично во все периоды, в том числе, в энеолитическую эпоху, как показывают рассмотренные выше памятники.

В периодизации домайкопских памятников Северного Кавказа можно выделить три этапа.

Ранний этап характеризуют поселения типа так называемого неолитического слоя Каменноостской пещеры и Свободное. Этому этапу должны соответствовать грунтовые могильники и самый ранний пласт энеолитических подкурганых захоронений (Старонижестеблиевская 1:13, 14, 18, 28, 29, 30; Шаталин 1982).

Средний этап связан с нижним слоем Мешоко, поселениями Замок, Ясеновая Поляна.

Поздний этап отмечен наибольшим числом поселений: верхний слой Мешоко, Ахметовское, Веселый, Скала и другие, известен грунтовый мегалитический могильник близ поселения Ахметовское в верховьях реки Лабы.

За последние годы в Краснодарском и Ставропольском краях выявлена новая серия поселений, где обнаружено значительное количество предметов майкопской культуры. Это бронзовая мотыга - аналог мотыге Большого Майкопского кургана из Галюгаевского поселения в Ставрополье (Кореневский 1989), флажковидные кремневые наконечники стрел, типичная майкопская керамика и другие. Это указывает на то, что к майкопской культуре относится позднейшая группа поселений эпохи раннего бронзового века. Кремневые изделия представлены в них единичными находками, в основном, вкладышами серпов и наконечниками стрел, встречаются кремневые отщепы. Основную часть материалов представляет керамика майкопского облика.

Таким образом, интерпретация всего комплекса данных позволяет выделить на Северном Кавказе самобытную и развитую культуру домайковского времени.

На рубеже IV-III тыс. до н.э. на смену ей приходит собственно майкопская культура. Указанная дата определяется комплексом из майкопского кургана у с. Красногвардейское в состав которого входила каменная цилиндрическая переднеазиатская печать с изображением оленя на фоне дерева (рис. 11; Нехаев 1986).

Датировка этапов развития домайкопской культуры Северного Кавказа определяется некоторыми материалами из культурных слоев поселений. Так в Ясеновой Поляне найден обломок серпентинового зооморфного схематического скипетра. Аналогичный целый скипетр найден вблизи г. Майкопа. Всего известно 19 скипетров этого типа. Их распространение связывается с миграциями степных скотоводческих племен эпохи энеолита. На территории Северного Кавказа отмечено уже семь местонахождений подобных скипетров. Они датируются, в основном, серединой IV тысячелетия до н.э. и определяют, таким образом, хронологическую позицию Ясеновой Поляны, а соответственно и других поселений среднего этапа: нижнего слоя Мешоко и Замка.

Обнаруженные в Замке роговые стержни с отверстиями - так называемые цурки, встречаемые часто вместе с каменными скипетрами, хорошо известны в трипольских поселениях этапа В I Новые Русешты I (Маркевич 1970: 58, 59), Ленковцы, Березовская ГЭС (Даниленко 1974: 96, 97) и другие.

Для определения места поселения Свободное в системе энеолитических памятников Восточной Европы, можно указать на оборонительные сооружения, аналогии которым находятся на Западе, в культурах Кукутени-Триполье.

Каменные браслеты поселения Свободное наиболее близки браслетам из Центральной и Северо-Западной Чехии (17 местонахождений) и Центральной Германии (12 местонахождений). Мраморные, массивные, сегментовидные в сечении браслеты из Центральной Европы, по существу, идентичны свободненским. В Европе каменные

браслеты встречаются в довольно узком хронологическом горизонте в пределах поздней фазы линейно-накольчатой керамики (Zápotocká 1984). Их массовое производство было одним из явлений, сопутствовавших культурным и экономическим переменам, происходившим в это время на территории Европы. Поэтому, не исключено, что появление в Закубанье племен, основавших поселение Свободное, также могло быть следствием определенных миграций.

Следует отметить и тот факт, что жители поселения Свободное пользовались украшениями, изготовленными из меди балканского происхождения. Причем, металл мог поступать на рассматриваемую территорию не позднее середины IV тыс. до н.э. Балканский металл поступал также в Подонье и Поволжье. Выше указывалось на связи этого региона с энеолитическими комплексами типа Свободное. Механика взаимодействий между ними пока еще не вполне понятна. Браслеты Хвалынского и Ивановского могильников можно интерпретировать как влияние Северного Кавказа.

С другой стороны, отдельные типы глиняной посуды в Свободном аналогичны керамике Хвалынского и Съезжинского могильников. К настоящему времени сложились две точки зрения на хронологические позиции двух цепочек памятников: Нальчик-Хвалыnsk-Криволучье-Ивановка и Мариуполь-Съезжее. Суть их сводится к существованию хронологической дистанции между ними (Васильев 1981) и к отсутствию таковой (Пестрикова 1987). В Свободном элементы этих культурных пластов сосуществуют.

Все это свидетельствует о том, что поселение Свободное имеет немаловажное значение для решения ряда проблем хронологии памятников Северного Кавказа и Восточной Европы. Появление поселений типа Свободное на данной территории является следствием масштабных перемен, затронувших Юго-Восточную Европу в первой половине IV -го тысячелетия до н.э. Более детальное изучение этих процессов - задача будущего.

Схема соотношения энеолитических памятников Северного Кавказа, Поволжья и Юго-Запада СССР

Ранняя бронза		Северный Кавказ	Поволжье	Юго-Запад СССР
		Майкопская культура	Репин Хутор	Триполье С I
Энеолит	поздний	4 Мешоко (верхний слой)		Триполье В II
		3 Веселий		
		2 Скала		
		1 Ахметовское		
	Средний	3 Ясеновая Поляна		Триполье В I
		2 Мешоко (нижний слой)		
		1 Замок		
	Ранний	2 Свободное	Хвалынский	Триполье А II
		1 Каменноостская пещера	Съезжее	

Археология Украинской ССР 1. 1985. Первобытная археология. Киев.

ВАСИЛЬЕВ, И. Б. 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Куйбышевский Государственный педагогический институт.

ДАНИЛЕНКО, В. Н. 1974. Энеолит Украины. Киев.

ДЖАПАРИДЗЕ, О. М. 1976. К этнической истории грузинских племен (по данным археологии). Тбилиси. Тбилисский Государственный университет (на грузинском языке).

КИГУРАДЗЕ, Т. В. 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси: Мецниереба (на грузинском языке).

- КИЯШКО, В. Я. 1987. Многослойное поселение майкопской культуры // Первая Кубанская археологическая конференция (тезисы докладов): 31-33. Краснодар.
- МАРКЕВИЧ, В. И. 1970. Многослойное поселение Новые Русешты I // Краткие сообщения Института археологии 123: 56-68.
- МЕРПЕРТ, Н. Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. Москва.
- МУНЧАЕВ, Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. Москва.
- НЕХАЕВ, А. А. 1983. Новое поселение майкопской культуры (предварительное сообщение) // Вопросы археологии Адыгеи: 16-32. Майкоп: Адыгейский институт экономики, языка, литературы и истории.
- 1984. Некоторые вопросы изучения поселения Свободное // Вопросы археологии Адыгеи: 69-79. Майкоп: Адыгейский институт экономики, языка, литературы и истории.
- 1986. Погребение майкопской культуры из кургана у с. Красногвардейское // Советская археология I: 244-248.
- 1989. О соотношении бытовых и погребальных комплексов Закубанья // Первая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов: 25-27. Краснодар.
- ПЕСТРИКОВА, В. И. 1987. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва.
- ПОГОЖЕВА, А. П. 1983. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск.
- РУНИЧ, А. П. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // Советская археология 1: 228-233.
- СТОЛЯР, А. Д. 1958. Раскопки курганов у хутора Попова в 1950-1951 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 62: 348-416.
- 1961. Мешоко - поселение майкопской культуры (предварительное сообщение о результатах раскопок 1958-1959 гг.) // Труды Адыгейского института языка, литературы и экономики II: 73-98. Майкоп.
- ФОРМОЗОВ, А. А. 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. Москва.
- ЧЕРНЫХ, Е. Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР 132.
- ШАТАЛИН, Ю. А. 1984. Курган у станицы Старонижестеблиевская, раскопанный в 1982 г. // Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982-1983 гг. и задачи на 1984-1985 гг.: Материалы научно-практического семинара археологов: 24-25. Краснодар.
- DUMITRESCU, H., DUMITRESCU, V. 1962. Activitatea santierului arheologic Traian // Materiale si cercetari arheologice V (VIII): 245-260. Bucuresti.
- DUMITRESCU, V. 1967. Hăbă sesti. Statul neolitic de pe Holm. Bucuresti.
- PETRESCU-DIMBOVIȚA, M. 1965. Nouvelles fouilles archeologiques a' Coucoteni-Baitcheni en Roumanie (dans le nord de la Moldavie) // Atti del VI Congresso internazionale della Scienze Preistoriche e Protostoriche II: comunicazioni (serioni I-IV): 246-252. Roma.
- ZÁPOTOCKÁ, M. 1984. Armringe aus Marmor und anderen Rostoffen im jüngeren Neolithikum Böhmens und Mitteleuropas // Památky archeologické LXXV (číslo 1): 50-130. Praha.

The Premaikop Culture of the Northern Caucasus

A. A. Nekhaev

In 1982, excavations took place at Svobodnoje, a settlement which lies between the town of Ust-Labinsk and the settlement of Krasnogvardeiskoje, in the Krasnodar Territory of Russia. The site dates to the Premaikop epoch and is contemporary with the AII stage of the Tripolje culture. In its earliest phase, the settlement occupied 1 hectare and was surrounded by a horseshoeshaped ditch, 4 metres deep. The earth from the ditch was used to construct a rampart which was strengthened on top by a wooden palisade. Later, the ditch was filled in and the settlement area expanded. This enlarged settlement was surrounded only by a wooden palisade.

There were found the remains of rectangular dwellings (14-20 square metres) with thick wattle and daub floors, frame-work walls, roofs coated with clay and a reed roof. Inside the dwellings there were hearths and, probably, altars on which cult antropomorphic and zoomorphic statuettes usually stood. Altogether there were up to 30-35 dwellings in the settlement at the same time.

Flint work is poorly represented. Some microliths were found. Tools used in cattle-breeding predominate. Farming tools (sickle inserts) make up 5,5 % at the early stage and 7 % at the late stage.

Stone wedge-shaped axes, chisels and adzes were found, as well as bone awls, polishers, hooks harpoons, hoes; earthenware and one bone spoon. Massive bracelets made of serpentine and schist (8 types) are of great interest. The most numerous types of personal jewellery are clay beads, ring-shaped beads made of serpentine, bone and mother-of-pearl, pendants made of deer teeth and shells, a copper bead.

18 anthropomorphic and 30 zoomorphic (bulls) pottery statuettes were found in Svobodnoje settlement. The modelling of these anthropomorphic statuettes has some parallels in Tripolje.

The pottery assemblage consists mainly of modelled polished pots and bowls of grey, brown and orange colour. There is some temper of crushed shell in the paste. The vessels are decorated mainly with a relief ornament in the form of pearls. The pots have sharp bottoms, the bowls-flat ones. No parallels to this pottery have been known so far.

With the large amount of wild animal bone recovered, the settlement can be seen as practising a mixed economy, with stock-breeding, hunting and farming.

The jewellery (stone bracelets, a copper bead), the ditch, rampart and palisade, the cult lame make it possible to date the settlement to the first half of the IVth millenium B. C.

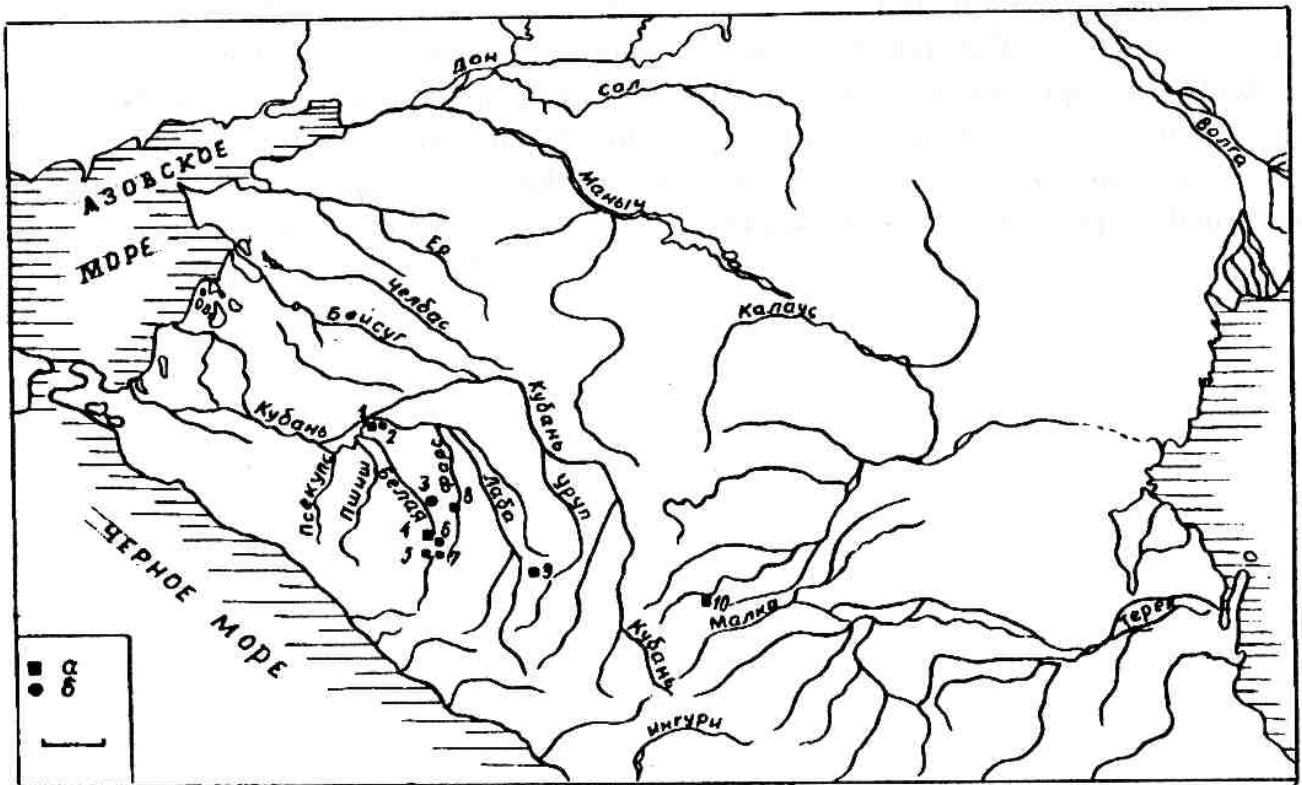

РИС. 1. Карта расположения энеолитических поселений Северного Кавказа.

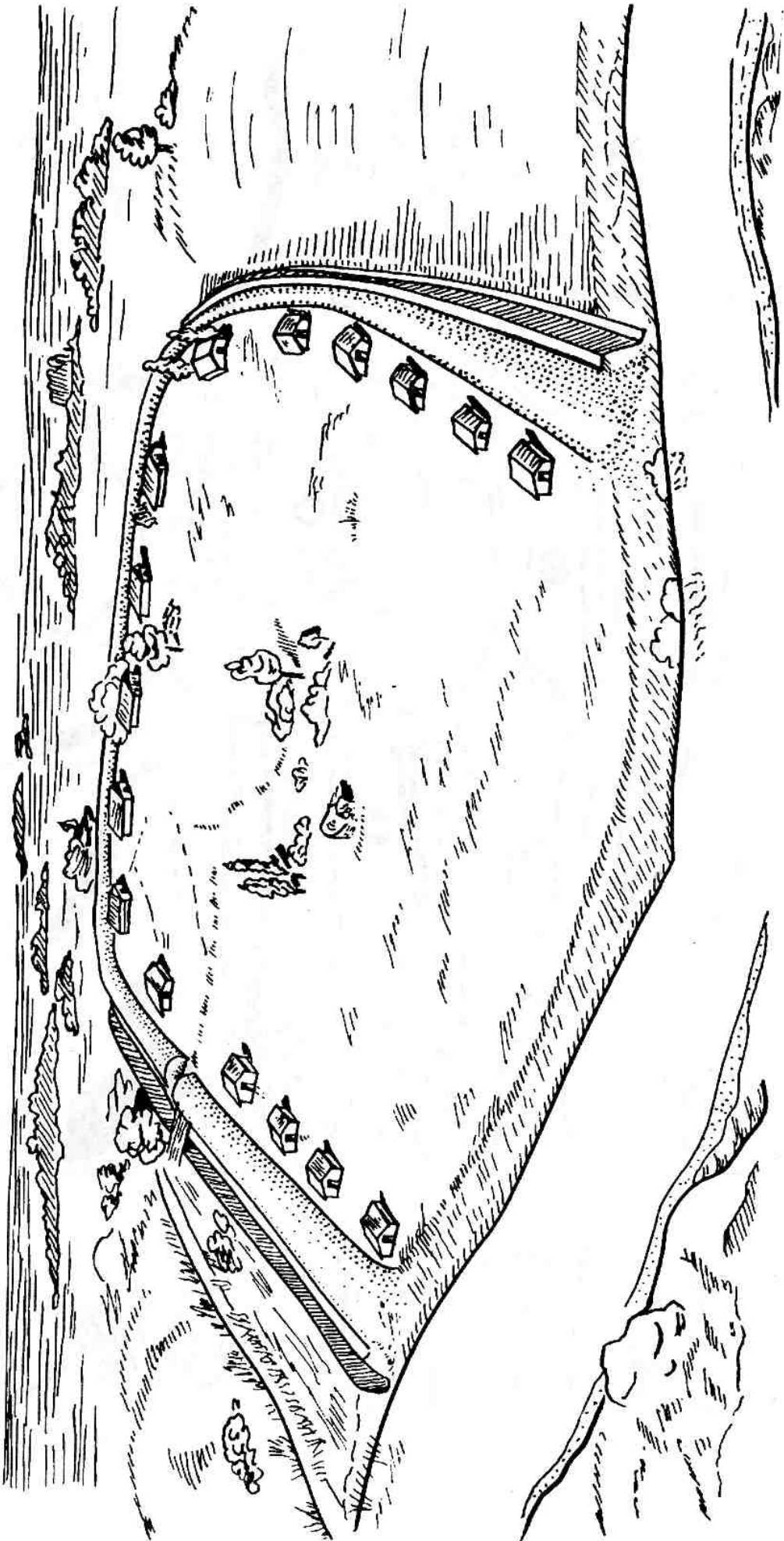

РИС. 2. Реконструкция поселения Свободное.

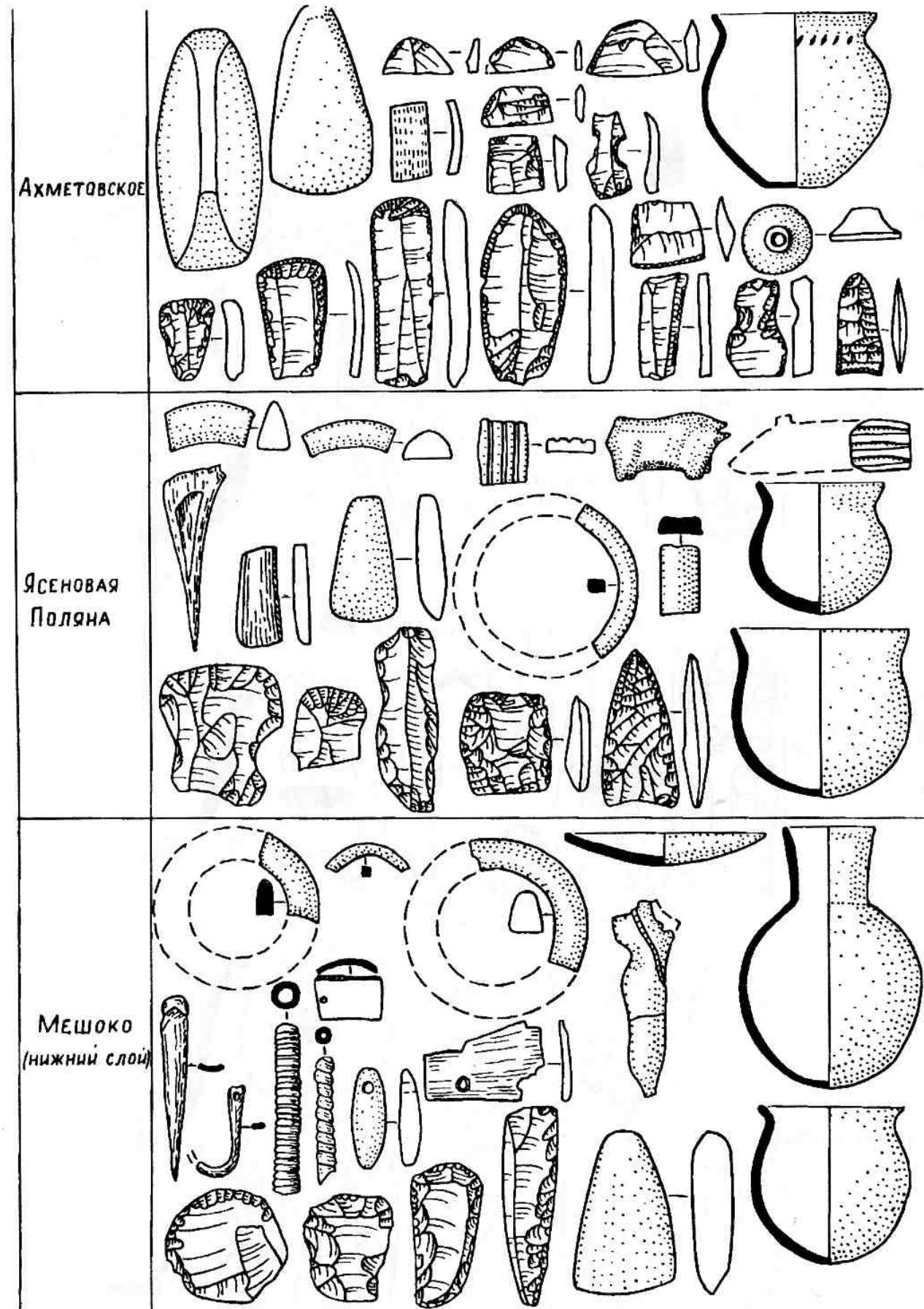

РИС. 4. Инвентарь поселений среднего этапа.

Замок

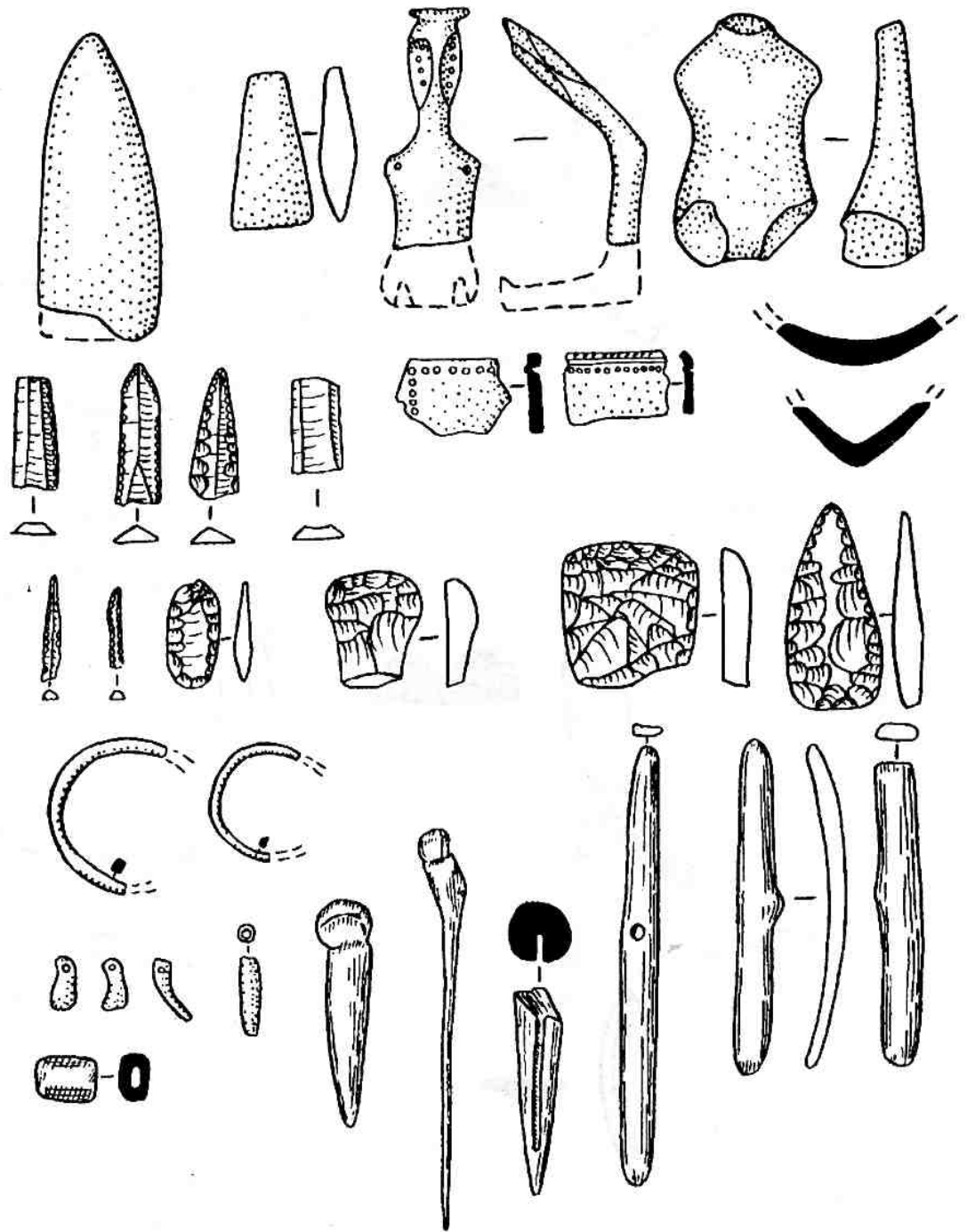

РИС. 6. Инвентарь поселения Замок.

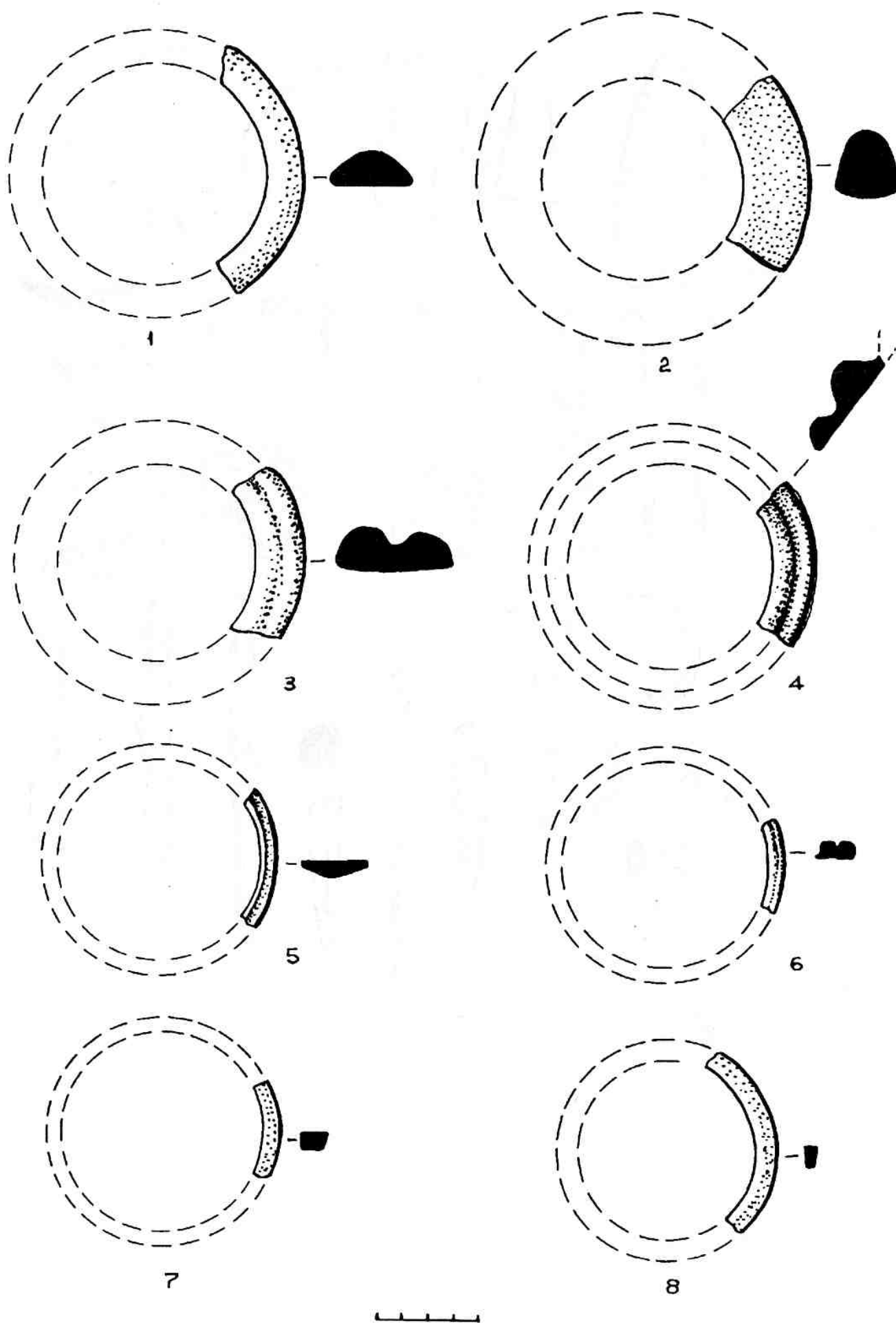

РИС. 7. Поселение Свободное. Каменные браслеты.

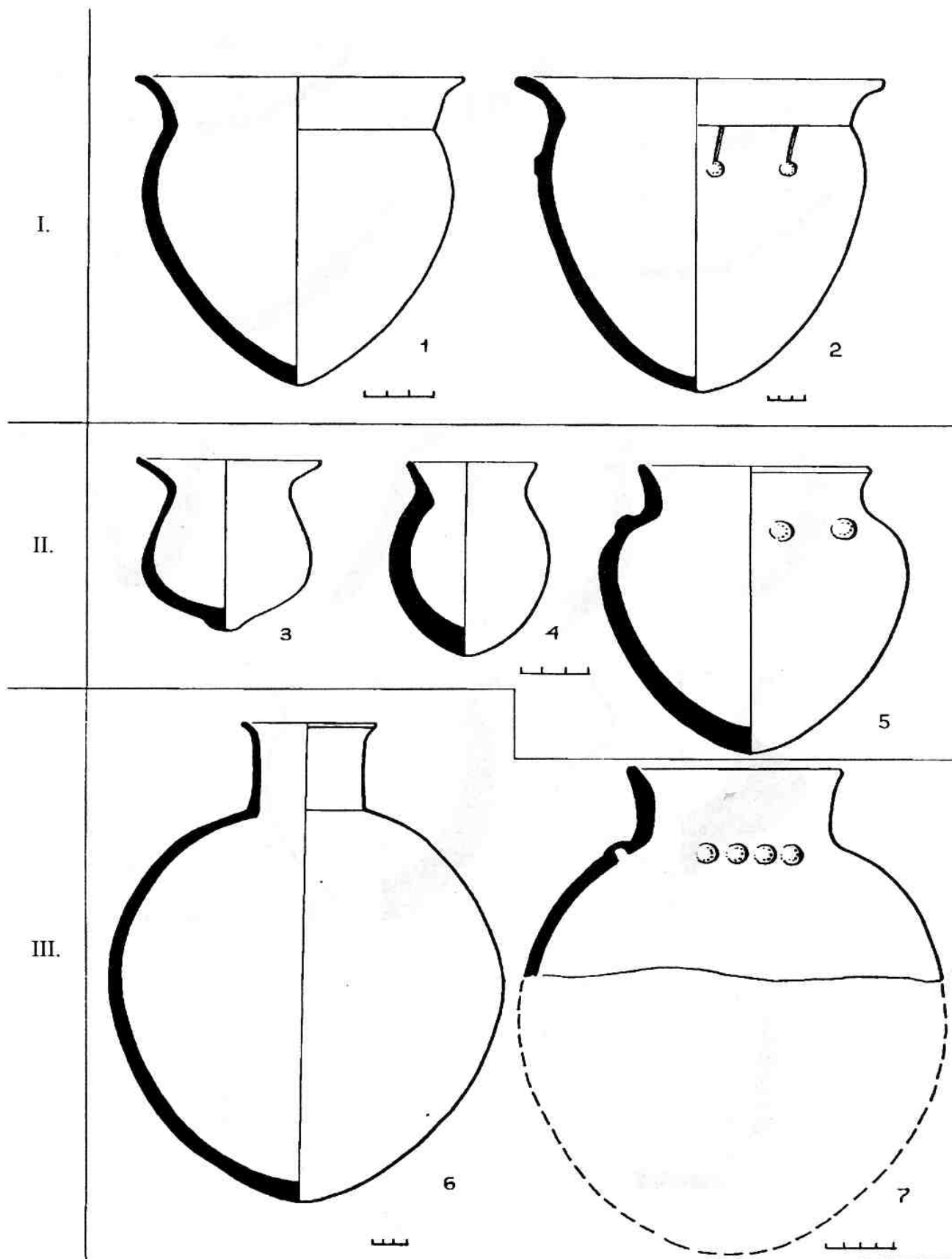

РИС. 8. Поселение Свободное. Типология керамической посуды.

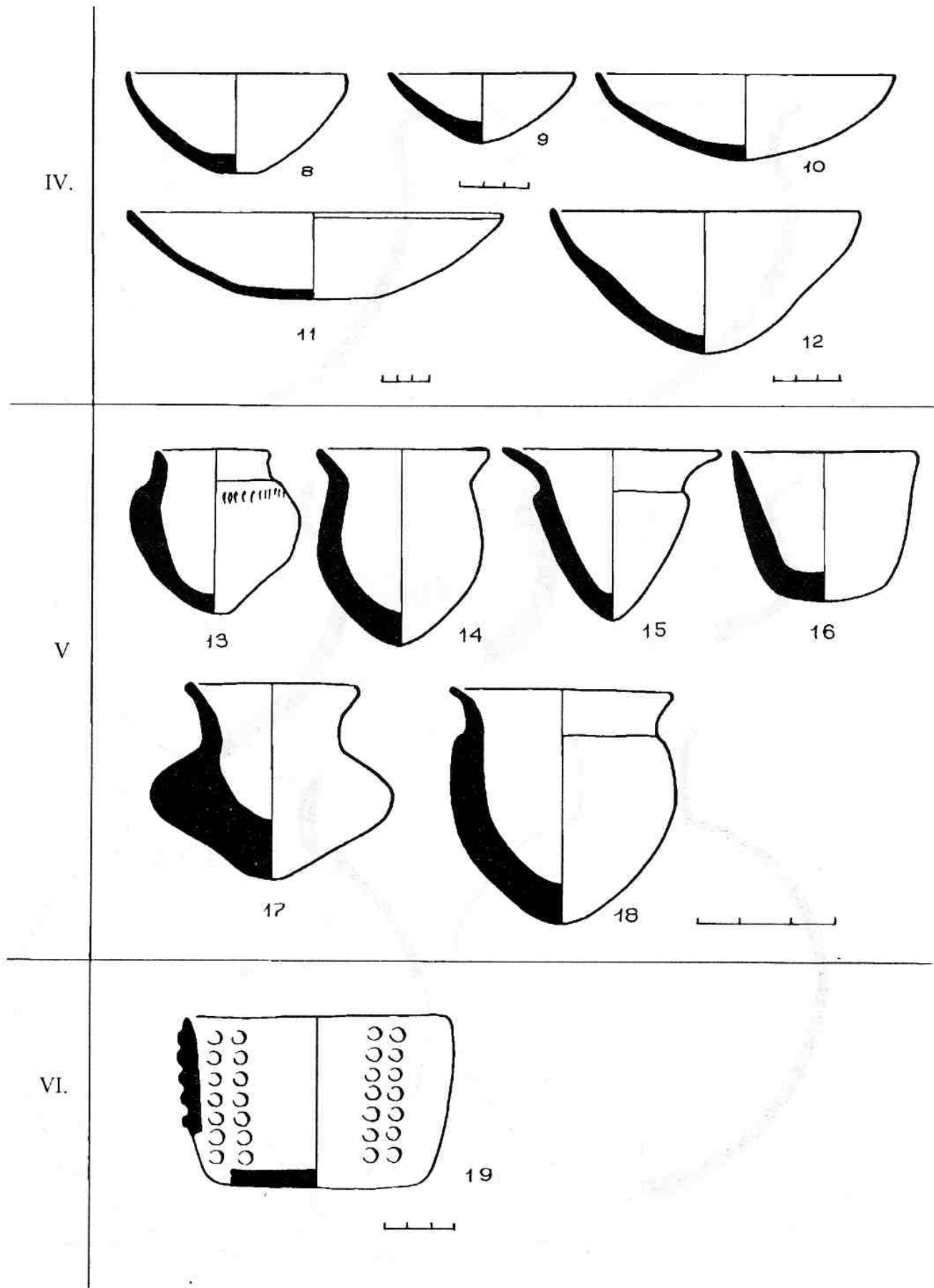

РИС. 9. Поселение Свободное. Типология керамической посуды.

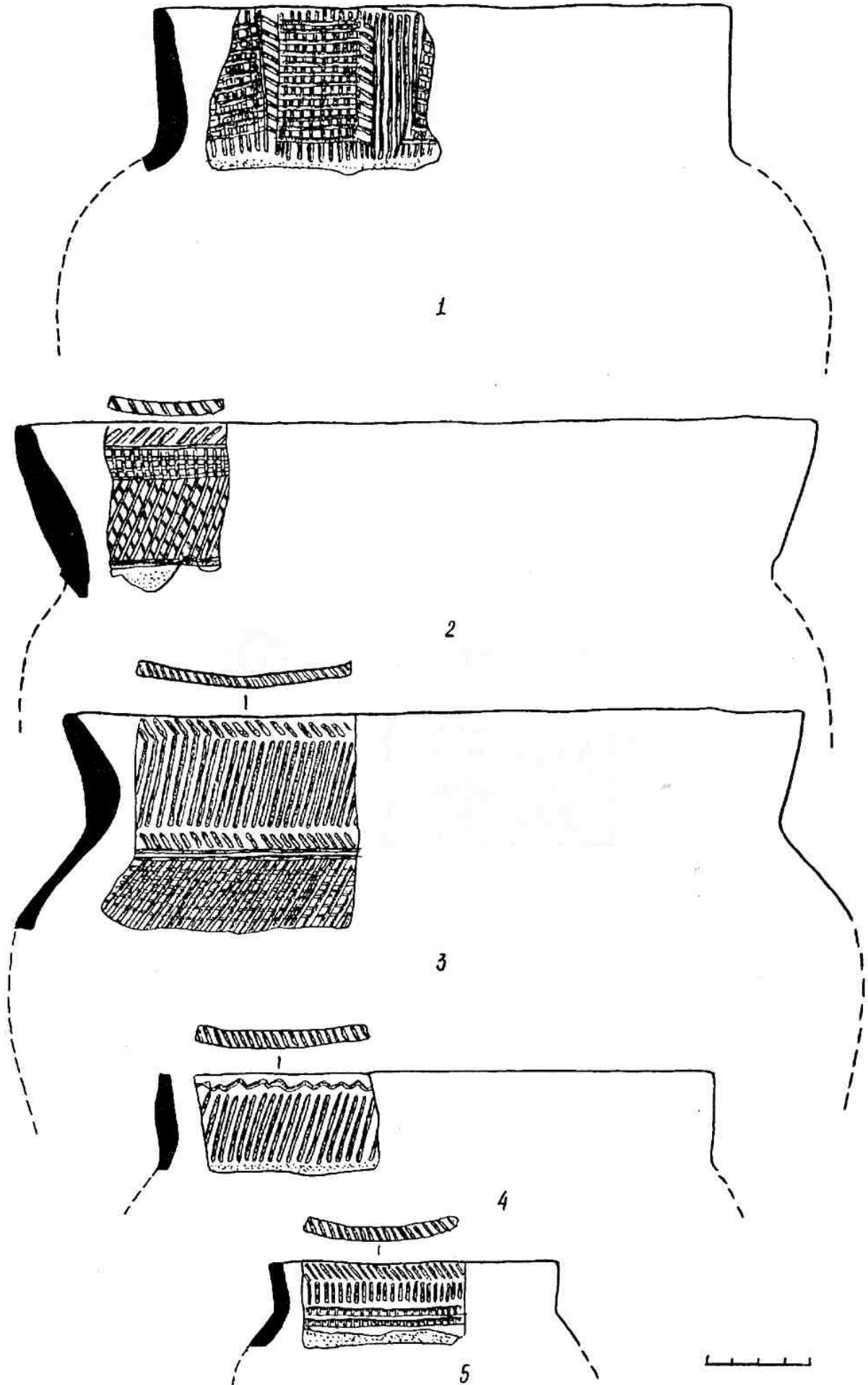

РИС. 10. Поселение Свободное. Группа импортной керамики.

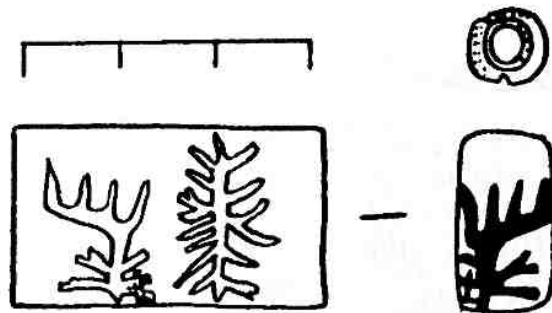

РИС. 11. Каменная переднеазиатская печать из Красногвардейского кургана.

ОТКРЫТИЕ БОГАТОЙ ЖРЕЧЕСКОЙ ГРОБНИЦЫ СИБИРСКИХ СКИФОВ

Г. Н. КУРОЧКИН

Первые памятники скифской эпохи на юге Сибири были открыты еще в петровские времена. Впоследствии южносибирские или минусинские художественные бронзы, изготовленные в скифо-сибирском зверином стиле, попали во многие музеи мира, произведя сильное впечатление на специалистов своим поразительным сходством с произведениями искусства, найденными в курганах европейских скифов. С конца XIX в. началось систематическое изучение скифских древностей на юге Сибири, а в 1928 г. памятники скифской эпохи на этой территории были выделены С.В.Киселевым в особую "Тагарскую культуру". Тагарские курганы изучались многими экспедициями, однако на протяжении длительного времени исследователям так и не удалось найти богатые гробницы тагарской знати. Сейчас такие элитные курганы обнаружены, это большой и заслуженный успех петербургской школы археологов-сибироведов. Первые курганы тагарской культуры, содержавшие серии ювелирных изделий из золота, были открыты во 2-ой половине 70-х гг. М.Н.Пшеницыной и ее сотрудниками (Пшеницына, Поляков 1989), а в 80-е гг. Средне-Енисейской экспедицией были открыты два наиболее богатых кургана скифской эпохи на юге Сибири - Большой Новоселовский и Большой Полтаковский (Курочкин 1989,1990). Особенно результативными оказались раскопки Большого Полтаковского кургана в 1988 г.

Большой Полтаковский курган - первый и пока единственный раскопанный курган тагарской знати, содержащий непо потревоженные грабителями XVII-XVIII вв. погребальные камеры. Курган находился в 1,5 км к В от с.Полтаков Аскизского района Хакасской Автономной области. Большой Полтаковский курган имел насыпь высотой 3 м, под которой в ходе раскопок был выявлен комплекс погребальных сооружений, возведенных в разное время. Сначала была возведена ограда вокруг могилы 4. Эта трапецевидная в плане ограда, сооруженная из вертикально поставленных каменных плиток и четырех стел по углам, имела восточную сторону длиной 20 м, западную - 18,5 м, северную и южную - по 17,5 м. Первоначальная ограда не имела насыпи. Вокруг ранней могилы 4 расположены с С, З и Ю более поздние по стратиграфии выкиды и инвентарю могильные ямы 1,2 и 3 с коллективными захоронениями. Из этих трех могил самой ранней является камера 2 (западная). Выкид из нее и она сама частично перекрыты выкидом из северной могилы 1. Судя по одинаковым размерам и симметричному расположению относительно могилы 4, камеры 1 и 3 сооружены одновременно. После того, как склепы 1 и 3 перестали функционировать, начала сооружаться, но не была закончена еще одна ограда размером 26х26 м. Были поставлены только вертикальные угловые и промежуточные камни, ориентированные торцами В-З. Всего их было 12, но сохранились не

все. После закрытия камер пространство внутри поздней ограды было заложено дерном на высоту около 4 м. Эта земляная конструкция за 2,5 тысячелетия осыпалась, превратившись в холм с пологими склонами.

Могила 4. Самая ранняя в кургане. Имела размеры 3,2 x 3,2 м при глубине 1,4 м. Облицована вдоль стен тонкими плахами, которые сохранились на высоту 0,5 м. Плахи обуглены. Погребение совершено на утоптанном дне могильной ямы. С верха насыпи в могилу вела грабительская "воронка". В заполнении ямы обнаружены отдельные кости взрослого мужчины. Из находок следует упомянуть бронзовые бляшки диаметром 2,5 см (8 шт.), свернутые из листовой меди цилиндрические и конические пронизки (по 7 экз.), аргиллитовые цилиндрические бусы с резьбой, напоминающей винтовую нарезку (8 шт.), раковину каури, а также фрагменты глиняного сосуда диаметром 40 см с грубо прочерченными желобками под венчиком. По керамике и другим находкам могила может быть отнесена к концу подгорновского этапа тагарской культуры (VII - начало VI вв. до н.э.). Наиболее интересной находкой является изготовленный из фаланги лошади идольчик (рис.2). В верхней части идольчика просверлены глухие отверстия, имитирующие глазное яблоко со зрачком; одна такая бусина сохранилась в левой "глазнице". Щеки, ноздри и губы идольчика окрашены охрой. Вокруг рта имеется сероватое пятно, видимо, следы символического ритуального кормления. Близкая аналогия идольчику происходит из зольника на поселении Ирмень-1, X-VIII вв. до н.э. на р.Оби. В найденной на этом поселении конской "бабке" просверлены 4 отверстия, в одно из верхних двух вставлена аргиллитовая бусина, имитирующая глаз (Грязнов 1962: 26-27). Конская бабка с 5-ю отверстиями в верхней части найдена С.С.Черниковым на поселении андроновской культуры Усть-Нарымское в Вост.Казахстане (Черников 1960: 38, табл. XXVIII-5). В тагарском погребении подобный идольчик обнаружен впервые.

Могила 2 (рис.1). Расположена к 3 от могилы 4. Прямоугольной формы могильная яма вытянута с С на Ю и имеет длину 7,4 м, ширину 3,9 м и глубину 1,8 м. Внутри ямы сооружены два квадратных сруба, каждый размером 3,3 x 3,2 м. Высота срубов 1,1 м с западной стороны и 0,6 м - с восточной. Вдоль северной и южной стены каждого сруба на дно положены плахи, а на них пол. После этого двойной сруб был перекрыт наклонным потолком из бревен. В потолке южного сруба остался незаложенным бревнами проем шириной 1 м для последовательного захоронения. Такой же проем в потолке северного сруба заложен бревнами, то есть южная камера функционировала дольше северной. После сооружения срубов было положено перекрытие над ямой из бревен в направлении С-Ю, а также устроен вход шириной 1 м с западной стороны ямы. После захоронения последнего покойника камера была подожжена изнутри, причем костер был разложен на перекрытии срубов.

На полу южного сруба лежат останки 12 человек - взрослые и дети. У скелета 1 в районе пояса был бронзовый коромыслообразный предмет с конскими головками на концах, облицованными золотой фольгой. У скелета 2 в области таза лежали бронзовые нож, зеркало, оленья бляха с золотой облицовкой и в специальном чехольчике из кожи - деревянные гадательные (?) палочки (7 шт.) длиной 25-26 см. У таза скелета 8 - нож, проколка, зеркало, бусы, в т.ч. золотые. По периметру сруба лежали штампованные из листового золота рельефные изображения идущих кошачьих хищников (34 шт.), предположительно украшавшие материю, которой был обтянут сруб. В южной камере найдены также обтянутый золотой фольгой бронзовый медальон с фигурой стоящего оленя (рис.5-2), вырезанные из золотого листа стилизованные фигурки кабанчиков (рис.5-7), еще две бронзовые оленьи бляхи, обтянутые золотой фольгой. У входа в южную камеру расчищены фрагменты обуглившегося деревянного сосуда - большой чаши, украшенной по венчику головами коней (рис.3).

На полу северного сруба два мужских костяка 13 и 14 лежали у западной стенки, на спине, головой на З. У скелета 13, лежавшего поверх скелета 14, в районе таза сохранились украшавшие пояс семь пластин из листового золота, верх которых оформлен в виде голов хищных птиц (рис.5-6). У погребенного 14 на тазе и под ним найдены тисненые из золотого листа рельефные фигурки кошачьего хищника (12 шт.), видимо, украшавшие пояс; у лодыжек обоих покойников - узкие полоски золотой фольги (ножные браслеты).

У восточной стенки скопление костяков (15-21) взрослых людей, в т.ч. по крайней мере 3 мужчин и 1 женщина (определения А.В.Громова). Среди костей найдена украшенная зернью литая золотая серьга с полым шариком и кольцо из 13 золотых полушаровидных бляшек и 13 цилиндрических проносок, а также 13 стеклянных цилиндрических бус. В этой же камере найден бронзовый парадный чекан с 2-мя козлами на обухе (такой же найден в могильнике Аймырлыг в Туве - (Мандельштам 1983: 28, рис.1); две золотых бляшки с изображением лежащего барана аргали. Сруб (или материя на нем) были украшены вырезанными из золотого листа когтевидными накладками. В обоих срубах обнаружены многочисленные аппликации из золотой фольги: простые и зубчатые полосы, ступенчатые фигуры, накладки в форме бегущей волны. У восточной стенки в обеих камерах стояли крупные керамические сосуды, среди которых наибольший интерес представляют точные полноразмерные копии бронзовых котлов с 2-мя вертикальными ручками, увенчанными грибообразным шипом (рис.4).

Могила 3. Расположена к Ю от камеры 4. Размеры ее - 4,6 x 4, 5 м и глубина 1,8 м. Дно и стены выложены берестой. Сруба из нескольких венцов в могиле не было. Имелась только рама на дне высотой в одно бревно. Внутренние размеры рамы 3,9 x 3, 9 м. Пол такой же, как в могиле 2. От перекрытия над ямой сохранились засыпанные и потому уцелевшие от огня концы бревен на западном краю могильной ямы. Признаков входа для последовательного захоронения не выявлено. Камера сожжена. Земля над могилой прокалена и даже зашлакована. Действие огня испытала также часть костей на дне могилы. Только некоторые части костяков в камере лежали в анатомическом порядке. Остальные кости разрозненны. Многие черепа лежат отдельно от других костей скелета, большинство из них раздавлено. Вперемешку лежат кости людей и животных. В могиле погребено не менее 20 взрослых людей, в том числе по меньшей мере 9 мужчин и 7 женщин разного возраста. По всем признакам могила 3 не служила для длительного последовательного захоронения. В то же время разрозненность костей не может быть объяснена ограблением камеры через верх, так как над могилой нет признаков перекопа. Набор золотых украшений по ассортименту и количеству примерно такой же, что и в могиле 2, хотя золотые изделия деформированы здесь сильнее. Некоторые глиняные сосуды представлены во фрагментах, но черепки от каждого сосуда лежат аккуратными кучками, а не разбросаны по камере. Большие сосуды отсутствуют. Судя по всему, могила 3 сооружена специально для коллективного одноактного перезахоронения разложившихся останков вместе с инвентарем. Близость по утвари камер 2 и 3, наличие в могиле 2 отдельных костей, которое нельзя связать с погребенными там людьми, кости которых лежат в анатомическом порядке, позволяют предположить, что могила 3 служила для вторичного захоронения останков ранней группы покойников из могилы 2. Аналогичный обряд был впервые выявлен в кургане 3 могильника Интикуль (Курочкин 1991).

В могиле 3 найдено 43 бляшки из золота, изображающие идущего кошачьего хищника (рис. 5-3,5); золотая пряжка (?) с изображением лежащего оленя (рис.5-1); рельефные фигурки кабанчиков из золота; большое число геометрических орнаментов из золотой фольги. Две оленных бляхи из могилы 3 сделаны тщательнее и сохранились лучше, чем фигуры оленей в могиле 2. Одна из них мастерски облицована толстым золотым листом

(рис.5-4). Другая - большего размера, единственная из всей серии оленных блях Большого Полтаковского кургана, обложена листовым золотом и с тыльной стороны.

Могила 1. Наиболее поздняя в кургане. Расположена к С от могилы 4. Восточная половина могилы разрушена грабительской "воронкой". В западной части уцелела часть сруба высотой 1 м, шириной 3,7 м. Сруб перекрыт подтесанными бревнами, но в СЗ углу имелся квадратный люк, а над ним наземный вход для последовательного захоронения. В западной части сруба расчищены лежавшие друг на друге костяки (около 20). Инвентаря в этой могиле почти не было.

Могилы 1-3 Большого Полтаковского кургана относятся к сарагашенскому этапу тагарской культуры, выделенному М.П.Грязновым и ориентировочно датированному IV-III вв. до н.э. После обнаружения в кургане Аржан VIII в. до н.э. ряда вещей, типичных для подгорновского этапа тагарской культуры, встал вопрос о заглаблении начальной даты тагарской культуры (Курочкин 1991а). Материал из могил 2 и 3 кургана по аналогиям в хорошо датированных памятниках укладывается в хронологический промежуток между концом VII и рубежом V-IV вв. до н.э. Золотые накладки в форме котя и бегущей волны имеют точные соответствия во 2-м Туэктипском кургане VI в. до н.э. (Руденко 1960: 155, рис.97). Фигурки идущих кошачьих хищников находят аналогии в раннесакских могильниках Тагискен и Уйгарак (Вишневская, Итина 1971:206, рис.8,4,7; Вишневская 1973 табл. XXVIII), в Тагискене найдена также фигурка лежащей сайги (Артамонов 1973: 25). Вырезанные из золотого листа накладки с изображением стилизованной головы хищной птицы и отверстиями по краю для крепления находят точные аналогии в савроматских памятниках Южного Приуралья конца VI-V вв. до н.э. (Смирнов 1964: рис.24-4; Мошкова 1981: 183, рис 8-А). Оленные бляхи из Большого Полтаковского кургана по моделировке рогов наиболее близки оленю на бронзовом навершии из станицы Губской конца VII в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин 1983: 46). Фигура оленя на золотой пряжке из кургана по "обрубленной" морде и петлевидным окончаниям рогов близка изображениям оленя в Келермесе (налучье).

Обращает на себя внимание отсутствие оружия (за исключением парадного или ритуального клевца-чекана) в Большом Полтаковском кургане, наиболее богатом из раскопанных курганов тагарской знати. Вопреки мнению о том, что "вождь у тагарцев был прежде всего воином" (Вадецкая 1986:95), оружие отсутствует и в других курганах тагарской знати (Салбык, Колок-3, Табат, Большой Новоселовский). В то же время в кургане найден ряд предметов, предназначенных для отправления религиозных культов: раскрашенный идольчик, точные копии бронзовых котлов, ритуальное назначение которых устанавливается по некоторым клadam и наскальным изображениям скифской эпохи, деревянная чаша с головками, коней, гадательные палочки у одного из погребенных и др. По комплексу находок можно предположить, что в Большом Полтаковском кургане погребены представители тагарской жреческой знати и члены их семей.

Артамонов, М. И. 1973. Сокровища саков. Москва.

Вадецкая, Э. Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград.

Вишневская, О. А., Итина, М. А. 1971. Ранние саки Приуралья // Проблемы скифской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР, 177:197-208.

Вишневская, О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII-V вв. до н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции VIII. Москва.

Грязнов, М. П. 1962. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // Сборник Государственного Эрмитажа 22. Ленинград.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. Скифия VII-V вв. до н.э. Киев.

- Курочкин, Г. Н. 1989. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана // Краткие сообщения Института археологии 196:66-72.
- 1990. "Золотой" курган сибирских скифов // Природа 10:60-64.
- 1991. Могильник Интикуль как своеобразный эталон погребального памятника тагарской культуры // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму Института истории материальной культуры 26-28 ноября 1991 года: 21-23. С. Петербург.
- 1991а. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: 103-105. Барнаул.
- Мандельштам, А. М. 1983. Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры евразийских степей: 25-33. Ленинград.
- Мошкова, М. Г. 1981. Комплекс находок с ритонном из Уральской области // Советская археология 4: 171-185.
- Пшеницына, М. Н., Поляков, А. С. 1989. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Краткие сообщения Института археологии 196: 58-66.
- Руденко, С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Москва, Ленинград.
- Смирнов, Н. Ф. 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва.
- Черников, С. С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР 88.

G. N. Kurochkin

The Discovery of a Rich Priest's Tomb of the Siberian Scythians

The 1988 expedition to the Middle Eнисей region investigated a rich Scythian tumulus in South Siberia - the Large Poltavovskiy tumulus, whose main funeral chambers had escaped being plundered. This tumulus contained four graves under a mound 3 metres high. A unique ritual idol with a panted face was discovered in the earliest grave, which contained a single burial. Funeral chambers, with multiple family interments, were located around the grave of their ancestor. Altogether, 60 people were buried in these three funeral chambers. The grave of 2 people had been better preserved than the rest. There were two timber frames in it - northern and southern. In the northern frame the skeletons of 2 men were excavated. One man wore a belt with golden plates decorated with the head of a bird of prey. The same plates were found in Sauromates cemeteries of the South Urals (the end of the VI-Vth centuries B. C). The other man wore a belt decorated with relief golden figures of Felidae predators. The same funeral chamber contained a golden ear-ring and a necklace made of golden and glass beads. The walls of the northern frame were decorated with golden mounts in the form of a claw. Golden figures of Felidae predators lay along the walls of the southern frame. Originally, the walls here must have been upholstered with a fabric where these animals were depicted. Besides numerous golden articles in animalistic style (the images of deer, wild boars, panthers, sheep, etc.) and delicate ornaments, there were discovered many other unique objects in grave 2: exact ceramic copies of large bronze cauldrons; a wooden bowl, 40 cms in diameter, decorated with the images of horse heads along the brim; wooden fortune telling sticks on the belt of one of the buried, etc. Weapons in the tumulus are represented only by a ceremonial or ritual pickaxe made of bronze, with the figures of rams in heraldic pose on the back. The complex of finds allows us to assume that senior priests and members of their families were buried in the Large Poltavovskiy tumulus. The tumulus dates from the VI-Vth centuries B. C. according to the parallels. Weapons were also not found in other rich monumental Tagar tumuli. The South Siberian Scythians must have been ruled not by military leaders, like in Europe, but by priests.

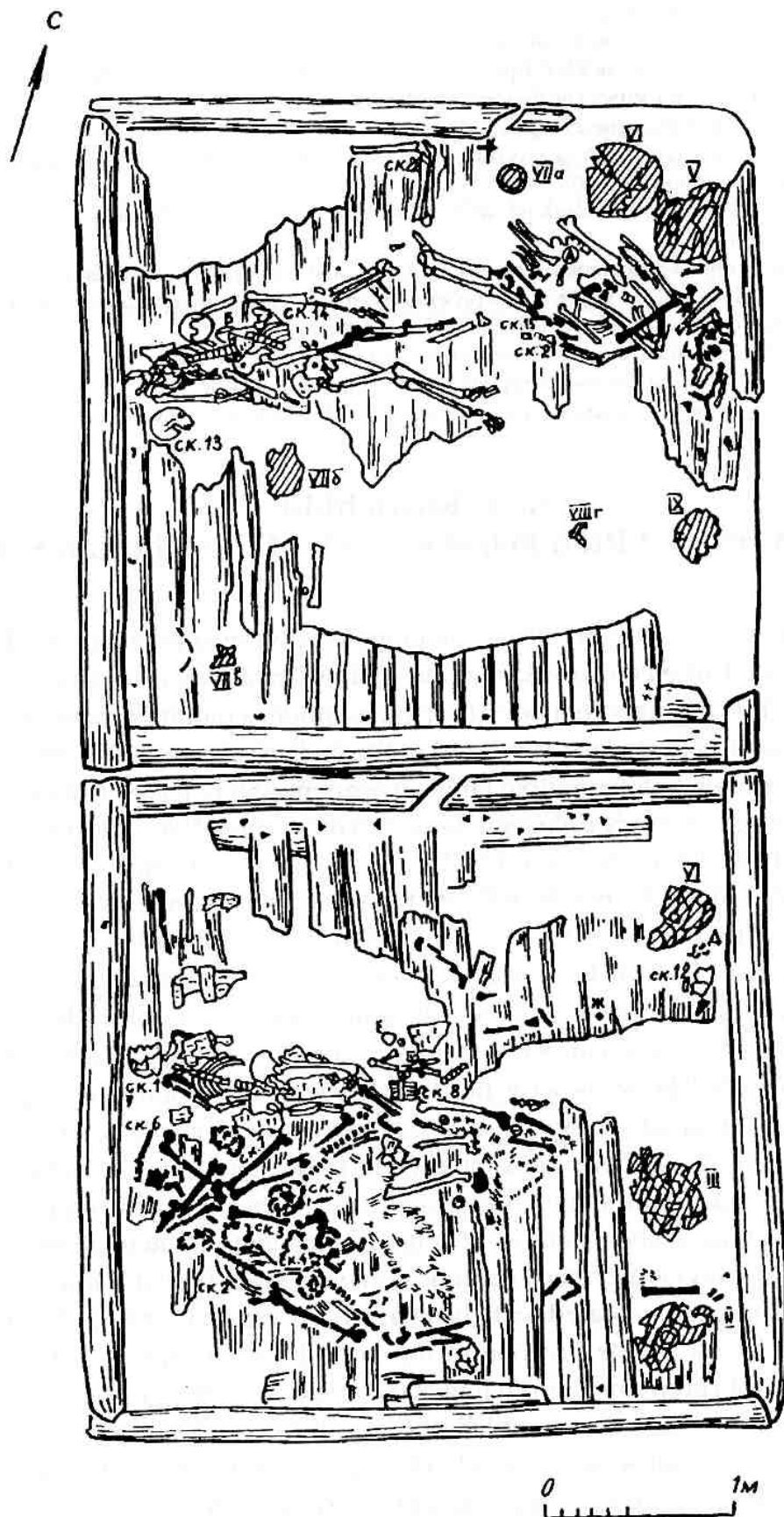

РИС. 1. Уцелевшая от разграбления погребальная камера (2) Большого Полтаковского кургана.

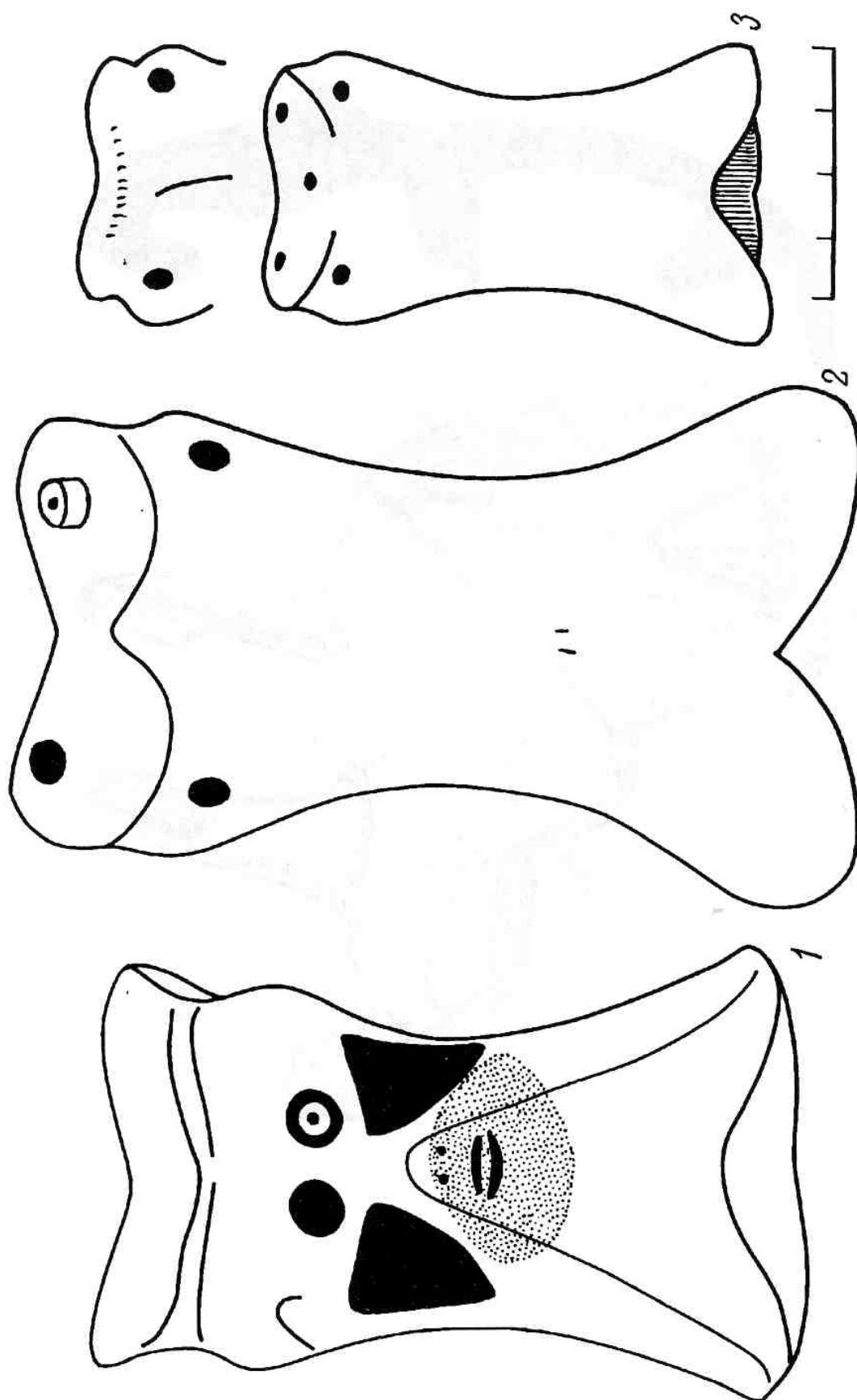

РИС. 2. Ритуальный раскрашенный идольчик из Большого Полтаковского кургана и археологические аналогии: 1-Б. Полтаковский курган, могила 4; 2 - поселение эпохи поздней бронзы Ирмень - 1 в Западной Сибири; 3 - поселение андроновской культуры Усть-Нарымское в Казахстане.

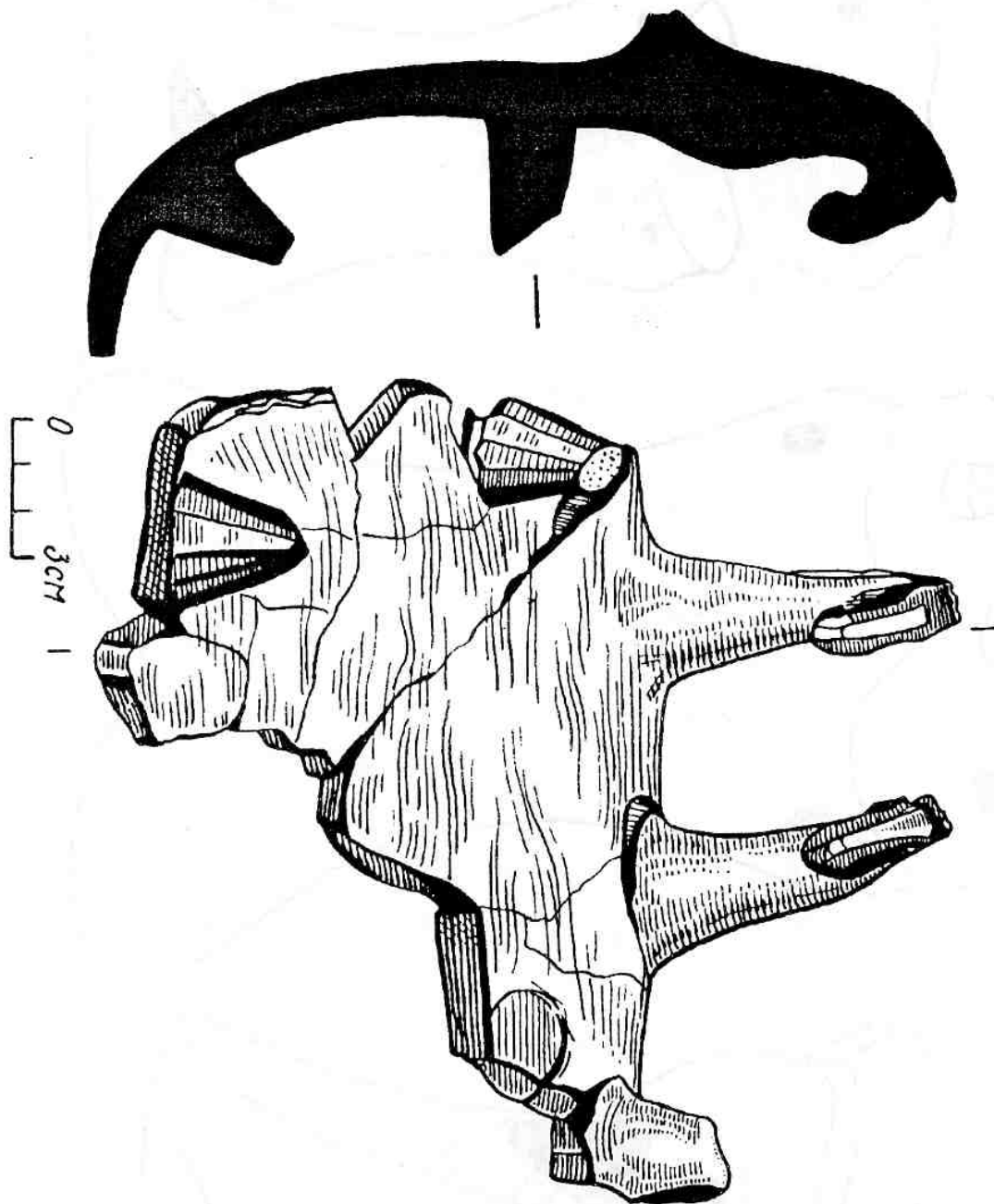

РИС. 3. Фрагмент деревянного сосуда из Большого Полтаковского кургана.

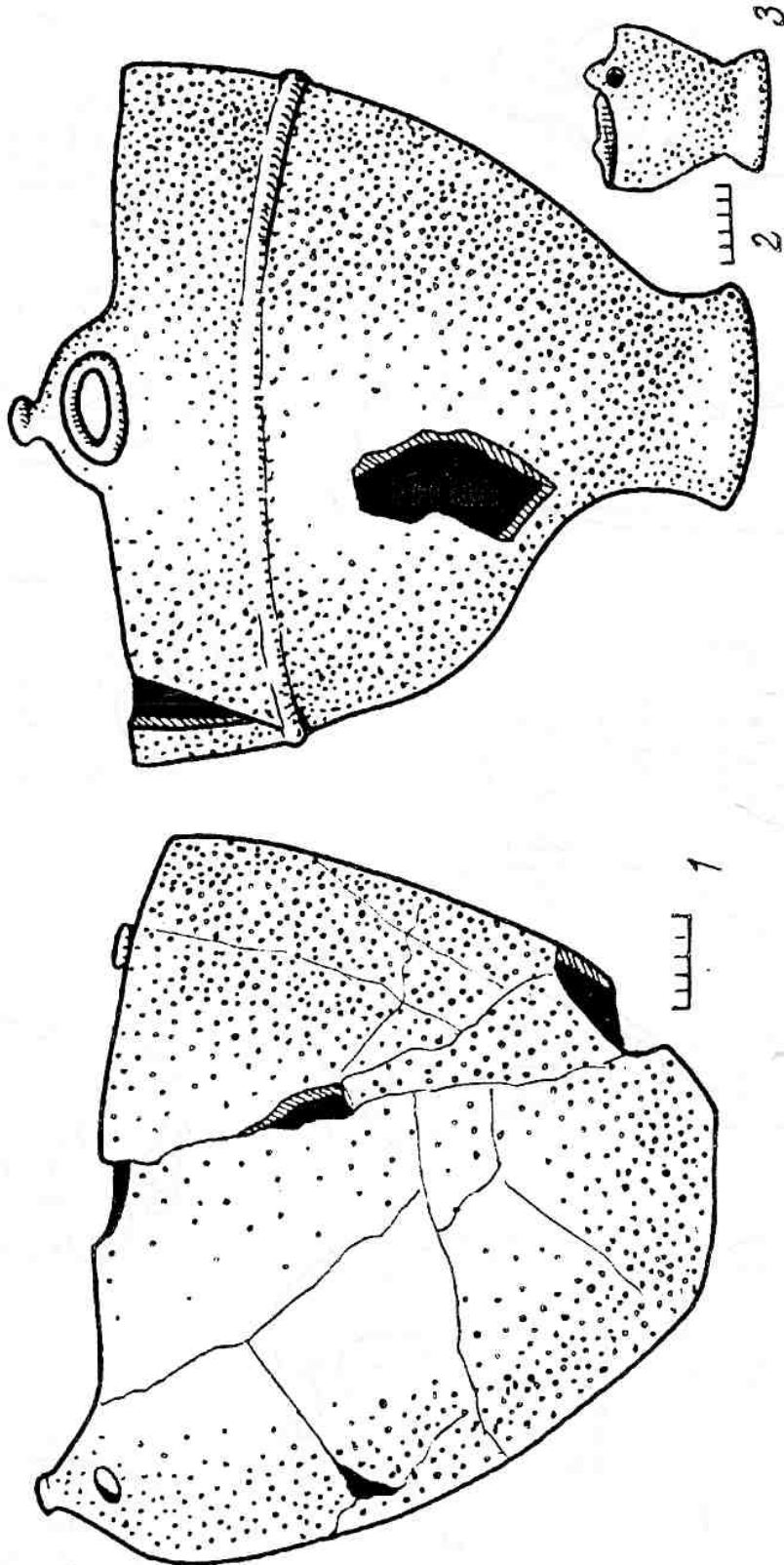

РИС. 4. Тонкие керамические концы бронзовых котлов скифо-сибирского типа из могилы 2 Бодыного Полюдского кургана.

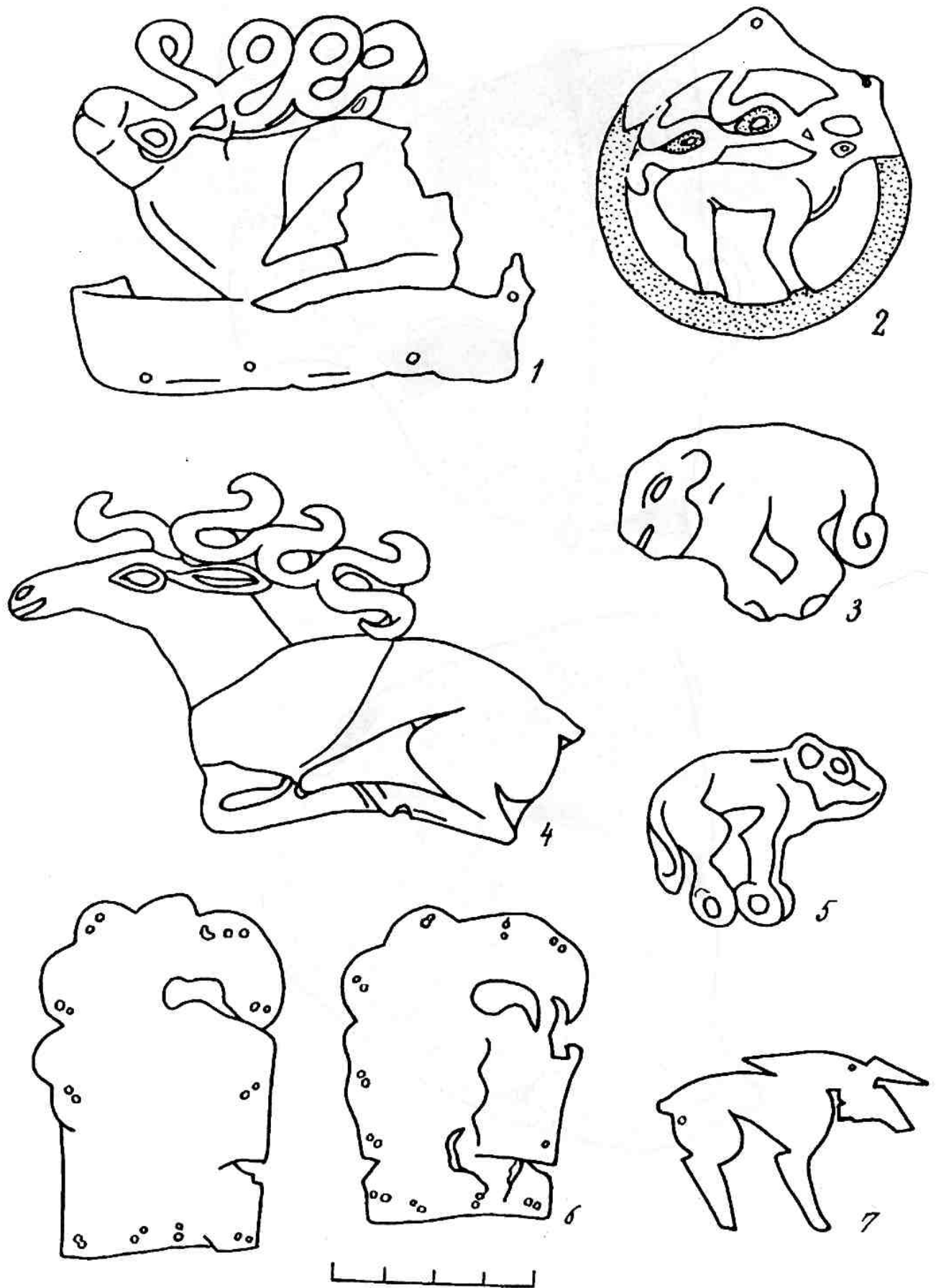

РИС. 5. Образцы золотых изделий в скифо-сибирском зверином стиле из могил 2 и 3 Большого Полтаковского кургана.

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ СЮННУ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

С. С. МИНЯЕВ

Дырестуйский могильник - один из наиболее известных памятников сюнну. Он расположен в Джидинском районе Бурятской АССР на левом берегу реки Джиды в 8 км выше по течению от села Дырестуй. В 1900-1901 гг. первооткрыватель памятника Ю.Д.Талько-Гринцевич раскопал здесь 24 могилы (Талько-Гринцевич 1902), впоследствии еще несколько могил были исследованы П.Б.Коноваловым (Коновалов 1976). С 1984 года изучение могильника продолжает Забайкальская экспедиция Института истории материальной культуры.

Погребения расположены на склоне левого берега Джиды в 500 м от уреза воды и занимают площадь 500x200 м. Поверхность памятника в значительной степени разрушена водной и ветровой эрозией. Визуальный осмотр могильника и топографическая съемка местности показали, что погребения расположены здесь группами, отделенными друг от друга расстоянием в несколько десятков метров. На современной дневной поверхности группы выглядят как скопления разрушенных каменных кладок различной величины, вокруг которых фиксируются западины, останцы плотной почвы, выходы отдельных камней. Это обстоятельство позволило предположить, что в состав групп помимо курганов входят и другие объекты, не имеющие признаков на современной дневной поверхности. Поэтому для полного выявления составляющих группы объектов программа работ экспедиции предусматривает изучение групп сплошным раскопом.

Полностью раскопана группа 1 в западной части могильника. Она локализована вдоль западного борта котловины выдувания, охватывающей почти всю площадь могильника, и на дневной поверхности выражена разрушенными каменными кладками, расположенными в нескольких метрах друг от друга в общем направлении с севера на юг. Определить до раскопок форму кладок ввиду их сильной разрушенности не представлялось возможным. В 1968 г. П.Б.Коноваловым были раскопаны три захоронения этой группы: два кургана в центре (31 и 32) и погребение 33 в северной части группы (Коновалов 1976: 140-149). Забайкальская экспедиция вскрыла площадь группы сплошным раскопом, выявив, кроме названных, ряд дополнительных объектов (рис. 1).

Погребения 44, 44-а, 44-б, 44-в располагались в южной части группы, материалы раскопок этих захоронений опубликованы (Миняев 1988).

Погребение 53 располагалось у юго-западного угла кургана 31, в углу старого раскопа, которым был снят почвенный слой над погребением 53; поэтому установить первоначальную глубину и форму могильной ямы невозможно. Захоронение располагалось на глубине 0,5 м от уровня дневной поверхности группы. Внутримогильное сооружение - каменный ящик, сложенный из поставленных на ребро каменных плит толщиной 5 см (по одной с каждой стороны); с наружной стороны ящика

плиты укреплены несколькими мелкими камнями. Перекрытие каменного ящика состояло из 5 аналогичных плит. Ящик ориентирован по линии С-Ю, его размеры 0,95x0,47x0,25 м, на материковом дне ящика прослеживались остатки подстилки из органического материала. В ящике погребен младенец в возрасте до двух месяцев. Он лежал в вытянутом положении на спине, головой на С. Находок не было.

Погребение 54. Наружных признаков не имело, пятно могильной ямы выявлено на глубине 0,25 м (здесь и далее глубины указаны от современной дневной поверхности), в 3 м на ЗЮЗ от погребения 53. Могильная яма прямоугольная, 1,9x0,5 м, глубина 0,9 м. Внутримогильное сооружение - досчатый гроб размером 1,45x0,45 м, высотой 0,16 м, короткие стенки гроба вставлены в длинные. Перекрытия и дна у гроба не было, на материковом дне ямы сохранились остатки подстилки из органического материала, возможно кожи. В гробу погребен мальчик 6-7 лет, в вытянутом положении на спине. Скелет ориентирован череном на ССВ. У левой плечевой кости - остатки сильно коррозированного железного предмета, возможно пряжки. Других находок не было.

Погребение 55. Надмогильного сооружения не имело. Пятно могильной ямы обнаружено у юго-восточного угла кладки кургана 32, после разбора остатков кладки этого кургана, перекрывшей северную часть погребения 55 и зачистки основания раскопа. Могильная яма 2,5x0,9 м, глубина 1,1 м. Внутримогильное сооружение разрушено при ограблении, его размеры восстанавливаются лишь приблизительно - длина сохранившейся восточной стенки гроба 2,15 м, ширина между продольными стенками 0,7 м, высота стенок гроба 0,3 м. В северо-восточной части гроба лежали остатки продольной доски, возможно от перекрытия гроба. Гроб и яма ориентированы на СВ. В заполнении ямы находились разрозненные части человеческого скелета (в том числе окрашенные окислами бронзы), в могиле похоронен предположительно мужчина около 40 лет. В заполнении найден фрагмент типичного для сюнну сосуда.

Погребение 56. Надмогильного сооружения не имело. Пятно могильной ямы обнаружено в 5 м к северо-западу от северного края кладки кургана 32 на глубине 0,45 м. Размеры ямы 2,4x0,7 м, глубина 1,75 м. Внутримогильное сооружение - гроб размерами 1,8x0,7 м, высотой 0,3 м, ориентирован, как и яма на ССВ. Погребение ограблено, в южной части гроба сохранились остатки перекрытия из двух продольных досок толщиной 3 см; из таких же досок было сделано дно гроба. В заполнении найдены остатки скелета мужчины 45-50 лет (в том числе плечевая и лучевая кости с окислами бронзы), а также прямоугольная деревянная пластина-пряжка от пояса и костяная трубочка (игольник?). У южной стенки гроба с наружной стороны найден *in situ* типичный сюннуский сосуд, раздавленный давлением заполнения ямы.

Погребение 57. Расположено в 4 м севернее погребения 56. На поверхности сохранились бесформенные остатки надмогильного сооружения в виде нескольких камней. Размеры могильной ямы 2,2x0,8 м, глубина 2,2 м. Внутримогильное сооружение - гроб 1,9x0,7 м, высота 0,25 м. Гроб имел дно из продольных и перекрытие из продольных и поперечных досок, остатки которых сохранились в южной части гроба. Погребение ограблено, в южной части гроба сохранились останки нижних конечностей мужчины в возрасте 55-60 лет, лежавшего очевидно вытянуто на спине головой на ССВ. В заполнении ямы обнаружены остатки типичного для сюнну сосуда с волнистым орнаментом, на дне гроба у левой стопы погребенного - остатки концевой накладкой на лук из рога и круглая железная пряжка с поперечным язычком.

Кроме захоронений, на площади группы 1 были обнаружены три ямы круглой формы. Яма 1 находилась в южной части группы, в 7 м южнее кургана 44. Обнаружена на глубине 0,45 м, ее диаметр 0,8 м, глубина 0,5 м, заполнение - серо-коричневая супесь, находок не было. Яма 2 располагалась в северной части группы в 10 м восточнее погребения 33.

* Здесь и далее палеоантропологические определения выполнены И.И. Гохманом.

Обнаружена на глубине 0,3 м, диаметр 0,6 м, глубина 0,45 м, заполнение - светло-коричневая супесь, в которой найдено 18 мелких фрагментов костей животных. Яма 3 находилась также в северной части группы, в 6,5 м северо-западнее погребения 33, обнаружена на глубине 0,8 м, диаметр 0,5 м, глубина 0,45 м, заполнение - темно-коричневая супесь с включениями углей. Вдоль южного и западного края ямы - полоска красной прокаленной супеси шириной 0,1 м. Находок в яме не было. Связь перечисленных ям с погребальными сооружениями неясна.

Кроме того, Забайкальской экспедицией при сплошном вскрытии раскопа было расчищено и зафиксировано надмогильное сооружение кургана 32 (само погребение раскопано ранее П.Б. Коноваловым) (Коновалов 1976: 142). Оно имело подквадратную форму (5х6 м) и было сложено из 1-2 рядов камней средним размером 30х40 см.

Таким образом, группа 1 насчитывает 12 захоронений: 4 кургана с надмогильной каменной кладкой - 31, 32, 44, 57 (захоронения 31 и 32 раскопаны ранее П.Б. Коноваловым); 7 погребений без надмогильных сооружений - 44-а, 44-б, 44-в, 53, 54, 55, 56 и захоронение 33, наличие надмогильного сооружения у которого остается неясным ввиду сильной разрушенности поверхностного слоя земли (в 2 м восточнее захоронения 33 обнаружено лишь несколько камней; погребение раскопано П.Б. Коноваловым).

В целом захоронения группы 1 в Дырестунском могильнике по своим конструкциям и инвентарю являются типичными для памятников сюнну. Новые, неизвестные ранее особенности погребальной практики этого народа проявляются в планиграфии группы 1. Характеристика уномянутых особенностей, которые фиксируются и в других группах могильника, открывает новые возможности для изучения погребальных памятников сюнну.

В первую очередь необходимо отметить тенденцию к расположению погребений группы 1 отдельными комплексами, различными по структуре и планиграфии. На плане группы 1 (рис. 1) отчетливо видно, что она состоит из 4 комплексов, которые включают 11 из 12 найденных здесь погребений. Центром каждого комплекса является курган с надмогильной каменной кладкой различной конфигурации. Вокруг кургана - центра комплекса располагаются не имеющие внешних признаков захоронения, которые условно можно назвать "сопроводительными". Число таких захоронений и их расположение по отношению к центральному кургану различно. Четыре погребальных комплекса группы 1 представлены тремя планиграфическими вариантами.

I вариант. Центральный курган имеет квадратную надмогильную кладку, ориентированную углами по сторонам света; сопроводительные захоронения располагаются у углов кладки. Данный вариант представлен в группе 1 комплексом 44*, где погребение младенца в каменном ящике и погребения подростков в деревянных гробах были выявлены у северного, восточного и южного углов кладки кургана (Мишнев 1988).

II вариант. Центральный курган имеет надмогильную каменную кладку подквадратной формы, ориентированную сторонами по странам света, сопроводительные захоронения расположены у юго-восточного угла кладки. Этот вариант представлен в группе 1 комплексом 32, где у юго-восточного угла кладки располагались два погребения в гробах, и вероятно комплексом 57, где сопровождающее захоронение также располагалось у юго-восточного угла кладки центрального кургана (форма которой неясна ввиду ее разрушенности) (рис. 2).

III вариант. Сопровождающее захоронение располагается у юго-западного угла кладки. Этот вариант представлен комплексом 31, форма кладки центрального кургана в данном случае осталась неясной.

* Для удобства обработки материалов нумерация комплексам дана по номеру центрального кургана

Перечисленные выше варианты расположения центрального и сопровождающего захоронений комплекса повторяются и в других группах Дырестуйского могильника, в первую очередь в группе 3, также раскопанной полностью сплошным раскопом; их можно наметить и по другим памятникам сюнну (Миняев 1985).

Однотипные сочетания захоронений, которые наблюдаются в комплексах различных групп, показывают, что выявленные особенности в планиграфии комплексов не случайны - они отражают устойчивые традиции в размещении сюннуских захоронений на площади группы. В связи с этим большой интерес представляет сравнительное изучение конструктивных особенностей погребений, входящих в группы и комплексы, их предметных наборов, а также половозрастной структуры погребенных в каждом комплексе.

Выше уже отмечалось, что центральное захоронение комплекса, в отличие от сопровождающего, имеет каменную кладку. Определенные различия наблюдаются и в устройстве внутримогильных сооружений. Несмотря на ограбленность могил, в целом очевидно, что устройство деревянных гробов в центральных сооружениях более сложное, чем в сопровождающих могилах. Особенно наглядно это обстоятельство проявляется в комплексе 44, где все сопровождающие захоронения были неграбленными и в комплексе 32, где уцелели центральное и одно из двух сопровождающих захоронений. В последнем случае центральное захоронение совершено в деревянном гробу, имевшем продольное и поперечное перекрытие и дно из продольных досок; гроб вставлен в каменный ящик из толстых плит, над гробом зафиксирован каменный заклад из аналогичных плит (Коновалов 1976: рис. 106). В то же время сопровождающее захоронение 54 совершено в простом деревянном гробу, не имевшем дна и перекрытия; в яме не было заклада и каменных плит. Более простое устройство гробов в сопровождающих захоронениях по сравнению с центральным наблюдается и в комплексе 44 (Миняев 1988: 101).

Существенные различия между центральным и сопровождающими захоронениями комплексов прослеживаются и в наборах погребального инвентаря. Так, в неграбленном центральном захоронении комплекса 32 обнаружен сосуд, серьги из бисера с железной подвеской, бусы из различных минералов, раковины каури, бронзовая пряжка, колокольчик и монета, кольца из минерала, железный нож. Сопровождающее захоронение 54, также неграбленное, практически не имеет инвентаря (за исключением железной пряжки).

Аналогичная картина наблюдается и в комплексе 44, где даже неграбленные сопровождающие захоронения беднее по инвентарю, чем ограбленное центральное.

Половозрастная структура рассматриваемых комплексов группы 1 следующая: комплекс 44: центральное захоронение - взрослый мужчина, сопровождающие - младенец до года, ребенок 5-6 лет, подросток 10-12 лет. Комплекс 32: центральное погребение - женщина 22 лет, сопровождающие - мальчик 6-7 лет (в другом сопровождающем погребении 55 пол определить трудно из-за сильной разрушенности костей, предположительно взрослый мужчина). Комплекс 31: центральное захоронение - взрослый, пол неясен, сопровождающее - младенец до 2-х месяцев. Комплекс 57: центральное захоронение - мужчина 55-60 лет, сопровождающее - мужчина 45-50 лет. В отдельно расположенном захоронении 33 в северной части группы погребен мужчина 65-70 лет.

Таким образом, сравнительный анализ погребальных комплексов группы 1 позволяет установить следующие закономерности. В центральных захоронениях каждого комплекса, отмеченных надмогильной каменной кладкой, погребены взрослые мужчины и женщины; внутримогильные сооружения этих захоронений (деревянные гробы с дном и перекрытием, часто вставленные в каменный ящик) практически однотипны; в то же

время они более сложные, чем конструкции сопровождающих захоронений. Сходные тенденции отмечаются и в наборах сопутствующего инвентаря: как по количественным, так и по качественным критериям инвентарь центральных захоронений (сравнимый, видимо, между собой) значительно богаче, чем сопровождающих.

Как выявляется при анализе всей совокупности известных сейчас сюннуских захоронений, различия в конструкциях могил и составе наборов погребального инвентаря отражают социальную дифференциацию сюннуского общества (Мишяев 1985а; Мишяев 1988а). Именно поэтому можно предположить, что в рассматриваемых погребальных комплексах группы I погребены лица различных социальных рангов: одного или близких социальных уровней в центральных захоронениях и более низкого уровня - в сопровождающих.

В сопровождающих могилах наблюдается и иной, по сравнению с центральными, половозрастной состав погребенных. Из 6 таких могил, где удалось определить пол и возраст погребенных, в 5 захоронены младенцы и подростки и лишь в одном - взрослый мужчина. При этом на черепе одного из подростков (погребение 44-б) обнаружены следы насильственной смерти - ромбовидное отверстие в правой части лобной кости от удара острым предметом. Следы насильственной смерти прослеживаются и в ряде других сопровождающих захоронений как на Дырестуйском могильнике, так и в других памятниках сюнну, где в подобных могилах также захоронены дети и подростки (Мишяев 1985: 25). Молодой возраст погребенных в сопровождающих могилах и следы насильственной смерти позволяют рассматривать захоронения в таких могилах как археологическое подтверждение обряда человеческих жертвоприношений у сюнну, о котором ранее было известно лишь по письменным источникам. Вполне очевидно, что лица, принесенные в жертву при похоронах ("любимые слуги и наложницы" по сообщению Сыма Цяня) захоранивались не только в одной яме с "хозяином", но и в расположенных рядом могилах.

Вывод о насильственной смерти погребенных в сопровождающих захоронениях существенно расширяет возможности дальнейшего анализа погребальных памятников сюнну. В первую очередь это заключение позволяет трактовать рассматриваемые комплексы группы I как комплексы одновременных захоронений, что позволяет резко увеличить число надежно датированных могил. Данный вывод можно проиллюстрировать на примере комплекса 32, в центральном захоронении которого была найдена монета "ушу". Хотя монеты этого типа выпускались несколькими сериями на протяжении нескольких столетий, тем не менее первый год их выпуска - 118 г. до н.э. - определяет *terminus post quem* для погребения 32. Если считать рассматриваемый комплекс комплексом одновременных захоронений, то эту же дату можно распространить и на сопровождающие погребения комплекса - 54 и 55, материал которых не содержит конкретных данных для их самостоятельной датировки.

Еще одно захоронение группы I, расположенное на ее северном участке (33) также имеет в инвентаре монету "ушу" (Коновалов 1976: 142,149). Тем самым датировка как группы центральных, так и периферийного захоронения группы I временем после 118 г. до н.э. с большой вероятностью определяет *terminus post quem* для всей группы в целом, вне зависимости от последовательности формирования ее комплексов.

Приведенные выше половозрастные определения погребенных в группе I показывают, что здесь захоронены представители разных поколений: младенцы, дети, подростки и взрослые мужчины и женщины, старики. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос об особенностях демографической структуры общества сюнну и отражении этой структуры в планировке сюннуских погребальных памятников. Детальная разработка этих вопросов требует новых данных, которые могут быть получены лишь при исследовании на разных могильниках нескольких групп сплошным раскопом. Пока

можно лишь отметить, что расположенные в центре группы 1 курганы 31 и 32 являются возможно парным захоронением мужчины и женщины, так как аналогичные парные захоронения встречаются и в других могильниках сюнну (например могилы 189 и 190 в Иволгинском могильнике (Давыдова 1982: 202). Следует однако подчеркнуть, что вывод о насильственной смерти погребенных в сопровождающих могилах предостерегает от прямолинейных демографических реконструкций по данным половозрастного состава комплексов и групп.

Рассмотренная в статье система размещения захоронений, выявленная в Дырестуйском могильнике и намеченная по материалам других памятников сюнну, демонстрирует новые, неизвестные ранее традиции погребальной практики этого периода. вполне вероятно, что эти традиции опосредованно отражают социальные и демографические связи, существовавшие между погребенными в их реальной жизни. Именно поэтому планиграфии погребальных памятников сюнну следует уделять особое внимание и раскапывать группы погребений сплошной площадью, что позволяет выявить все объекты, входившие в систему групп. Последовательное применение этой методики существенно расширит наши представления о погребальной практике сюнну и сюннуском обществе в целом.

Давыдова, А. В. 1982. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология 1 : 132-142.

Коновалов, П. Б. 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ.

Миняев, С. С. 1985. К топографии курганных памятников сюнну // Краткие сообщения Института археологии 184: 21-27.

- 1985а. К проблеме происхождения сюнну // Бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии 9: 70-78. Москва.

- 1988. Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике // Краткие сообщения Института археологии 194: 99-103.

- 1988а. К проблеме ранних и поздних памятников сюнну // Древнейшие памятники Северной Азии и их охранные раскопки: 40-53. Новосибирск.

Талько-Гринцевич, Ю. Д. 1902. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицко-савск-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического Общества III (2, 3) : 9-32; IV (2): 32-59. Иркутск.

The Investigation of Burials of the Hunnu in the Baikal Region

S. S. Minyaev

Direstuj cemetery is situated in Buriatia, on the left bank of the Djida near Direstuj settlement.

The cemetery consists of tumuli with stone mounds and graves adjoining the tumuli but having no indications on the surface of the ground.

Group 1 in the western part of the cemetery is completely excavated. It includes two tumuli (N 31 and N 32) and grave N 33 in the northern part of the group (all these were excavated by P. B. Konovalov in 1968). Further excavations have shown that there are additional burials (N 44, 44a, 44b, 44c) in the southern part of the group and graves N 53-57 in its south-western part. Thus, Group 1 number twelve burials.

The centre of each burial complex is a tumulus, with masonry over the grave. There were additional burials around the tumulus. The central burial was usually in a wooden coffin

placed in a stone cist. Some implements were found in the central burials, while there were practically none in the accompanying. In the central burials men and women were buried, in the accompanying ones - infants and teenagers, sometimes with the signs of violent death. This fact proves that the Hunnu practised human sacrifice.

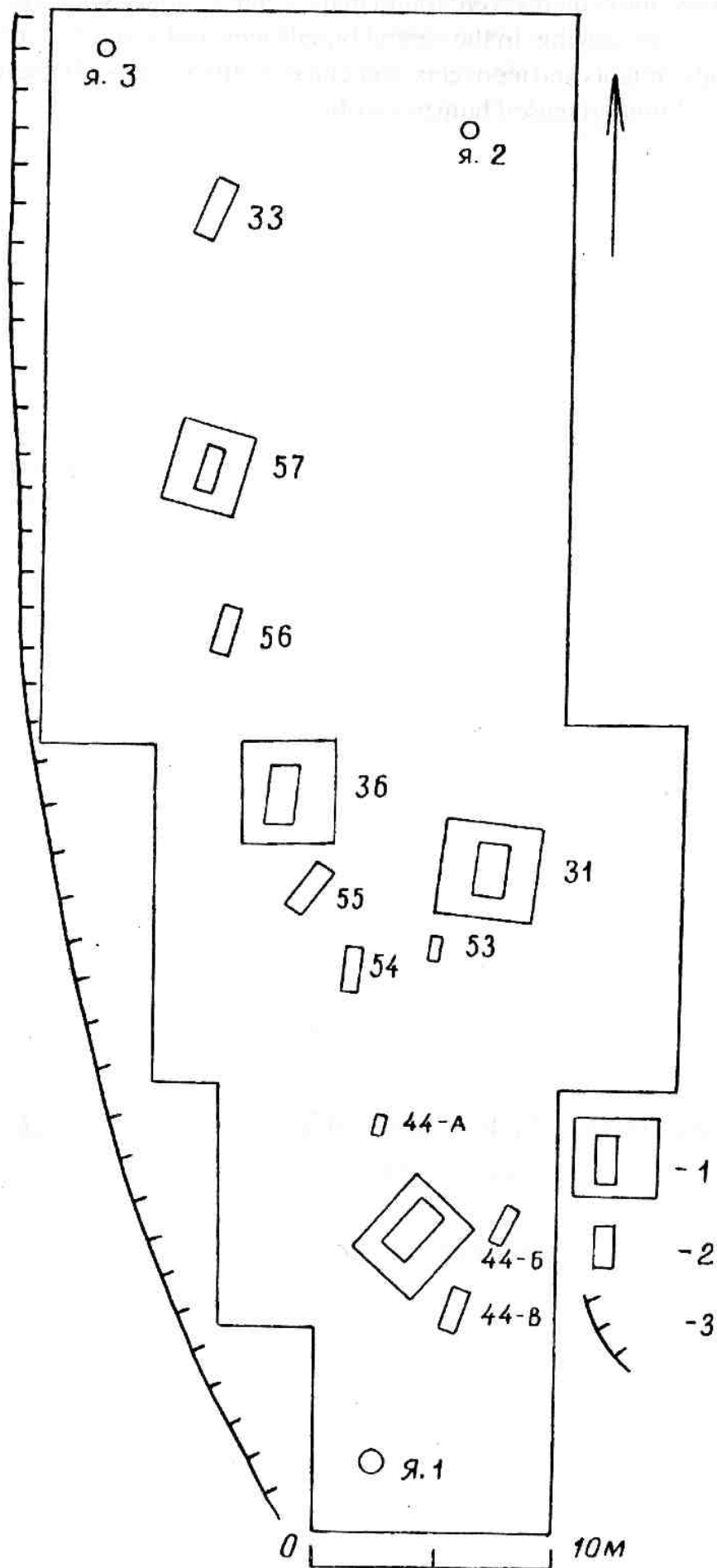

РИС. 1. План группы I в Дырестуйском могильнике:
 1 - курганы с надмогильным сооружением; 2 - сопроводительные захоронения без надмогильного сооружения; 3 - борт котловны выдвигания.

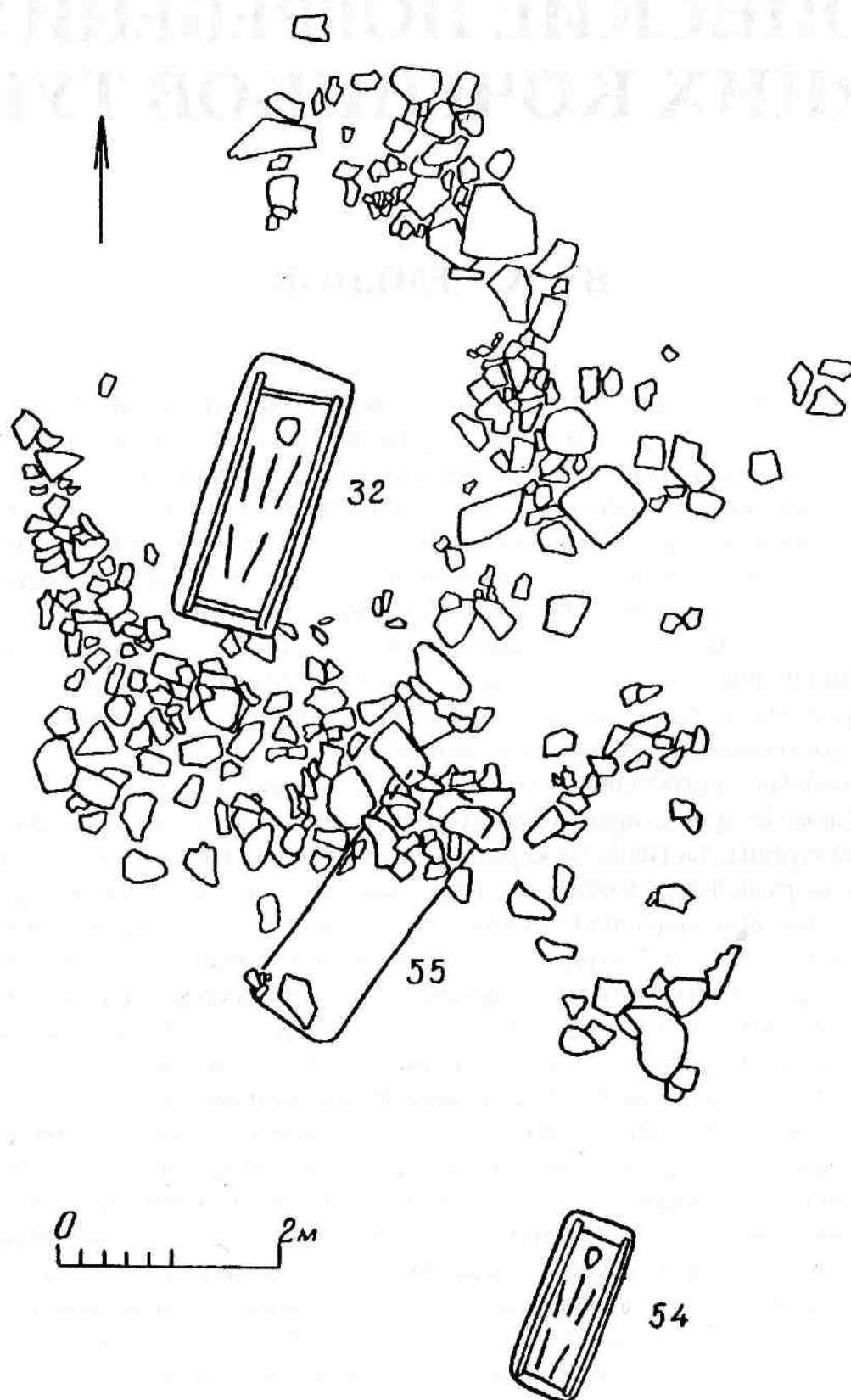

РИС. 2. План комплекса погребений 32 в Дырестуйском могильнике.

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕНИКОВ ТУВЫ

Вл. А. СЕМЕНОВ

Социальная структура ранних обществ кочевников Центральной Азии еще не исследована в должной мере. Причиной тому являются как отрывочность и неполнота археологических источников, так и традиционный подход при реконструкции общественной организации древних кочевников Евразийских степей (Грач 1980: 45-61).

При археологических раскопках последних лет в Туве было выявлено несколько неграбленных погребений скифского времени, которые с известной долей вероятности могут быть названы "воинскими". От условно "рядовых" погребений их отличает наличие предметов вооружения и, в некоторых случаях, расшитое золотом погребальное облачение. По внешним признакам (устройство и величина надмогильных сооружений, внутреннее устройство погребальных камер) эти захоронения не выделяются из числа всех прочих, раскопанных на тех же могильниках.

Ранние воинские погребения открыты в памятниках алды-бельской культуры в урочище Сарыг-Булуун на правом берегу реки Баян-Кол (рис. 1 - 1, 2). Здесь было раскопано два кургана, частично перекрывающие друг друга. Центральные захоронения в них были разрушены в древности, тогда как боковые оказались не тронутыми грабителями и хорошо сохранились. Одно погребение (3) было совершено в каменном ящике размером 140x0,8x0,7 м (рис. 1 - 1). Погребенный мужчина лежал на левом боку, головой на запад, с согнутыми в коленях ногами. В его головах стояло деревянное блюдо, а за спиной лежал втульчатый чекан с головкой грифона в углу между втулкой и бойком и колчан, состоящий из двух отделений. В каждом отделении находилось по 9 стрел. Все стрелы одного отделения были оснащены бронзовыми наконечниками со скрытой втулкой, во втором отделении 7 стрел имели наконечники из бронзы с раздвоенным насадом, в котором зажималось древко и прикручивалось сухожилиями. Две стрелы были цельно деревянными (томары). Второе воинское погребение комплекса Сарыг-Булуун фактически дублировало первое, с той лишь разницей, что погребенный здесь юноша был помещен не в каменный ящик, а в деревянную колоду, выдолбленную из цельного куска дерева длиной 1,3x0,4 м. Колода закрывалась деревянной крышкой, которая сравнительно хорошо сохранилась, благодаря чему произошла естественная мумификация погребенного и консервация всех органических тканей, кожи и дерева. За спиной усопшего, также как и в погребении 3, лежал бронзовый втульчатый чекан на деревянной ручке длиной 70 см с бронзовым втком (рис. 2-1) и лук (рис. 2-2). К поясу крепился кожаный колчан с 10 стрелами, 8 из которых имели бронзовые наконечники, а две были цельно деревянными (рис. 2-3, 4). Со стороны выреза на месте оперения стрелы были раскрашены красным и черным цветом. Лук длиной 100 см был сделан из березы и обклеен рыбьей кожей и сухожилиями. В обоих воинских погребениях Сарыг-Булууна отсутствовали ножи и кинжалы (Вл. Семенов 1990:36-47).

Из 127 погребений алды-бельского типа, учтенных А.Д.Грачом, только еще одно содержало оружие - втульчатый чекан и набор стрел. Это погребение было раскопано А.В. Виноградовым на могильнике Усть-Хадышныг 1 (Виноградов 1980: 60-64). Здесь набор стрел и чекан оказались близки вооружению, происходящему из кургана Аржан с одной стороны и могильника Сарыг-Булуи с другой. В этом погребении также отсутствовал кинжал, но был найден бронзовый нож. Характерно, что наконечники стрел встречаются во многих алды-бельских погребениях, в том числе и разграбленных, тогда как кинжал известен всего один и происходит также из разрушенного комплекса кургана 17 на могильнике Куйлуг-Хем 1.

Таким образом мы не имеем серийных воинских погребений на раннем этапе скифского времени в Туве. Целый ряд не ограбленных боковых могил, известных по раскопкам курганов алды-бельского типа не содержал предметов вооружения, по которым могут быть выделены захоронения скифской "знати". Сравнительно не много оружия происходит из кургана Аржан, который А.Д.Грач считал царским курганом алды-бельской культуры. Не рассматривая конструктивных различий кургана Аржан и погребений алды-бельского типа, следует остановиться на титулатуре варварского владыки, похороненного в Аржане. Здесь едва ли уместно наименование "царь", так как этот титул предполагает наличие хотя бы подобия абсолютной власти и территориальное объединение, которое могло бы быть уподоблено "царству", что не прослеживается на ранней стадии развития центральноазиатских кочевников. Общество оставившее курган Аржан может быть определено, как вождество, объединяющее несколько тысяч человек. По оценке М.П.Грязнова, для возведения такого сооружения, каким является Аржан, потребовался бы недельный труд полутора тысяч человек. По его же мнению, в поминальных тризнах и жертвоприношениях принимали участие не менее 10 тысяч человек и не только лица "аржанского племенного союза", но и сопредельных территорий (Грязнов 1980: 44-50). Такое мощное политическое объединение, каким являлся аржанский племенной союз, создавало стабильную обстановку в этом регионе Центральной Азии, чем и объясняется малое число индивидуальных воинских захоронений, открытых в курганах алды-бельского типа.

С распадом аржанского союза, в уюкско-саглынский период число воинских погребений возрастает. В больших срубках, служащих коллективными усыпальницами, нередки захоронения лиц, снабженных всеми видами скифского оружия (кинжал, проушной чекан и стрелы). Если в алды-бельских погребениях чекан помещался за спиной усопшего, то в саглыньских срубках он всегда находится у пояса. Сравнительно часто встречаются бронзовые кинжалы, а в уюкских курганах V в. до н.э. появляется оружие из железа. Принадлежность к воинскому сословию подчеркивается захоронением коней (Саглы-Быжи II курган I) или деталей конского снаряжения. Погребальное облачение нередко обшивается десятками или сотнями золотых зооморфных бляшек, а шею знатных "нобилей" украшают бронзовые или железные, обернутые золотой фольгой гривны.

Для ранних уюкско-саглыньских срубков, содержащих воинские погребения, характерно отсутствие керамики и параллельное положение досок пола и перекрытия погребальных камер (тип I). Такие срубки появляются уже в конце VI в. до н.э. и какое-то время сосуществуют с погребениями алды-бельского типа. Несколько позднее появляются срубки, в которых пол и перекрытие настланы в противоположных направлениях (тип II). В этих срубках, как правило, встречается много керамики. Вероятно, оба типа срубков сосуществуют в течение всего уюкско-саглыньского периода (VI-II в.в. до н.э.), о чем могут свидетельствовать раскопки на могильниках Кок-Эль, Саглы-Бажи, Улангом и Сугауг-Хем I, датируемых концом III-первой половиной II вв. до н.э.

На могильнике Суглуг-Хем раскопано 16 срубов, из которых 6 относятся к типу I и 10 ко второму. Эти срубы расположены двумя изолированными группами, но в пределах одного могильника, занимающего сравнительно небольшую возвышенность. Погребения, которые могут быть выделены как воинские, находились в срубах I типа (рис. 1-3). К этому времени (то есть к III-II вв. до н.э.), а может быть и раньше, керамика уже входила в число погребального инвентаря, но располагалась в несколько ином порядке нежели в срубах II типа.

Из 6 срубов 3 оказались совершенно не потревоженными грабителями, в одном был разрушен один костяк, один сруб разграблен на половину и в одном срубе были разрушены все костяки, часть погребального инвентаря должно быть была унесена, предметы, не представлявшие для грабителей ценности (керамика, костяные наконечники стрел, поясные пряжки, бронзовые серьги), разбросаны по полу погребальной камеры.

Всего в шести срубах было похоронено 34 человека (включая детей). Погребальный инвентарь содержал большое число керамических сосудов (32 экземпляра). В одном случае в ногах погребенных стоял железный котел с костями барана. Кости животных были обнаружены во всех погребениях. Они лежали по углам сруба и могут быть интерпретированы как строительная жертва, а не как заупокойная пища усопших.

Положение погребенных и их ориентация отличаются большим разнообразием. Классический вариант представлен погребениями сруба 28, ориентированного углами по странам света с небольшим отклонением к СВ. Погребенные лежат на левом боку головой на СЗ, что является типичным для подавляющего большинства погребений уюкско-саглынского периода. Двое из погребенных мужчин имели железное оружие (рис. 3-1, 2, 24). Женский костяк был, вероятно, в высокой берестяной шапке, о чем свидетельствуют следы тлена за головой и железная шпилька в полуметре от черепа. В двух других срубах такие берестяные шапки хорошо сохранились.

Сруб 29 ориентирован также углами по странам света. Погребенные в нем размещались следующим образом. У северо-западной стенки на левом боку головой на СВ лежал мужской скелет с железным оружием у пояса (чекан и акинак) (рис. 3-3, 25), лицом к нему на правом боку лежало 2 костяка, ориентированных так же на СВ. Вдоль северо-восточной стенки были уложены два скелета (4 и 7) на правом боку головой на СЗ. Перед скелетом 7 находилось два других погребенных, положенных на левый бок и ориентированных на СЗ. Таким образом из 7 погребенных трое имели СВ ориентацию, четверо - СЗ, три костяка лежали на левом боку, четыре - на правом.

Сруб 26 ориентирован углами по странам света. У северо-западной стенки на левом боку головой на СВ лежал костяк с железным оружием, лицом к нему на правом боку находились скелеты ребенка и женщины, четвертый скелет располагался у северо-восточной стенки сруба. Он был положен на правый бок, головой на СЗ. У пояса - железный акинак.

В других срубах (24, 25, 27) достоверно воинских погребений выделено не было, в силу частичного или полного ограбления и разрушения скелетов. В трех же срубах (29, 28 и 26) оружие находилось у пяти погребений, причем четверо, лежащие на левом боку, имели и кинжал и чекан, и лишь один, положенный на правый бок, был вооружен только акинаком. Как уже упоминалось, положение усопших на левом боку является более древним в саглыньских срубах, и лишь на последнем озен-ала-белигском этапе появляются правосторонние погребения. На левом же боку хоронили и в алды-бельских курганах, в кургане Аржан (за исключением одного случая), и в уюкских курганах V в. до н.э.

Воинские погребения в срубах Суглуг-Хема выделяются не только наличием железного оружия - кинжалов и чеканов, и иногда наборов наконечников стрел (рис. 3: 4-23), но и богатством погребального облачения. Особенно выделяется скелет I в срубе

26, одежду которого украшало более 100 золотых нашивок и раковин каури, обернутых золотой фольгой (рис. 4-1).

Расположение нашивных украшений возле головы, груди, пояса и у стоп ног позволяет воссоздать первоначальное их положение на одежде погребенного (рис. 4-2). Так на голову погребенного была надета матерчатая или кожаная диадема, на которую были нашиты золотые орлы (рис. 4-3,4). В центре диадемы располагалась фигура размером 90x50 мм (рис.4-5). Еще 22 итицы меньших размеров нашивались на диадему в два ряда. На шею усопшего была надета железная, обернутая золотой фольгой, гривна. Костюм украшали 16 нашивных скребущих пантер (рис. 4-7, 8), пояс - больше золотые пластины (рис. 4-9) и 20 раковин каури. Обувь была обшита фигурами геометрических очертаний и длинными полосками золотой фольги. Подобные золотые полоски применялись при украшении обуви и в алды-бельской культуре. На поясе висели чекан и акинак. Характерно, что погребенная в этом срубе женщина была вовсе лишена каких-либо украшений и сопровождающего инвентаря, тогда как ребенок имел свои вещи. Второй мужчина, захороненный с железным акинаком, имел также пояс из раковин каури, но в меньшем количестве, чем у его более удачливого или знатного сородича. Детали золотого костюма, обнаруженные в срубе 26, встречены и у скелета I в срубе 29. Здесь головной убор украшали такие же орлы, только в меньшем количестве, а на костюм нашивались пантеры. Традиция украшать головной убор золотыми орлами существовала среди тувинских кочевников, вероятно, уже в V. в. до н. э., о чем свидетельствуют находки С.А.Теплоухова в кургане 126 под Тураном. Там были найдены 23 нашивные золотые бляшки возле черена погребенного, 12 из которых в виде фигурок орла, а также бронзовая, обернутая золотой фольгой гривна (Полторацкая 1966: 86-87). Довольно много подобных изображений происходит из разграбленных срубов могильника Кош-Пей.

Могильник Суглуг-Хем по целому ряду признаков может быть датирован II в. до н.э. Основания для такой датировки дают вещи, аналогии которым можно найти в погребениях сюнну Забайкалья, в могилах тесинского этана тагарской культуры и в Косогольском кладе. Это трехлопастные наконечники свистящих стрел с прорезной втулкой, ложечковидные костяные застёжки, вотивные модели миниатюрных котелков, поясные костяные пряжки, бронзовые и золотые полушаровидные пуговицы с петелькой внутри, золотые шаровидные, спаянные из двух половинок бусы, медалевидные зеркала с треугольной прорезью, больше количество красного лака и железных предметов, включая оружие. Наряду с этими вещами, которые появляются в период экспансии сюнну в Центральной Азии, описываемые срубы первой группы на Суглуг-Хеме сохраняют целый ряд архаических черт, восходящих к V или даже VI вв. до н.э. Это и упоминаемые уже настланные в одном направлении пол и перекрытие, изготовление стенок сруба из расщепленных бревен, положение лиц, имеющих оружие, на левом боку, расположение золотых украшений на одежде, биметаллические гривны. В срубе 26 был найден истертый фрагмент зеркала с бортиком, служивший амулетом, так как в нем были проделаны отверстия для подвешивания. Зеркала с бортиком встречаются в погребениях алды-бельского типа. В двух случаях такие зеркала найдены в срубах (могильник Кок-Эль, курган 48 и Кюзленги I, курган D). Возможно, что зеркало из Суглуг-Хема сохранялось длительное время в руках одного коллектива, а возможно имеет и другое происхождение, так как зеркала с невысоким бортиком появляются, например, в прохоровской культуре. Как бы там ни было часть срубов II века, раскопанных на Суглуг-Хеме сохраняет черты, присущие самым ранним памятникам уюкско-саглынского типа. Это позволяет сделать вывод о том, что определенная группа лиц - скифской знати или воинов, выделившаяся в середине I тыс. до н. э., сохраняла свои кастовые традиции в течение всего уюкско-саглынского времени.

Вероятно именно им принадлежали большие земляные курганы насыпанные уже после распада аржанского племенного союза в Уюкской котловине, в этом подобие "Герроса" центральноазиатских скифов. Нестабильность политической обстановки привела к появлению большого числа лиц, относящихся к воинскому сословию, которое сохранялось более 300 лет - от времени завоевания персами Средней Азии вплоть до экспансии сюнну и перемещения большой массы кочевников из Центральной Азии в Семиречье и Греко-Бактрию.

Косвенная связь между образованием государства Ахеменидов и появлением пазырыкских курганов на Алтае и сагаынских в Туве уже отмечалась некоторыми исследователями (Марсадолов 1985: 1-23; Савинов 1991: 93-96). Действительно с V до н.э. наблюдается сближение культур ранних кочевников Тувы и Алтая, сохраняются связи с территорией Восточного Казахстана. Это касается не только вооружения, конской узды или украшений, но и таких предметов как керамика. В частности в числе погребального инвентаря иногда встречаются сосуды с росписью кривыми линиями. В Туве они известны на могильниках Аймырлыг, Хову-Аксы, Суглуг-Хем, в Монголии - Улангом, на Алтае - Бике I, Ала-Таил III, Юстыд, Сара-Коба и др. (Кубарев, Слюсаренко 1990 : 185-192). Позднее такая керамика появляется в Семиречье, в погребениях идентифицируемых с усунями. Помимо керамики в усуньский погребальный комплекс входят медальонидные зеркала, бронзовые и золотые серьги в полтора оборота, железные шпильки, бронзовые и костяные костыльки, деревянные столики. Все эти предметы встречаются в более ранних тувинских погребениях, что позволяет предположить, что какая-то часть усуней до своего переселения в Среднюю Азию обитала на Саяно-Алтае (Мандельштам 1983: 46-48), хотя эта территория не упоминается в ханьских хрониках как усуньская. Тем не менее указание на численность усуней, превышающую 600 тысяч человек (Бичурин 1950: 190) позволяет предположить, что они занимали обширные регионы Центральной Азии от верховьев Енисея до Восточнотуркестанских оазисов. Об этом свидетельствуют раскопки в Синьцзян-Уйгурском автономном районе вблизи населенного пункта Корла и др. (The Xingjian Team 1990: 511-519), где выявлены курганы ранних кочевников с таким же погребальным инвентарем, какой мы находим в скифских срубках Тувы и усуньских погребениях долины Или.

- Бичурин, Н. Я. 1950. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии с древнейших времен II. Москва, Ленинград.
- Виноградов, А. В. 1980. Памятники алдыбельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев: 60-64. Кызыл.
- Грач, А. Д. 1980. Древние кочевники в Центральной Азии. Москва.
- Грязнов, М. П. 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград.
- Кубарев, В. Д., Слюсаренко, И. Ю. 1990. Расписные сосуды из курганов урочища Бике // Археологические исследования на Катунь: 185-192. Новосибирск.
- Мандельштам, А. М. 1983. Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов I: 46-48. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Марсадолов, А. С. 1985. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв. до н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Полторацкая, В. Н. 1966. Памятники ранних кочевников в Туве // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 8: 86-87. Москва, Ленинград.
- Савинов, Д. Г. 1991. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифосарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: 93-96. Барнаул: Университет.
- The Xingjian Team. 1990. The Xingjian Archaeological Team. Excavation of Tomb 2 at Chawuhugoahon, Hejing, Xingjiang 6: 511-519. Kaogu. (на китайском языке).

Military Burials of Early Nomads in Tuva

V. A. Semyonov

In 1988-1991 some Skythian burials were excavated in Tuva. Some of these burials can be considered as military. The most interesting burials were from the Saryd-Bulun mound, on the right bank of the Ulug-Hem, not far from Bayn-Kol settlement. This mound belongs to Aldy-bel culture and dates back to the VI-Vth centuries B. C. The burial contained the body of a youth in a wooden box the naturally mummified. The burial also contained his clothes - leather trousers, shirt, and weapons - a bronze axe on a wooden handle of 70 cm, a birch bow glued over with fish-scales and tendons, as well as a leather quiver with ten arrows: seven arrows with bronze heads, one - with a bone head and two arrows are wholly wooden (so-called tomara). The second military burial uncovered in Saryg-Bulun contained the same collection of arms, but the dead was buried in a stone tomb. Only isolated military burials belonging to Aldy-bel culture have been known so far. This may be explained by the fact that there was a stable situation in this region of Asia during the "Arzan tribal union" including, in particular, the representatives of Aldy-bel culture. Later, when Uyk-Sagly mounds were started to be built (VI-II centuries B. C.), the number of military burials increased. Wooden hut graves became wide-spread in Tuva at that period. The remains of people with arms are often excavated among those buried. The set of arms is usually the following: a bronze or iron dagger, an axe, a quiver with arrows. The burials of Suglug-Hem 1 mound are of particular interest. Sixteen hut graves were uncovered in this mound where about 100 people were buried. Some hut graves contained military burials. Hut graves 26,28 and 29 had not been ransacked in ancient times, and there remained many gold articles as well as weapons - iron akinaks (daggers) and axes. Due to these finds it has become possible to reconstruct a burial suit of a Suglug-Hem nobleman. It included a band made of fabric (diadem) decorated with 23 golden images of an eagle, an iron neck-ring covered with gold foil, 16 panthers sewn on caftans, the waistband consisted of large golden mounth and 20 Cypraea moneta, the foot-gear was decorated with golden applique. The Suglug-Hem mound dates from the IInd century B. C. Painted ceramics, medal-looking mirrors, iron pins, bronze and golden wire ear-rings from this mound have parallels among the antiquities of the Usuny of Semirechje. Some Tuva nomads might have taken part in the Saka-Üetchzhi-Usuny expansion in Central Asia, where there were excavated rich cemeteries, such as Tilla-tepe which have features in common with those of the nomads of the Altai-Sayan Upland.

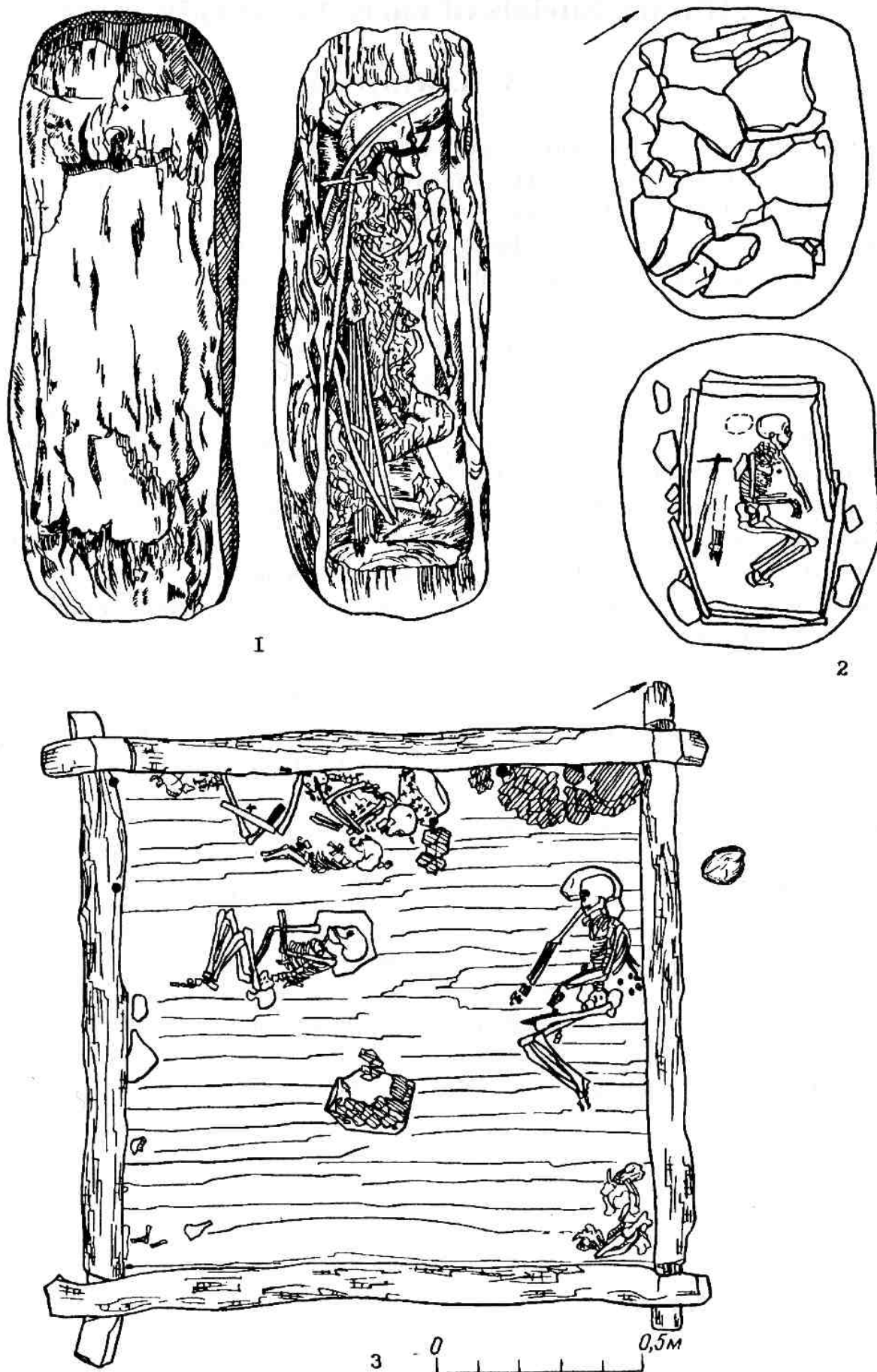

РИС. 1. Скифские воинские погребения Тувы:
 1 - могильник Сарыг-Булун (погребение 5);
 2 - могильник Сарыг-Булун (погребение 3);
 3 - могильник Суглуг-Хем I (сруб 26).

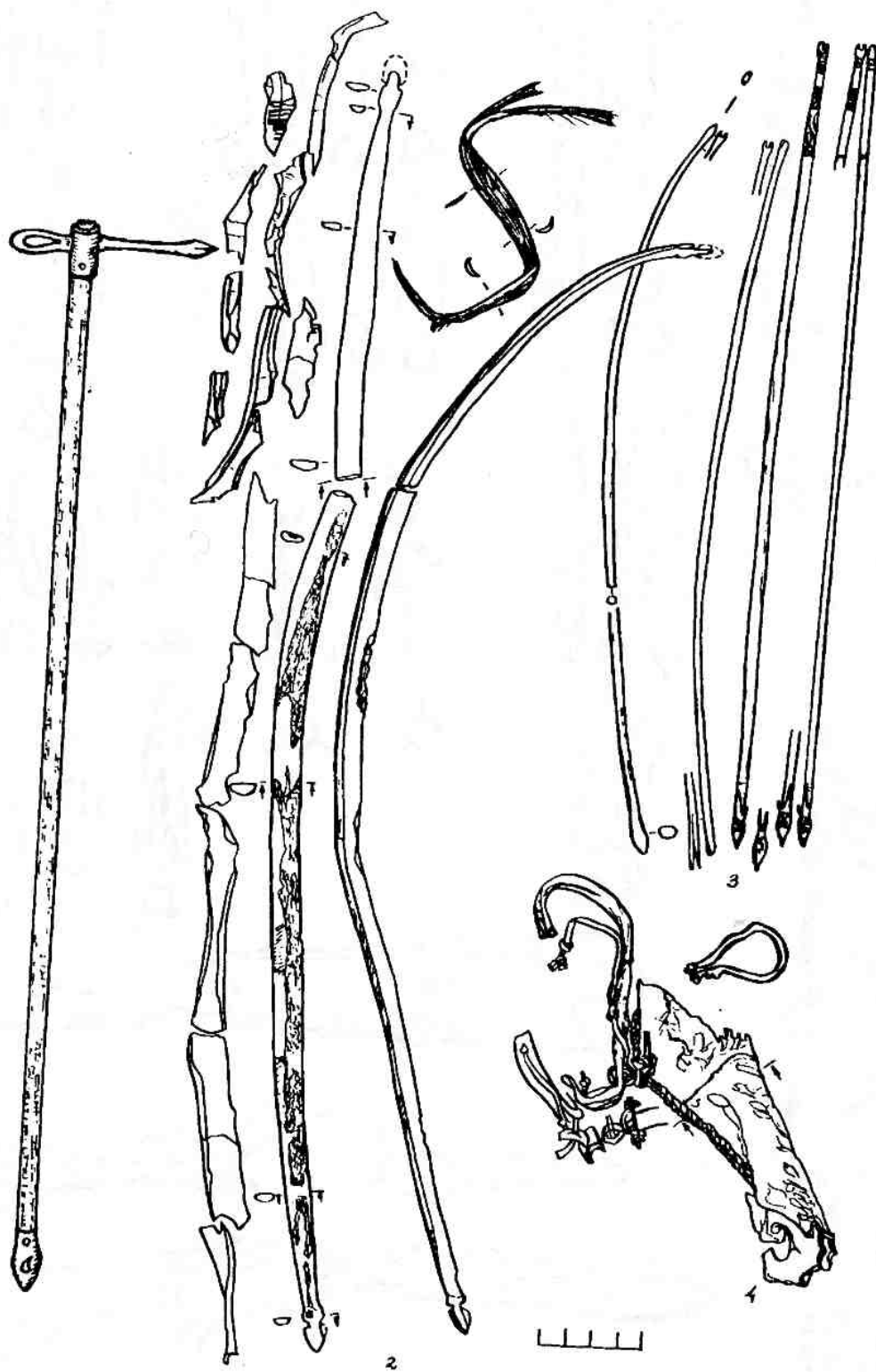

РИС. 2. Вооружение ады-бельской культуры из могильника Сарыг-Булун, погребение 5: 1 - чекан, 2 - лук, 3 - стрелы, 4 - колчан.

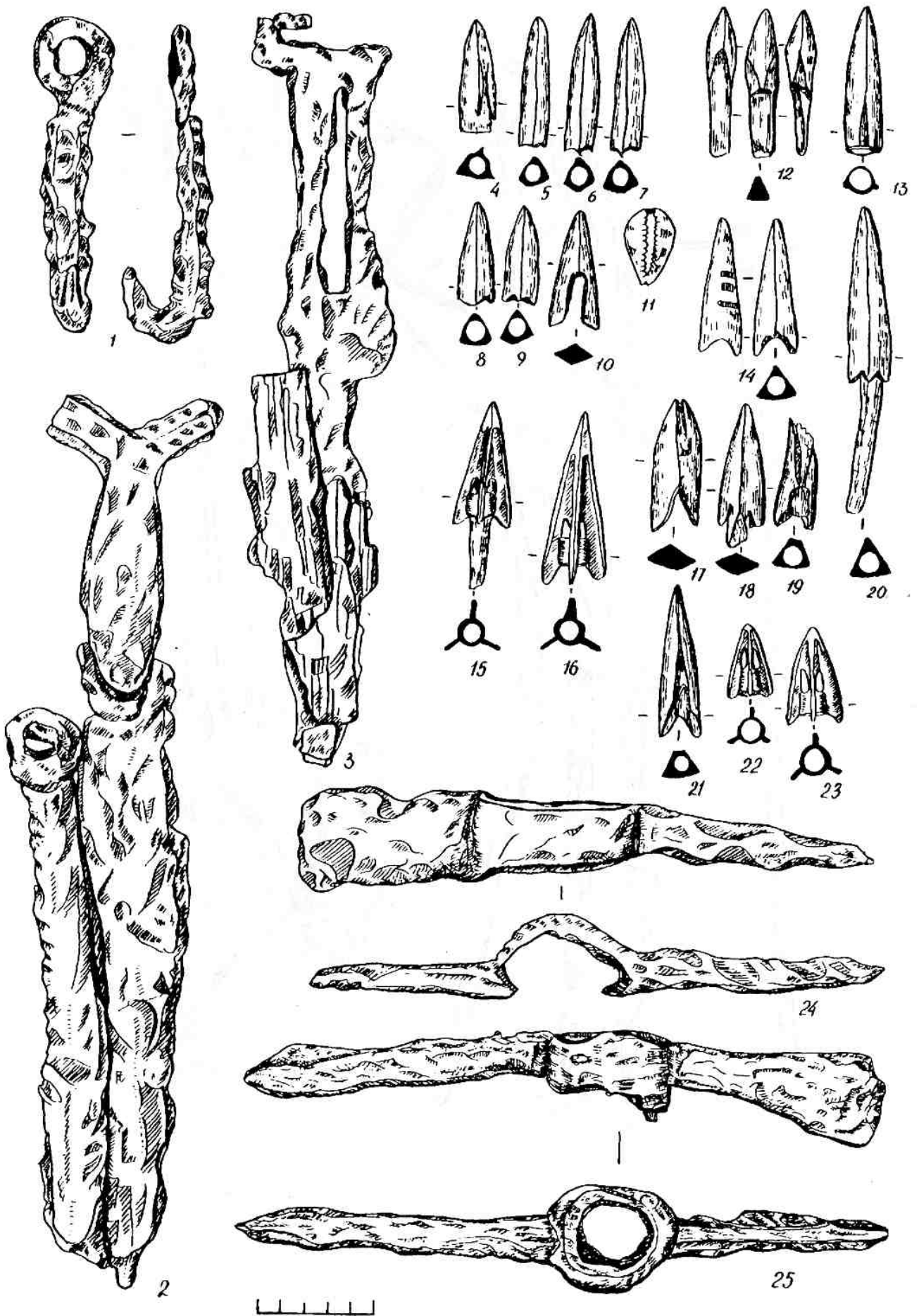

РИС. 3. Вооружение сагалынской культуры из могильника Суглуг-Хем: 1 - колющий крючок; 2, 3 - акинэки; 4-10, 12-13 - наконечники стрел; 24, 25 - мечаны; 11 - раковина каури (1-3, 24-25 железо; 4-14, 17-21 кость; 15, 16, 22, 23 бронза).

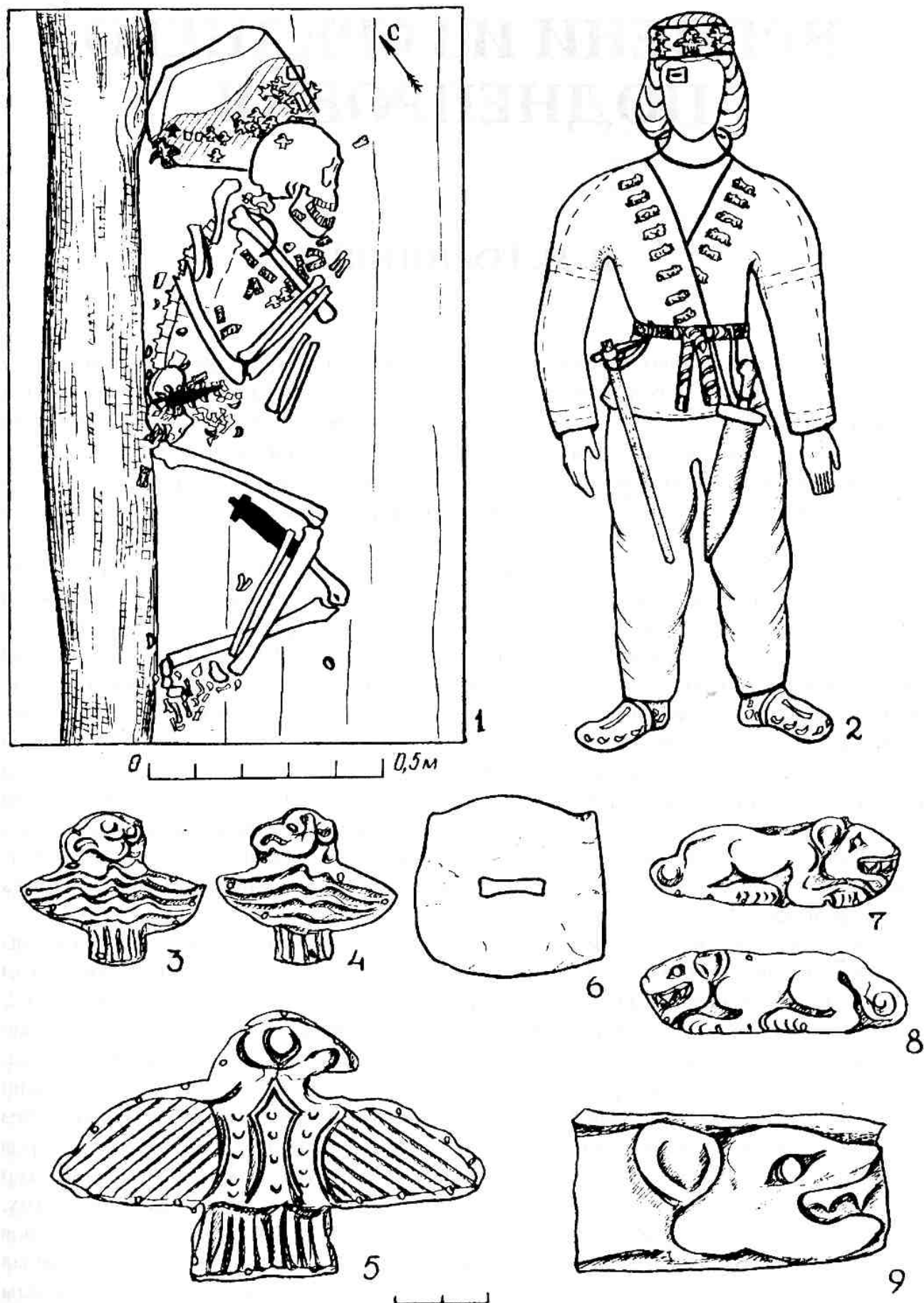

РИС. 4. Реконструкция костюма, погребенного в срубе 26 могильника Сугауг-Хем: 1 - погребение; 2 - реконструкция (3-9 золото).

НОВЫЙ КЛАД АНТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В. М. ГОРЮНОВА

Разделение так называемых антских кладов на степные и лесостепные комплексы было блестяще проведено Г.Ф. Корзухиной в середине 1950-х годов. Спустя десятилетие были высказаны первые предположения о связи кладов VII в. с новыми только что выделенными в лесостепной зоне раннеславянскими культурами третьей четверти I тыс. н. э., получившими вскоре наименование пеньковской и колочинской. В дальнейшем, при изучении поселений этих двух обширных культурных ареалов, отдельные вещи типа древностей антов встречались неоднократно и предположения сменились уверенностью в обязательной связи кладов и отдельных случайных вещей круга последних с населением пеньковской культуры в большей степени и в меньшей - с колочинскими племенами (Приходнюк 1980: 100-101; Горюнов 1981: 62, 82; Терпиловский 1985: 97).

К настоящему времени накопилось достаточно свидетельств не только принадлежности древностей антов пеньковской культуре, но и частично местного их изготовления, поскольку на многих пеньковских памятниках найдены тигли, льячки, литейные формы и другие следы производственной деятельности связанные с плавкой цветных металлов и их обработкой (Хавлюк 1963: 320-350). Стали известны случаи бесспорной связи антских кладов с культурным слоем поселений. Так в 1968 г. Липкингом Ю. А. были опубликованы результаты обследования места нахождения Суджанского клада 1947 г., где им было открыто поселение колочинской культуры. В 1976 г. Проходнюк О. М. установил наличие пеньковского поселения на месте находки клада у с. Вильховчик.

Сложность состава антских кладов лесостепной зоны Восточной Европы неоднократно подчеркивалась в археологической литературе и служила предметом горячих споров (Рыбаков 1953: 54-104; Корзухина 1955: 58-83; Артамонов 1967: 61-62; Ляпушкин 1968: 9-17). Неоспоримым виделось одно - мощное культурное воздействие Византии на формирование их основных компонентов: деталей мужского пояса, отдельных типов женских украшений (Гадло 1963: 95-105; Амброз 1971: 118; Айбабин 1973: 62-72; Горюнов, Казанский 1978: 28-30). Выдвигались предположения, правда, без ссылок на конкретный материал о значительном влиянии гето-сарматских центров Боспора (Артамонов 1967: 61-62). Однако полиэтничный, межплеменной характер украшений не исключал возможности существования местных ювелирных мастерских, в процессе сложения которых немаловажную роль играло сохранение древних приемов обработки металла и глубоко традиционных для данной территории форм. Большая часть известных ныне вещевых кладов VII в. лесостепной зоны представляет собой клады

ювелиров-литейщиков, а поэтому определение сырьевой части, лома, полуфабрикатов и сопоставление ее с готовой продукцией весьма плодотворно.

Учитывая все вышесказанное, комплекс колочинского поселения в урочище "Хутор" у с. Великие Будки Сумской области северо-восточной Украины, содержащий такого рода клад, а кроме того и производственные постройки, связанные с изготовлением украшений, представляет несомненный интерес. Клад был обнаружен в верхней части заполнения полуземляночной постройки производственного назначения. Он был, видимо, завернут в ткань (на некоторых вещах сохранились не только ее отпечатки, но и кусочки), а сверху были положены обереги - железные долотце и перовидное сверло (рис. 1-18, 19). Такие обрядовые манипуляции при захоронении кладов известны в более позднее время (Макаров 1981: 261-264). Присутствие наконечников копий в Колосковском кладе и упоминание находчиком Суджанского клада 1947 г. железного клинка (утраченного) свидетельствуют, что уже в VII в. железные предметы иногда сопровождали клад, и, по-видимому, в качестве оберега.

Вещи клада из Великих Будков можно разделить на три группы: лом, сырье, готовая продукция. Первая группа (лом) включала нижнюю пластину большой пальчатой фибулы, изготовленной из низкопробного серебра (рис. 1-1). В кладах и погребениях раннесредневекового времени Восточной Европы подобные фибулы неизвестны. По технике, стилю и материалу она довольно близка так называемым керченским фибулам, которые были в употреблении на Боспоре во второй половине VI - первой половине VII вв. и делались там же по дунайским прототипам второй половины V и первой половины VI вв. (Айбабин 1990: 21). В Среднем Поднепровье известны случайно найденные экземпляры местного воспроизведения южных, крымских или европейских образцов (Княжая гора, Букрин, Черкасский и Каневский уезды). Они не многочисленны, но достаточно разнотипны. Все они хранят следы южноевропейского влияния: ромбическую форму нижнего щитка, геометрическую четкость в построении орнамента, вертикальное расположение спиралей или завитков. Эти фибулы уже утратили высокую техничность в исполнении, да и выплавлены они, как правило, из бронзы (Рыбаков 1953: 54-57; Корзухина 1974: 512-542). Наш экземпляр явно не среднеднепровского производства. Техника его изготовления достаточно высока: литье и гравировка по восковой модели, золочение. Стиль является продолжением традиции гранено-выемчатого узора пальчатых фибул послегунннской эпохи (ромб с завитками и разделанные полумесяцами валики на ножке). Поэтому мы не исключаем возможности изготовления данного фрагмента фибулы в придунайских мастерских не ранее второй половины VI в. и не позднее первой половины VII в.

Фрагмент верхнего щитка серебряной антропозооморфной фибулы (рис. 1-15) сохранил декоративные элементы высокого качества пуансонной техники. Ближайшей аналогией ему может служить пара многоглавых прекрасного технического исполнения фибул из Мартыновского клада. Конечно, довольно сложно по такому фрагменту дать четкую типологическую характеристику, но наш экземпляр несет определенно ранние признаки. Треугольная форма верхнего щитка, елочный орнамент имитирующий перо птицы, скобчатая разделка шейки птицы, контурная линия по краю щитка - это как раз те элементы, которые позволяют поставить его в самое начало типологического ряда, вернее, одного из рядов антропозооморфных фибул. При определении времени начала изготовления таких фибул следует руководствоваться следующими моментами. Первое, антропозооморфные фибулы всех групп, судя по ограниченному набору декоративных элементов и приемов, относятся к довольно узкому отрезку времени. Второе: несколько случаев нахождения таких фибул в погребальных комплексах Крыма (Лучистое, Суук-Су) позволяют получить отправные хронологические точки в типологической цепочке. Антропозооморфные фибулы в Крыму сочетаются, в основном, с вещами второй

половины VII в. (Амброз 1971: 114, 116; Айбабин 1990: 26). Надо заметить, что фибулы из Крыма занимают примерно центральное положение в типологической схеме развития: в это время происходит постепенная замена птичьих голов на "козлиные", верблюжьи, лошадиные, предельно упрощается декор (остаются лишь кружки, насечки и зигзаги), появляются перемычки, соединяющие головки животных и щитки, то есть все то, что отсутствует на великобудковском экземпляре. Учитывая его начальное положение в типологическом ряду, можно с достаточной долей уверенности говорить о первой половине VII в. И наконец, третий момент. На наш взгляд богатый и тонкий декор мартыновских антропозооморфных фибул (полного аналога рассматриваемому экземпляру) появился, скорее всего, под влиянием декора сасанидского серебра, которое в первой половине VII в. стало поступать в Восточную Европу.

Отдельные приемы разделки птиц, цветочного декора, изображения зверей, которые применяли восточные торевты, были переняты мастерами изобретшими мартыновские фибулы (сравни: Тревер, Луконин 1987: 88, 93, 110-115, 117, табл. 14, 21, 25, 26, 28, 30, 36).

Конеч серебряной гривны с обмоткой и крючком в виде головки змеи (рис. 1-2) напоминает случайно найденную в Среднем Поднепровье близ Канева гривну с таким же крючком, но сделанную несколько в другой технике: медная основа обтянута серебряной пластиной, украшенной кружками и треугольниками (Корзухина 1974: табл. 2). Система застежки и оформления концов гривны близка также экземпляру из погребения в кургане 6 в Таурапилесе (Литва), датированному концом V-VI вв. (Казакиявичюс 1982: 76, рис. 3). Несколько более отдаленные аналогии в технике исполнения застежки мы имеем в Подунавье. Это известные комплексы из Чадьявиц, Залесья (Fettich 1951: tabl. XII, I в, VIII, 1 и 2), Земьянского Врбовка (Svoboda 1953: fig 3). Но если гривна из Чадьявиц сближается с великобудковской по технике и форме разделки прута (очень вытянутые ромбики, выбитые чеканом, расположены в шахматном порядке тесно друг к другу), то остальные имеют полое тело и застежку, хотя и пластичную, но без расширения со стороны крючка, как у нашей гривны. Тонкость гравировки, крестообразные мотивы, четкость и чистота выделки гривны из Великих Будков роднит ее с дунайскими изделиями, и изготовлена она была, по-видимому, в рамках первой половины VII в.

Два фрагмента серебряных браслетов со слегка утолщенными концами (рис. 1-8, 9), один из которых украшен параллельными нарезками и точечным орнаментом, имеют широкие аналогии. В случайных находках и кладах VII в. Левобережья и Среднего Поднепровья - Мартыновский, Менский, Колосковский клады, случайные находки в Балаклее, Пастерском (Корзухина 1974: табл. 14-2, 3; 99-8, 9; 29-3; 38-1, 2), в могильниках VII в. колочинской культуры Княжье, Лебяжье (Липкинг 1972: 44), Картамышево II (фонды Института истории материальной культуры), на раннеславянском поселении Скибинцы (Хавлюк 1963: 335, рис. 14, 9), в прибалтийских древностях V-VI вв. (Kulikauskas и др. 1961: 345), в Подунавье (Kleemann 1951: Abb. 14). Наши браслеты имеют одну особенность, позволяющую несколько сузить датировку: округлость сечения одного из них неправильная, а это признак позднего времени - VI-VII, а возможно только VII в.

Половинка бронзового браслета с сильно утолщенным многогранным концом (рис. 1-7), вдоль граней которого нанесен точечный орнамент, относится к типично прибалтийскому виду украшений (Urtān 1977: 138-142, att. 45-7, 11). В Среднем Поднепровье подобные браслеты, только украшенные еще и кружковым орнаментом есть в Мартыновском и Козиевском кладах (Корзухина 1974, табл. 15-3; 49-17). На славянском городище Зимно (Аулих 1972: 67, табл. XIII - 1,3,4,12) такие браслеты изготавливались на месте, по-видимому, в VII в. (Рыбаков 1953: 78; Амброз 1971: 113).

Бронзовый язычок со щитком у основания от поясной пряжки (рис. 1-5) имеет аналогии в материалах Восточной Европы в группе так называемых В-образных пряжек (Бажан, Каргапольцев 1990: 31, рис. 2-26, 27, 30, 31, 40) сравнительно поздней модификации, получившей распространение в культурах восточнолитовских и длинных курганов V-VI вв. (Аун 1979: 371, рис. 6; Таутовичус 1966: 189, рис. 1-7), VII-VIII вв. (Седов 1974: 34; 1982: 52, 84, табл. XVIII-18; 85; табл. XIX, 24). Есть такой формы язычок на пряжке с квадратной рамкой на городище Зимно. Она аналогична пряжкам аламанских могильников Вюртемберга и Борисовского могильника (Ауліх 1972: 61, табл. XI, 12).

Среди лома обращает на себя внимание уникальная серебряная пластинчатая подвеска богато украшенная гравированным орнаментом (рис. 1-13; 3). Верхний край ее был утрачен еще до включения в состав клада. Разделка поверхности пластины, кроме точечного орнамента, выполнена колесиком, которое дает зигзагообразную линию. Подобная орнаментация получила широкое распространение начиная с IV в. (Szabó 1939: 101, tabl. 1; Mitrea, Preda 1966: 306, fig. 158-7) на литых пластинчатых вещах и просуществовала до VIII-IX вв (Генинг 1962: 35-44, табл. II, 10а, 11а, б), поэтому декор пластинчатой подвески из нашего клада ничего не дает для культурно-хронологических уточнений. Следует только отметить, что сочетание выпуклости и зигзагообразной линии постоянно встречается на трапецевидных подвесках и прямоугольных крупных, неизвестного назначения пластинах Козиевки, Смородино, Колосковки (Корзухина 1974: табл. 52-1, 2; 56-12, 13; 59-5, 6; 100-7, 8, 14). Зигзагообразной линией украшена и крупная трапецевидная подвеска из сборов Бодянского у с. Волошского в Надпорожье (фонды Института Археологии Украины).

Тонкие серебряные пластинки и обрезки серебра были свернуты в тугий комок (рис. 1-10). Серебряная пластина-оковка, орнаментированная двумя выпуклыми полосками вдоль верхнего края (рис. 1-20), служила для покрытия какого-то округлого в сечении предмета, скорее всего, деревянного, так как в ней есть отверстие от гвоздика. Края пластины были спаяны.

Вторую (сырьевую) группу клада составили кусочки серебряного разрубленного слитка удлиненной формы (рис. 1-3, 4), оловянисто-свинцовый слиток округлой формы с отверстием в центре (товарная форма?) и узкие свернутые в спираль пластины (рис. 1-6, 16), а также отходы оловянисто-свинцового литья в виде сплесков (рис. 1-7, 11, 14, 21).

В третью группу клада входили готовые изделия, вылитые в каменных двустворчатых формах из оловянисто-свинцового сплава. Это прежде всего две парные маленькие пальчатые фибулы (рис. 2-5). Они были выплавлены в одной форме. С обратной стороны фибулы сделаны держатели для иглы и пружины в виде двух параллельных ушек. В отверстия этих ушек были вставлены железные проволочные стержни, от которых сохранились остатки окиси железа в канальцах, соединявших ушки. Фибулы длиной 4 см, имеют полукруглый верхний щиток, небрежно декорированный при отливке концентрическими дугами, и ромбический нижний щиток, украшенный также концентрическими ромбами с точкой посередине. Нижний щиток завершается узким "пальцем" с кольцами, а также имеет боковые отростки, деградированные птичьи головки, клювами сливающиеся с краями щитка. Фибулы из великобудковского клада входят в классификационную группу, которую западные археологи выделили под названием мазуро-германских пальчатых фибул (Kühn 1956: 79-108; Werner 1950: 150-172). Румыния, Венгрия, Мазурия, Среднее Поднепровье и отчасти Балканы - вот основные районы распространения маленьких пальчатых фибул. В Среднем Поднепровье найден 41 экземпляр, из них 18 - на Пастерском городище (Корзухина 1974: 480). Причем в кладах они ни разу не были встречены. В последние 10-15 лет фибулы мазуро-германского типа стали известны и на раннеславянских поселениях Днестровского региона: Ханска, Демьянов, Рашков, Горошев, Чернавка I (Баран и колл. 1990: 248, рис. 51-18-21; 250).

Точных аналогий маленьким фибулам из Великих Будков мы не имеем. Наиболее близко повторяет их особенности фибула из случайного погребения в Сакуэни из Румынии и фибулы из погребений 22 в Ваплево и 13,68,74 в Келларах из Мазурии (Kühn 1956: XXII-14,22; XXIII -27,34). Роднит их к тому же крайняя степень деградации всех элементов конструкции и декора. Отдаленные аналогии, на уровне генезиса типа, можно усматривать в экземплярах из Чернавки I (Русанова 1979: 3, табл.10), Виничан (Čorović-Ljubinkovic 1972: fig. 1-3), Мазовин (Kühn 1956: XXII, XXIII), Сэрата-Монтеору (Nestor, Zaharia 1960: fig. 1-7; 1961: 513-517), то есть практически по всему ареалу распространения мазуро-германской группы пальчатых фибул.

Первоначально исследователи в определении датировки этих фибул расходились весьма значительно: от V-VI вв., второй половины VI (Kühn 1956: 79-108; Csallány 1961: tabl. XI-II; XXXI-3; LXVIII-7,10) до VII в. (Horváth 1935: 103; Werner 1950: 152-172). Затем по мере накопления материала, особенно в Румынии, все чаще стали говорить о конце VI-VII вв. Предпринятые в последнее время хронологические разработки мазурских (Кулаков 1989: 148-276) и крымских могильников (Амброз 1971: 106-134; Айбабин 1990: 22) позволяют сузить рамки существования фибул мазуро-германского типа до второй половины УП в. Учитывая то, что фибула из Великих Будков принадлежит к сильно деградированному варианту, время ее изготовления можно связать с последними десятилетиями бытования фибул данного типа.

Свыше 1200 мелких оловянисто-свинцовых нашивных бляшек также, как и пара фибул, изготовленные владельцем кладов, не совсем обычны для кладов VII в. Они отлиты в каменных двустворчатых формах, с применением литейных стержневых вставок (тонкая железная проволока) с целью получения ушек для пришивания. Бляшки имели четыре основной формы, каждая была представлена в кладе различным числом экземпляров.

1. Круглые гладкие бляшки (рис. 2-1) размером от 4 до 9 мм, с одним ушком для пришивания (404 экз.). К этой же группе можно отнести розетки размером 8-9 мм, также с одним ушком (100 экз.).

2. Сдвоенные бляшки (рис. 2-2) 6-11 мм в длину. Крупные экземпляры имеют небольшую перемычку и одно ушко для пришивания (503 экз.). У мелких перемычка отсутствует, зато есть два ушка (181 экз.).

3. Бляшки в виде соединенных вершинами треугольников (рис. 2-3). Лицевая поверхность их украшена городками и точкой в центре каждого треугольника. На обратной стороне они имеют по 3 ушка для пришивания. Длина бляшек 12 мм (26 экз.).

4. Треугольные (или трапецевидные) бляшки с тремя кольчатыми отверстиями по основанию и крутым выступом на вершине (рис. 2-4). Их размеры 15 x 20 мм. Лицевая поверхность также украшена по краю городками и точкой в центре. Ушко находится с обратной стороны круглого выступа (22 экз.).

Подобного рода и качества украшения известны в кладках VII в. из Новой Одессы (Спицын. Архив: 84, 85), Козиевском (Корзухина 1974: табл. 21-4,5), Хацках (Бобринский 1901: табл. XIV-19,20,25). Литейные формочки мелких привесок и бляшек близкой формы встречены на поселениях пеньковской культуры Семенки, Скибинцы, на раннеславянских поселениях Румынии, а также в колочинско-тушемлинском ареале - Шугайлово, Лукомль. В дальнейшем, в VIII-IX вв., плавка мелких украшений получила широкое распространение в культуре длинных курганов. Они найдены в нижних слоях Пскова, Изборска, Камно, Старой Ладogi, Рыуге. Оловянистые нашивные бляшки и

* Рисунок фибулы из Сакуэни, используемый в публикациях не совсем соответствует оригиналу. Наиболее точное ее воспроизведение имеется в личном архиве Д. Теодора (Румыния), которому я благодарна за возможность ознакомиться с материалом.

литейные формы для их выплавки известны в финно-угорских могильниках. В кривичском регионе эта традиция доживает до XI-XII вв., а в Прибалтике, Финляндии и Швеции вплоть до XIX в.

Столь широкое распространение однотипных нашивных бляшек в среде культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы от Прибалтики до Поволжья объясняется, по-видимому, каким-то древним единым субстратным воздействием, происшедшим до III-IV вв. Так, на Готланде в I в.н.э. основным женским украшением были бронзовые выпуклые полушаровидные бляшки, в Прибалтике в погребениях III-IV вв. встречаются шапочки, покрытые сплошь круглыми бронзовыми бляшками. В свою очередь, в дьяковской культуре есть также круглые и сдвоенные мелкие бляшки, а в Среднем Поволжье (азелинская культура) отдельные формы мелких бляшек III-VI вв. имеют точные копии в пеньковских поселениях VI-VII вв. с одной стороны, а с другой - на городище Камно и Отепяя. В данной ситуации нельзя забывать о сильном воздействии на лесную и лесостепную зоны скифских, а затем позднесарматских племен, в украшении женской одежды которых к рубежу I-II вв. особое значение приобретают мелкие нашивные бляшки самых разных форм.

В других кладах VII в. (Новоодесском, Козиевском, Нижнесыроватском) в дополнение к мелким нашивным бляшкам есть еще несколько категорий вещей, сохранивших следы субстратных явлений. Это свинцовые конические ворворки, пластинчатые привески, форма и принцип крепления которых напоминают аналогичные изделия, распространившиеся в лесной и лесостепной зонах еще в скифскую эпоху (Горюнова 1987: 85-93).

Итак, анализ вещевого состава клада позволяет прийти к заключению, что накопление его имело значительную протяженность во времени. Большая золоченая пальчатая фибула, изготовленная в мастерских Подунавья во второй половине VI-начале VII вв., сильно потерта, нижний щиток ее был обломан и его пытались приклепать и припаять к дужке. Она явно находилась в длительном пользовании, пока не попала в руки ювелира-литейщика. Антропоморфная фибула и гривна - вещи первой половины VII в., были нарочито разрублены на куски. Хронологические рамки бытования серебряных браслетов довольно широки - VI-VII вв. В качестве лома попали в клад бронзовые браслет и язычок от пряжки прибалтийского происхождения, они бытовали еще более длительное время (VI-VII вв. - браслет, от V/VI вв. до конца VII, возможно и VIII вв., - пряжки с подобными язычками). Завершение процесса накопления клада фиксируется готовой продукцией - маленькими пальчатыми фибулами мазуро-германского типа, время существования которых ограничивается второй половиной VII в. Учитывая сильную деградацию великобудковской пары застежек, можно с уверенностью сказать, что клад был зарыт в самом конце VII в., а возможно и чуть позже, если принять во внимание стратиграфические особенности его положения в комплексе поселения. К тому же в месте зарытия клада, в верхнем стратиграфическом горизонте культурного слоя, перекрывающего его, были найдены фрагменты красноглиняного гончарного кувшина, по всей видимости, южного происхождения, датировать который можно не ранее VIII в. (устная консультация А.Л.Якобсона).

Сырьевая часть клада из Великих Будков (поломанные вещи, предназначенные в переплавку) указывает на два направления связей колочинских племен: одно с югом, со Средним Поднепровьем, а, возможно, прямо с Подунавьем; второе с Прибалтикой. Готовая продукция, несомненно, отражает внутренние процессы усвоения заимствований: маленькие пальчатые фибулы - свидетельство того, что колочинские племена были включены в тот широкий круг различных племен и народов, которые в Мазурии, Паннонии, Трансильвании, на Днестре и в Среднем Поднепровье довольно

значительно переработали гото-гепидский тип украшений конца V-VI вв. Особо следует подчеркнуть, что точных аналогов фибулам, выплавленным в Великих Будках, на ближайших памятниках Среднего Поднепровья и Поднестровья нет. Прямые связи тянутся к верховьям Тисы, в Трансильванию, а с другой стороны, в Мазурское поозерье. В кладе Великих Будков также нашло отражение развитие древних традиционных форм (мелкие нашивные бляшки) существовавших в Восточной Европе на самой широкой территории, от Прибалтики до Поволжья еще с рубежа н.э.

Результаты количественного спектрального анализа, проведенного в лаборатории Института истории материальной культуры В.А.Галибиным, еще больше подчеркивают сложность состава клада и вносят особые акценты в сделанные наблюдения. В кладе представлены 3 группы сплавов: оловянисто-свинцовый, латунь и низкопробное серебро (несколько типов).

К местным ювелирам оловянисто-свинцовые сплавы - (Sn-Pb) - поступали в виде слитков округлой лепешкообразной формы, либо в виде тонких полосок свернутых в спираль, из которых были изготовлены маленькие пальчатые фибулы и нашивные бляшки, о чем дополнительно свидетельствует наличие оловянисто-свинцовых сплесков. Свинец в этом сплаве занимал чаще всего подчиненное положение.

Браслет прибалтийского типа и язычок со щитком от поясной пряжки, также характерный для юго-восточных районов Прибалтики, были изготовлены из латуни - Cu-Zn-(Pb), добавка цинка в котором не превышала 17 %.

Остальные вещи изготовлены из многокомпонентных сплавов на основе серебра (от 46 % до 79 %). Ведущая присадка, медь (от 18 % до 46 %), сопровождается в первом типе сплава - Ag-Cu-Sn-(Pb)-(Zn) - оловом (1,8-13 %) в сочетании со свинцом (1,6-2 %) и цинком (1,8-3,2 %), иногда без последнего. Из этого типа сплава изготовлены большей частью вещи, скорее всего, придунайского происхождения (большая пальчатая фибула, гривна). Во втором типе сплава - Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb) - ведущий приплав, медь, сочетается с цинком (1,7-7 %) в сопровождении незначительных добавок олова (0,7-2,5 %) и свинца (1,2-1,9 %). Низкопробное серебро, поступившее в среду колочинских племен в виде слитков, по своему составу относится именно к этому типу сплава и совпадает со сплавом вещей достаточно неопределенного происхождения - оковка (рис. 1-20), пластинки (рис. 1-10), браслет (рис. 1-9). В особый вариант сплава второго типа следует выделить металл антропозооморфной фибулы - Ag-Cu-Zn-(Pb). Он не содержит ошугимых добавок олова. Легирующая его медь сопровождается только свинцом (1,8 %). Примечательно, что из такого сплава сделана вещь несомненно местного, среднеднепровского происхождения. И, наконец, третий тип сплава - Ag-Cu-(Pb), где основная добавка, медь, сопровождалась лишь незначительной (2 %) присадкой свинца, был использован при изготовлении большой пластинчатой подвески (рис. 3).

Поскольку цветной металл раннеславянских памятников мало подвергался спектроаналитическим исследованиям, то, к сожалению, делать какие-то сравнения очень сложно. Все же позволим себе несколько замечаний. На наш взгляд столь значительное число компонентов в сплавах клада из Великих Будков определялось тем, что к серебру были добавлены в качестве доминирующего приплова не чистая медь, а слабо оловянистые, цинковые бронзы и бинарный сплав меди и свинца. И если первые в предшествующее время (II-V вв.) все же присутствовали на памятниках Восточной Европы, преимущественно, в позднесарматских, черняховских и в Ольвии, по частоте встречаемости занимая там третье место, а в Тапанисе этот сплав господствовал, то латуни с оловянисто-свинцовыми присадками были редко встречаемым металлом, как и бинарный сплав меди и свинца (Черных, Барцева 1972: 61-62). Может быть необычность сплавов антропозооморфной фибулы - Ag (65 %) - Cu (27 %) - Zn (5 %) - Pb (1,8 %) - и большой пальчатой фибулы - Ag (56 %) - Cu (22 %) - Sn (13 %) - Zn (3,2 %) - Pb (2,4 %)

- и следует интерпретировать с учетом всего вышеизложенного, но отсутствие целого комплекса спектроаналитических данных, как по Центральной, так и Восточной Европе, заставляет нас воздерживаться от каких то ни было суждений.

Изучение клада из Великих Будков позволяет по новому взглянуть на целый ряд малоисследованных вопросов древней истории Поднепровья: формирование ювелирного комплекса колочинской культуры, связи с южными дунайскими мастерскими, взаимодействие Пастерского центра и северных лесных районов Восточной Европы и т.д.

- АЙБАБИН, А. И. 1973. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // Советская археология 3: 62-72. Москва.
- 1990. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии I: 5-56. Симферополь.
- АМБРОЗ, А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология 3: 106-134.
- АРТАМОНОВ, М. И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории: 61-62. Ленинград: Ленинградский Государственный Университет.
- АУЛИХ, В. В. 1972. Зимнівське городище. Київ.
- АУН, М. 1979. Об исследовании курганов у деревни Рысна-Сааре // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки 28/4: 369-379.
- БАЖАН, И. А., КАРГОПОСЫЦЕВ, С. Ю. 1989. В-образные пряжки как хронологический индикатор синхронизации // Краткие сообщения Института Археологии 198: 28-35.
- БАРАН, В. Д., МАКСИМОВ, Е. В., МАГОМЕДОВ, Б. В. и др. 1990. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- БОБРИНСКИЙ, А. А. 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечко Смелы III. С-Петербург.
- ГАДЛО, А. В. 1968. Болгарские пояса // Сборник докладов на VI-VII Всесоюзных студенческих конференциях: 95-105. Москва.
- ГЕНИНГ, В. Ф. 1962. Мыдлань-Шай - удмуртский могильник VIII-IX вв. // Вопросы археологии Урала 3: 35-44. Свердловск.
- ГОРЮНОВ, Е. А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград.
- ГОРЮНОВ, Е. А., КАЗАНСКИЙ, М. М. 1978. О происхождении широко-пластинчатых фибул // Краткие сообщения Института Археологии 155: 28-30.
- ГОРЮНОВА, В. М. 1987. К вопросу об оловянных украшениях "антских" кладов // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи: 85-93. Воронеж.
- КАЗАКЯВИЧУС, В. 1982. Боевые топоры на территории Литвы и Белорусии в I тыс.н.э. // Древности Белорусии и Литвы: 71-80. Минск.
- КОРЗУХИНА, Г. Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // Советская археология XXII: 58-83.
- 1974. Среднее Поднепровье в V-VIII вв. Архив Института истории материальной культуры. Фонд 77 (личной фонд Г.Ф. Корзухиной)
- ЛИПКИНГ, Ю. А. 1972. Могильники третьей четверти I тыс.н.э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности: 136-152. Ленинград.
- ЛЯПУШКИН, И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР 152.
- МАКАРОВ, Н. А. 1981. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // Советская археология 4: 261-264.
- ПРИХОДНЮК, О. М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.э. Київ.
- РУСАНОВА, И. П. 1979. Отчет о работе Славянской экспедиции Института Археологии АН СССР. Рукописный архив ИА АН СССР. Дело 93.
- РЫБАКОВ, Б. А. 1953. Древние русы // Советская археология XVII: 57-104.
- СПИЦИН, А. А.: Архив. Рукописный архив ИИМК. Фонд 5 (личный фонд А.А.Спицина), дело 334.
- СЕДОВ, В. В. 1974. Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников Е 1-8. Москва.
1982. Восточные славяне в VI -XIII вв. // Археология СССР. Москва
- ТАУТАВИЧИУС, А. 1966. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров // Pronksiajast varasc feodalismini: 187-191 Tallinn.
- ТЕРПИЛОВСКИЙ, Р. В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.

- ТРЕВЕР, К. В., ЛУКОНИН, В. Г. 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа // Каталог. Ленинград.
- ХАВЛЮК, П. И. 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчанцы в среднем течении Южного Буга // Материалы и исследования по археологии СССР 108: 320-350.
- 1974. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности: 181-215. Ленинград.
- ЧЕРНЫХ, Е. Н., БАРЦЕВА, Т. Б. 1972. Сплавы цветных металлов // Металл черняховской культуры: 50-117. Москва.
- ČOROVÍČ-LJUBINKOVIČ, M. 1972. Les slaves du centre Balkanique du VI-e, du IX-e siècle // Balcanoslavica 1:43-54. Prilep-Beograd.
- CSALLANY, D. 1961. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest.
- HORVÁTH, T. 1935. Die awarischen Gräberfelder von Üllő und Kiskőrös // Archaeologia Hungarica XIX.
- FETTICH, N. 1951. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnische Metallkunst // Archaeologia Hungarica XXXI.
- URTĀN, V. 1977. Senôkie depoziti Latvija. Riga.
- KLEEMANN, O. 1951. Die Kolbenarmringe in die Kulturbeziehungen der Völkerwanderungszeit // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte 35: 102-143. Bonn.
- KÜHN, H. 1956. Das Problem der masur germanischen Fibel in Ostpreussen // Documenta Archaeologica. Festschrift W. La Baume: 79-108.
- KULIKAUSKAS, P. 1968. Kurmaičiu kapinynas // Lituvos archeologiniai paminklai: 211-214. Vilnius.
- KULIKAUSKAS, P., KULISKAUSKIENĖ, R., TAUTAVIČUS, A. 1961. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.
- MITREA, B., PREDA, C. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e.n. in Muntenia. București.
- NESTOR, J., ZAHARIA, E. 1960. Sapaturile de la Sarata-Monteoru // Materiale și cercetari archeologice VI: 509-514. București.
- 1961. Sapaturile de la Sarata-Monteoru // Materiale și cercetari archeologice VII: 513-517. București.
- SVOBODA, B. 1953. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku // Památky Archeologické XLIV: 33-107.
- SZABÓ, K. 1939. Jazygisch-sarmatische Gräber in der Umgebung von Kecskemét // Folia archaeologica I-II: 100-109. Budapest.
- WERNER, J. 1950. Slawische Bügelfibel des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift: 150-172. Mainz.

Н. рисунок вещи	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Au	As	Sb	Bi	Fe	Co		Тип сплава
1,11	0,3	50	50	-	0,04	-	-	0,1	0,04	-	-	-	Sn - Pb
1,14	0,2	64	36	-	0,01	-	-	0,07	0,03	-	-	-	Sn - Pb
1,7	0,6	66	33	0,2	0,015	-	0,06	0,19	0,055	-	-	-	Sn - Pb
1,21	0,25	63	36	0,18	0,03	0,13	0,07	0,22	0,055	-	-	-	Sn - Pb
2,5	0,35	70	29	0,07	0,015	-	0,05	0,22	0,04	0,06	-	-	Sn - Pb
2,5	0,4	71	28	-	0,012	0,1	0,06	0,25	0,045	0,04	-	-	Sn - Pb
1,6	0,6	71	27	0,35	0,02	-	0,07	0,26	0,05	-	-	-	Sn - Pb
1,16	0,25	63	36	0,55	0,015	-	0,06	0,22	0,04	0,05	-	-	Sn - Pb
2,1	0,45	69	30	-	0,05	0,11	0,08	0,12	0,955	-	-	-	Sn - Pb
2,3	2,5	55	42	0,045	1,0	0,3	0,05	0,2	0,06	0,08	-	-	Sn - Pb - (Cu)
2,2	0,3	64	35	-	0,02	-	0,1	0,18	0,04	1,5	-	-	Sn - Pb
2,2	0,45	57	42	-	0,02	-	0,05	0,22	0,075	-	-	-	Sn - Pb
2,4	0,4	64	35	0,055	0,012	-	0,06	0,2	0,045	-	-	-	Sn - Pb
2,2	0,35	67	32	-	0,02	-	0,1	0,4	0,06	0,4	-	0,025	Sn - Pb
1,8	31	2,0	2,0	1,8	62	0,3	0,14	0,09	0,07	0,1	-	0,02	Ag - Cu - (Sn) - (Pb) - (Zn)
1,9	32	2,0	1,8	7	55	0,5	0,16	0,04	0,045	0,0	-	0,04	Ag - Cu - Zn - (Sn) - (Pb)
1,15	27	0,16	1,8	5	65	0,55	0,11	0,011	0,055	0,07	-	0,07	Ag - Cu - Zn - (Pb)
1,2	18	1,8	1,7	0,08	79	1,2	0,07	0,008	0,055	-	-	0,06	Ag - Cu - (Sn) - (Pb)
1,2	21	2,0	1,6	0,25	74	1,2	0,05	0,009	0,055	0,05	0,02	0,0	Ag - Cu - (Sn) - (Pb)
1,3	31	1,7	1,9	7	56	0,8	0,18	0,13	0,03	0,4	0,03	0,085	Ag - Cu - Zn - (Sn) - (Pb)
1,4	46	2,5	1,2	4,2	46	0,35	0,08	0,02	0,045	0,35	-	0,15	Ag - Cu - Zn - (Sn) - (Pb)
1,10	25	1,0	1,4	1,7	70	0,4	0,08	0,035	0,06	0,07	-	0,035	Ag - Cu - (Sn) - (Pb) - (Zn)
1,20	26	0,7	1,8	4	66	0,45	0,14	0,035	0,035	0,11	-	0,06	Ag - Cu - Zn - (Pb) - (Sn)
1,20	24	22	1,9	0,65	51	0,35	0,12	0,13	0,025	0,12	-	0,014	Ag - Cu - (Pb) + (Sn) *
3	29	0,5	2,0	0,75	69	0,8	-	0,025	0,02	-	-	-	Ag - Cu - (Pb)
1,1	22	13	2,4	3,2	56	1,8	0,15	0,04	0,1	0,26	-	0,035	Ag - Cu - Sn - (Pb) - (Zn) **
1,7	основа	0,18	1,5	13	0,009	-	0,13	0,03	0,008	0,1	-	0,07	Cu - Zn - (Pb)
1,5	основа	0,3	2,5	17	0,09	-	0,4	0,12	0,025	0,18	-	0,045	Cu - Zn - (Pb)

* пайка

** ПОЗОЛОТА

A New Hoard of Ants from the Territory of the Middle Dnieper

V. M. Gorunova

A hoard belonging to a jeweller - foundry worker was excavated for the first time in an early Slavonic settlement of the Kolochinskaya culture of the VI-VIIth centuries (the settlement Veli Budki, the Sumi region, the North-Eastern Ukraine). The objects in the hoard belong to the so-called antski antiquities, which were spread over the region of Middle Podnieprovie and the left forest-steppe bank of the Dnieper up to the Oskol river - head in the VIIth century.

The objects in the hoard can be divided into three groups: fragments, raw materials (Fig. 1,3), finished articles (Fig. 2).

The first group (fragments) includes the following objects. A lower plate of a large lineheaded brooch (Fig. 1-1). It has no exact parallels, but the manufacturing technique indicates a likely Danubian origin (the end of the VIth - the beginning of the VIIth centuries, the technique was used up to the end of the VIIth century). A fragment of the upper plate of a silver anthropomorphic brooch (Fig. 1-15) with highly skilled puncheon treatment of the surface (the first half of the VIIth century). The closest parallel is a pair of brooches of the same type from the hoard excavated in Martinovka. Besides a considerable number of accidental finds (45 finds alone from at Patierski) such brooches have been found in the Kozivka hoard and burials of the second half of the VIIth century in the Crimea. The end of a silver neckring with a winding and a hook in the form of a snake head (Fig. 1-2), resembles

a neckring accidentally found in Middle Podnieprovie not far from Kiev, but made using another technique. The form and the mechanism of the neckring fastening from Taurapolis (Lithuania, the V-VIth centuries) resemble those of our sample. Many details of the neckring from Chadiyavitze, Salesiye, Zemianski, Vrobovku (the VIIth century) are the same as are of the type the sample considered. Two fragments of silver bracelets with thickened ends (Fig. 1-8,9) which was wide-spread in Podanubje, Podnieprovie and on the northern shore of the Black Sea in the VI-VIIth centuries. Half of a bronze bracelet, with a greatly thickened cut end (Fig. 1-7), is a typical Pribaltic decoration which is sometimes found in the hoards of Middle Podnieprovie (Martinivka, Kozievka). Such bracelets were also made at the Zimmo site in the VIIth century. The bronze catchplate from a belt-buckle (Fig. 1-5) has parallels in Western Europe (the VIth-VIIIth centuries). A large lamellar pendant decorated with engraving (Fig. 3) is unique. The same engraving technique was used for trapeziform pendants and other lamellar decorations from hoards of the VIIth century (Kozivka, Smorodino, Koloskovka). This group also includes a lamellar binding (Fig. 1-20) and scraps of silver rolled into a ball (Fig. 1-10).

The second group (raw materials) includes: pieces of a cloven silver bar (Fig. 1-3,4), an oval pewter bar with a hole in the middle and narrow plates rolled into a spiral (Fig. 1-6,16), as well as wastes of pewter casting (Fig. 1-7,11,14,21).

The third group (finished articles) includes the following objects: two small double lineheaded brooches of Masuro-German type (the VIIth century) and over 1200 small sewn plates of different shapes cast of pewter in stone forms (Fig. 2). The closest parallels for the small brooches were found in North-Western Romania (Sacueni) and Mazoviya (Vaplieve). Masuro-German brooches have not been excavated in Antski hoards. They have been known as accidental finds in Middle Podnieprovie (41 samples, including 18 at Pastierski site). Three samoles have been found in the Crimea burials. They are common for the Early Slavonic settlements (the VIIth century) of the Dniester basin. Sewn pewter plates have been found in the hoards of the VIIth century (New Odessa, Kozivka, Khaski). The settlements of the Penkov culture on the bank of the South Bug (Semenki, Skibintsi), in Romania, as well as in the Kolochinsko-Tushemlinski region (Shugailovo, Lukoml) contain casting forms of small pendants and plates of nearly the same shape. This type of decoration is an example of ancient traditions which were spread in the forest zone of Eastern Europe from the early centuries A. D. from Pribaltic (Gotland island - the I st century A. D., the Niemen region and Western Lithuania - the IIIrd-IVth centuries A.D.) to the Volga region (Diakovskaya and Azelenskaya cultures) and were made until the XI-XII th centuries (the finds in the krivichinski mounds) and even as late as the XIXth century in Pribaltic and Sweden. The similar shape all over Eastern Europe points to a common underlying influence on the forest zone which must have occurred among the late Sarmatian tribes before the III-IVth centuries. Small sewn plates became particularly important to decorate female clothes of these tribes in the I st-II st centuries.

Thus, the Veli Budki hoard contained objects of Middle Danubian (the large lineheaded brooch, perhaps, the neckring), Middle Podnieprovian (the anthropozoomorphic brooch, the large lamellar pendant) and North-Western Pribaltic (the bronze bracelet and the catch with a panel) origin. Complex composition of the hoard has been confirmed by quantitative spectral analysis conducted in the laboratory of the Institute of the History of Material Culture by V. A. Galibin. The articles made in different places have different types of alloy. The investigation of the hoard in Veli Budki allows us to raise the problem of the sources of development of the Kolochinski jewelry complex, the relationship with Southern workshops

(Podanubie); it also helps to reveal the process of the adoption of some borrowed features by Early Slavonic tribes and the development of old traditional forms, as well as to solve the problem of the relationship between the Pastierski centre, the northern forest regions of Eastern Europe and the South-Eastern Pribaltic.

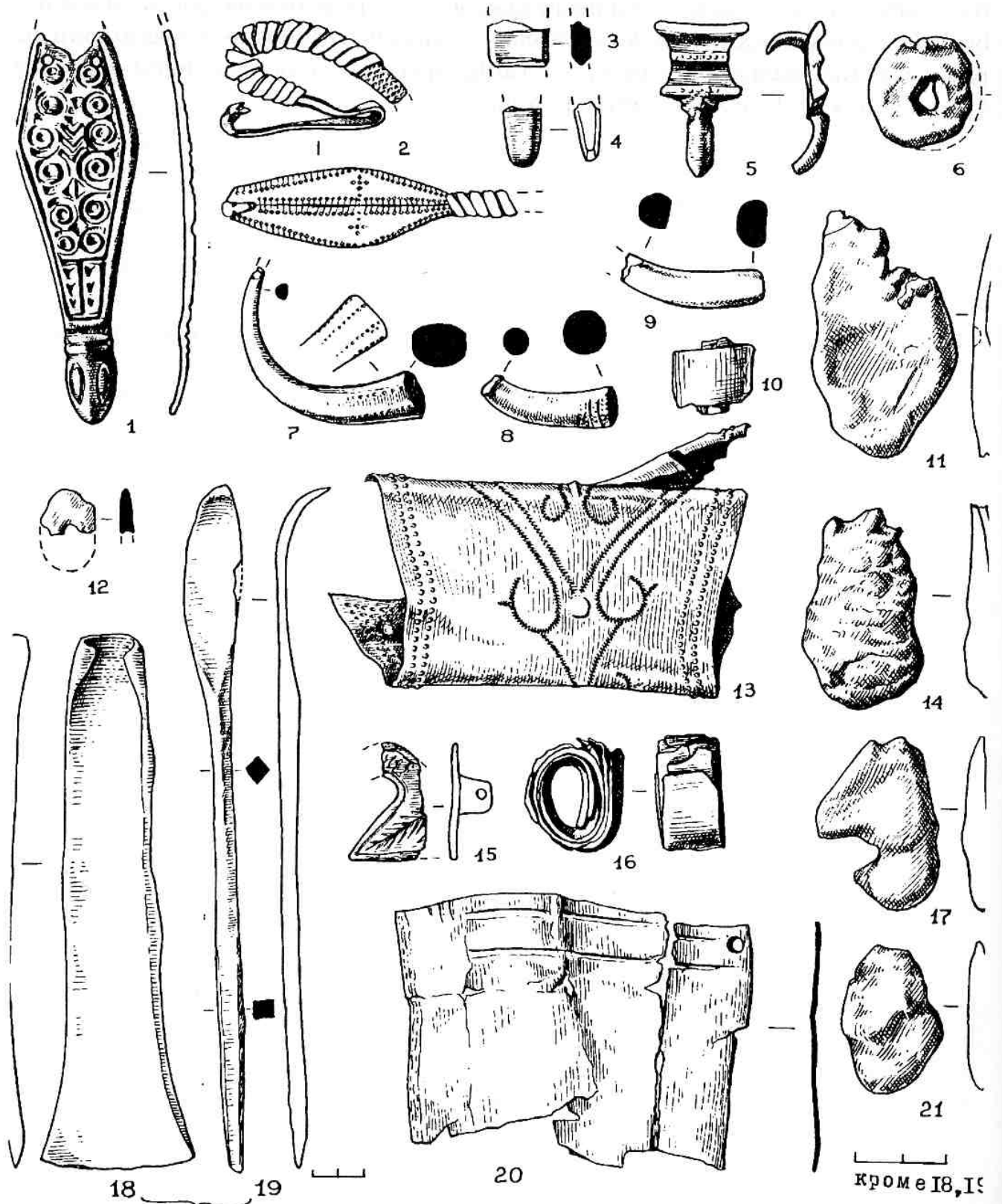

РИС. 1. Раннеславянское поселение Великие Будки.

Клад VII в.: 1-17, 20, 21 - сломанные вещи, сырье; 18, 19 - железные долото и перовидное сверло - "обереги".

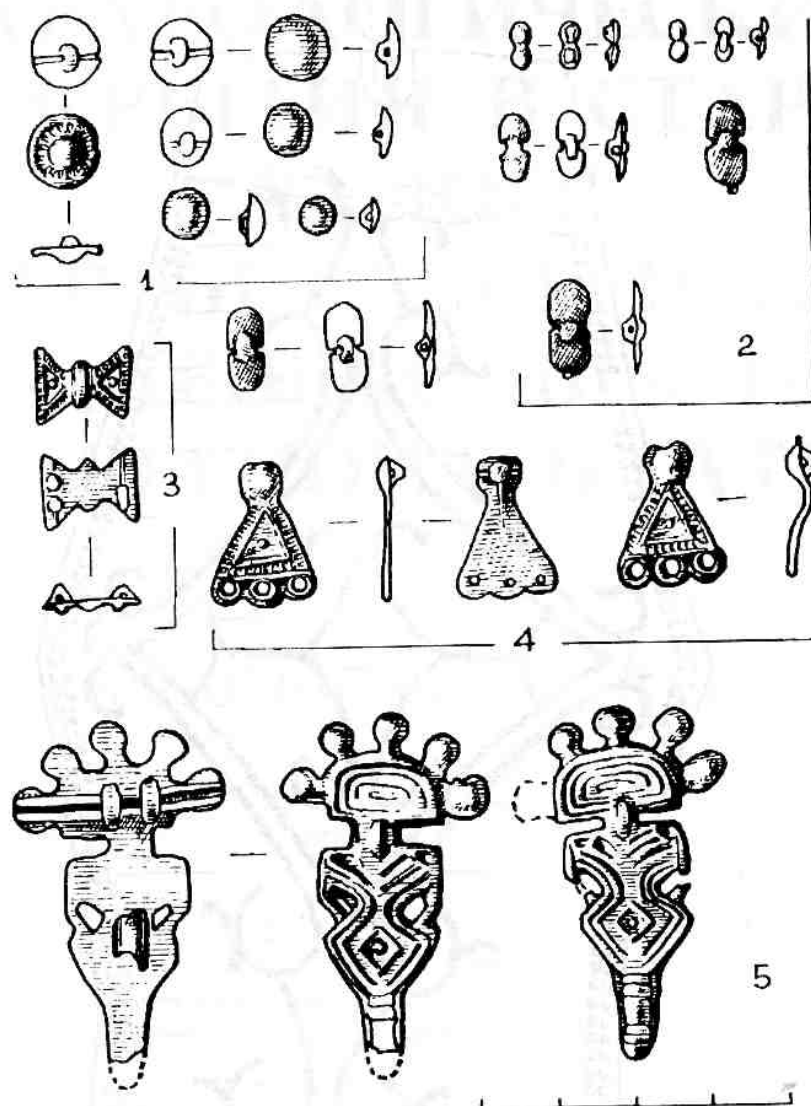

РИС. 2. Раннеславянское поселение Великие Будки.

Клад VII в. Готовая продукция: 1-4 - различные формы нашивных бляшек; 5 - пальчатые фибулы.

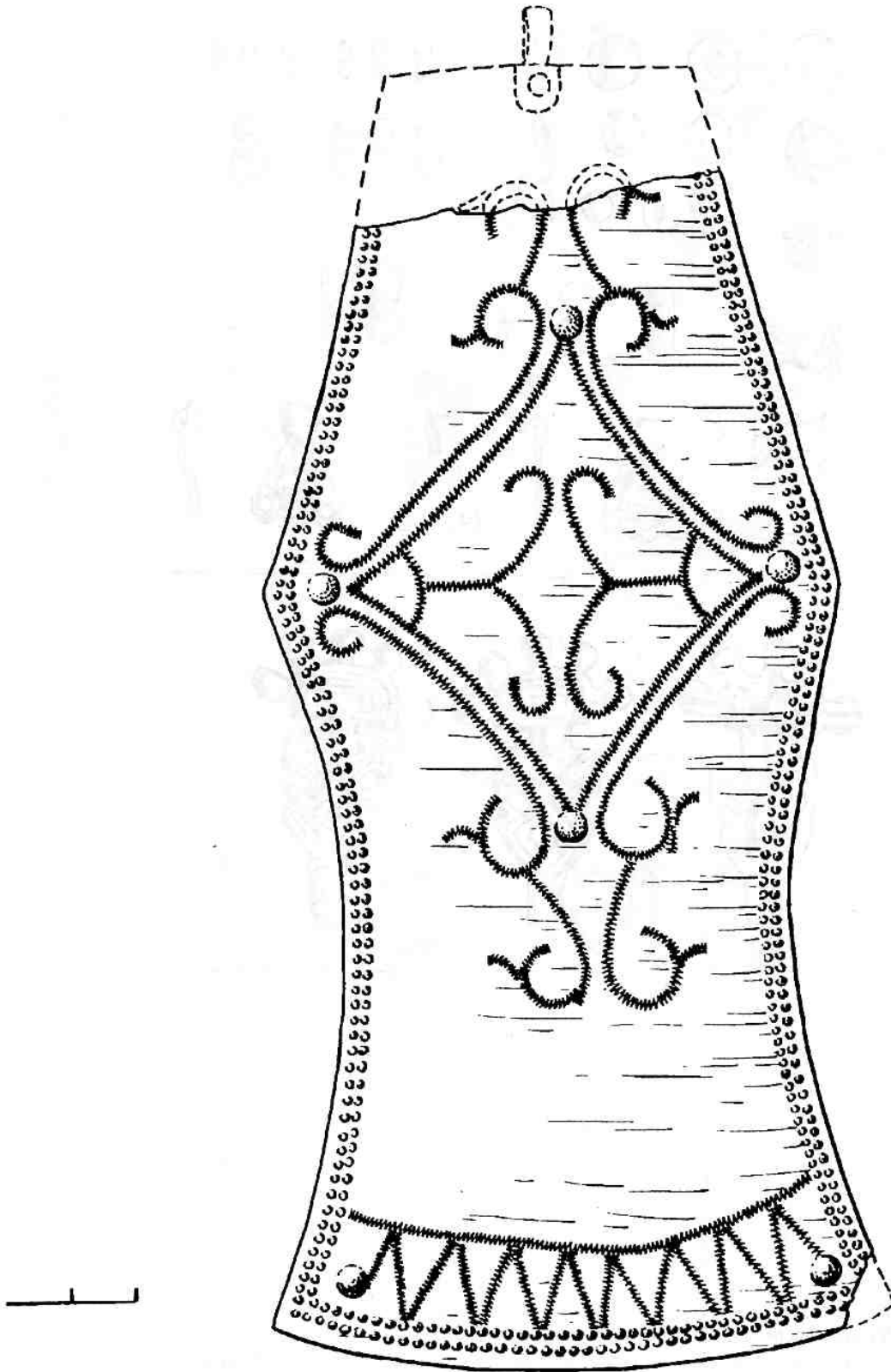

РИС. 3. Раннеславянское поселение Великие Будки.
Клад VII в. Графическая реконструкция пластинчатой подвески с рис. 1-13.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ. ЧЕРТЫ СХОДСТВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРО- ДОВ РЕГИОНА БАЛТИКИ.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, В. А. НАЗАРЕНКО

В 1984 г. в северо-западной части Староладожского "Земляного городища" экспедицией Института истории материальной культуры Российской Академии Наук при участии Объединенной дирекции Ленинградских областных музеев и Исторического факультета Санкт-Петербургского университета был заложен раскоп (12 x 14 м) с целью выяснить, что представляла собой прибрежная к р. Ладогке часть древнего поселения. Полностью ответить на поставленный вопрос мы смогли только в июле 1991 г., когда исследование данного участка городища было завершено. Раскопками в этом месте были вскрыты слои IX-X вв. При этом встречены последовательно залегающие остатки деревянных жилых и хозяйственных построек, настилов, других сооружений, а также многочисленный и разнообразный вещевой материал (рис. 1). В настоящем сообщении речь пойдет о самой нижней части культурного слоя, находящегося на глубине от 3, 4 м до 5-5,6 м (рис. 2-6). Столь явное различие в глубинах объясняется тем, что культурный слой раскопа 1 залегал наклонно, так как находился на правом покатом берегу р. Ладожки (рис. 3).

В 1988 г. в юго-западной части раскопа на глубине 3,2-3,6 м в материковой глине была обнаружена врезанная в склон яма (по осям составляющая 2,5 x 3,5 м, глубиной 0,8-1 м, рис. 2). На дне ямы, покрытом мелкими камнями, оказался гумусный слой с остатками горелого дерева, по - видимому, от навеса или некоего ограждения. В процессе разборки заполнения ямы создалось впечатление, что после пожара связанные с ней деревянные детали более не восстанавливались. В дальнейшем само углубление было заполнено строительными остатками от возведенных здесь сооружений более позднего времени. Яма являлась частью железоделательного комплекса. У ее западного края при расчистке залегающего на материке скопления сильно обожженных булыжников выявились контуры железоплавильного горна диаметром около 1 м, причем сопло или канал воздухоподачи был направлен к описанной выше яме, где находились ремесленник и меха. Камни горна сложены насухо, его внутренняя камера в поперечнике равнялась 0,5 м. На месте горна и в яме были найдены куски железных шлаков и обломок крицы.

склонны датировать первой половиной IX в., может быть, даже концом VIII в. (Becker, Bender, Jorgensen, Hvass, Nielsen, Skov, Stoumann 1980: 168, fig. 29, 1205, fig. 29-2, 5). Все найденные в Ладоге сосуды восходят к баночной форме. Характерных для Риббе горшков со стенками шарообразной формы не встречено. В целом, в ассортименте ладожской посуды можно уловить некоторое влияние западнобалтийской керамики, но оно не велико.

Между Ладогой и Риббе, наконец, есть нечто сходное в характере культурного слоя. В наиболее ранних напластованиях обоих городов отмечаются прослойки торфа. Этот торф образовался вследствие вековой трансформации органических соединений, в том числе антропогенного происхождения.

Итак, в Ладоге открыты части парцелл жилого и производственного назначения, весьма сходные по планировке и назначению с датскими. Возможно, что люди, жившие здесь, были одновременно и ремесленниками (в нашем случае - мастерами по железу), и торговцами. Не случайно, они имели прямой доступ к причалам и кораблям. Предполагаем, что именно универсальные по своим занятиям группы людей населяли некоторые ранние города стран Балтийского региона и принесли им своим трудом растущее благосостояние. Постановка данного вопроса заслуживает дальнейшего изучения.

Отметим, что в той же Ладоге раскопками В.И.Равдоникаса открыты жилища X в., в которых работали ремесленники универсалы по обработке кости, рога, янтаря, бронзы, возможно, стекла. Дворов с их обязательными, отдельно стоящими хозяйственными службами в данном случае не прослежено. Дома-мастерские могли служить одновременно лавками. Обнаруженные В.И.Равдоникасом избы составляли особый ремесленный, а, может быть, и торговый квартал, не исключено корпоративное объединение ремесленников, изготовлявших украшения и предметы туалета, нечто вроде торгово-производственного ряда позднесредневекового русского города (Кирпичников 1985: 15). Объединение функций ремесла и торговли имело место не только в Ладоге, но и в других древнерусских городах. К примеру, в Киеве и Новгороде также находились жилища, содержащие торговый и ремесленный инвентарь. "Не исключено, - пишет по этому поводу П.П. Толочко, - что в результате развития свободного посадского производства и необходимости реализации его продукции на рынке, ремесленник становился также купцом" (Толочко 1989: 111).

Подразделение городской территории на участки, выходившие короткой стороной к улице, реке, крепостной стене, характерно для планировки ряда средневековых городов. Все эти случаи, так же, как в Ладоге и в Риббе, свидетельствуют об определенном порядке посадского землепользования и существовании властной городской администрации. По русским источникам конца XV в. известно, что государство в землеустроительных и фискальных целях отводило намеренную землю поселенцам под усадьбы по рядам и улицам. На примере Ладоги устанавливается, что такой порядок зародился уже в период раннего средневековья. Заманчиво связать это нововведение с временем князя Рюрика, по некоторым данным выходца из Ютландии, и его продолжателя и создателя объединенной Киевской державы князя Олега Вещего. Тогда в Ладоге, возникшей, как удалось установить, в середине VIII в., произошли существенные преобразования. Посад распространился не только по правому, но и по левому берегу р. Ладожки, а ее устье, возможно, стало служить в качестве естественной общегородской гавани. Не с этим ли связано и устройство парцелл, выходивших непосредственно к воде. В тот же период в Ладоге были устроены сначала деревянная, а затем каменная крепости, несомненно, возникла княжеская резиденция. Отметим попутно, что примерно первые 100 лет с момента основания города ладожане жили достаточно мирно и беспечно. Начиная с середины IX в., город стал, очевидно, все чаще

подвергаться нападениям пиратов-викингов (Кирпичников 1988: 47). Эти нападения побудили первых представителей новой нормано-русской династии Рюриковичей начать в стране широкое оборонительное строительство и, в том числе, укрепить Ладогу - тогда единственное "окно в Балтику".

Считать владельцев ладожских парцелл варягами, конкретно, датчанами, допустим, из окружения Рюрика, явившегося на Русь со своей дружиной и челядью, было бы, пожалуй, опрометчиво. В значительной мере интернациональное, торгово-ремесленное население формировалось в Ладоге, равно, как и в других балтийских городах, независимо от военно-политических пертурбаций. Возможно, однако, что в нашем случае речь идет о новых поселенцах, которым оказались присущи некоторые трансбалтийские хозяйственные черты. Их, пожалуй, можно назвать "людьми моря", пока без конкретного уточнения этнического адреса.

Фаза парцелл в Ладоге завершилась пожаром. Сгорело жилище, кузнечный комплекс, а в канавах найдены части двух человеческих черепов и кость ноги, все со следами пребывания в огне. Был ли этот пожар следствием военного нападения на Ладогу или вызван какими-то иными причинами, сказать трудно. Похоже, что к моменту катастрофы владельцы парцелл в большинстве их покинули и унесли свое имущество.

На месте уничтоженных пожаром участков, как показали наши раскопки, в дальнейшем, - в течение первой половины X столетия неоднократно устраивались мостовые-спуски к берегу реки, а затем стали строиться дома, в которых была сосредоточена комплекс родственных ювелирных производств. Рядом с домами встречены очаги производственного назначения, но они во дворах усадеб не образовывали отдельных отграниченных производственных зон. Исчезли и, разделявшие участки, каналы.

Время парцелл характеризует организованное начало ладожского посада того периода, когда город на Волхове становился первой столицей складывающегося древнерусского государства. Данному периоду, как мы все больше убеждаемся, присущи яркие международные особенности. По масштабности исторических процессов, по их общеевропейской и общевосточной интегрированности это явление заслуживает дальнейшего изучения, в том числе, и усилиями российских и датских археологов.

Кирпичников, А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Ленинград.

1988. Ладога и Ладожская земля VIII - XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Ленинград: Университет.

Колчин, Б.А. 1955. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР 32.

Толочко, П.П. 1989. Древнерусский феодальный город. Киев.

Becker, Bender, C.J., Jorgensen, L. Hvass, S., Nielsen, L.C., Skov, T., Stoumann, I. 1980. Viking-Age Settlements in Western and Central Jutland // Acta Archaeologica 50.

Frandsen, L.B., Jensen, S. 1987. Pre-Viking and Early Viking Age Ribe. Journal of Danish Archaeology 6.

1988. Hvor la Ribe i Vikingetiden // KUML, 1986.

Frandsen, L.B., Madsen, P.K., Mikkelsen, H. 1988. Byudgravninger og bygningsarkaeologiske underogelser i Ribe 1983-1989 // By, marsk og geest I. Arsberetning.

Jensen, S. 1986. Det aeldste Ribe - og vikingetidens begyndelse // Femte tvaerfaglige vikingessymposium. Aarhus: Universtitet.

Archaeological Discoveries in Staraja Ladoga. Similar Features of Medieval Towns in the Baltic Region

A. N. Kirpichnikov, V. A. Nazarenko

Staraja Ladoga Earthen (hill-fort) is situated on the right bank of the Ladozhka, not far from where it falls into the river Volkhov. Sondage 1, begun in 1984 and completed in 1991, is located in the north-western part of the settlement. (fig.3). The layers of the IX-Xth centuries contained wooden remains of dwellings and storage buildings and other constructions. In addition, many objects were found during the excavations (Fig. 1). The present article deals with the lowest cultural layers of the IXth century deposited on the slope of the right bank of the Ladozhka (Fig. 2-6). They were investigated in 1988-1991.

In the south-western part of the sondage a pit was discovered (2.5x3.5 metres long; 0.8-1.0 metres deep) dug into the slope of the river bank and containing the remains of burnt wood from a shed or some other structure. A kiln, with a nozzle directed into the pit, was excavated at the western brink of the pit. Some iron slags and a piece of bloom were found near the kiln and in the pit. One more pit (1.8x2.5 metres; 0.5 metres deep) adjoined the pit described above on the north. It contained the remains of two poles which must have supported a gable shelter-shaped roof. Pieces of bloom and fragments of ceramics were found in the filling and at the bottom of the pit.

These features apparently form a single complex connected with the melting and treatment of finery iron (Fig. 4-1).

Remains of a burnt two-chamber structure, with a hearth in the central part of one of the chambers, were discovered in the eastern part of the sondage. The hearth (1x1.5 metres) was surrounded by vertically installed slabs. A heated room of the building (4x4.5 metres) had galleries (0.5 metre wide) on both sides. Adjoining to the living room on the north was a cold inner porch. The structure had an earthen floor in which rows of small postholes and stake holes were revealed. When removing out the floor fragments of moulded vessels and pieces of the fired clay coating of the building's log walls were found (Fig. 4-11).

Finally, parts of 3 ditches dividing the whole area into two equal sections, 6 metres wide each, were uncovered. One section was occupied by the dwelling described above, the other, by the production complex with the kiln. The ditches, about 1.5 metres wide and 0.5 metre deep, were directed to the river Ladozhka and have been examined for a distance 5.5-6.0 metres within the limits of the sondage (Fig. 4-111). They stretch outside the sondage to the north. These ditches must have fulfilled drainage functions.

The division of the part of the site which adjoins the river into several equal plots has a striking similarity to the planning of an early medieval site in the town Ribe in Denmark (Fig. 5). There are also similar features between Ladoga and Ribe in the trade character of these sites, in their material culture and even in some principles of building constructions. At the same time there are a number of important differences. First of all, there are no long-term dwellings at the Danish site. This fact allowed the researchers to conclude that there was a seasonal character to the original Ribe. The ceramic assemblages of these sites differ greatly as well which must be connected with the differences of the indigenous population (Fig. 6).

On the whole, the division of the town into sections, specially directed to the river, street or fortress wall is characteristic of the planning of a number of medieval towns. This fact indicates the existence of an established order of land tenure at the sites and a town administration.

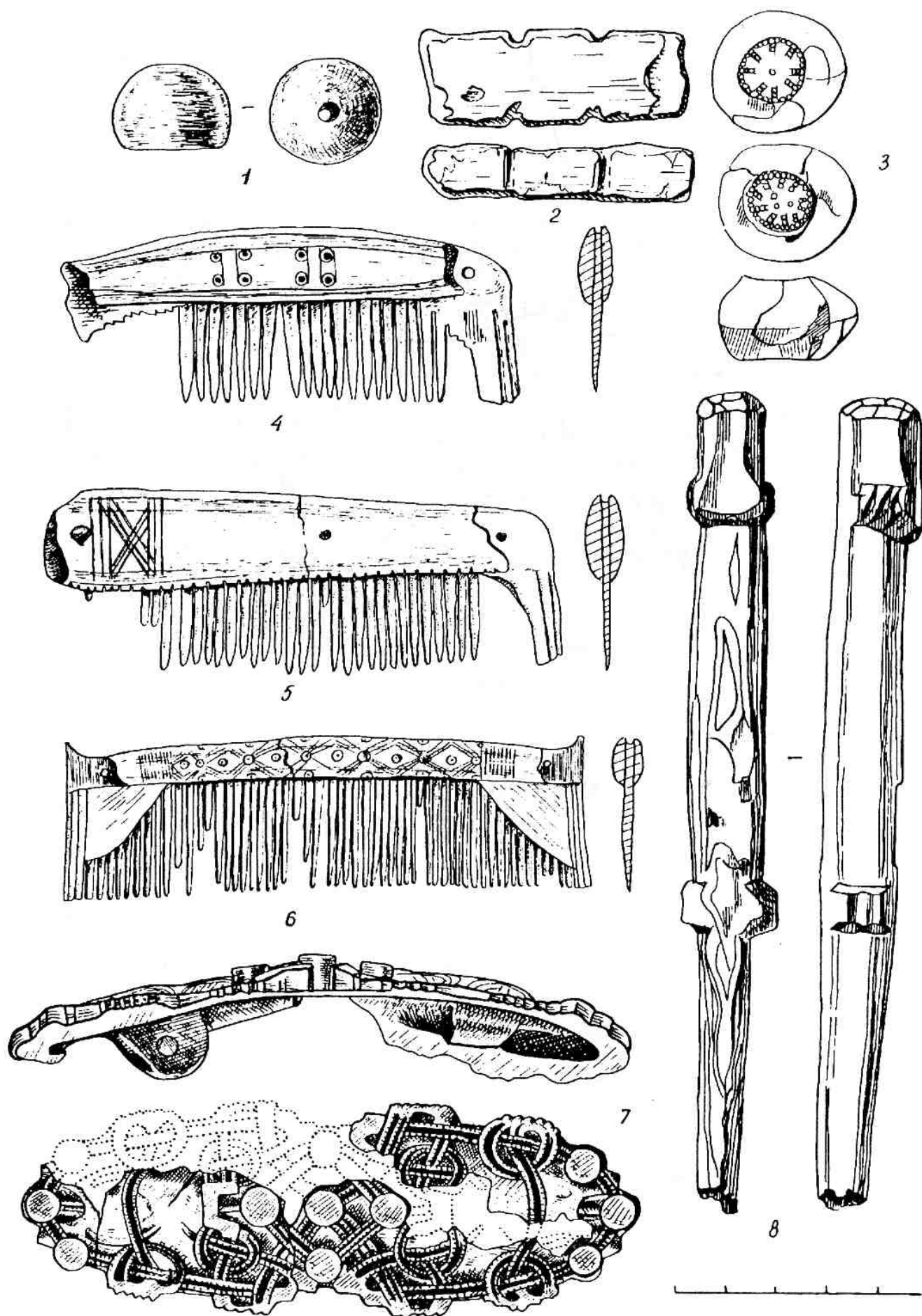

РИС. 1. Вещи IX-X вв. из раскопа:

1 - костяная игральная фишка; 2 - заготовка для трех янтарных бусин; 3 - свинцовая, обтянутая бронзой веселая гирька; 4-6 - костяные гребни; 7 - бронзовая фибула; 8 - деревянная подставка или "божок".

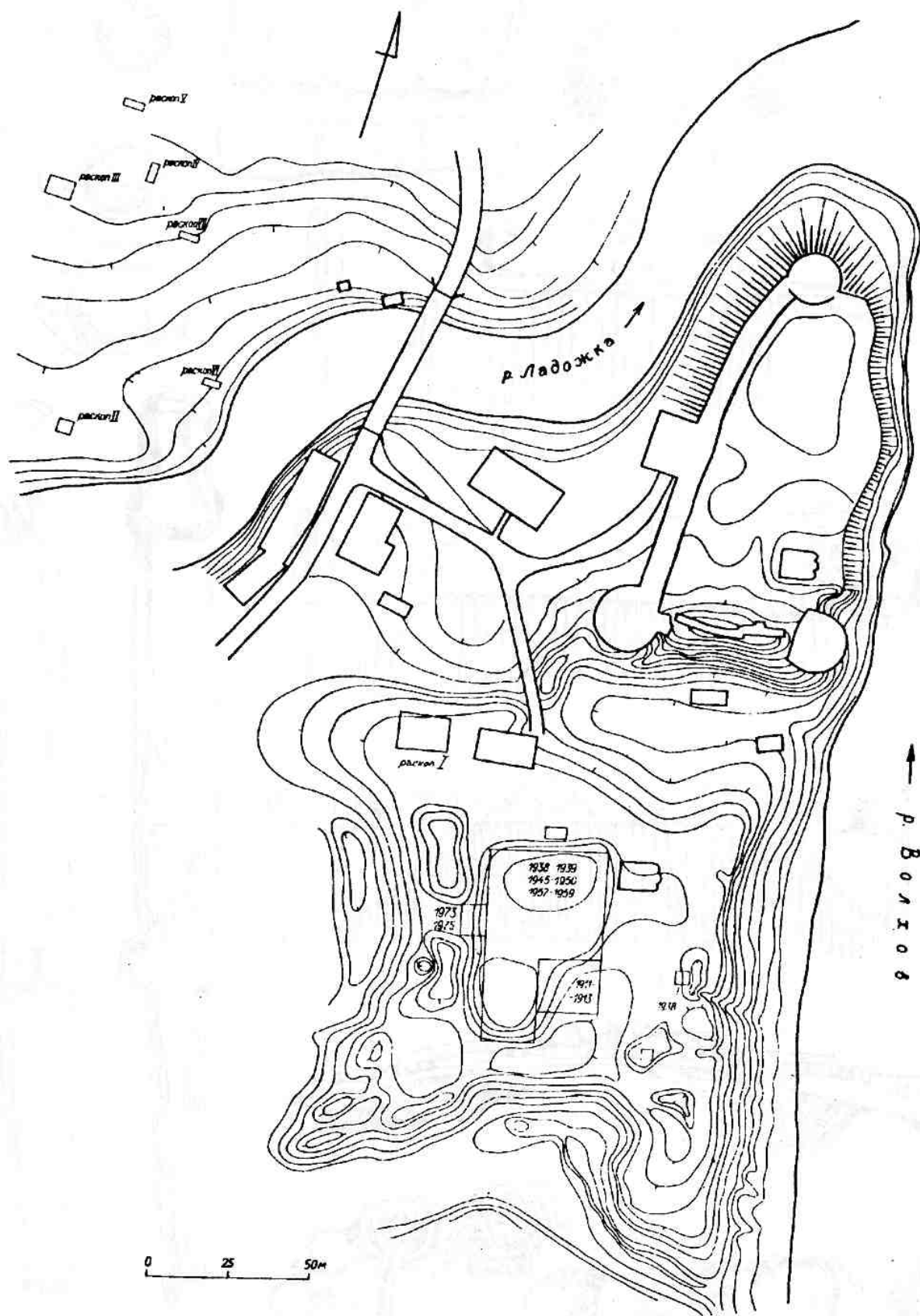

РИС. 2. Ситуационный план расположения раскопа 1. Сечение горизонталей через 1 м.

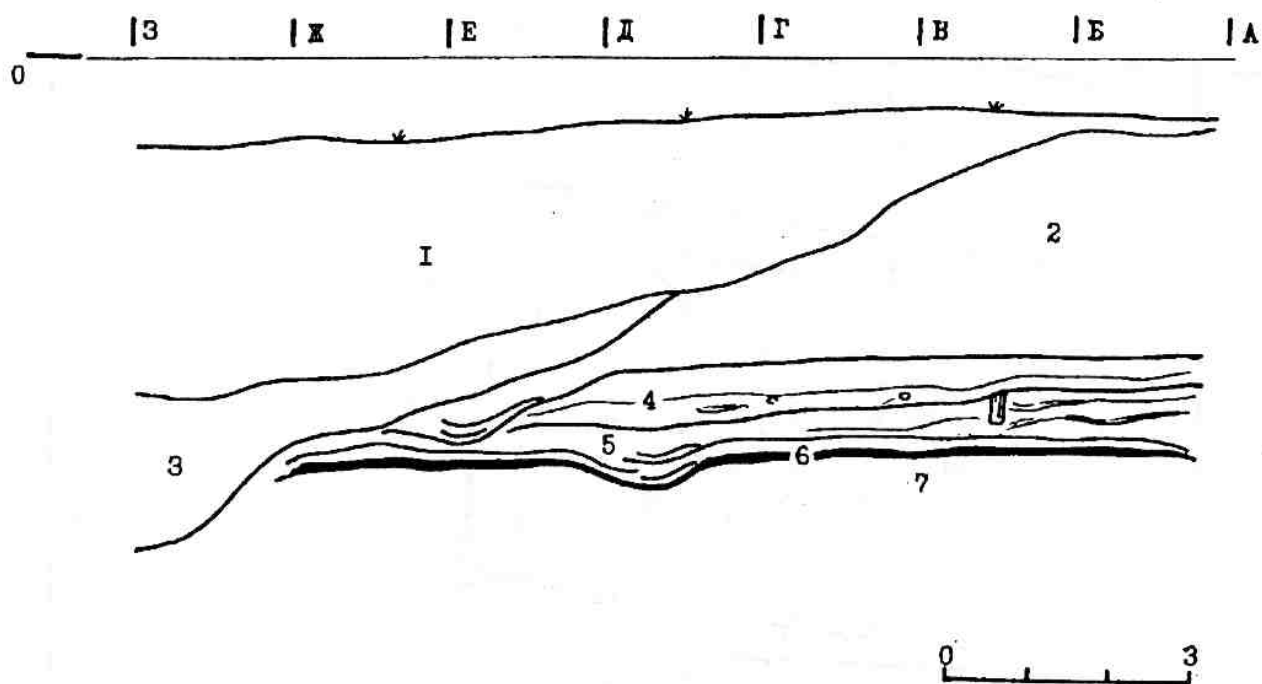

РИС. 3. Разрез культурных напластований Староладожского земляного городища по северной стенке Раскопа 1

(1 - насыпь бастиона времени Петра 1, 2 - насыпь бастиона XV в. заполнение рва бастиона XVI в., 4 - культурные напластования середины и второй половины IX в. с остатками жилищ-мастерских, 5 - то же, первой половины X в. с остатками мостовых и настилов, 6 - то же, X в.

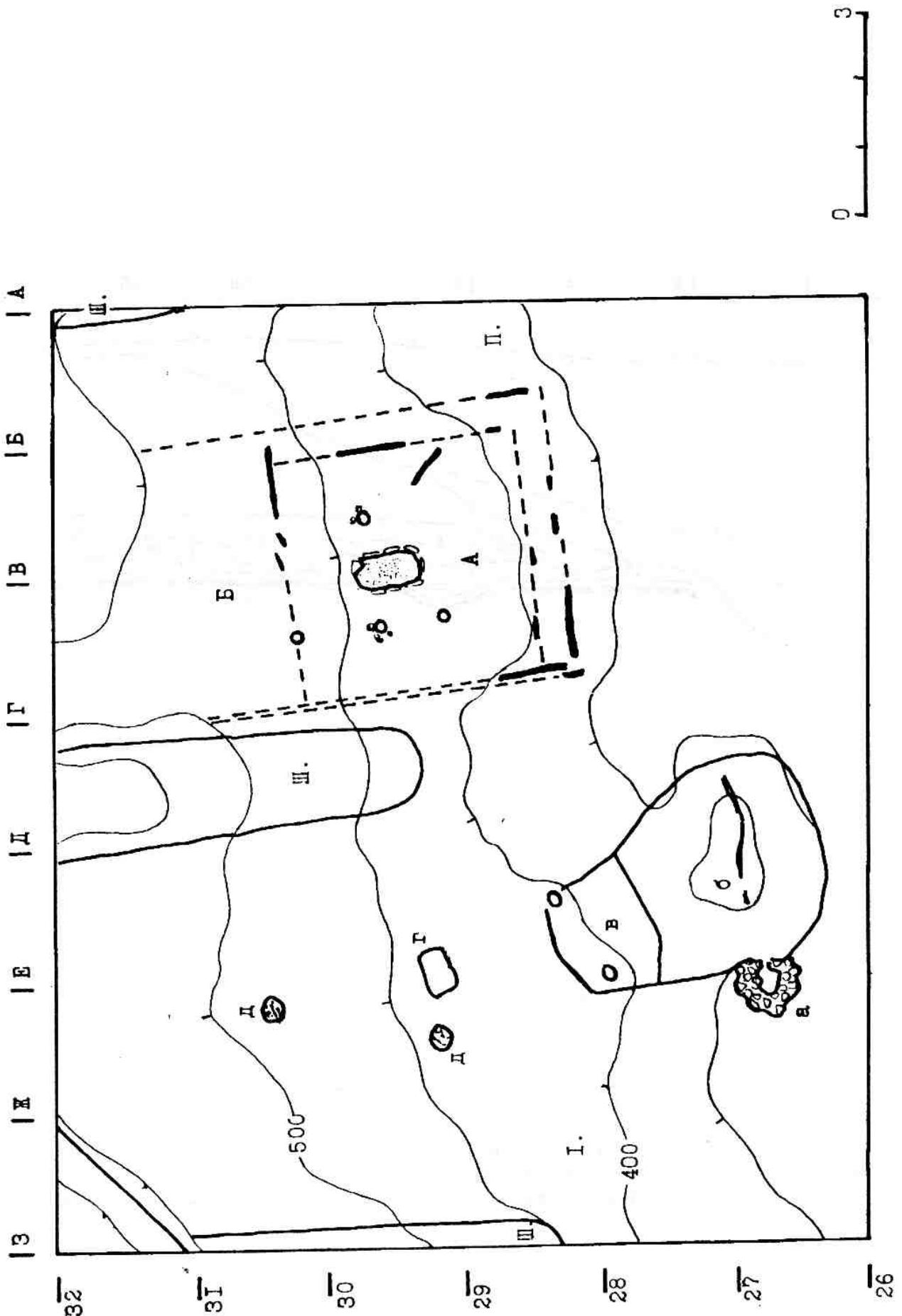

РИС. 4. Парцеллы с остатками жилого и производственных сооружений. План. Раскоп Староладожского земляного городища. Сечение горизонталей через 0,5 м.

- производственная зона (парцелла) с железоделательным комплексом: а - горн, б - яма для мехов, в - кузнечно-металлургическое помещение, г - рама для разделки рыбы, д - очажки.
 II - жилая зона (парцелла): А - отопляемая камера жилища, Б - не отопляемая камера того же жилища, Ш - разделительно-дренажные каналы.

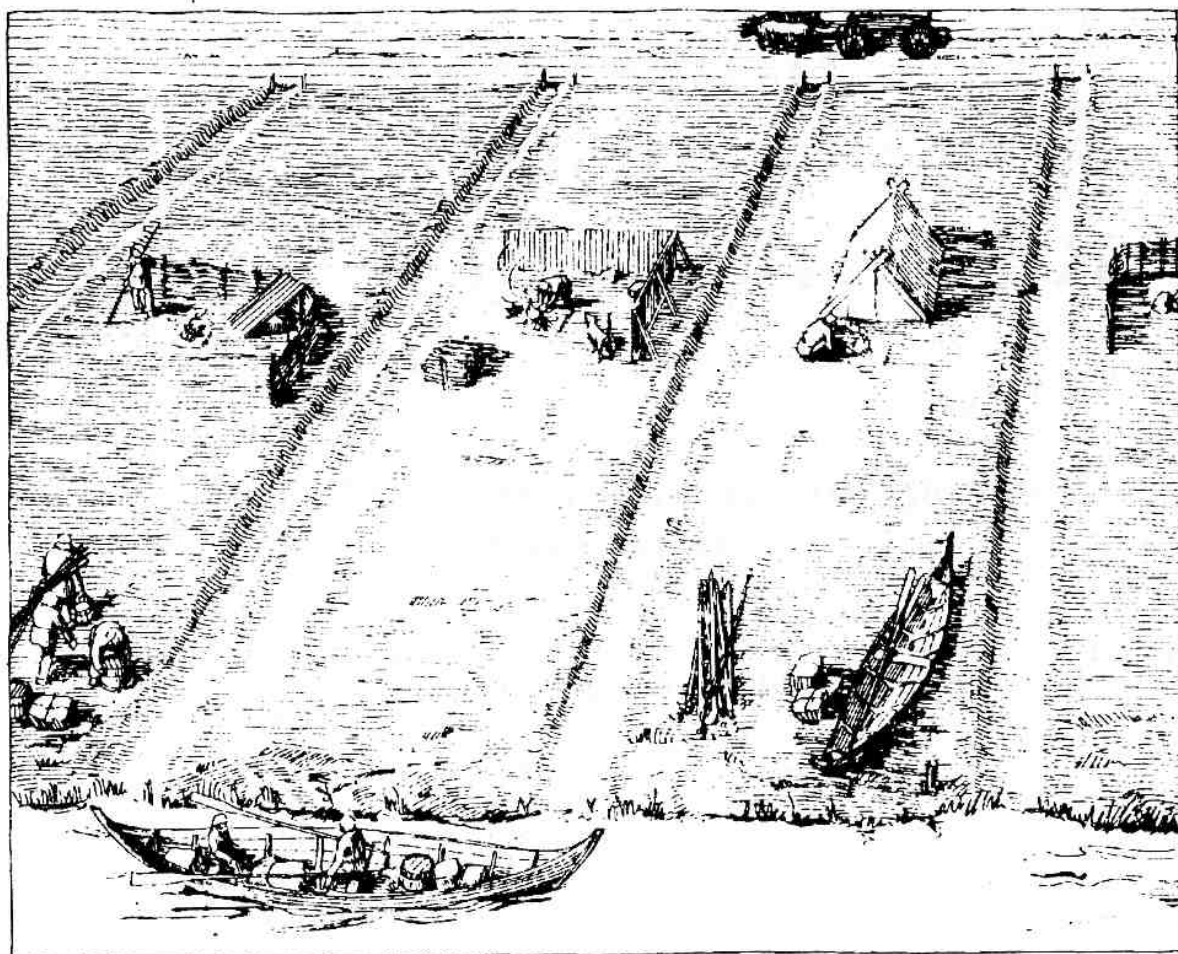

РИС. 5. Парцеллы Рыбе. Реконструкция (по С. Енсену и Л. Франдсен).

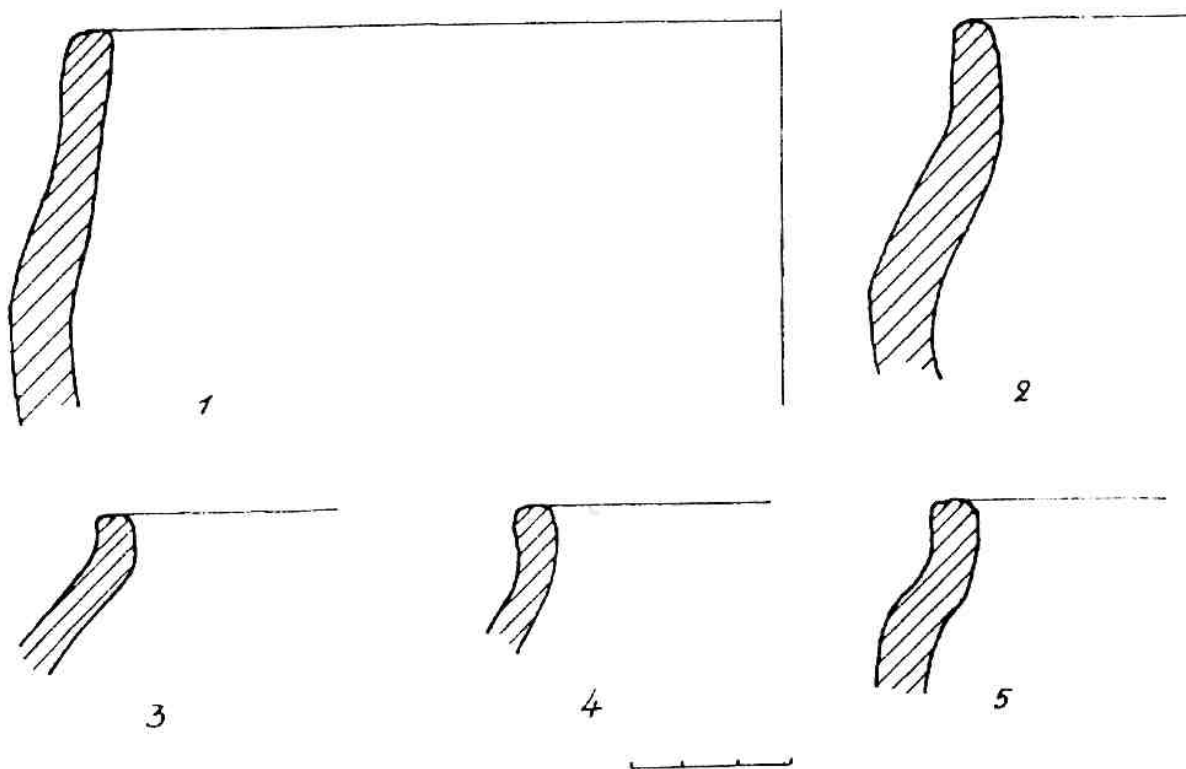

РИС. 6. Профили венчиков сосудов из жилища (1-4) и его окружения (5).

СЕВЕРНЫЙ ТРАНСЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ X ВЕКА И МЕРЯ

(по материалам резной кости Костромского
Заволжья)

Е. А. РЯБИНИН

В процессе археологического обследования Костромского Заволжья, охватывающего бассейны северных притоков Волги до водораздела с Северной Двиной и Сухоной, выявлено несколько локальных групп памятников второй половины тыс. н.э. Наиболее крупная из них, включающая шесть поселений, занимает северный берег Галичского озера и верхнее течение озерного истока Вексы (рис. 1; Леонтьев, Рябинин 1989: 62-64; Леонтьев 1991:32). Центром этой локальной группы являлось поселение в с. Унорож. Предпринятые здесь автором в 1988-1991 гг. небольшие по объему раскопки принесли интересную информацию о культуре местного финноязычного (мерянского) населения и его связях с соседними регионами.

Поселение Унорож занимает уплощенную площадку останца в излучине р. Тойги близ ее впадения в Вексу Галичскую. Памятник известен у населения под названием городища, хотя земляные укрепления на нем отсутствуют. По своему топографическому положению он действительно близок городищам, поскольку расположен в труднодоступном месте, хорошо укрепленном природой. Сходная топографическая ситуация характеризует некоторые поселения IX-X вв., выявленные в Костромском Приволжье (Дурасовское городище) и в ареале белозерской веси (Крутик в бассейне р. Шексны, Васютино на р. Мегре); (Горюнова 1961: 109-116; Макаров 1988: 60-61).

Верхние культурные отложения памятника относятся к XII-XIII вв., соответствуя по времени эпохе возникновения и начального существования древнерусского города Галича Мерьского на Галичском озере. Наибольший интерес представляет нижний горизонт слоя, датируемый концом I - возможно самым началом II тыс. н.э. В нем выделяются два строительных яруса с редкой сохранностью дерева и изделий из органики. Особенностью вскрытого на площади 200 кв. м. участка раннего поселения является отчетливо выраженный характер производственной деятельности, связанной с ювелирным делом и железообработкой (наличие металлоплавильных горнов, многочисленных тиглей, льячек, бронзолитейных и железных шлаков, находки ремесленных инструментов). Кузнечное и ювелирное производства сочетались с развитой обработкой кости. В значительной коллекции изделий из кости и рога, имеющих как местное, так и импортное происхождение, запечатлено своеобразие

культуроге́неза галичской группы мери в эпоху ее включения в систему оживленных межобластных связей. Краткой характеристике этих находок и посвящена настоящая публикация.

Серия гребней представлена двумя группами: 1) **цельные односторонние** и 2) **составные односторонние изделия**. Находки первой группы, имеющие зооморфные навершия, по своему назначению являлись в древности не только бытовыми предметами, но и оберегами с присущей им языческой символикой. Стилистические особенности позволяют подразделить их на два основных типа.

Тип 1 (2 экз.). Близкие по форме и идентичные по иконографии зооморфного сюжета находки. Они украшены прорезными фигурками двух коней в полный рост, обращенными навстречу друг другу (рис. 2-1,2). С обеих сторон тонкой гравировкой показана грива. Более крупный гребень украшен богатым зональным узором: на одной стороне вверху выделен сегмент с косой решеткой, ниже которого расположены два яруса из треугольников с косой штриховкой, разделенные полосками со срединной волнистой линией; обратная сторона орнаментирована в верхней части чешуйчатым и городчатым (треугольники с косой штриховкой) узором, в нижней - незаштрихованными треугольниками. Костяные гребни с аналогичной трактовкой образов коней (2 экз.) известны лишь на одном восточноевропейском памятнике - на поселении X в. у д. Городище (Крутик) в ареале белозерской веси (Голубева 1979: 58-59, 111, табл. 25-8; 1979а: 136, рис. 2).

Тип 2 представлен гребнями, рукоятки которых выполнены в виде разносмотрящих конских головок, опущенных на основание пластины. Сохранившийся полностью экземпляр (рис. 2-4) украшен с обеих сторон двумя рядами заштрихованных треугольников. Половинка второго гребня, сломанного в древности, была дополнительно обработана по линии излома для последующего использования (рис. 2-5). Его навершие образовано едва намеченными и крайне стилизованными зооморфными головками, многоярусный узор состоит из чешуйчатой и зигзагообразной гравировки с линейными разделителями. Указанные находки относятся к четвертому варианту типа 2 зооморфных гребней по классификации Л.А. Голубевой (Голубева 1979: 39). Бытование сходных изделий отмечено в материалах X-XI вв. мари, муромы, мордвы и удмуртов при наибольшей их популярности у древнеудмуртского населения бассейна р. Чепцы.

Группа составных односторонних гребней представлена двумя экземплярами с сохранившимися накладками и фрагментами наборных пластин с зубьями (рис. 2-7,8). Наиболее ранняя гребенка встречена в нижнем строительном ярусе, датируемом первой половиной X в (рис. 3-1). Роговая накладка этого крупного изделия (длина 165 мм) украшена зональным циркульным узором и скреплена железными штифтами. Гребни данного типа связаны по происхождению с Западной и Северной Европой, изначально войдя в состав продукции косторезов Старой Ладogi (Давидан 1962: 96-101). По времени бытования сходных изделий в Ладoge (отложения горизонта E, датируемые второй половиной VIII - первой четвертью X в.) упорожская находка вполне вписывается в хронологию северо-западных древностей.

Из верхнего строительного яруса (вторая половина X - начало XI вв.) происходит наборный гребень меньших размеров и несколько иных пропорций: накладка украшена резным геометрическим орнаментом и соединена бронзовыми штифтами (рис. 3-2). Аналогичные гребни часто встречаются на памятниках X - XI вв. Западной и Восточной Европы, трассируя своим появлением в древних фишно-угорских землях направление торговых и культурных связей с Северо-Западной Русью.

Намечающийся круг нередко весьма отдаленных аналогий не исключает изготовления таких гребней и местными мастерами. В пользу этого свидетельствуют находки заготовок

для производства цельных односторонних (рис. 2-3) и возможно, составных (рис. 3-3) гребенок.

Ярким образцом косторезного искусства является объемный зооморфный амулет, изображающий конька или уточку и покрытый циркульным узором (рис. 2-6). Миниатюрные роговые подвески-обереги в сравнительно небольшом количестве представлены в финно-угорских древностях X - XI вв. Среднего Поволжья - на памятниках мари, муромы, мордвы и удмуртов. Их нераспространенность объясняется обилием в указанное время зооморфных амулетов, выполненных из бронзы (Голубева 1979: 56-58). Следует отметить, что и по характеру ношения (боковое отверстие в верхней части в отличие от вертикального сквозного канала на других известных образцах), и по своему декору унорожская находка заметно отличается от культовых изделий соседних областей, отражая по-видимому, культурное своеобразие местной финно-угорской группировки.

Большой интерес представляет обнаруженная в нижнем горизонте роговая лопатка с фигурной рукоятью и сквозным отверстием на конце (рис. 2-9). Подобные предметы, несколько варьирующиеся по деталям оформления, наиболее типичны для населения конца I - начала II тыс. н.э. бассейнов рек Вятки и Чепцы. Там же представлены и образцы, близко напоминающие находку из Унорожа (см., напр.: Семенов 1985: 61, рис. 9-10).

Значительную серию находок образуют костяные рукояти и их заготовки. Среди них - роговые навершия ножей длиной 8-10 см с остатками железных клинков, декорированные в верхней части гравированным плетеным орнаментом (рис. 4-2) или украшенные зональным точечным узором с линейными разделителями (рис. 4-3); рукоять несохранившегося орудия с отверстием для привешивания к поясу и узким наклонным каналом для крепления железного черенка (рис. 4-1); полое навершие из трубчатой кости с зональным орнаментом из заштрихованных треугольников (рис. 2-11). Интересно роговое навершие с продольным пазом, украшенное тонко прочерченными линиями (рис. 2-10). Сходные изделия с двумя зубцами известны на ряде средневековых памятников Восточной Европы, представлены, в частности, в материалах Новгородского (Рюрикова) городища (Носов 1990: 55, 73, рис. 29-4). Обнаруженная в нижнем горизонте Унорожского поселения заготовка фигурной рукояти пила (рис. 4-4) по стилистическим деталям оформления вписывается в круг аналогичных изделий, бытовавших в рассматриваемый период у населения бассейна р. Чепцы (см., напр.: Иванова 1988: 108-109, рис. 13-21).

Роговые втулки и их заготовки представлены цилиндриками, различающимися по высоте и диаметру (рис. 3-6; 4-8, 10, 11). Одна из таких обоймиц с широким каналом конической формы (рис. 4-8) была найдена совместно с костяной дисковидной накладкой, имеющей тот же диаметр, но характеризующейся наличием в центре маленького круглого отверстия (рис. 4-9). Очевидно это элементы единой составной рукояти.

К предметам бытового назначения относятся также фрагментированное дисковидное пряслице, одна из сторон которого и боковая поверхность покрыты циркульной орнаментацией (рис. 3-5); тщательно отполированный кочедык, имеющий выделенное ушко с отверстием для привешивания в верхней части (рис. 3-12); заостренная проколка из ребра животного (рис. 4-1). Неясным остается функциональное использование тонкого стержня с симметрично сужающимися концами и перехватом в средней части (рис. 3-4); возможно это роговая застежка верхней одежды.

Самостоятельную группу в составе рассматриваемых находок образуют подвески из просверленных клыков медведя (2 экз.) и астрагалов бобра (10 экз.) (рис. 2-13-15; 3-8-11, 13). Особенно показательна представительная серия амулетов из астрагалов бобра. Известно, что такие амулеты были широко распространены среди финских племен Прикамья, Приуралья, Волго-Окского междуречья, нередко встречаясь также на

древних поселениях Прибалтики (Фехнер 1963: 89). Культурная роль бобра определялась промысловым значением этого пушного зверька в экономике северных группировок: например, в остеологическом материале уже упоминавшегося поселения Крутик на р. Шексне кости бобра составляли 97,8 % от общего числа диких животных (Голубева 1979а: 137). Амулеты из просверленных астрагалов бобра являются частой находкой на памятниках конца I тыс. н.э. в Ярославском Поволжье и Волго-Клязьминском междуречье, документирующих втягивание местных финно-угорских (мерянских) племен в систему международных торговых связей и их переориентацию на добычу пушнины. В этом отношении Унорожское поселение обнаруживает сходство с вышеуказанными памятниками, особенно при его сопоставлении с немногочисленными исследованными городищами Костромского Заволжья - Дурасовским под Костромой (IX - начало X вв.) и Поповским (VII-IX вв.) в среднем течении р. Унжи. В вещевой коллекции этих наиболее близких территориально и сопоставимых по времени заволжских поселений амулеты из астрагалов бобра полностью отсутствуют, причем анализ остеологического материала Поповского городища не дает основания для заключения об ориентации его обитателей на пушную охоту (Леонтьев 1989: 94).

Основная часть унорожских изделий из кости и рога связана по происхождению с финно-угорским миром. Далеко не все рассмотренные находки вследствие их широкого распространения на восточноевропейском Севере пригодны для заключений этнокультурного порядка. В этом отношении наиболее информативны произведения прикладного искусства, нередко украшенные богатым декором. Некоторые из них отражают культурное своеобразие местного финноязычного населения. Значительная группа находок по стилистическим особенностям и элементам орнамента обнаруживает несомненное сходство с костяными изделиями Вятско-Камского бассейна и, прежде всего, с чепецкими древностями. Отдельные поделки (тип I односторонних зооморфных гребней) имеют прямые аналогии в материалах Белозерья. Наконец, составные односторонние гребенки обязаны своим проникновением на поселение установлением контактов с отдаленным Северо-Западом.

Вырисовывающееся на рассматриваемом материале широтное направление культурных связей находит подтверждение при обращении ко всей совокупности вещевых находок. Отмеченное с начала X в. попадание на городище северо-западных гребней коррелирует с появлением здесь массы привозных бус, восточных монет (находка в нижнем строительном ярусе саманидского дирхема 892-907 гг.) и, что особенно интересно, оказывается синхронным обнаруженной на поселении скандинавской застежке типа 237/238 по классификации Я. Петерсена (Petersen 1919: 192-195). Дальнейший путь проникновения этого импорта косвенно засвидетельствован присутствием в унорожской коллекции локальных типов украшений, бытовавших в X-XI вв. у финно-угорского населения Юго-Восточного Приладожья и Белозерья. Устанавливаемое направление связей может быть сопоставлено с западным отрезком Сухоно-Вычегодской торговой магистрали, существование которой предполагалось А. С. Спицыным, Л. А. Голубевой, Е. И. Горюновой и другими исследователями. По заключению М. Г. Ивановой, именно по этому пути, "имевшему с древнейших времен решающее значение в культурных связях Севера, Прибалтики и Волго-Окского междуречья с Прикамьем, к северным удмуртам через северных соседей - коми - попадали вещи "западного производства" и шло обратное движение - распространение чепецких украшений, в том числе изделий из кости, в лесную полосу Восточной Европы (Иванова 1987: 77-78).

Унорожское поселение, географически тяготея к срединному участку реконструируемой водной магистрали, оказывается все же за пределами ее основной трассы. Однако, еще Е. И. Горюнова, уделявшая самое пристальное внимание выяснению

глубинных связей культуры мери с культурными традициями Волго-Камья, писала: "Область в бассейне южных притоков Сухоны и Вычегды изобилует речными волоками, что дает возможность легко проникать на значительные расстояния к югу от магистрального пути. В область Костромского Поволжья можно было попасть по рекам Юг и Кострома через Галичское озеро. Видимо, этот путь обусловил экономический рост такого отдаленного города, как Галич Мерский", округа которого в предшествующее время являлась местом пушной торговли с булгарами, а еще раньше - с приуральскими племенами (Горюнова 1961: 151).

Находки из Унорожа, подтверждая в целом это заключение, конкретизируют сложный процесс культурогенеза местного финноязычного населения в условиях традиционных контактов с северо-западными и северо-восточными областями, осуществлявшихся по международной торговой артерии раннего средневековья. Культурный синтез ярко отразился и в резной кости Костромского Заволжья.

- ГОЛУБЕВА, Л. А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников EI-59. Москва.
- 1979а. Вещь, скандинавы и славяне в X-XI вв. // Финно-угры и славяне: 131-137. Ленинград.
- ГОРЮНОВА, Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР 94.
- ДАВИДАН, О.И. 1962. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 95-108.
- ИВАНОВА, М. Г. 1987. Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I - начале II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии: 70-83. Ижевск.
- 1988. Производственные сооружения городища Иднакар. Новые исследования по древней истории Удмуртии: 89-118. Ижевск.
- ЛЕОНТЬЕВ, А.Е.: 1989. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: 5-105. Москва.
1991. Археология мери (К предистории Северо-Восточной Руси). Автореф.дисс... доктора ист.наук. Москва.
- ЛЕОНТЬЕВ, А. Е., РЯБИНИН, Е.А. 1989. Финно-угорское население Костромского Поволжья во второй половине I тыс.л.э. // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов I: 62-64. Москва.
- МАКАРОВ, Н.А. 1988. Средневековые памятники Белозерской округи // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): 57-93. Москва.
- НОСОВ, Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград.
- СЕМЕЛОВ, В.А. 1985. Городище Вёсья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии: 48-77. Устинов.
- ФЕХНЕР, М.В. 1963. Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье X-XI вв.: 86-89. Москва.
- PETERSEN, J. 1919. De norske vikingesverd. Christiania.

Northern Transeuropean Route of the X-th Century and the Merya.

E. A. Ryabinin

In the Early Middle Ages the territory to the north of the town of Kostroma on the Volga was inhabited by groups of Finno-Ugrians closely related to the Merya tribe. The greatest number of sites dating from the second half of the first millennium A. D. was discovered on the shore of Lake Galich and in the upper reaches of the lake source of the Vyoksa (Fig. 1). The 1988-1991 excavations of the tribal and trade centre of this group - the Unorozh settlements

- gave important new information on the culture of the country's inhabitants in the "Pre-russian" period.

Bone and horn artefacts, made in the Xth century, is of particular interest. The majority of the finds are of Finno-Ugran origin. These are one-sided combs with animal heads which had not only everyday, but cult purposes (Fig. 2-1,2,4,5). Local manufacture of combs is confirmed by the discovery of their half-finished samples (Fig. 2-3). The following finds are connected with Finno-Ugran cultural traditions: the three-dimensional zoomorphic amulet pendant (Fig. 2-6), the bone spatula (Fig. 2-9), the figured awl handle (Fig. 4-4), fragments of knife-handles and the comb handles (Fig. 2-11; 3-1,2,3), as well as horn sockets and their half-finished samples (Fig. 3-6; 3-8,10,11). Some other objects of everyday use are represented in the Unorz collection: the spindle-wheel (Fig. 3-5), the implement for making wicker-work (Fig. 3-12), bone pins (Fig. 4-1) and the fastening (Fig. 3-4). Many articles are decorated.

One-sided combs made of separate pieces are of foreign origin. The oldest dates from the 1st half of the Xth century (Fig. 3-1), and the later one - to the 2nd half of the Xth - the beginning of the XIth century (Fig. 3-2). Their connection with cultural traditions of the Baltic region and North-Western Rus is obvious.

A special group is formed by the amulets made from the pierced fangs of a bear and astragala of a beaver (Fig. 2:13-15; 3: 8-11,13). Unorz, due to its representative collection of amulets of beavers' astragala (numbers 10 items), occupies a special place among other synchronous sites on the left bank of the Volga near Kostroma. This collection indicates its relationship with Finno-Ugrian sites engaged in international fur trade since the end of the 1st millennium A. D.

The analysis of the articles made of bone and horn shows the heterogeneous composition of this collection which includes antiquities of local origin, as well as objects typical of both the North-Western and North-Eastern forests of Eastern Europe. The synthesis of cultural traditions explained by the proximity of the site to the latitudinal trade route - the Sukhona-Vycheгда waterway, which served as a means of communication between the multiethnic population on the territory between Lake Ladoga and the Vyatka-Kama region. These contacts led to the development of the unique culture of the Galich group of the Merya and its distinctions from related tribes of the Merya, in the country between the Volga and the Klyasma.

РИС. 1. Костромское Заволжье на этнокультурной карте Восточной Европы конца I - начала II тыс. н. э.

а - финно-угорские племена; б - Сухоно-Вычегодский путь (по: Горюнова, 1961); в - Балтийско-Волжский путь и северный отрезок пути "из Варяг в Греки"; г - древнерусские городские центры; д - упоминаемые в работе памятники (1 - Унорож; 2 - Поповское городище;

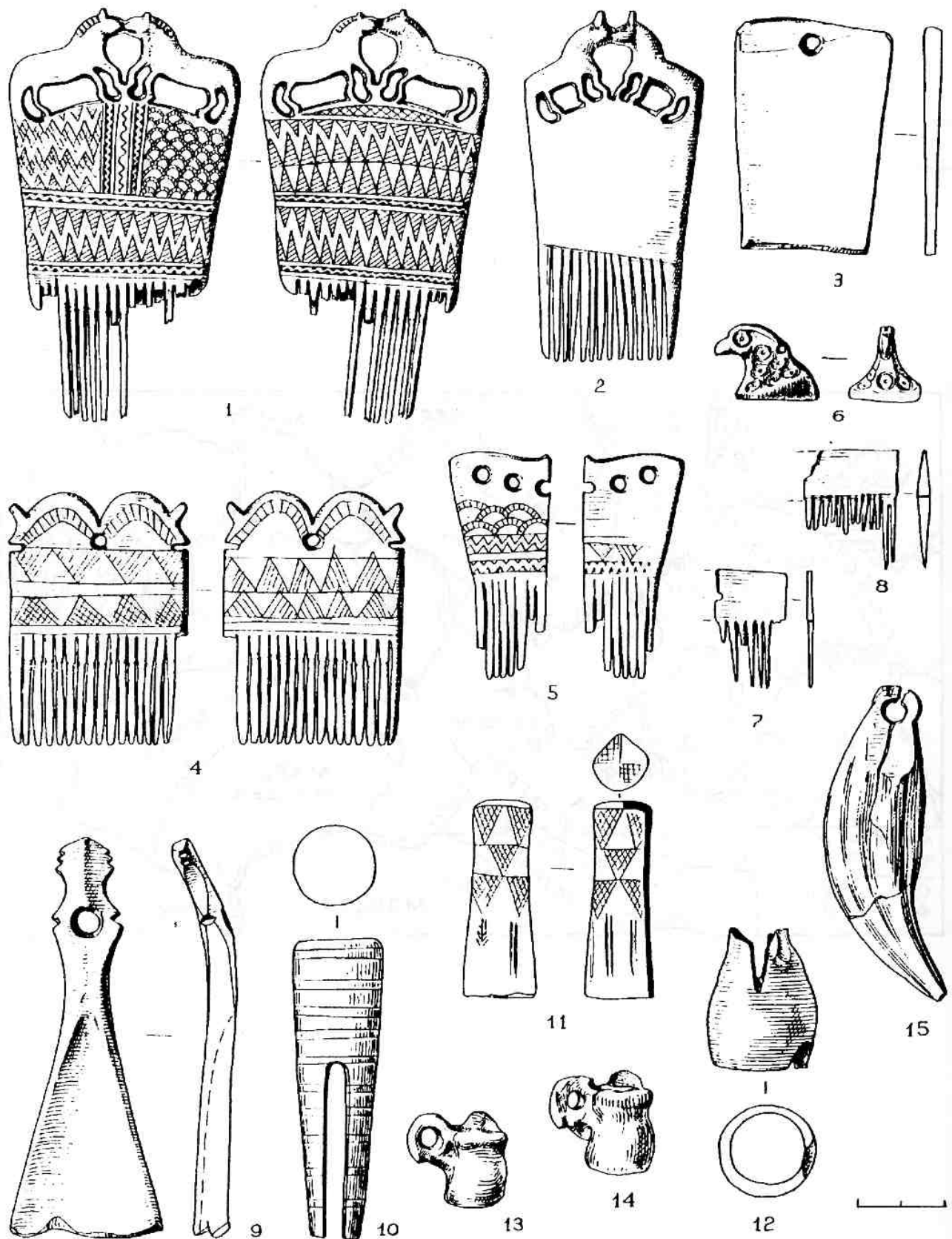

РИС. 2. Находки на поселении Унорож: 1-12 - изделия и заготовки из кости и рога; 13-14 - амулеты из астрагалов бобра; 15 - просверленный клык медведя.

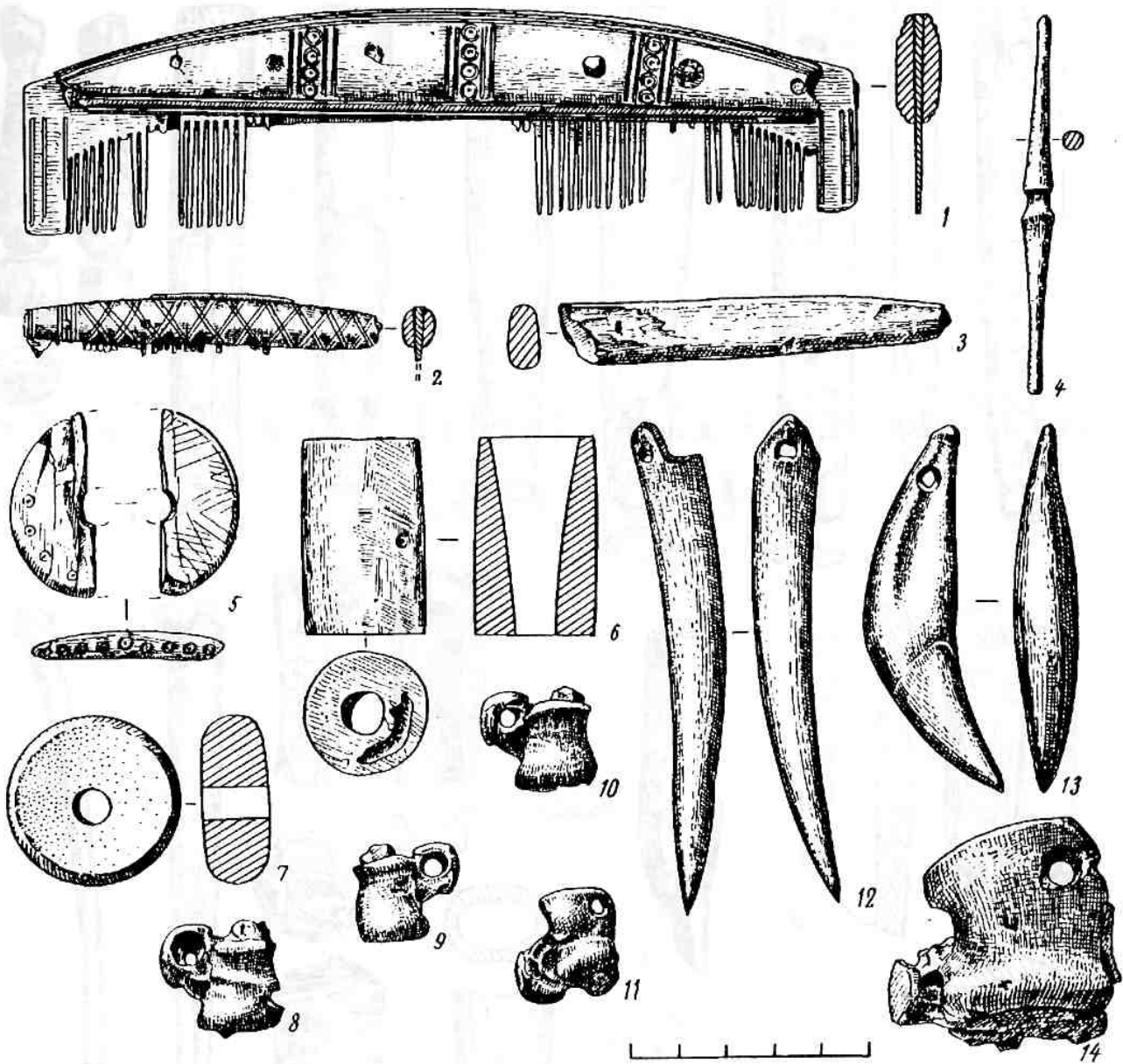

РИС. 3. Находки на поселении Унорож: 1-6, 12 - изделия и заготовки из кости и рога; 7-пряслице из песчаника; 8-11 - амулеты из астралов бобра; 13 - просверленный клык медведя; 14 - кость животного с отверстием.

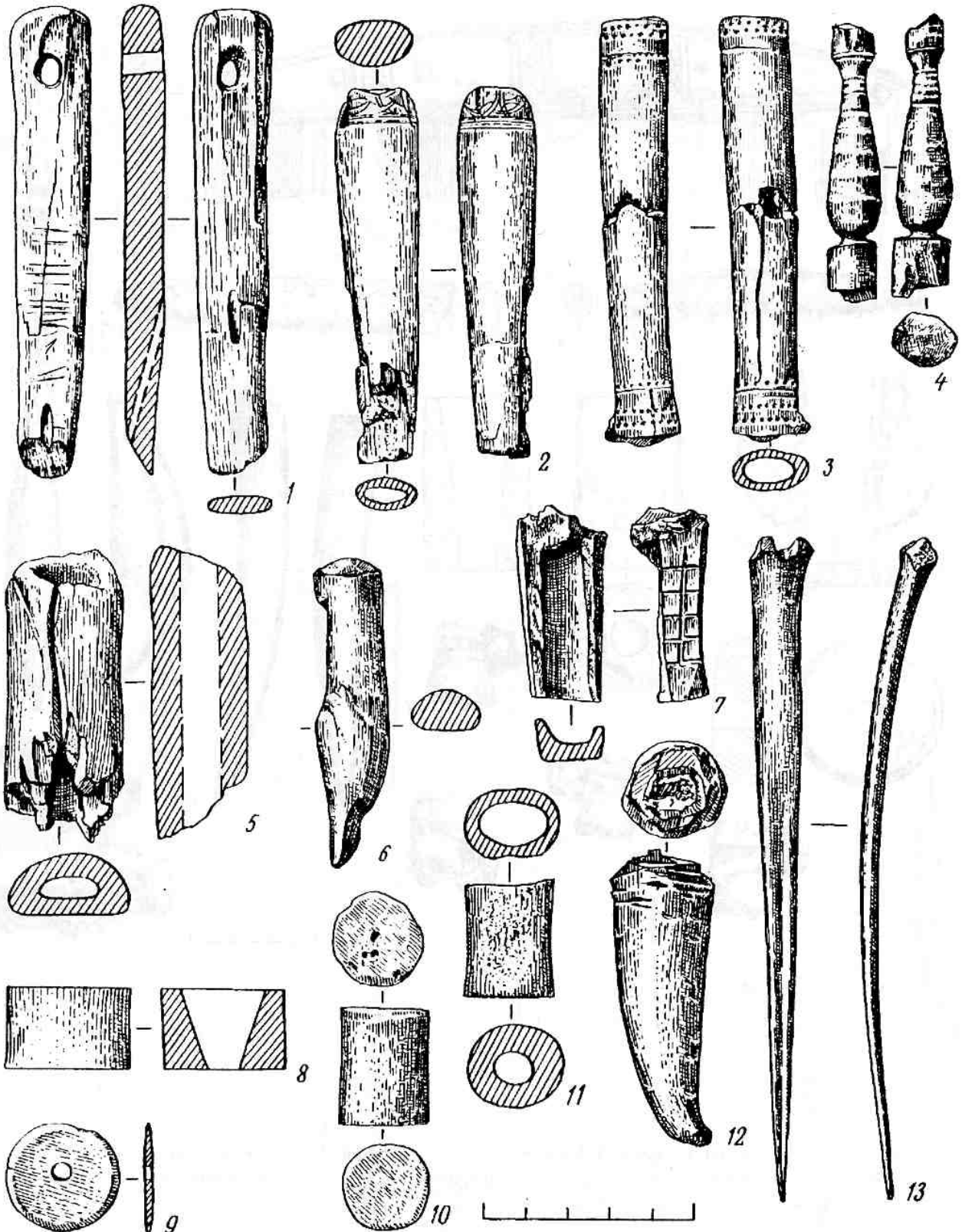

РИС. 4. Находки на поселении Унорож: 1-13 - изделия и заготовки из кости и рога.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ**

КОЛЛАПС МИКЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСКИЙ МИР ЦЕНТ- РАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ.

Ю. В. АНДРЕЕВ

Драматический финал микенской эпохи давно уже привлекает к себе пристальное внимание ученых. Во многих отношениях он не менее загадочен, чем ее блестящее начало. Мы до сих пор не знаем, кем были и откуда пришли первые владыки Микен, погребенные среди фантастической роскоши шахтовых могил. Но точно также нам ничего неизвестно и о судьбе их поздних потомков - последних царей Микен, Тиринфа, Пилоса и других дворцов и цитаделей, то ли погибших среди развалин, то ли вынужденных бежать из своих резиденций, спасаясь от каких-то неведомых опасностей.

За последние три десятилетия археологами разных стран, работавшими в материковой Греции и на островах Эгейского моря изучен и систематизирован большой фактический материал, относящийся к завершающей фазе микенской эпохи или, если следовать общепринятой ее периодизации, к позднеэладским периодам III B2 - III C (вторая половина XIII- XII вв. до н.э.). Подлинные масштабы катастрофы или, может быть, целой серии катастроф, обрушившихся на микенские государства в это смутное время, постепенно начали вырисовываться в фундаментальных трудах таких исследователей, как П. Алин, В. Десборо, Я. Боузек, Э. Снодграсс, Фр. Шахермайр и др. (Alin 1962; Desborough 1964; 1972; Bouzek 1969; 1985; Snodgrass 1971; Schachermeyr 1980; 1984). Если попытаться теперь кратко суммировать основные итоги кропотливой работы, проделанной всеми этими учеными, то агония микенской цивилизации предстанет перед нами как затяжной, но неуклонно приближающийся к своему концу процесс распада всех ее инфра- и суперструктур.

Примерно в течение столетия - с конца XIII до конца XII в. погибли все главные жизненные центры ахейской Греции - дворцы и цитадели вместе с примыкающими к ним крупными поселениями (так называемыми "городами"). Зона разрушений охватила практически все наиболее богатые и процветающие области микенского мира. Наряду с дворцами и цитаделями пострадали и многочисленные малые поселения, образовывавшие сельскую округу дворцовых центров. Так, в Мессении из 168 поселений, существовавших на ее территории в период расцвета Пилосского царства, к концу XII в. уцелело лишь 16 (McDonald, Rapp (ed.) 1972: 141). Во многом сходная ситуация сложилась также и в других районах Пелопоннеса и средней Греции, в т.ч. в Лаконии, Арголиде, Беотии, Аттике и Фокиде (Bouzek 1969: 51; Desborough 1972: 20; Hammond 1976: 135). Археология, таким образом, свидетельствует о запустении обширных

пространств и массовом оттоке населения из зоны бедствия в относительно спокойные и безопасные районы в самой Греции, на острова Эгейского и Ионического морей, а также в Малую Азию и на Кипр.

Распад микенской социально-экономической системы, который неизбежно должен был последовать за гибелью дворцов, сопровождался ощутимым снижением жизненного уровня всего населения страны, резким падением бытовых и культурных стандартов. Об этом с полной очевидностью свидетельствуют такие важные симптомы упадка, как бесследное исчезновение линейного слогового письма, нивелировка жилищ и погребений, снижение уровня технического профессионализма в ремесленном производстве, постепенная деградация, а затем и полное отмирание основных видов и жанров микенского искусства и, наконец, разрыв экономических и культурных связей со странами Передней Азии, вылившийся в длительную изоляцию Эгейского мира от всего остального Средиземноморья. Логическим итогом всех этих процессов может считаться глубокая депрессия, охватившая греческое общество с началом (около 1125 г. до н.э.) субмикенского периода и продолжавшаяся в общей сложности несколько столетий (с XI до IX вв.).

Традиционное, восходящее к историческим концепциям начала XX в. объяснение этой катастрофы, резко изменившей весь ход истории Греции, ориентируется на античное предание о так называемом "возвращении Гераклидов" или "дорийском завоевании" Пелопоннеса и островов южной Эгеиды. Однако археологические реалии конца микенской эпохи, как это признают многие авторитетные ученые, плохо согласуются с лежащим в основе этого предания представлением о радикальном обновлении состава населения на большей части территории материковой и островной Греции (Desborough 1964: 252 ff.; 1972: 23, 324; Mylonas 1966: 224; Bouzek 1969: 200; Cartledge 1979: 75 ff.; Schachermeyr 1980: 406 ff.). Как не раз уже было отмечено, материальная культура страны, несмотря на все пережитые ею в течение ПЭ III С периода пертурбации, не претерпела за эти сто лет сколько-нибудь существенных изменений в своих основах и при всех очевидных признаках упадка и вырождения продолжала сохранять свой исконно микенский характер (Desborough 1964: 224; Snodgrass 1971: 311; Hooker 1980: 175). Отдельные культурные инновации, о которых нам еще придется говорить в дальнейшем, не меняют этого общего впечатления. Кроме того, уже отмеченный выше факт длительного запустения именно тех областей Пелопоннеса (Лаконии, Мессении, Арголиды), которые всегда считались основным ареалом дорийского расселения в южной Греции, явно не вяжется с сообщениями греческой легендарной традиции о быстром завоевании пришельцами всей этой территории и ее последующем разделе между их предводителями (Snodgrass 1971: 312).

Но если дорийцы действительно непричастны к гибели микенских дворцов и поселений, мы оказываемся перед необходимостью искать какое-то другое объяснение этого загадочного феномена. Впрочем, поиски в этом направлении ведутся уже давно. Пытаясь как-то заполнить вакуум, образовавшийся после вытеснения дорийцев с авансцены разыгранной исторической драмы, некоторые историки и археологи ставят на место легенды о "возвращении Гераклидов", во многом утратившей свое былое обаяние, весьма эффектную гипотетическую конструкцию, которая вводит события XIII-XII вв., происходившие на Пелопоннесе и в других смежных с ним районах Эгейского мира, в широкий исторический контекст "великого переселения народов", которое охватило в этот период большую часть Средиземноморья - от Апеннинского полуострова

* Все эти авторы, не отрицая реальности переселения дорийцев из Эпира или Македонии в южную Грецию, тем не менее относят его к гораздо более позднему времени - к субмикенскому или даже к следующему за ним протогеометрическому периоду.

до Палестины и Египта. Впервые идеи этого рода были высказаны Фр. Шахермайром в его книге "Etruskische Frühgeschichte" еще в конце 20-х гг. и в дальнейшем неоднократно воспроизводились и варьировались, обрастая все новыми и новыми аргументами, в других его работах вплоть до самых последних (Schachermeyr 1929: 50 ff.; 1960: 69 ff.; 1980: 403 ff.; 1984: 239 ff.).

Гипотеза Шахермайра встретила поддержку большой группы ученых в Германии, Австрии, Чехословакии и других странах Центральной Европы (см., например, Milošić 1948/49: 12 ff.; Kimmig 1964: 255 f.; Gimbutas 1965: 335 ff.; Bouzek 1969: 40 dd.; 1985: 222; Deger-Jalkotzy 1977: 64 ff.). Все эти авторы ставят падение микенских цитаделей в один ряд с такими событиями, как разгром Хеттского царства в Малой Азии, опустошение побережий Сирии и Палестины и нападение на Египет так называемых "народов моря", расценивая все эти эпизоды как последовательные ступени в своеобразной "цепной реакции" военных столкновений и катастроф, вызванной вторжением на Балканы и в страны Передней Азии огромной лавины блуждающих варварских племен из Центральной Европы и Подунавья. Приход дорийцев на Пелопоннес так же, как и более или менее синхронные с этим событием передвижения родственных дорийцам племен северо-западных греков (фессалийцев, беотийцев, этолийцев и др.), были осмыслены Шахермайром и его последователями как завершающее звено в длинной цепи миграций, хронологически отстоящее довольно далеко от ее начала - первой волны разрушений в Греции, датируемой концом XIII - началом XII вв.

Вся эта грандиозная конструкция в сущности покоится на двух группах фактов. С одной стороны, ее опорой служит относительная хронологическая близость целой серии катастрофических событий, происходивших в завершающей фазе эпохи поздней бронзы на большом пространстве от Трои и Пелопоннеса до Дельты Нила. Эта близость во времени наводит на мысль, что все эти катаклизмы были вызваны какой-то одной причиной, которой вполне могло оказаться очередное "великое переселение народов". С другой стороны, догадки такого рода базируются на сделанных на территории Греции, Анатолии, Кипра, Сирии, Палестины и Египта находках ряда артефактов, главным образом изделий из бронзы центрально-европейского, северо-балканского и адриатического происхождения. Впервые довольно внушительная группа таких изделий была выделена В. Милойичем еще в 40-х гг. В свой состав она включала прямой обоюдоострый меч с рукоятью в виде вытянутого языка, предназначенный для колющих и рубящих ударов - так называемый "Griffzungenschwert" типа Schrockhoff IIa или Naue II, кинжал аналогичной конструкции (тип Peschiera), наконечники копий в виде листа или языка пламени, нож с изогнутым однолезвийным клинком, так называемую "смычковую фибулу" (Violinbogenfibel) и некоторые другие предметы (см. их описание в работах: Milošić 1948/49: 15 ff.; Kimmig 1964: 228 ff.; Bouzek 1969: 40 ff.; 1985: 92 ff.). В конце эпохи поздней бронзы все эти артефакты были широко распространены на территории Центральной Европы от Подунавья до побережий Балтийского и Северного морей, т.е. преимущественно в зоне так называемой "культуры полей погребальных урн", причем особенно значительная их концентрация отмечена на среднем и верхнем течении Дуная, в долинах Дравы и Савы и на верхнем течении Тиссы, где, по всей видимости, в то время находились наиболее важные центры европейской металлургии (Bouzek 1985: 92 ff.). В сравнительно небольших количествах изделия этого рода встречаются также в районе Адриатики.

Отталкиваясь от этих в общем не столь уж многочисленных находок, некоторые авторы из числа указанных выше приверженцев гипотезы Шахермайра приходят к мысли о радикальной трансформации материальной культуры и всего житейского уклада населения Греции, прямо связывая эти перемены с проникновением на ее территорию новых этнических элементов из Адриатики, бассейна Дуная и Прикарпатья. В их

представлении пришельцы принесли с собой новые формы защитного и наступательного вооружения, быстро усвоенные микенскими греками, в т. ч. колющий и рубящий меч, вытеснивший старую микенскую рапиру, двухстворчатый бронзовый панцирь и поножи, небольшой круглый щит вместо прежнего башнеобразного. Одновременно коренной реформе подверглась и микенская одежда, особенно женская. На смену пышным юбкам и корсажам придворных дам Микен и Тиринфа теперь приходит строгий хитон, скреплявшийся на плече одной фибулой. Хронологически все эти нововведения относятся примерно к тому же периоду, что и наиболее серьезные разрушения в микенских поселениях. Сопоставляя эти факты, нетрудно было придти к заключению (гораздо труднее, вероятно, было бы от него воздержаться), что один и тот же народ (или народы) принес в Грецию "моду" на фибулы, панцири, широкие мечи и кинжалы и в то же время подверг разгрому и опустошению наиболее богатые и процветающие области Эгейского мира, после чего прошел "огнем и мечом" всю Малую Азию, Сирию и Палестину, остановившись только у границ Египта (Kimmig 1964: 262 ff.; Bouzek 1969: 83 ff.; 1985: 212 ff.; 222; Deger-Jalkotzy 1977: 79 ff.).

Основное преимущество этой эффектной концепции перед старой теорией "дорийского завоевания" заключается в том, что она, во-первых, дает более или менее удовлетворительное объяснение некоторым инновациям в археологической культуре Греции позднемикенского времени и, во-вторых, позволяет понять уже отмеченный выше факт резкого демографического спада на ее территории, сопутствовавшего первой волне разрушений на рубеже XIII-XII вв. В понимании большинства исследователей, разделяющих эту точку зрения на события конца микенской эпохи, северные варвары, сокрушившие твердыни ахейских династий и разграбившие их сельскую округу, в силу каких-то причин не захотели остаться в опустошенной ими стране и, видимо, по инерции продолжали двигаться все дальше и дальше в юго-восточном направлении, сметая все на своем пути.

Однако при внимательном изучении этой логической конструкции выясняется, что аргументация ее сторонников далеко не так безупречна, как это может показаться при первом знакомстве. В принципе нет никакой необходимости связывать наличие ряда общих для микенской Греции и лежащих к северу от нее стран Южной и Центральной Европы типов бронзовых изделий с какими-то крупномасштабными племенными миграциями. Ведь это явление может быть объяснено и просто как результат параллельного развития нескольких очагов древней металлургии, между которыми в конце эпохи бронзы существовали достаточно тесные экономические контакты. Многие артефакты, в свое время включенные В. Милойчичем в комплекс, который он связывал с появлением в Греции первой волны северных пришельцев, могли довольно быстро распространиться на обширной территории, охватывающей целый ряд районов Европейского континента, просто благодаря своим чисто техническим преимуществам вне зависимости от каких-либо передвижений племен.

* Весь этот набор поздней ахейской паноплии изображен на знаменитой "вазе воинов", найденной в руинах Микенской цитадели.

** Этническая принадлежность орды или орд "разрушителей" по-разному определялась в работах разных авторов. Многие и в т.ч. сам Фр. Шахермайр склонны были видеть в них народы паллирийской и фригийско-фракийской группы и в то же время отождествляли их с библейскими филистимлянами, поскольку эти последние, как принято думать, принимали особенно активное участие в натиске "народов моря" на Египет и сиро-финикийское побережье (Schachermeyr 1960: 70; Gimbutas 1965: 335 ff.).

*** Впрочем, в своих последних работах, увидевших свет незадолго до его кончины, сам основоположник теории "великого переселения народов" Фр. Шахермайр начал склоняться к мысли, что орде "разрушителей" все же удалось закрепиться на захваченной ими территории и даже основать новые царские резиденции на руинах микенских цитаделей, после чего они довольно быстро растворились в среде местного населения, намного превосходявшего их по уровню культурного развития (Schachermeyr 1980: 101 ff.; 1984: 165; 197 ff.).

Уже в 60-х - 70-х гг. к такому выводу пришли несколько авторитетных археологов - специалистов по культурным контактам Эгейского мира со странами Центральной Европы, в т.ч. Г. Мюллер-Карпе, Э. Снодграсс и Н. Сэндерс (Müller-Karpe 1962: 59 ff.; Snodgrass 1971: 309 ff.; 1973: 210 ff.; Sandars 1978: 92 ff.; 188). Объясняя необыкновенную популярность смычковой фибулы, засвидетельствованную многочисленными находками, сделанными в обширном ареале, простирающемся от верховий Рейна до Крита и Кипра, Снодграсс писал: "Она распространилась быстро, потому что это была хорошая идея". В понимании этого английского археолога, проникновение на территорию микенской Греции таких изделий европейских металлургов, как те же фибулы или мечи типа Naue II, происходило по преимуществу в процессе торгового обмена. Завершая свою статью 1973 г., специально посвященную этой проблеме, Снодграсс вполне резонно заметил (Snodgrass 1973: 213): "Я уверен в том, что эгейская цивилизация позднего бронзового века... была культурой, слишком высоко организованной, со слишком давними и широко распространенными контактами и, может быть, со слишком высоким уровнем специализации труда, чтобы появление на ее территории новых типов металлоизделий могло быть использовано нами для обоснования гипотез о чужеземном вторжении".

В некоторых работах 70-х - 80-х гг. высказывалось предположение, что продвижение на юг Балканского полуострова ряда артефактов, особенно оружия центральноевропейских типов могло быть связано с проникновением в этот регион небольших групп выходцев из Адриатики, Фракии и Подунавья, объединявшихся либо в наемные дружины, которые охотно брали к себе на службу постоянно враждовавшие между собой ахейские династии, либо в разбойничьи шайки, которые на свой страх и риск занимались опустошением владений тех же династий (Deger-Jalkotzy 1977: 75; Sandars 1978: 92 ff.; Bouzek 1985: 222; ср. Snodgrass 1973: 213). Эти пришельцы могли познакомить микенских греков со своим оружием и, прежде всего, с мечами, превосходившими по своим боевым качествам старую эгейскую рапиру, но в то же время и сами многие у них могли заимствовать, в частности, технику обработки листовой бронзы, из которой изготовлялись щлемы, панцири, ножи, кубки и т.п. предметы. Как бы то ни было, как заметила Н. Сэндерс (Sandars 1978: 188) "производство вооружения приобрело в это время интернациональный характер и хорошее оружие, как наступательное, так и оборонительное быстро передвигалось то в одном, то в другом направлении, как только его преимущества были осознаны".

Другие исследователи, касавшиеся этой проблемы, уже в совсем недавнее время, считают, что присутствие на территории позднемикенской Греции некоторого количества изделий из бронзы, имеющих ясно выраженные центрально-европейские аналогии, совсем необязательно должно означать, что их появлению в этих местах предшествовал приход неких северных варваров, кем бы они ни были на самом деле: кузнецами, наемными солдатами или же завоевателями. Такого мнения придерживается, например, английский археолог Э. Хардинг. В его книге "Микенцы и Европа" (Harding 1984: 215) мы читаем буквально следующее: "Вообще большинство бронзовых изделий, как кажется, связывающих Грецию с европейскими странами в поздний (после 1200 г. до н.э.) период, принадлежит к той категории артефактов, которая в то время покрывала большую часть территории Европы и в отношении которой обычно не удается установить специфические места происхождения для специфических типов. Так называемые "европейские мечи" дают в этом смысле наиболее показательный пример: негреческое происхождение меча с фланцевой рукоятью (the flanged hilt sword) не вызывает сомнений, но это отнюдь не делает негреческими их подлинные образцы, найденные в Греции; скорее это предполагает единообразие приемов кузнечного ремесла на территории, гораздо более обширной, чем прежде".

Весьма показательно, что к почти аналогичной оценке ситуации, сложившейся в европейской металлургии в конце эпохи бронзы, пришел в последнее время и один из самых активных апологетов теории Шахермайра Я. Боузек. В его понимании, в XIII в. в странах Центральной, а также Южной и Северной Европы сложилось своего рода культурное койне или "общий рынок", в пределах которого осуществлялась широкая циркуляция предметов вооружения, заколок для одежды и некоторых других изделий. Благодаря этому "на короткое время около 1200 г. до н.э. практически одни и те же типы наступательного и защитного вооружения вошли в употребление в Эгеиде, на западных Балканах, в Италии и в Центральной и Северной Европе ..." (Bouzek 1985: 241 ff.). При этом Боузек делает одно достаточно важное пояснение к этой общей констатации. По его словам, "более 95 % оружия европейского типа, найденного в пределах Эгеиды, было изготовлено на месте, и таким образом, знания о различных его типах распространялись посредством крайне немногочисленных образцов, представленных *in situ*". Эта оговорка, если она соответствует действительности, неизбежно ставит под сомнение возможность массового продвижения на территорию Греции самих носителей центральноевропейской культуры или культур, хотя Боузек и продолжает весьма энергично отстаивать эту свою старую идею (Bouzek 1985: 242 ff.).

Однако, если имеющийся сейчас в наличии археологический материал и не дает надеждой опоры для апокалиптической картины грандиозного варварского нашествия, нанесшего смертельный удар микенской цивилизации, после которого она уже никогда более не смогла оправиться, то все же достаточно правдоподобной остается высказанная Сэндерс и разделяемая некоторыми другими авторами мысль о постепенном просачивании на территорию Греции небольших и чаще всего разрозненных групп пришельцев с берегов Адриатики, из Подунавья и, может быть, еще более удаленных районов Центральной Европы, которые сообразно с обстоятельствами могли из блуждающих вместе со своими стадами и семьями свободных пастухов превращаться в наемных солдат или грабителей. В некоторых местах эти номады могли переходить от своего кочевого или полукочевого образа жизни к более или менее прочной оседлости, о чем свидетельствуют не столько спорадические и в целом, как было уже сказано, не особенно многочисленные находки "северных бронз", сколько открытые в ряде позднемикенских поселений в Пелопоннесе, в Аттике, на о-вах Эвбея, Крит, Кефалления, Итака и в других местах образцы грубой лепной керамики или так называемой "варварской посуды", не характерной для материальной культуры микенской Греции периода расцвета в XV-XIII вв. (Rutter 1975; Deger-Jalkotzy 1977; 1983; Sanders 1978: 126 ff.; Schachermeyr 1980: 68 ff.; Harding 1984: 216 ff.; Bouzek 1985: 183 ff.). В отличие от бронзового оружия или фибул изделия этого рода, конечно, не могли быть предметом импорта и, по всей видимости, были изготовлены прямо на месте - там, где их нашли археологи. Более или менее близкие аналогии "варварской посуде" удалось обнаружить во многих местах за пределами Греции, в т.ч. в некоторых районах Италии, на противоположном побережье Адриатического моря - в Албании и Югославии, а также в Македонии, Троаде и еще дальше к северу в Болгарии и Румынии. Столь значительный географический "разброс" этих керамических комплексов, так же как и их ясно различимая неоднородность, лучше согласуется с картиной хаотичных блужданий по территории Балканского полуострова

* Не менее важно и другое признание, сделанное Боузеком в этой же связи. Говоря о найденных в Греции артефактах, центральноевропейского типа, он прямо указывает на то, что в своем подавляющем большинстве они "представляют собой второе или третье поколение предметов, подражающих тем, которые были действительно транспортированы (в Грецию), но, за немногими исключениями, отнюдь не сам момент транспортировки". Но эта вторая оговорка делает совершенно невозможной синхронизацию предметов северного происхождения с волной разрушений на рубеже XIII-XII вв., хотя именно этот момент занимает чрезвычайно важное место в аргументации самого в аргументации самого Боузека и других его единомышленников (ср. Deger-Jalkotzy 1977: 74 f.).

множества разрозненных сегментов варварских племен, происходящих из разных районов центрально-европейского Хинтерлянда, нежели с широко распространенным представлением о массивном вторжении в Грецию большой орды хорошо организованных и тесно связанных между собой северных пришельцев.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев лепная керамика немикенского происхождения встречается в сугубо микенском археологическом "контексте", т.е. в сопровождении технически гораздо более совершенных изделий местных гончаров. Это дало основание Д. Дегер-Ялкотци говорить о своеобразном "симбиозе" микенских греков с пришлыми варварами, на который, по ее мнению, может указывать керамический материал, найденный в Эгире (Ахайя), Тиринфе, Кораку и некоторых других местах (Deger-Jalkotzy 1977: 88). Правда, сейчас нам еще трудно судить, какого рода мог быть этот симбиоз: носил ли он характер мирного сосуществования местного греко-язычного населения с пришельцами, использовавшими в своем домашнем обиходе "варварскую посуду", или же ему прешествовало насильственное внедрение воинственных варваров в чуждую им этническую среду микенских греков. В принципе любой из этих двух вариантов должен быть признан одинаково вероятным. В большинстве своем находки лепной керамики на территории Греции датируются началом или первой половиной позднеэлладского периода III С и, таким образом, попадают в хронологический промежуток, непосредственно следующий за первой волной разрушений в микенских дворцовых центрах на рубеже XIII-XII вв. Отсюда, однако, совсем не обязательно вытекает, что производители сосудов этого типа и разрушители цитаделей были одним и тем же народом. Отчего бы не предположить, что они просто воспользовались благоприятной для них политической ситуацией на Пеллопоннесе и в Средней Греции и, не встречая на своем пути сколько-нибудь серьезного сопротивления, начали по-немногу просачиваться на территорию ослабленных какими-то потрясениями микенских государств? Во всяком случае, сама недолговечность известных сейчас комплексов "варварской посуды" (за редкими исключениями, они исчезают там, где ее находят, уже спустя короткое время после своего появления) может свидетельствовать о немногочисленности носителей этой новой для микенского мира культурной традиции и о их быстрой ассимиляции в местной этнической среде (Deger-Jalkotzy 1977: 88; 1983: 161; Harding 1984: 217; сравни Bouzek 1985: 183).

Итак, в нашем распоряжении, видимо, все же нет достаточных данных, которые позволили бы напрямую связать начало конца микенской цивилизации с некой критической фазой в развитии племенного мира Центральной Европы, ознаменовавшейся, согласно давно уже бытующим в науке представлениям, лавинообразным движением образующих его этнических массивов по направлению к берегам Эгейского моря и Восточного Средиземноморья. В картине грандиозного переселения народов, созданной воображением Шахермайра, Милойчича, Киммига и других ученых, развивавших далее эту же идею, не хватает целого ряда важных деталей, без которых довольно трудно себе представить массовое перемещение на юг Балканского полуострова выходцев из зоны так называемых "полей погребальных урн". В греческих некрополях позднеэлладского периода III С практически не встречаются столь характерные для этой зоны массивные бронзовые украшения (диадемы, подвески, браслеты) в виде соединенных между собой туго закрученных спиралей (Müller-Karpe 1980: 239 ff.).

Большой редкостью остаются во всем этом регионе и некоторые другие не менее типичные элементы той же Urnenfelderkultur вроде золотых спиралей, служивших украшениями для волос (единичные находки изделий этого рода относятся в основном к довольно позднему времени - Bouzek 1985: 170). И наконец, что особенно важно, широко практиковавшийся в Центральной Европе и Подунавье в конце эпохи бронзы

обычай кремации и соответствующая ему форма захоронения кремированных останков в специальных урнах на территории Греции в это же самое время (вплоть до начала раннежелезного века) появляются лишь эпизодически и, похоже, совершенно независимо от главного ареала полей погребальных урн. У нас нет, следовательно, никаких оснований для того, чтобы говорить о вытеснении микенской культуры на завершающих этапах ее развития привнесенной откуда-то извне культурой "разрушителей", поскольку отдельные элементы этой последней там, где их удастся более или менее надежно идентифицировать, представляют собой всего лишь случайные и разрозненные вкрапления в местную культурную среду, сохранявшую свою органическую однородность вплоть до самого конца эпохи бронзы (Hooker 1980: 175).

Завершая этот краткий обзор существующих позиций, мы можем констатировать, что вопрос о причастности варварского мира Центральной Европы к событиям, приведшим к гибели микенской цивилизации, если и может быть сейчас решен, то скорее в негативном, чем позитивном плане. Накопленный за последние десятилетия археологический материал позволяет говорить об инфильтрации сравнительно небольших групп (вероятно, отдельных племен или их сегментов) выходцев с побережий Адриатики, из Фракии, Подунавья и, может быть, из лежащих еще дальше к северу глубинных районов Европейского континента в пределы материковой и островной Греции. Но это просачивание северных пришельцев на территорию микенских государств было скорее следствием, чем причиной их ослабления и распада, которые могли быть вызваны факторами совсем иного порядка.

- ALIN, P. 1962. Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund.
- BUCHHOLZ, H. G. 1987. Ägäische Bronzezeit. Darmstadt.
- BOUZEK, J. 1969. Homerisches Griechenland. Praha.
- 1985. The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millennium B.C. Praha.
- CARTLEDGE, P. 1979. Sparta and Lakonia. A regional history 1300-362 B. C. London.
- DEGER-JALKOTZY, S. 1977. Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. Wien.
- 1983. Das Problem der "Handmade Burnished Ware" // Griechenland, die Ägäis und die Levante während der "Dark Ages" vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. Wien.
- DESBOROUGH, V. R. d'A. 1964. The last Mycenaeans and their successors. Oxford.
1972. The Greek Dark Ages. London.
- GIMBUTAS, M. 1965. Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe. Hague.
- HAMMOND, N. G. L. 1976. Migrations and invasions in Greece and adjacent areas. Park Ridge.
- HARDING, A. F. 1984. The Mycenaeans and Europe. L. etc.
- HOOKE, J. T. 1980. Mycenaean Greece. London.
- KIMMIG, W. 1964. Seevölkerbewegung und die Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa 1. Graz.
- McDONALD, W. A. and Rapp, G. R. (ed.) 1972. The Minnesota Messenia expedition: A reconstruction of a Bronze Age environment. Minneapolis.
- MILOIČIĆ, V. 1948/49. Dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen // Archäologischer Anzeiger.
- MÜLLER-KARPE, H. 1962. Metallgegenstände der Kerameikos - Gräber // Jahrbuch des Archäologischer Institut 77.
- 1980. Handbuch der Vorgeschichte IV: Bronzezeit. München.

* Само размещение позднемикенских некрополей со следами кремации в Аттике, Беотии, на Эвбее, Кикладах, Родосе и Крите скорее может указывать на их связь с Малой Азией, чем с Центральной Европой (Buchholz 1987: 442; сравни Bouzek 1985: 207).

** В том, что это были факторы скорее внутреннего, чем внешнего характера, в настоящее время убеждены многие исследователи. Существует несколько вариантов-моделей объяснения упадка микенской цивилизации с позиций такого рода, в том числе модель экономического кризиса, модель междоусобных войн и внутренних смут, модель социального переворота и, наконец, модель стихийного бедствия, хотя ни одна из них до сих пор не завоевала общего признания.

- MYLONAS, G. 1966. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton.
- RUTTER, J. 1975. Ceramic evidence for Northern Intruders in Southern Greece at the beginning of the LH IIIc period // *American Journal of archaeology* 79.
- SANDARS, N. 1978. *The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean*. London.
- SCHACHERMEYR, Fr. 1929. *Etruskische Frühgeschichte*. Berlin-Leipzig.
- 1960. *Griechische Geschichte*. Stuttgart.
 - 1980. *Die ägäische Frühzeit 4: Griechenland im Zeitalter der Wanderungen vom Ende der mykenischen Ära bis auf die Dorier*. Wien.
 - 1984. *Griechische Frühgeschichte*. Wien.
- SNODGRASS, A. M. 1971. *The Dark Age of Greece*. Edinburgh.
- 1973. Metal-work as evidence for immigration in the Late Bronze Age // *Bronze age Migrations in the Aegean*. London.

The Collapse of the Mycenaean Civilization and the Barbarians of Central Europe

Y. V. Andreyev

Archaeological investigations, which have been carried on in continental and insular Greece during the past few decades, have revealed the real scale of the catastrophe or even a series of catastrophes, of the Mycenaean civilization at the final stage of its development - at the end of the XIII-XIIth centuries B.C. The ruins of palaces and citadels, the destruction of a great number of small settlements, the desolation of vast territories, sharp decline in living, technological and cultural standards, the breaking-off of economic and cultural relations with Oriental countries and the beginning of a long-term isolation of the Aegean from the rest of the world (all these processes are certified by the excavation data) - these are the most typical features of this crucial period in the history of Greece which marked the transition from the Bronze Age to the Iron Age. The reasons for this collapse of the whole Mycenaean world have remained unclear in many respects so far. Many authorities on this problem admit the fact the traditional explanations of the collapse connected with the ancient legend about "the return of the Heracleides" or "the Dorian conquest" of Peloponneses, do not agreed well with archaeological data from the end of the Mycenaean era and should be rejected.

In an attempt to fill the historical "gap" after the Dorians had ceased to play a significant role and lost their positions at the final dramatic stage of the Mycenaean era, some historians and archaeologists, including Fr. Schachermeyr, M. Gimbutas, J. Bouzek, S. Deger-Jalkotzy, try to explain the events taking place in Greece in the XIII-XIIth centuries B.C. in the context of "the great migration of peoples" which, they believe, covered most parts of the mediterranean at that period - from Italy to Palestine and Egypt. Such assumptions seem to be confirmed, first, by the relative chronological closeness of cataclysms spatially remote from each other such as the fall of Mycenaean citadels in Balkan Greece, the collapse of the Hittite Kingdom in Asia Minor, the Ugarit state in Siberia and the onslaught of the so-called "Sea Peoples" on the borders of Egypt, and, secondly, by the finds - various bronze articles (mainly weapons and fibulae) - on the territories of Greece and other East Mediterranean countries. The closest parallels for these finds were found in a number of European regions (the Adriatic, the Danube region, the Pricarpathian region) - in the zone of the so-called "Urnenfeld Kultur".

However, there is no necessity to explain the existence of a number of types of artefacts common for Mycenaean Greece and the countries of South and Central Europe to the north

of it, by some large-scale movements of tribes, as this phenomenon can be considered as being as the result of simultaneous development of several centres of ancient metallurgy between which there were rather close economic contacts at the end of the Bronze Age. Lately some scientists (Sandars, Deger-Jalkotzy, Harding, Bouzek) have kept to the idea that at that time there developed a kind of common market in Europe, Eastern Mediterranean and the Aegean which promoted wide circulation of new types of weapons and other metallic articles.

Nevertheless, the archaeological material collected in the past few years (particularly numerous handmade ceramics of the type other than the Mycenaean one found in a number of places) allows us to speak about the penetration of comparatively small groups from the northern regions of the Balkan Peninsula, the shores of the Adriatic Sea, the Thrace and the banks of the Danube into the territory of Greece. However, this advancement of northern strangers into the region of the Mycenaean civilization was the consequence rather the reason of its decay which might have been caused by some other factors.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСКУССТВО ПАЛЕОЛИТА

D. Vialou. La Préhistoire. L'Univers des Formes. (431 pages, 405 tables, figures, maps). 1991. Paris: Callimare.

Дени Виалю - известный французский исследователь первобытного искусства, археолог и путешественник снова порадовал нас великолепной книгой. Этот превосходно изданный том с множеством цветных иллюстраций исключительно высокого качества охватывает не только древнейшее - палеолитическое - искусство, но и ряд богатейших областей доисторического искусства Северной и Южной Африки, Индии, Австралии, Южной Америки.

В предисловии П.-М. Дюваль, входящий в научный совет серии "Вселенная форм", созданной Андре Мальро, подчеркивает, что это первый опыт исследования доисторического искусства планеты. Речь идет о произведениях искусства, выбранных как самые типичные или как самые редкие, как широко известные или как открытые недавно, полно или едва опубликованные. Но они выбраны, классифицированы и иллюстрированы по-научному.

Работа состоит из трех неравных и разноплановых частей. Первая часть, наиболее объемистая (с.1-340), в сущности и является исследовательской. Во введении ставятся общие основополагающие проблемы первобытного искусства: его универсальность и древность, вопросы происхождения, которые Д. Виалю видит в тройственной связи рука-мозг-предмет. "Доисторическое искусство рождается из этого древнего соучастия человека и камня, человека и его орудий, которыми он манипулировал и которые совершенствовал: почти 3 млн. лет прогрессивно пробуждались в сознании мастера предметы, имеющие форму, действия повторяющиеся и заученные, способности рук, которые с каждым разом все более контролируются и улучшаются" (с. 5-6). Д. Виалю прослеживает возникновение красоты орудия и технического мастерства, он отмечает, что красота уже присутствует в самой форме бифаса или наконечника, она является атрибутом идей, которая предшествует созданию предмета, и в этом смысле красота в своих технологических проявлениях предшествует фигуративному искусству верхнего палеолита. Она является основанием, переходящим в сознание поколений и поколений мастеров. И, прежде всего, это происходит в изображении животного: "Животное, как священное существо или охотничья добыча, потребляемое или приносимое в жертву, герой или монстр, тотем или миф, бог или дьявол присутствует в большей части наших религий" (с.8).

Доисторическое искусство является преимущественно анималистическим и извлекает свою оригинальную красоту из изображений животных. Эстетический и символический союз художников охотничьих народов с крупной дикой фауной является наследием связей человека с животным миром, становящихся все более и более сложными и интенсивными со времени зари человечества. Определенным образом охота является сердцем эволюции доисторических обществ со времени их появления в недрах гоминид

в Восточной и Южной Африке. Социальные и экономические связи устанавливаются в зависимости от организации охоты, от изменений, адаптирующихся к климатическим и экологическим вариациям. Бизоны из палеолитической пещеры Фон де-Гом (Дордонь, Франция), антилопы из навесов Дракенсберг (Южная Африка), коров и быков неолитического Тассили-н-Аджер (Алжир), крошечные статуэтки животных из бивня в ориньякской стоянке Фогельхерд (Германия) - все эти замечательные произведения искусства наследуют свою красоту от животного - главного лица в общей судьбе жизни и смерти доисторических людей.

Глубокие корни родственной связи человека с животным обнаруживаются в фантастической фигуративной абстракции, общей для графических и пластических форм при полном отсутствии изображения пейзажа. Сама природа стояла за этими произведениями. В своей фигуративной глубине, населенной образами человека и животных, особенно в их графических формах и включения их в природное и повседневное пространство, доисторическое искусство выражает жизнь в ее реальности, как силу, возникающую из прошедшего времени, несознательную и дикую, которой овладело воображение. Пример палеолитического искусства Европы наиболее показателен. Как на стенах пещер, так и на мелких предметах животное и человек выражены посредством полноты фигуративных форм, но не показывают живых связей, реальных событий или даже фантастических сцен. В палеолитическом искусстве жизнь не рассказывается, символическая дистанция между жизнью и ее изображением минимальна.

Любопытна трактовка Д. Виалю темы смерти. Появление украшений в шательперроне - поздней неандертальской культуре Западной Европы, он рассматривает как первое проявление символики трансформированных знаков. Это составляло элементарным образом систему новых знаков в социальных связях индивидуумов. Ориньякские и более поздние украшения часто встречаются в погребениях. Следовательно, украшение как связь между жизнью и смертью составляет переход между самыми древними следами символики смерти и системами графических изображений, возникающих в ориньяке, фигуративных и абстрактных, сначала малых форм, а затем и наскальных. Далее, возникновение воображения в психическом функционировании и его возрастающее использование в связях между индивидуумом и миром глубоко отмечает гоминизацию линии *Sapiens*. Это приобретение силы воображения, доказанное археологически первыми намеренными погребениями, засвидетельствовано находками в мустьерских и шательперронских стоянках ископаемых и камней необычной формы и цвета. Ускоренное развитие могло быть фактором определяющим зарождение совершенных форм. Освобождение психических функций дало воображению и абстракции бесконечную силу и, в первую очередь, создание системы знаков: украшения (и раскрашивание) тела, обряды смерти, принос предметов в жилища, наконец изображения в искусстве малых форм и в наскальном искусстве.

Основное изложение построено необычно для подобного рода работ и состоит из пяти глав.

Глава 1 - Создание пластики (с.19-94) трактует в основном вопросы символического освоения форм и смысла произведения. Выбор материала и придание ему формы соединяются в создании орудия, как и в создании подвески или статуэтки. С первых шагов изобретения и использования орудий люди освободились от первоначального подчинения окружающей среде, о чем свидетельствует принос каменного сырья на поселения. Очевидно, акт придания сырью формы был определяющим, чтобы полностью удовлетворить первое намерение мастера. Метаморфоза природных вещей в бесконечно разнообразные предметы лежит ниже усвоения символических форм, зафиксированным начиная с 40-го тысячелетия. И в этой связи искусство украшения - наиболее древнее

в Евразии, предшествующее другим художественным формам у различных доисторических популяций, широко практиковалось.

Д. Виалю рассматривает великое разнообразие украшений, как приспособленных природных форм, так и форм изобретенных. В этом разделе особое внимание уделено палеолитическим материалам, происходящим с территорий России и Украины, снабженным прекрасными цветными фотографиями, к стыду наших полиграфических возможностей полностью отсутствующими в советской научной литературе. С большим удивлением мы встречаем здесь оригинальные, но вполне реалистические статуэтки из Мальты, которые рассматриваются в функции украшений-подвесок. Это тем более странно, что выделенные фигурки ничем, кроме отверстия в нижней части ног, не отличаются от других статуэток Мальты. Непонятно и отнесение к этой категории предметов трех женских скульптур из Авдеева и одной из Костенок 1, ноги которых не соединены вплотную. Вес и круглая форма этих фигурок противоречат тому, чтобы их можно было носить на шнурке, как подвески.

Представляется более логичным рассматривать украшения именно как знаки. Неоправданным кажется включение в этот раздел плоских головок животных в технике *contour découpé* и в этой связи необходимо отметить полное отличие птичек из Мальты от этих своеобразных мадленских предметов и по материалу, и по технике. Надо отдать должное Д. Виалю, который приходит к констатации, что часто теоретической дистанции между предметами украшения и произведениями искусства не существует.

Далее рассматриваются примеры изображения украшений на самих произведениях искусства, как на палеолитических статуэтках, где снова большое внимание уделено фигурками из Костенок 1 и Авдеева, так и на наскальных полотнах разных эпох, выбранных из культур полностью независимых, что "позволяет лучше очертить символические атрибуты изображения украшений в доисторических формах" (с.53). Примеры взяты из Санга Элина (Бразилия), Бхимбетка (Центральная Индия), Арнемленда (Австралия), Дракенсберга и Тассили-н-Аджера (Африка).

Второй вопрос - это смысл, скрытый в произведении. Д. Виалю считает, что украшения, изображенные на статуэтках или на наскальных фигурах, не могут быть только декоративными, фактически они сами являются удвоенной символикой: к смыслу их формы добавляется новый смысл воображаемого и в первую очередь сексуальности, что отражено, по его мнению, в крошечной подвеске из Дольних Вестониц в виде соединенной пары грудей (рис.74), которая таким образом получает новую интерпретацию, и в других предметах из палеолита Европы (на этот раз только!).

Глава 2 - Искусство в природе (с.95-132) касается овладения пригодными площадями и графической организацией наскального пространства. Доисторические художники заселили мир бесчисленными образами, "представленными на всех широтах от ледяных берегов скандинавских фиордов и сибирских озер до скалистых пустынь Негев и Сахара, до океанских островов и до гор Южной Африки и Огненной Земли" (с.95). Наряду с этим необъятные заселенные территории не обладали никакими стабильными и прочными опорами для нанесения изображений. На великих равнинах и плато, покрытых рыхлыми отложениями, палеолитические люди изобрели раскрашивание костей мамонта орнаментальными узорами - определенный паллиатив, сохраненный в развалинах жилищ в Мезине и Межиричах на Украине. В других местах скальные пейзажи, дающие великолепные возможности для росписей и гравировок, оставались девственными. Д. Виалю приходит к выводу, что искусство встречается в природе только по решительному выбору людей. И очень часто наскальное искусство, как об этом свидетельствуют, например, Тассили-н-Аджер или Дракенсберг, находятся в совершенной гармонии с окружающим пейзажем.

Особое место занимают глубокие пещеры Франции и Испании. Мадленцы были первыми, кто заселил образами этот подземный мир. Графическая организация наскального пространства рассмотрена Д. Виалю в зависимости от характера памятников: пункты на открытом воздухе, навесы под скалами, подземные полости обладают характерными, детально изложенными особенностями.

Глава 3 - Время в формах (с. 141-169) имеет разделы: время природы; время в материале; иммобилизация времени; гроты: вне времени; формы времени: стили. Эта глава является глубоким и вдумчивым продолжением идей, разрабатываемых в свое время А. Леруа-Гураном. На примерах из палеолитического и постпалеолитического искусства Д. Виалю показывает, что повсюду в природе климатические события наложили свой отпечаток на темы изображений. Время природы ритмизирует жизнь людей, хотя и в меньшей степени, чем жизнь растений и животных. Произведения искусства связываются с временем через долговечность их опоры. Доверить образ твердому камню, скалистой стене навеса или грота - это значило бросить вызов времени человека и времени вещей. Рисуя фигуры на скалах доисторические художники делали в каком-то смысле время неподвижным, изображения проходили через время людей и время цивилизаций. Намеренный выбор размещения фигур на открытой скале или в закрытом пространстве пещеры доверил творческий акт геологическому времени, которое восстанавливается в целостности, если условия консервации это позволяют. Большой интерес вызывают размышления автора о стилистических особенностях, которые рассматриваются как формы времени. В качестве примера привлечено сравнение мадленских знаков: тектиформ в Перигоре и клавиформ в Арьеже. "Собрав в своих глубинах произведения людей, природа сделала их неподвижными в течение бесконечно долгого времени доистории. Неподвижные формы прошли через тысячелетия в свежести их проявлений, в минеральной продолжительности их существования. В них сплавлена воедино мгновенность их стилей. В каждой из них время людей интенсивно связано, чтобы развернуться затем от поколения к поколению до исчезновения в памяти народов" (с. 169).

В главе 4 - Материальность форм (с. 172-252). Д. Виалю рассматривает значение и роль опоры (или основы), на которую нанесено изображение в палеолитическом искусстве. Естественные формы в пещерах, усиленные игрой света и тени, эффектно влияли на воображение древних людей. На ряде примеров показано, что связь самой скалы, обладавшей неровностями и объемами, с изображением повышалась до крайней степени символического выражения, свойственного палеолитическому образу, рожденному из камня. В палеолите, как и в более поздние эпохи в различных местах земного шара изображения включены в воображаемые границы графического пространства. Фигуративные рамки основаны на естественной горизонтальной базе. Сконструированные на этой материальной или фиктивной линии площади для расположения фигур являются совершенным выражением интеграции скальных поверхностей и самих изображений: графические и естественные горизонты смешиваются в смелом поиске визуального равновесия. В этих рамках участие скальной основы двойное: это и фон, выбранный по физическим свойствам, и пространство графической перспективы, определяющей место в природе наскальных изображений.

В палеолитическом искусстве малых форм также существует создание намеренных рамок. Д. Виалю рассматривает их по четырем главным категориям: предметы из камня; предметы из материала животного происхождения; произведения искусства-орудия; самостоятельная скульптура. Привлеченные Д. Виалю многочисленные примеры основаны, главным образом, на весьма показательных материалах мадленских поселений Франции и показывают широкий диапазон свободы кадрирования. Наличие таких специфических основ как длинные кости или стержни рогов оленей привело к появлению совершенно нового использования пригодного пространства. Наряду с нанесением

фигур лишь на одном фазе, что позволяет видеть их не поворачивая предмет, в мадлене применяется цилиндрическая поверхность, когда изображения не могут рассматриваться во всей полноте с одной точки зрения, а дают связную картину только в развертке. Обдуманый характер выбора такой основы кажется несомненным, в нем вероятно выражены символические намерения. На этих цилиндрических формах могла быть основана игра между скрытым и визуальным, точно также как она представлена в гротах между изображениями зрелищными и спрятанными. Но на цилиндрических стержнях графическая непрерывность при разворачивании влечет за собой и непрерывность прочтения - это неизбежное условие его полного постижения.

В разделе о произведениях-орудиях Д. Виалю тонко различает тесную внутреннюю связь между техникой и материалом, усиленную небольшими размерами просверленных жезлов или копьемедалок. В разделе о пластических формах он подчеркивает, что именно круглая скульптура представляет наиболее продолжительную фигуративную художественную традицию палеолитического и, без сомнения, всего доисторического искусства. Древнейшие статуэтки из Фогельхерда и других ориньякских памятников не представляют явных архаичных черт, они показывают, что мастера достигли достаточно высокого уровня техники обработки и моделирования бивня мамонта, чтобы так красноречиво выразить форму. Широко рассматриваются и гравецтские женские статуэтки.

Глава 5 - От формы к смыслу (с. 253-339) начинается с описания наскальных изображений Арнемленда на севере Австралии с особой ролью "старой женщины Какаду". В разделе, названном "Человек и его зеркало", Л. Виалю упоминает о различных семантических заблуждениях в понимании и интерпретации женского образа в палеолите и вообще в доисторическом искусстве.

Раскопки палеолитических поселений установили тесную связь женских изображений с жилищем: люди и их графические и пластические воплощения сосуществовали в повседневной жизни. Вместе с редкой находкой мужской статуэтки в погребении в Брно палеолитическая скульптура обнаруживает со всей очевидностью ее функции в возможной связи с церемониальными или ритуальными действиями, повторяющимися в жизненном пространстве, общем для группы лиц из нескольких семей.

В наскальном доисторическом искусстве, будь то в Центральной Индии, Арнемленде или в Сахаре широко представлены фигуры людей, связанные с экономическими, домашними, социальными и другими видами деятельности. Понимание, по крайней мере частичное, этих фигур, переданных в разнообразных движениях, возможно, подразумевает передачу символических функций. Может быть, речь идет об описательных картинах повседневной жизни; может быть, эти образы являются поминальными для воинов, votивными для охотников, или эротическими. Ни один из этих вопросов не получит ответа, если рассматривать изображения лишь отдельных частей человеческого тела: гениталиев, рук или ступней, распространение которых Д. Виалю достаточно подробно показывает не только в палеолитическом, но и пост-палеолитическом искусстве на разных континентах.

В противоположность этим рисункам, символическим по их фигуративной формуле, почти лишенным воображения, фигуры колдунов являются пучками символов, произвольно объединенных для создания двойственного образа человек-животное, глубоко проникающего в доисторические общества. В подтверждение этой мысли снова берутся примеры из Южной Африки, Южной Америки, Австралии, дополненные этнографическими данными, и, конечно, из мадленских пещер Франции. Особенно репрезентативны колдуны из Труа-Фрер, которые соответствуют графической дефиниции человеческих существ, частично превращенных в животных, образам шаманов, существовавших в их жизни. Колдовство тесно ассоциирует человека

с бизоном и ставит его в прямую связь другими животными. В этих составных фигурах и около них ясно выражена сексуальность, которая касается бизонов, северных оленей и крупных кошачьих. Она может быть повествовательной связью мира, объединяющего этих действующих лиц, между которыми скрывается охотник-шаман. Он не является более ни человеком, ни животным, но неудовимым духом, связывающим людей с предками посредством магии слов и изображений. И в постпалеолитических искусствах человек-животное тоже стал замещаться человеком-духом. "Неправдоподобное богатство доисторических образов человека между животными и богами!" - восклицает Д. Виалю (с.316).

Все согласуется с тем, чтобы принять идею о преобладающей роли магии в организации и жизни первобытных обществ, полностью управляемых законами природы для их существования. Но лишь небольшое число изображений обнаруживает связь с магией. Возникает вопрос является ли искусство само по себе магическим, если оно представляет определенным образом или закодированным способом магические действия? Д. Виалю склонен к позитивному ответу. Находящиеся на пол-пути между реальным и сверхъестественным рисунки колдунов являются признанием силы, которую художники и сами колдуны приписывают изображениям.

Первобытное искусство не свободно и от других мифических образов: химер и монстров. В целом, они немногочисленны, что А. Виалю объясняет просто: устное изложение мифов всегда преобладало над их изображением. Так, среди тысяч росписей, скопившихся в течение тысячелетий в Бхимбетке, только некоторые представляют мифические существа. То воображаемое, которое иногда проскальзывает в фигуративные изображения, вносит дополнительный смысл, извлекаемый из верований и коллективных действий. В своих магических и мифических формах значения колеблются между реальным и сверхъестественным. Участие знаков в символических конструкциях очень непостоянно, иногда они не играют никакой роли, иногда наскальные полотна состоят исключительно из геометрических знаков. Нет доказательств, что процессы абстракции и геометризации происходят от реалистических изображений, вопреки заманчивой идее о постепенных метаморфозах от пиктограмм к идеограммам. Но на заре появления письменности, синхронно в различных регионах, процессы схематизации фигуративных изображений привели большую часть наскального искусства обществ, развивающих производящую экономику, к структурной геометризации форм.

Вторая часть монографии (с.341-410) носит справочный характер и включает, прежде всего, краткую, но достаточно полную характеристику палеолитической эпохи и ее искусства. Особо представлено описание пещеры Нио (Аржес, Франция), как пример символической конструкции палеолитических святилищ. Изложение технических приемов исполнения произведений касается всего доисторического искусства. Большое познавательное значение имеет характеристика больших географических областей, по сути дела, всех континентов, исключая Европу, для которой ранее дано только палеолитическое искусство. Все изложение в этой части подкрепляется великолепно выполненными сводными таблицами и цветными географическими картами.

Третья часть (с.411-431) - вспомогательная. Очень важна хронокультурная координационная таблица от олдувэя до античности, т.е. охватывающая период от 2 млн. до начала н. э. Автор оговаривает, что трудно получить большую точность в хронологическом сопоставлении доисторических культур, поскольку их пространственно-временное распространение часто известно. Поэтому привлечены лишь культуры, имеющие значение или известные лучше других. Библиография включает 234 наименования, преимущественно на французском языке. Она разделена на рубрики по континентам, причем в каждой рубрике выделяются коллективные работы.

Глоссарий, географический указатель, указатель иллюстративных источников вносят заключительный штрих в этот многоплановый и сложный по содержанию труд.

Естественно, в рамках рецензии он не может быть освещен всесторонне, затронуты лишь некоторые, представляющиеся важными моменты. Книгу Д. Виалю ни в коей мере нельзя рассматривать как энциклопедию доисторического искусства, но она чрезвычайно информативна и необычайно интересна своими сопоставлениями и оригинальными трактовками многих сложившихся представлений. В своем кратком изложении я пыталась показать подчиненность привлеченных примеров, взятых из разных хронологических срезов и разных культур, общим идеям работы. Безусловно в ней представлена хотя и неполная, но величественная панорама древнейших искусств в отдельных регионах земного шара. Автор предельно полно знает предмет, о котором пишет, но он предполагает такое же знание и у читателей (или полное отсутствие знания, что восполняется справочным отделом). Непрерывное чередование палеолитических и постпалеолитических, иногда не датированных или доживающих до наших дней, материалов воспринималось бы с большей легкостью, если бы были отмечены существенные различия не только двух видов палеолитического искусства - наскального и малых форм, имевших свои собственные задачи, но и полнее раскрыты особенности постпалеолитического искусства отдельных областей, в их развитии.

Второе замечание может заинтересовать скорее западного читателя, поскольку касается использования материалов с территории бывшего Советского Союза. Понятно, что нельзя упрекать автора подобной книги в тех или иных упущениях, но тем не менее бросается в глаза определенная избирательность. В вопросе происхождения искусства полностью обойден вниманием фундаментальный труд А. Д. Стояра "Происхождение изобразительного искусства" (М., "Искусство", 1985). Во время пребывания в Ленинграде, Москве и Киеве Д. Виалю имел возможность изучить произведения искусства из многих палеолитических стоянок. В своей книге он публикует только то, что он фотографировал, но существуют и другие коллекции, в частности скульптура Сунгиря, о которой можно было просто упомянуть. Пещерное и палеолитическое искусство Сибири нельзя ограничивать только находками из Мальты, хотя Д. Виалю знает и о Бурети. Кстати, эти две стоянки соответствующие гравецкому времени, (но не культуре!), попали на карту распространения мадленских памятников (рис. 400). Но есть интересные находки из Толбаги, Усть-Ковы, Майшинской стоянки, опубликованные и во Франции.

Наскальное искусство Сибири, Средней Азии и Кавказа по-прежнему остается неизвестным западному читателю. Карта Азии представлена лишь одной Индией. Нет упоминаний ни о сокровищах Гобустана (Азербайджан), ни о наскальных панно, плотно покрывающих скальные области Средней и Северной Азии, Урала и Дальнего Востока. Лишь в одном случае говорится о наскальном искусстве Карелии (с. 111), по ссылке дана на охотничью сцену из Норвегии (рис. 105). Не менее катастрофическое положение и с библиографией. Вместо раздела Азии там присутствует раздел "Ближний Восток. Дальний Восток", где по-преимуществу представлены работы по Индии. Нет ни одной ссылки на труды А. П. Окладникова, так много сделавшего для изучения первобытного искусства Северной Азии и Монголии. Единственная работа по Северной Азии - статья Г. Кюна помещена в раздел "Палеолитическая Европа". Несметные богатства огромной территории остались неостребованными.

Чтобы не кончать на этой грустной ноте, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что монография Д. Виалю не сухое детальное описание фактов, а яркий рассказ об удивительных страницах в жизни одаренных художников и скульпторов первобытности, до сих пор радующих глаз своей глубокой эстетичностью.

НЕАНДЕРТАЛЕЦ И ЕГО ЭПОХА

Marcel Otte (ed.) Actes de colloque international de Liege (4-7 Decembre 1986): L'Homme de Neandertal 1; La Chronologie 2; L'Environnement 3; L'Anatomie 4; La Technique 5; La Pensee 6; La Subsistence 7; L'Extinction 8; La Mutation. 1226 pages. 1988. Liege.

Это восьмитомное издание - далеко не единственное, посвященное неандертальцам и иным разновидностям человека мустьерской (и до-мустьерской) эпохи. Но большое количество печатной площади позволило руководителям коллоквиума поместить рядом и небольшие заметки публикационного характера, и статьи, посвященные общим вопросам. Преобладают небольшие по объему статьи. Названия томов не отражают их содержания. Охват издания - совершенно исключительный, тут все специальности и весь спектр мнений (есть даже одна исследовательница из Грузии, и геолог из Москвы, хотя нет археологов).

Общее количество статей таково, что нет смысла даже перечислять их. Начнем с того, как выглядели проблемы, связанные с неандертальцами в 50-х годах, и что изменилось с тех пор. Как известно, тот физический тип человека, который получил название неандертальца, был распространен повсеместно, и сосуществование с ним человека иного физического типа для многих было сомнительным. Превращение самого же неандертальца в человека современного физического типа представлялось большинству маловероятным делом. С другой стороны, и исключить участие неандертальцев в формировании неантропов полностью никто не решался. Такое отношение к основной проблематике мустьерского времени было сформулировано и американскими, и отечественными антропологами. Обычно археологические материалы рассматривались как иллюстрация позиции антропологов (Рогинский, Якимов, Хауэлл). Когда существование "прогрессивных неандертальцев", а затем - прото-кроманьонцев - стало для всех признанным фактом, положение антропологов не облегчилось: на Ближнем Востоке новые формы были обнаружены рядом с неандертальцами. Трудность заключается в том, что ранние неантропы оказываются носителями тех же вариантов мустье, что и неандертальцы, а это значит, что они жили бок о бок. Для биологов же совершенно необъяснимо, как на протяжении тридцати тысяч лет "прогрессивные" формы могли существовать параллельно с неандертальцами, и не трансформировали, не вытеснили последних до самого начала верхнего палеолита? Отсюда стремление распределить две разновидности человека по двум разным континентам. Обращает внимание тот же способ аргументации, которым пользуются, чтобы отвергнуть одновременность вариантов мустье во Франции: допускается, что носители этих вариантов жили в одной пещере, но в разное время; когда одни приходили, другие -

уходили. И, соответственно, предполагается, что неандертальцы жили в Европе, но однажды зашли в Левант, а затем оттуда вышли.

В статье Э. Тринкауса: "Происхождение неандертальцев, или: почему были неандертальцы?" формулируется положение о двух путях решения вопроса, откуда взялись неандертальцы на Ближнем Востоке: 1) миграционный и 2) автохтонный вариант. С позиций физического антрополога, основываясь на морфологии, Тринкаус заключает, что гипотеза местного происхождения неандертальцев Ближнего Востока более вероятна.

Другая статья общего плана - статья Я. Козловского: "Появление верхнего палеолита". До сих пор существовало только несколько обзоров и статей о начале верхнего палеолита в той или иной части Европы. Заявив о локальном характере перехода мустье-верхний палеолит, он строит общую картину, начиная с Балкан, где рано возникает верхний палеолит (II слой Бачо Киро), отмечая отсутствие в этом слое мустьерских элементов. Это странно, поскольку, судя по иллюстрациям, мустьерских элементов там столько, что в верхнепалеолитическом характере этого памятника можно сомневаться. Я. Козловский уверен в возможности использовать данные пыльцевого метода, чтобы уточнить возраст II слоя - на такие возможности скептически смотрит Э. Тринкаус применительно к материалам пещер Леванта. Для Центральной Европы Я. Козловский считает возможным разделить палеолит на дунайскую и карпато-понтийскую зоны. В чем различия этих зон - не слишком понятно. В дунайской из мустье появляется селет, и в Румынии появляется ориньяк с листовидными формами. Индустрия типа Богунице кажется Козловскому происходящей с юго-востока, он воздерживается от оценки различий между Богунице и селетом, хотя принимает дату около 40 000 лет для этих памятников. В качестве единиц классификации у Я. Козловского далее выступают отдельные памятники (как-то: с листовидными остриями - Ранис, Ежмановице). Западная Европа предстает уже как регион, где развиваются археологические культуры (перигордьен, улуццо), наряду с ориньяком, который, как правило, поделить на археологические культуры не удастся, настолько он однороден. Как только Я. Козловский обращается к материалам Восточной Европы, речь идет опять об отдельных памятниках. Но вот он обращается к обобщению материала, и тут мы видим дихотомическое деление на памятники с листовидными формами и без таких форм. Такое деление, по Я. Козловскому, совпадает и с территориальным распределением памятников. Не подпадает под такое деление только ориньяк. Он сопоставляет такое деление и с данными антропологии, утверждая, что носители ориньяка - это всегда люди современного физического типа, а носители индустрий с листовидными остриями - это неандертальцы. Такое сопоставление пока кажется преждевременным. Я. Козловский ставит вопрос о едином центре возникновения типологии и технологии, свойственной верхнему палеолиту, но высказывается за полицентричность этого процесса, не исключая миграции с Ближнего Востока, как проникновения идей лептолитизации, проникающей в переходные индустрии с листовидными остриями. Обзор Я. Козловского интересен, разумеется, он оставляет место для размышлений и сомнений, из которых главное - методическая сторона вопроса.

Хотя основная масса неандертальцев связана с последним оледенением, некоторые скелетные остатки залегают в более ранних толжениях. Так, два черепа из Саккопасторе (недалеко от Рима) происходят из рисс-вюрмских горизонтов. Это один из немногих случаев, когда изучение возраста отложений разными методами (пыльцевой, палеонтологический, геоморфологический) вместе с определениями абсолютного возраста дало согласованный результат, хотя и тут дело не обошлось без споров. Рисс-вюрмский возраст Саккопасторе позволяет С.Кондеми ставить вопрос о постепенном нарастании специализированных неандертальских черт на протяжении

рисса, рисс-вюрма и последнего оледенения. Ее заинтересовало и отношение Саккопасторе к неандертальцам Азии (Амуд, Табун, Кебара, Шанидар и Тешик-Таш). При этом С. Кондеми делит признаки, присущие Саккопасторе на собственно неандертальские, на архаические и слабо выраженные неандертальские. К неандертальским относятся форма надбровного валика, форма затылка (с валиком). Но, в отличие от типично неандертальских, череп Саккопасторе невелик, большинство же неполно выраженных неандертальских черт связано с лицевым отделом. Таким образом, неандертальский набор признаков уже существовал в рисс-вюрмское время. Но некоторые признаки (самый яркий из них - большой объем мозга) появляются только в вюрме. Сравнение Саккопасторе с Зуттие выявило множество архаичных, а не неандертальских признаков, и эти архаичные признаки те же, что отмеченные на черепах Саккопасторе. Автор при этом исходит из представлений об однолинейном развитии неандертальцев, заключает, что Зуттие сходно с Саккопасторе только в архаичных признаках, и не видит типичных неандертальских черт в Зуттие, в отличие от Саккопасторе. Она исключает Зуттие из неандертальской линии развития.

Последнее обстоятельство очень важно: если на костных остатках из Зуттие нет наиболее типичных признаков "зрелых" неандертальцев, которые обнаружены в Саккопасторе, то можно говорить что классический неандерталец на Ближнем Востоке - пришлая фигура. Важно, конечно, и хронологическое соотношение шанидарских черепов с классическими неандертальцами. Э. Тринкауз полагает, что 1 и 5 шанидарец синхронны классическим неандертальцам, а 2 и 4 древнее, а именно соотносятся с началом последнего оледенения и, стало быть, древнейшие неандертальцы классического облика на Ближнем Востоке позднее Саккопасторе. С. Кондеми отмечает сочетание неразвитых неандертальских черт и архаичных черт, присущее, по ее заключению, и для Саккопасторе. Более поздние азиатские неандертальцы: Табун, Амуд, Шанидар 1 и 5 - составляют особую группу, сходную с классическими неандертальцами, поскольку, к тому же, пре-неандертальцы представлены только в Европе, С. Кондеми приходит к мысли, что Европа - колыбель неандертальцев. Хотя она и не говорит определенно о причинах, побудивших неандертальцев продвинуться из Европы на Ближний Восток, похолодание в начале вюрма кажется ей вполне вероятной причиной.

О. Бар-Йозеф посвятил свою работу тем же ближневосточным неандертальцам. Антропологи готовы признать, что два вида (или подвида) - люди современного физического типа и неандертальцы - на Ближнем Востоке жили чересполосно, и связаны с одними и теми же вариантами мустье, тогда как в Европе, скорее всего, были представлены только неандертальцы. По данным торий-уранового метода наиболее раннее мустье датируется на двух памятниках около 150-100 000 лет, и эта дата указывает на ранний возраст мустье типа ябруда, хотя сами эти датировки не могут не вызвать некоторых сомнений. Датировки, используемые О. Бар - Йозефом, получены разными методами, и их использование представляет новую проблему. В нескольких пещерах определение абсолютного возраста сопряжено с относительной датировкой по грызунам.

Обращает внимание иной подход к периодизации мустье исследователей Ближнего Востока сравнительно с европейским подходом. Для О. Бар-Йозефа раннее мустье - это по-прежнему ябрудский вариант, а позднее - леваллуазский, хотя в Европе было показано, что такие варианты внутри мустье развиваются параллельно. Соответственно, так же он мыслит и распределение неандертальцев: самыми ранними являются останки из Амуда, Табуна и Схула, еще раньше появляются прото-кроманьонцы из Кафзеха, и сравнительно поздно датируются остатки из Кебара (около 50-60 000 лет). Это соответствует имеющимся данным, но по опыту Европы можно думать, что с накоплением материалов положение может измениться, по крайней мере, для вариантов мустье. Пока же О. Бар-

Йозеф дает такое истолкование событий: наступление последнего оледенения сократило в Европе площадь, пригодную для обитания, ухудшило условия жизни, и неандертальцы (именно в момент ранне-вюрмского серьезного похолодания) продвинулись на Ближний Восток.

Столь обширное издание, безусловно, окажет влияние на развитие наших знаний о мустье и неандертальцах. В нескольких томах очевидно новое направление в понимании вопроса о роли неандертальцев: они и теперь представляются локальным явлением, как это думал Хауэл еще в 50 годах, но остается доказать, что новое население так или иначе проникло в Европу (скорее всего, с Ближнего Востока). Отсюда потребность в исследовании этого вопроса археологами не на уникальных черепках, а на массовом археологическом материале. Иногда предполагают даже многократное передвижение населения из Европы и обратно в Европу. Надо сказать, что пока археологический материал позволяет говорить и об единстве культуры в начале верхнего палеолита, и одновременно - выделять множество локальных выражений этого единства. Если одни археологи видят в Бачо Киро и Богунице нечто обособленное, то другие согласны поместить и то, и другое явление в рамки европейского ориньяка. Издание показывает и новые подходы американских археологов к анализу материала - прежде всего, в отношении мустье Ближнего Востока. Доскональное исследование перехода от мустье к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке (Э. Маркс) - одно из серьезных достижений современного палеолитоведения. Новые подходы в изучении огромного материала принесут свои плоды, но пока мы стоим перед загадкой неандертальцев как для территории Европы, так и Ближнего Востока.

Г. П. Григорьев

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

R. Debrosse, I. Koslowski. Hommes et climats a L'Age du Mammouth. Le Paléolithique suprieur d'Eurasie centrale. 144 pages, 41 figs. 1988. Paris: Masson.

Книга Рене Дебросса и Яноша Козловского, "адресованная студентам, исследователям и просто - любителям пренестории", принадлежит к числу лучших научно-популярных работ последних лет по проблематике верхнего палеолита. Авторы, - одни из ведущих исследователей этой эпохи, знакомые с коллекциями, хранящимися в научных учреждениях бывшего Советского Союза, смогли в предельно лаконичной форме (всего 129 страниц текста, обильно оснащенного иллюстрациями) изложить целостную концепцию развития верхнепалеолитической культуры Европы в ее тесной взаимосвязи с изменениями природной среды. Упор делается на материалы Центральной и Восточной Европы, но они рассматриваются в тесной взаимосвязи с процессами, проходившими в это время на территории Западной Европы, выявляя как общие закономерности культурогенеза, так и его отличительные особенности в разных регионах. Очень кратко затрагивается проблема европейского и азиатского верхнего палеолита (глава 9, с.125-128).

В предельно сжатом виде излагаемая концепция состоит в следующем. Хроностратиграфическое членение, в соответствии с которым ведется изложение материала, несколько отличаясь терминологически, по существу совпадает с принятой в отечественном палеолитоведении. Последняя холодная эпоха (Вюрм, Валдай) делится на три основные части: два пленигляциала (у нас, соответственно, - ранний валдай и поздний валдай), разделенные интерпленигляциалом (средний валдай, "мегаинтерстадиал"). Внутри этих периодов устанавливаются более дробные, хотя и не во всех случаях бесспорные подразделения. Начало верхнего палеолита в Европе связывается с интерпленигляциалом (у нас - средний валдай), хронологические рамки которого - 50-24 тыс. лет назад. Климат в это время был крайне неустойчив, его колебания, изменения природной среды, погребенные почвы, изучены недостаточно; здесь много спорных вопросов. В целом авторы подразделяют этот период на две основные части: 50-34 тыс. лет назад (этот отрезок особенно плохо изучен) и 34-24 тыс. лет назад. На территории Центральной Европы с первым отрезком времени связаны два типа индустрий: с двусторонними листовидными остриями ("селет", но авторы предпочитают применять этот термин к "классическому селету" Бюкских гор, листовидным индустриям Моравии и Верхней Силезии, отчасти, - к памятникам типа

Брызены I, III-й слой Прутско-Днестровского региона) и ориньякские индустрии. При этом первый тип индустрий авторы с уверенностью трактуют не как верхнепалеолитический, но как специфическую мустьерскую фацию, подвергающуюся в своем развитии процессу "лептолитизации" под воздействием ориньяка, представляющего собой первое собственно верхнепалеолитическое явление. Индустрии с листовидными острьями в технико-типологическом отношении разнообразны. Наряду с тремя вариантами селета, выделяется комплекс линкомб-ранис-ежмановицы, занимающий обширную территорию от Англии, Бельгии, Германии до Польши. Ориньяк в Центральной Европе появляется очень рано: древнее 40 тыс. лет назад (Бачо Киро, II-й слой, Ишталлошке, нижний слой, Ведровицы, Купаровици). В Западной Европе роль "селета" выполняют архаичные шательперронские индустрии, также трактуемые как мустьерская фация. Ориньяк здесь появляется позднее: около 34 тыс. лет назад. На территории Восточной Европы в это время, по мнению авторов, в основном продолжалась эволюция различных вариантов мустье; собственно верхний палеолит здесь неизвестен.

В последующий период интерпленегляциала (34 - 24 тыс. лет назад) индустрии с листовидными острьями эволюционируют в сторону усиления в них верхнепалеолитических элементов. В индустрии типа линкомб-ранис-ежмановицы увеличивается пластинчатость, возникают односторонние "протосолютрейские" типы острий. Именно эти индустрии, по мнению авторов, привели впоследствии, в процессе миграций, к возникновению в Западной Европе солютрейской культуры, а в Восточной - тельманской культуры (Костенки 8, верхний слой). В это время индустрии с листовидными острьями появляются и на территории Восточной Европы: сунгирская (костенковско-стрелецкая) культура. По мнению авторов, она проходит в своем развитии две фазы, смещаясь от Среднего Дона в бассейн Клязьмы (Сунгирь) и далее на север в бассейн Печоры (Бызовая). В это же время происходит экспансия "классического" ориньяка в Западную Европу, на территории Центральной Европы выделяются различные фации и локальные варианты ориньякских индустрий. В этих подразделениях много неясного, но, во всяком случае, разницу в проценте скребков и резцов авторы рассматривают как фациальный, а не хронологический (И. Хапп) признак. Для территории Восточной Европы ориньякские индустрии, по мнению авторов, мало характерны; здесь отмечают скорее, "эпигоны ориньяка" (Сюрень, Мураловка, Рашков), причем в более позднее время.

Пожалуй, главным событием этого периода авторы считают возникновение "граветтского феномена", с уверенностью выводимого ими из индустрий с листовидными острьями.

Последующий период - начало второго пленигляциала (24-20 тыс. лет назад) характеризуется распространением ледника, вследствие чего возникает естественный барьер между Центральной и Западной Европой (альпийский ледник). Население северо-западных областей Центральной Европы мигрирует к востоку в поисках более оптимальных условий существования, - с этим связано, в частности, возникновение на Дону тельманской культуры, - наследницы ежмановицких традиций. Ориньякские индустрии "квази-исчезают" (с. 66), а граветтские достигают своего расцвета, особенно ярко проявляющегося в генетически связанных между собой индустриях павловской и костенковско-авдеевской культур.

В последующий период (конец второго пленигляциала: 20-14 тыс. лет назад) большая часть Европейской равнины остается непригодной для обитания. В перигляциальной зоне, отличающейся стабильными, хотя и суровыми климатическими условиями, развиваются эпиграветтские культуры: в бассейне Среднего Днестра - молодовская (ее авторы рассматривают, вслед за А. П. Чернышом и Г. П. Григорьевым, как самое длительное культурное явление, развивающееся от 30 до 10 тыс. лет назад), в бассейне

Днепра и Десны - мезинская и елисейская, в районе Среднего Дона - замятинская культура. К этому же времени они относят "эпиграфеттские" индустрии степной зоны, включая Амвросиевку и Каменную Балку 1,2. На изолированной от остальной Европы западноевропейской территории в это время солотрейская культура сменяется мадленской. Авторы выделяют четыре фации мадлена, одна из которых (фация с копьёметалками) прослеживается и на территории Польши (Машыце у Кракова).

В позднеледниковье (14-10 тыс. лет назад), характеризующемся рядом сменяющихся друг друга потеплений и похолоданий при общей деградации ледника и улучшении климата быстрая реокупация оставленных ранее территорий, широкие миграции населения. Процесс этот очень сложен, имеется много противоречивых точек зрения как на его характер и закономерности, так и относительно вычленяемых культурных единиц. Авторы выделяют на обширной зоне, простирающейся от Урала до Атлантики, пять технокомплексов, прослеживают их распространение и взаимодействие, пытаются опереться в интерпретации как на культурно-генетические, так и на экологические факторы.

Широкомасштабная целостная концепция, высказанная специалистами такого высокого уровня, как Р. Дебросс и Я. Козловский, несомненно, представляет большой научный интерес. Бесспорно и то, что при чтении этой книги специалистами неизбежны споры: бесспорной, "единственно верной" концепции по столь сложным проблемам, касающимся столь отдаленного прошлого, создать невозможно. В этой связи ограничусь двумя замечаниями.

1) На мой взгляд (и это касается не только, и, может быть, не столько рецензируемой книги), следовало бы более четко, на понятийном уровне, отделять сходство, обусловленное культурно-генетическим родством, от сходства, возникающего конвергентно, в неродственных индустриях, по-видимому, вследствие ограниченности технологических возможностей человека палеолитической эпохи. При такой постановке вопроса, с одной стороны, авторы едва ли стали бы, вслед за А. П. Чернышом и В. П. Савичем, трактовать памятники Вольни (Куличивка) и Среднего Приднестровья (Молодова 5) как "фации" одного культурного явления. Да и саму молодовскую колонку (Молодова 5, слой X-I) удалось бы разделить по крайней мере, на две самостоятельных культурно-генетических единицы, особенно, при сопоставлении типологии VI-IV слоев Молодова 5 с материалами гораздо более древней стоянки Бодроккерестур. С другой стороны, ориньякондность ряда восточноевропейских индустрий (Куличивка, Радомышль, Костенки 17, II слой), если не усматривать в ней неперемного свидетельства генетического родства с "классическим ориньяком", выступает достаточно отчетливо, - гораздо отчетливее, нежели "граветтоидные элементы", которые, по моему мнению, в данных индустриях фактически отсутствуют.

2) Не могу согласиться с тем, что в Костенках древнейшие памятники датируются второй половиной средневалдайского мегантерстадиала (с. 48). Не только стратиграфические, но и палинологические данные, и радиоуглеродные даты показывают, что временем 34-24 тыс. лет датируются только памятники, залегающие в верхнем гумусе, тогда как стоянки, лежащие под линзами вулканического непла относятся именно к первой половине среднего валдая ("интерпленигляциала") и, таким образом, хронологически сопоставимы с древнейшими памятниками верхнего палеолита Центральной Европы.

Неизбежны споры и по другим, более сложным или более частным вопросам. Так, например, я не склонен рассматривать архаичные индустрии типа шательперронских и "селетских" как мустьерские фации, хотя и согласен с тем, что их "творцами", по крайней мере, на ранних этапах, были бесспорные неандертальцы. На мой взгляд, здесь уместнее термин: "индустрии переходного типа". Но, с другой стороны, я полностью

разделяю гипотезу о возникновении, по крайней мере, ряда граветтских комплексов именно из архаичных индустрий с двусторонними листовидными острями, что сравнительно недавно оспаривалось моими коллегами (Г. П. Григорьев).

К сожалению, должен указать на досадную ошибку: на рис. 12 изображены орудия из Сунгиря, а не из Костенок 6, как отмечено в подписи. В нашей работе, откуда взята эта таблица, подпись правильная.

В целом же рецензируемая книга заслуживает самого положительного отзыва не только как научно-популярная, но и как полноценная научная работа самого высокого уровня.

М. В. Аникович

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАЛЕОИН- ДЕЙСКИХ ИНДУСТРИЙ

В последние годы в советском палеолитоведении обострился интерес к проблемам, связанным с характеристикой приемов расщепления каменных орудий. Неразрешимость "проблемы леваллуа" похоже приобретает хронический характер, то же можно сказать и о принципах определения протопризматических и призматических ядрищ, равно как и о проблеме поиска наиболее универсальной классификации нуклеусов.

Анализ сложившегося положения позволяет предположить, что трудности решения подобных задач состоят не столько в сложности изучения самого археологического материала, сколько в несостоятельности примененной к нему методики изучения. Более того, если технологический по сути путь решения проблем, связанных с первичным расщеплением, не вызывает сомнений, то возможность технологического объяснения отдельных трудностей типологического анализа законченных форм орудий пока даже не общепризнана.

В такой ситуации вполне естественен интерес к путям решения подобных задач зарубежными археологами. Новые возможности в реконструкции палеотехнологий, на мой взгляд, открывает метод технологического анализа Б. А. Бредли.

В одной из своих ранних работ (Bradley 1975: 5-13) Б. А. Бредли предложил свой вариант решения одной из насущных проблем технологического анализа - методики выделения определенных стадий изготовления различных изделий путем расщепления для каждой конкретной индустрии.

С его точки зрения такие "стадии не могут быть выделены на основе только типологических характеристик" (Bradley 1975: 12).

Под "стадией расщепления" понимается "намеренная, предусмотренная технологией цель мастера". Для установления стадий расщепления необходимо иметь выборку материала, представляющего определенную индустрию, которая содержит в своем составе и готовые изделия и иные виды продуктов расщепления. После выделения законченных форм (орудий) появляется возможность разделить коллекцию на орудийный и не орудийный материал, после чего, на основе анализа неорудийного материала, выясняются определенные последовательности расщепления отдельно для каждого типа изделия, представленного в коллекции. Основой такого анализа могут служить аналогия и тщательно контролируемый эксперимент по расщеплению, с изучением и подсчетом различных типов неорудийного материала (то есть различных отходов). Результаты экспериментов сравниваются с данными анализа археологического материала, после чего появляется возможность сделать выводы о технике, методах и последовательностях расщепления в данной коллекции. Каждая установленная в археологическом материале последовательность расщепления может быть разбита на определенные стадии, а стадии, в свою очередь, на шаги изготовления.

Следующий, возможно наиболее трудной задачей является доказательство намеренности, не случайности выделенных стадий расщепления. Неорудийный материал разделяется на две категории: модифицированный и немодифицированный. Модифицированный материал, в свою очередь, разбивается на ядрищный и неядрищный.

Для определения намеренных стадий расщепления используются именно модифицированные неорудийные неядрищные категории изделий. Внутри такой категории изделий по отдельным технологическим признакам могут быть выделены морфологические группы, которые и могут быть признаны представляющими намеренные стадии расщепления, что требует дополнительного анализа контекста их нахождения, сравнения этих изделий с находками из кладов или скоплений. При обнаружении статистически значимых корреляций, можно сделать вывод, что выделенные группы представляют именно намеренные стадии, после чего их можно квалифицировать как формы, представляющие первичную модификацию, заготовки или преформы.

Для иллюстрации этих положений Б. А. Бредли сравнивает две гипотетические каменные индустрии, которые типологически очень близки. Каждая из них содержит в своем составе изделия с идентичной морфологией. Типологически место этих изделий в данных индустриях равноценно, в то время как с точки зрения технологии расщепления в одной коллекции - это заготовки для двух типов орудий, а во второй - это преформы, предназначенные для модификации только в один тип орудий. Из этого Б. А. Бредли заключает, что выделение стадий последовательности расщепления камня возможно только на основании определения контекста индустрии, технологии, типологии. Основная ценность выделения стадий расщепления состоит в том, что такой путь исследования позволяет определить специфическую направленность технологического процесса в рамках одной конкретной индустрии.

Не вдаваясь в подробности анализа изложенного мне хотелось бы подчеркнуть стремление Б. А. Бредли к поиску достоверной информации о конкретных способах изготовления определенного типа изделий в той или иной индустрии. Столь жесткая постановка задач исследования была весьма неординарна в 1975 году, и, пожалуй, остается таковой по сей день.

В более ранней работе Б. А. Бредли "Комментарии к технике расщепления по материалам стоянки Каспер" (Bradley 1974: 191-197), посвященной анализу конкретной индустрии, можно найти следы менее строгого подхода к реконструкции палеотехнологии, особенно в разделе "Предварительная модификация". Реконструкция начальных этапов производства наконечников данной индустрии проведена Б. А. Бредли скорее на основе большого опыта в расщеплении, чем на базе анализа артефактов. Зато его выводы по поводу конечных стадий изготовления самих наконечников выгодно отличаются от заключения предыдущего раздела. Выделяется стадия "первичного утоньшения и оформления бифаса", расположение негативов снятий на этой стадии не регулярно. Традиционно эту модель расположения сколов называют "бессистемной". Но, по мнению Б. А. Бредли, такой термин лишь искажает смысл процесса расщепления. Термин "бессистемное" предполагает, что преднамеренного выбора места снятия каждого отщепы не существует, что крайне редко возможно при расщеплении. Обычно снятие каждого отщепы должно быть заранее тщательно продумано" (Bradley 1974: 194). В тех случаях, когда расположение снятий не регулярно, "бессистемно", Б. А. Бредли

* Справедливости ради, необходимо ответить, что в материалах данного памятника нет представительной выборки продуктов ранних стадий производства. Данный контекст не достаточно полон для реконструкции всей последовательности расщепления.

** В американской терминологии, бифас - все, что имеет двустороннюю обработку (нож, наконечник стрелы, копьё дротика).

предлагает именовать его "избирательным немоделированным", что по смыслу близко, к термину "конкретно-ситуационное" "расщепление".

Анализ индустрии, представленной более полным технологическим контекстом, проведен Б. А. Бредли на материалах стоянки Хенсон (Вайоминг) совместно с Дж. К. Фризоном (Frison, Bradley 1980: 1-130). Для советского читателя необычна уже сама структура книги: технология расщепления камня в конкретной палеоиндейской индустрии, относящейся к фолсомскому кругу, анализируется столь же обстоятельно и на том же уровне конкретизации, что и типология орудий. Книга имеет два основных раздела: технологический, написанный Б. А. Бредли, и типологический, принадлежащий перу Дж. К. Фризона. Авторы отмечают, что технология фолсом описывалась многократно, но чаще всего это были схематические реконструкции, первичные идеальные обобщения или же рассмотрение достаточно узкого аспекта цельной технологии. "Назначение этой работы-тщательно описать различные морфологические и технологические переменные, обнаруженные нами при изучении материалов стоянки Хенсон ... Мы не полагаем, что наши наблюдения и выводы следует считать типичными для всех индустрий фолсом, или даже для всей стоянки Хенсон, материалы которой будут изучены в свое время". (Frison, Bradley 1980: 17-18). Результаты данной работы, впоследствии могут обеспечить базу для более детальных сопоставлений с иными индустриями фолсом, что позволит обнаружить локальные и региональные отличия в технологии расщепления памятников этого круга.

Особый интерес в данной работе, вызывает оригинальная технологическая типология отщепов, с обоснованием привязки каждого типа к той или иной стадии, той или иной последовательности процесса расщепления. Наличие таких сколов в коллекции наилучшим образом подтверждает или опровергает те или иные технологические связи, установленные в ходе анализа.

Технологический анализ каменных индустрий, представленный в упомянутых и других работах Б. А. Бредли (Bradley 1986; 1987; 1987a) делает основной акцент не на достижениях самого автора в искусстве расщепления камня, в чем он является признанным мастером, а на анализе конкретного археологического материала. Поиск технологически значимых форм в коллекции, восстановление технологического контекста, выделение стадий расщепления и выяснение последовательности производства тех или иных продуктов расщепления вот, что составляет суть этого подхода.

Выяснение конкретных технологий производства определенных типов изделий в конкретных индустриях, возможно, - единственный путь к решению целого ряда проблем анализа продуктов расщепления. Установленная таким образом палеотехнология может выступать в археологическом исследовании наравне с типом изделия, что весьма обогатит источниковедческую базу палеолитоведения.

Характеристика ведущих категорий и типов орудий одной индустрии с функциональной, технологической и типологической точек зрения, позволяет рассматривать типологически близкие индустрии в различных плоскостях. Именно поэтому, технология расщепления, как новый вид археологического источника, установленная на основе анализа конкретного археологического материала, а не этнографических параллелей и экспериментов по моделированию реплик древних орудий, должна стать предметом особого внимания палеолитоведов.

- Bradley, B. A., Sampson, C. G. 1986. Analysis by replication of two acheulian artefact assemblages // *Stone Age Prehistory*: 29-44. Cambridge: University Press.
- Bradley, B. A., Frison, G. C. 1987. Projectile points and specialised bifaces from the Horner site // *The Horner site of the Cody cultural complex*: 199-231. Academic Press.
- Bradley, B. A., Stanford, D. J. 1987. The Claypool Study // *The Horner site of the Cody cultural complex*. A. P.: 405-434.
- Frison, G. C., Bradley, B. A. 1980. Folsom tools and technology of the Hanson site, Wyoming. University of New Mexico Press.

Е. Ю. Гуря

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЕМЛЕ- ДЕЛИЯ

Foraging and farming. The evolution of plant exploitation David R.Harris. Gordon C. Hillman, eds. 733 p.p. London ect. 1989.

Д. Харрис - директор Лондонского Института Археологии, известный своими работами в области изучения экологических и ботанических аспектов перехода к земледелию, особенно в тропиках. Г. Хиллман - сотрудник того же института, изучающий остатки культурной и дикой флоры на памятниках Западной Азии пред- и раннеземледельской эпохи.

Свойства объекта зависят от положения наблюдателя. Эта истина, принятая уже и в точных науках, для историка аксиома. Стремясь к объективности, мы все же видим прошлое не иначе, как изнутри собственной эпохи. Напомнить об этом необходимо, оценивая нынешние тенденции в развитии первобытной археологии. Ставшая для нее характерной глобализация идей и подходов (рецензируемая книга вышла в серии "Археология единого мира", One World Archaeology) - это прямое следствие возникновения на наших глазах общемировой сети культурно-хозяйственных связей. Процессы мировой интеграции не только облегчили доступ к отдаленным уголкам планеты, но и повлияли на образ мыслей современных исследователей. Поставлен под сомнение сам принцип деления ареалов на центральные и периферийные. Показательно, что из 45 статей сборника, посвященного как бы происхождению земледелия, 4 трактуют исключительно общие вопросы, а из оставшихся 41 лишь менее трети построены на материалах территорий, традиционно изучавшихся в связи с данной проблемой (Ближний Восток - 4, Китай, Южная и Восточная Азия в целом - 2, Анды и Мезоамерика - 6). Остальные статьи посвящены менее значительным земледельческим очагам и даже областям, в которые производящая экономика заведомо проникла со стороны, иногда очень поздно (Европа вне Балкан - 3, Африка - 4, Юго-Восточная Азия - 4, Цейлон - 1, Северная Америка - 4, юг Центральной Америки и Карибский бассейн - 2, Океания - 2, Австралия и Новая Гвинея - 8). Пересказывать содержание статей в кратком обзоре нет смысла, поэтому обратим все внимание на главную теоретическую установку.

Употребленный только что оборот "как бы" не случаен. Составители сборника оспаривают идею "неолитической революции" основательнее, чем это делалось до сих пор. Речь идет уже не о дилеммах типа "революция - эволюция", "диффузия - конвергентность" и т.п., а о земледелии и собирательстве как в сущности равноценных способах освоения флористических ресурсов земли. Эта позиция отражена в заголовке: вместо "От собирательства к земледелию", что наверняка было бы раньше, "Собирательство и земледелие: эволюция использования растений". Примитивное

собираательство и настоящее земледелие оказываются разделены столь многими промежуточными ступенями (они подробно исследуются Д. Харрисом), что сама граница между двумя типами хозяйства исчезает как во времени, так и порою в пространстве.

Специфика нынешнего этапа изучения древних хозяйственных систем обусловлена не только прогрессирующей планетарной интеграцией в политике и экономике, но и угрозой столь же всемирной экологической катастрофы. В этом отношении показательна статья Ф. Шипек об использовании флоры индейцами Калифорнии. По историческим документам и данным археологии нарисована привлекательная картина общества, разумно формирующего окружающую среду на пользу себе и природе, сажающего леса, сеющего луга и страхующего себя на двадцать лет вперед от частых на границе Мексики и США колебаний климата. Иногда кажется, что речь идет об эльфах, а не о людях. Сомневаться в подлинности приводимых фактов нет оснований, но их концентрированный подбор, пожалуй, все-таки полемичен. Подобно тому, как Гарсиласо де ла Вега описывал государство Инков в назидание христианским государям, калифорнийские индейцы призваны, похоже, продемонстрировать взыскуемый сейчас хозяйственный идеал. Кстати, по мнению Г. Хиллмана (высказанному правда только в личной беседе), создание развитых, специализированных земледельческих систем следовало бы считать не успехом, а роковой ошибкой человечества. Эта позиция логично вытекает из постулатов "зеленого" движения, и опровергать ее ничуть не легче, чем доказывать необходимость использования ядерной энергии.

Не будем, однако, все объяснять конъюнктурой. 80-е годы действительно войдут в историю преобывающей археологии как время не только радикального, но и обоснованного переосмысления образа древнейших собирателей. Стало уже давно очевидным, что сохранявшиеся в лесах и пустынях бродячие коллективы не дают представления о всех доземледельческих группах, среди которых некоторые не только распорядились обильными ресурсами, но и знали способы их возобновления. Вот почему так много статей сборника посвящено Австралии, в отдельных районах которой (в частности на аллювиальной равнине близ юго-западного побережья) уход за диким ямсом и сбор его клубней велись таким образом, чтобы получить устойчивые ежегодные урожаи. Материалы раскопок дают основание думать, что подобная эксплуатация дикой флоры осуществлялась в данном районе на протяжении 30 и даже 40 тысяч лет, а свидетельства европейцев, побывавших здесь первыми, указывают на эффективность хозяйства местных аборигенов (долговременные жилища).

Австралийско-новогвинейский континент, лишь сравнительно недавно расчлененный поднявшимися водами океана, вызывает сейчас интерес не только как заповедник тех своеобразных форм использования растений, которые отличны как от земледелия, так и от собираательства в расхожем понимании горожан, выезжающих по субботам за клюквой. Поставлен вопрос о существовании здесь независимого очага возникновения производящего хозяйства в собственном смысле слова. В середине 70-х годов в горах Новой Гвинеи были обнаружены следы земляных работ давностью 9 тысяч лет. Считается, что здесь существовали довольно сложные мелиоративные сооружения, предназначавшиеся для выращивания растений (это могли быть ямс, таро или бананы). Обоснованно предполагается, что в низменностях (где раскопки пока практически невозможны) аналогичные сельскохозяйственные системы должны были возникнуть раньше, чем в горах.

Новогвинейские находки особенно интригуют потому, что в раннем голоцене остров еще составлял с Австралией единое целое. Напрашивается допущение, что предки позднейших австралийских собирателей таро и ямса (по крайней мере жившие на севере континента) могли быть знакомы с более трудоемкими и специализированными формами

использования растений, чем аборигены, описанные европейскими этнографами. Всем этим проблемам в сборнике уделено пристальное внимание.

Много новых реконструкций и предположений выдвинуто специалистами, изучающими другую область тропических лесов и саванн - Южную и Центральную Америку. Начиная с 70-х годов был сделан ряд открытий, заставляющих относить начальное распространение земледелия в этой зоне ко времени около 7 тысяч лет назад. Однако, как и на Новой Гвинее, этот процесс не повлек за собой коренных перемен в образе жизни относительно небольших и мобильных групп. Как доказывает Д. Пиперно, раннее, но ограниченное распространение земледелия во влажных тропиках могло быть вызвано острым недостатком доступных человеку углеводов в местной дикой флоре. После того, как баланс между источниками животных белков (охота, рыболовство) и углеводов установился, дальнейшая эволюция замедлилась и лишь появление несколькими тысячелетиями позже гораздо более урожайных сортов и видов растений привело к археологически хорошо заметным переменам в образе жизни.

Материалы влажной тропической зоны показывают, насколько разными путями способно было протекать развитие земледельческой культуры. Та продолжительная эпоха от включения мелкими полубродячими коллективами занятий огородничеством в свой календарный цикл до возникновения больших земледельческих поселений, которая реконструируется для Америки и для Новой Гвинеи, на Ближнем Востоке просто отсутствует. В Леванте, как доказывают и авторы сборника, оседлость предшествовала переходу к выращиванию растений. Эта несхожесть путей эволюции и культурное разнообразие регионов стали важнейшими факторами, ускорившими развитие человечества. Многие казавшиеся изолированными внеевропейские культуры являются, как теперь ясно, продуктом не только многоэтапного развития, но и дальних контактов. Так сельскохозяйственный потенциал доколумбовых цивилизаций сформировался в ходе сложнейшего панконтинентального обмена культурными видами (а, может быть, и агротехнологией), а завезенный полинезийцами из Америки батат совершенно преобразил жизнь обитателей Новой Гвинеи и обеспечил процветание маори Новой Зеландии.

Надо, однако, сказать, что в 80-е годы стали для археологов и палеоботаников временем не только переоценок, но и несбывшихся ожиданий. Почти все открытия 70-х годов, среди них и те, о которых шла выше речь, так и остались на положении вероятных гипотез. Множество косвенных свидетельств раннего окультуривания растений в тропиках не заменяют находок самих окультуренных видов, особенно макроостатков растений. В поистине хаотическом состоянии пребывает проблема происхождения кукурузы. Диапазон взглядов на генезис ее андских разновидностей, например, простирается от отрицания достоверности любых находок ранее 1 тыс. до н.э. (Р.Берд) до постулирования самостоятельного перуанского очага, несмотря на отсутствие в Южной Америке предка кукурузы теосинте (Д. Бонавия, А. Гробман). Даже на Ближнем Востоке этапы окультуривания злаков реконструируются по-прежнему скорее на основании умозаключений, чем на палеоботанических фактах.

Многие проблемы оказались технически более трудноразрешимыми, чем сперва думалось. Определение состава древней флоры по сохраняющимся в почве фитолитам помогло, конечно, двинуть вперед науку о земледелии влажных тропиков, но эта методика очень трудоемка и ко многим видам не применима. Устанавливать видовую принадлежность обугленных клубней ботаники все еще не научились. Возникли и препятствия иного рода, вызванные политическими катаклизмами 80-х годов, из-за чего многообещающие исследовательские программы предшествовавшего десятилетия пришлось полностью (Иран, Афганистан, теперь уже и Ирак) или частично (Перу, Колумбия) свернуть. Однако, немалую негативную роль играет и отсутствие

у археологов мира скоординированной стратегии, возможности сосредоточить средства на исследовании важнейших проблем. Когда в 1974 г. Х. Рейхель-Долматов провел раскопки такого памятника мирового значения, каким является Монсу на севере Колумбии (там, в частности, найдена древнейшая в Новом Свете керамика), он сумел достать средства лишь для закладки на поселении небольшой траншеи, а затем десять лет ждал издателя, который бы опубликовал материалы.

Подобное положение нормальным назвать нельзя. Первобытная археология - одна из самых интернациональных наук. Ее результаты представляют ценность для международного научного сообщества, но трудно упрекать правительства или рядовых граждан в отсутствии интереса к изучению мезолита или неолита. Следовательно, необходимы организационные структуры, которые бы помогали направить средства богатых фондов и университетов на финансирование важнейших программ в бедных странах. Возникший в 1986 г. по инициативе П. Акко "Всемирный Археологический Конгресс", под эгидой которого издается серия "Археология единого мира", мог бы частично взять на себя подобные функции.

Ю. Е. Березкин

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И АРХЕОЛОГИЯ

J. P. Mallory. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. 288 pages, 175 illustrations. 1989. London: Thames and Hudson. Reprinted 1990. First paperback edition 1991. Printed and bound in the German Democratic Republic.

В 1984 году опубликовано двухтомное исследование Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, посвященное индоевропейской проблеме (Гамкрелидзе, Иванов 1984/I-II). Отказавшись, как и во времена Н. Я. Марра, от результатов, достигнутых сравнительно-историческим языкознанием за последние 100 лет, исследователи неизбежно вернулись к выводу, господствовавшему в индоевропеистике до середины XIX века: прародина индоевропейцев находилась в Азии. Древнейшими индоевропейцами, считают они, были жители Анатолии (памятники типа Чатал-Хеюк), мигрировавшие в восточном направлении и освоившие области на северной периферии Передней Азии, к югу от Закавказья, включая преимущественно области северной Месопотамии, т.е. ареал халафской культуры (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 890-891). Хотя специалисты сразу указали на слабости и изъяны лингвистических реконструкций Гамкрелидзе и Иванова (Дьяконов 1982), некоторые археологи стали обосновывать концепцию ближневосточной прародины археологическими материалами. Так, К. Ренфрю помещает прародину индоевропейцев в Малой Азии (культура Чатал-Хеюк; Renfrew 1987). В. А. Сафронов (1989) реконструирует три ареала обитания праиндоевропейцев: раннеиндоевропейская прародина в Малой Азии (культура Чатал-Хеюка, VII-VI тыс. до н.э.), среднеиндоевропейская прародина на северных Балканах (культура Винча V - IV тыс. до н. э.), позднеиндоевропейская прародина (культура Лендзел, культура воронковидных кубков). Следует упомянуть, что критикую Гамкрелидзе и Иванова, И. М. Дьяконов указывает на Балкано-Карпатский регион, как на возможную прародину индоевропейцев (Дьяконов 1982: 24).

Монография известного американского археолога Дж. Мэллори существенно отличается от всех вышеназванных работ. Мэллори защищает традиционную точку зрения на локализацию прародины, выдвинутую в конце прошлого века немецким лингвистом О. Шрадером (Шрадер 1886), который поместил древнейшую область обитания индоевропейцев в причерноморские степи на юге России. Много позднее эту концепцию, опираясь на данные археологии, развивала М. Гимбутас (Gimbutas 1973).

Книга Мэллори состоит из введения, девяти глав, списка литературы, указателя. Работа иллюстрирована рисунками и таблицами, где отмечены источники происхождения иллюстраций.

Во введении автор указывает (с.7), что это первый столь полный обзор состояния индоевропейской проблематики, выполненный на английском языке за последние

полвека. Мэллори особо подчеркивает, что хотя он пишет книгу с точки зрения археолога (с. 8), он постоянно имеет в виду, что "индоевропейцы" - фундаментальное лингвистическое понятие. Поэтому любой археолог должен обращаться к данным сравнительной лингвистики. Дискуссия об индоевропейцах без учета лингвистических данных, пишет Мэллори, подобна статистике без использования математики (с.8).

Первая глава посвящена краткому обзору лингвистических моделей происхождения индоевропейских языков. Автор особо отмечает заслуги А. Шлейхера (с. 18), который впервые реконструировал ранние формы общего праязыка и выдвинул модель генетического древа индоевропейских языков. Здесь было бы уместным упомянуть, что в 1863 г. именно Шлейхер предложил сопоставить данные сравнительного языкознания и археологии для определения прародины индоевропейских народов. Мэллори справедливо отмечает, что модель древа не может объяснить наличие контактов между отдельными языками после распада общезыкового единства. Модель концентрических окружностей Й. Шмидта, в которой языковые новшества распространяются волнообразно, и отдельные группы народов имеют устойчивые контакты, автор критикует за то, что она не дает исторической перспективы (с. 19). Несмотря на недостатки предложенных моделей, в том числе и современных (с. 21) нельзя не согласиться с автором в основном: некогда в Евразии существовала популяция, говорившая на прото-индоевропейском языке, популяция, которую археологи и историки называют прото-индоевропейцами. Позиция Мэллори в данном вопросе логична, она показывает несостоятельность радикальных точек зрения некоторых лингвистов, которые утверждали, что индоевропейцы чисто лингвистическое понятие, которое не дает никаких оснований выносить суждения о характере народа, его культуре и расе (Пизани 1956: 182).

Во второй главе автор анализирует данные письменных источников о появлении индоевропейцев в Азии. Он отмечает, что существующие документы всегда говорят об индоевропейцах, как о пришельцах (с. 63), что исключает западную Азию из списка претендентов на прародину. Следует согласиться и со следующим выводом Мэллори: локализация прародины на Ближнем Востоке предполагает гораздо большее сходство индо-европейских языков с их неиндоевропейскими соседями и не объясняет контакты между индоевропейскими и финно-угорскими языками (с.64-66).

В третьей главе Мэллори обосновывает европейское происхождение индоевропейцев и указывает, что в III-II тыс. до н. э. они уже были распространены на территориях от Восточной Франции и Голландии на западе до Верхней Волги и Днепра на востоке; от южной Скандинавии и Балтийского моря на севере до Альп и Балкан на юге.

В четвертой главе Мэллори, используя данные палеолингвистики, реконструирует природную среду, в которой обитали древнейшие индоевропейцы и их культуру. Прото-индоевропейцы жили в лесостепи (с.117), были знакомы с производящим хозяйством (с. 120), керамикой (с. 126), лошастью и коляской (с. 127). Суммируя эти факты, исследователь приходит к выводу, что распад общезыкового единства приходится на поздний неолит или энеолит (с. 127). Здесь необходимо указать, что при всей своей заманчивости палеолингвистический метод не обладает необходимым запасом прочности, иначе проблема была бы решена еще в прошлом веке.

Археологические наблюдения убедительно доказывают, что сложение производящего хозяйства, появление керамики, domestикация лошади, создание транспортных средств, появление воинской прослойки относится к различным археологическим этапам. Доместикация лошади и изобретение повозок можно датировать III тыс. до н. э., т. е. уже после распада языкового единства индоевропейцев. Археология показывает, что все попытки реконструировать общиндоевропейский праязык (от Шлейхера до Гамкрелидзе и Иванова), приводят к реконструкции языка,

в котором смешаны культурные достижения различных хронологических этапов. Следовательно лингвистические реконструкции не имеют собственной хронологии.

Пятая глава монографии Мэллори посвящена проблеме праиндоевропейской религии, в которой автор в основном соглашается с гипотезой Ж. Дюмезиля о трехчастном делении древнеиндоевропейского общества.

В шестой главе автор обосновывает свою точку зрения о локализации прародины. Он отвергает концепции Ренфрю, Гамкрелидзе и Иванова, Сафронова, исходя из фактов ранних контактов древнейших индоевропейцев и финно-угров. Принимая его возражения необходимо добавить, что распространение земледелия в Карпато-Балканском регионе из Малой Азии связано с перенесением туда и ближневосточных приемов хозяйствования, что в конечном счете привело к появлению в этом ареале, который М. Гимбутас называет "Old Europe", земледельческих обществ, сходных с восточными социальной структурой и идеологией. Так, земледельцы юго-западной Азии и Балкан поклонялись женскому божеству, символизирующему плодородие, выступающему в различных ипостасях. Многочисленные изображения женского божества широко представлены на всех раннеземледельческих памятниках юго-западной Азии и Балкан. Древнейшие же индоевропейцы поклонялись мужским божествам (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 791-792). Это обстоятельство также препятствует локализации прародины на Ближнем Востоке и Балканах. Мэллори считает, что прародину следует поместить в район степей, простирающихся от Черного до Каспийского моря (с. 182-185).

В седьмой главе он доказывает, что древнейшей протоиндоевропейской общностью была ямная культура, хотя процесс ее формирования мог начаться и ранее (среднепалеолитическая или даже днепро-донецкая культуры; с. 221). Такая интерпретация входит в противоречие с реконструируемой по лингвистическим данным древнейшей средой обитания индо-европейцев. Ландшафтной зоной в которой жили протоиндоевропейцы, являлась лесостепь. Ямная культура распространена в степной зоне. Устранить это противоречие можно лишь признав, что посетители ямной культуры были ветвью индоевропейских народов, ветвью, которая уже покинула прародину. Но в таком случае их культура не может характеризовать культуру протоиндоевропейцев эпохи языкового единства.

Ямная культура формируется около середины III тыс. до н. э., тогда как распад единства лингвисты датируют рубежом V и IV тыс. до н. э. (Гамкрелидзе, Иванов 1984; Дьяконов 1982). Основа экономики носителей ямной культуры - крен в сторону номунизма. Протоиндоевропейская общность характеризуется по данным лингвистики обычным комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством. Перечисленные факты не позволяют рассматривать ямную или "курганную", как ее называют на Западе, культуру в качестве протоиндоевропейской общности.

В восьмой главе автор рисует картину распространения индоевропейских племен в Европе и Азии после распада языкового единства. Если проникновение носителей курганной культуры в Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ, юго-восточную Европу еще можно документировать археологическими материалами (с.223-235), то это исключается для Анатолии, Ирана, Индии, Центральной и Северной Европы. Во всех этих ареалах нет достоверных следов появления курганной культуры. Наоборот, достаточно сильное и постоянное влияние европейских культур на культуры причерноморских степей ощущается, начиная с днепро-донецкой культуры (IV тыс. до н. э.). Наиболее заметно это влияние проявляется в сфере погребальной обрядности (вытянутые скелеты, обильная засыпка могил охрой).

В девятой главе (эпилог) автор рассматривает проблему, привнесенную в индоевропеистику политической конъюнктурой XX столетия (имеется в виду миф об особой арийской расе).

С моей точки зрения, исследование Мэллори выгодно отличается от работ, в которых прародина индоевропейцев помещается на Ближнем Востоке, сбалансированным использованием лингвистических, мифологических и археологических источников. Однако отстаивание традиционной точки зрения имеет определенные границы. Нынешнее состояние археологии и лингвистики позволяет говорить, что степи юга России в энеолите были заселены лишь частью населения прежнего общиндоевропейского единства. В этой связи следует обратить внимание на раннеземледельческую культуру Центральной и Западной Европы, которая не связана своим происхождением с Малой Азией и Балканами. Наоборот, она формируется преимущественно на местных центральноевропейских традициях. Это культура линейно-ленточной керамики, которая не дает изображений женских божеств. Очевидно в этой культурной среде следует локализовать прародину индоевропейцев. Ареал культуры линейно-ленточной керамики захватывает часть территории между Балканами и Карпатами, где предполагается индоевропейская прародина по И. М. Дьяконову.

В завершение необходимо добавить, что археология должна определить свою сферу исследований в индоевропеистике. Она заключается в детальном изучении процесса происхождения и смен археологических культур в Европе, начиная с неолита вплоть до фиксации в письменных источниках отдельных индоевропейских народов.

ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, В. В. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы I-II Тбилиси: Тбилисский Государственный Университет.

ДЬЯКОНОВ, И. М. 1982. О прародине носителей индоевропейских диалектов II. 3. Прародина и миграция // Вестник древней истории 4: 11-25.

ПИЗАНИ, В. 1956. Общее и индоевропейское языкознание // Общее и индоевропейское языкознание: 83-199. Москва: Иностранная литература.

САФРОНОВ, В. А. 1989. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство.

ШРАДЕР, О. 1886. Сравнительное языкознание и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индогерманских древностей. С.-Петербург: Министерство народного просвещения.

GIMBUTAS, M. 1973. The Beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500-2500 B. C. // The Journal of Indo-European Studies 1: 163-214.

RENFREW, C. 1987. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. London.

В. А. Алекшин

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ПАМЯТНИКИ

Paul C. Rissman and Y. M. Chitalwala. Harappan Civilization and Oriyo Timbo. 155 pages, 55 figures, 31 tables. 1990. Oxford and IBN Publishing co. Pvt. LTD. New Delhi, Bombay, Calcutta and American Institute of Indian Studies.

Современное развитие археологической науки в мире характеризуется двумя основными тенденциями: международным сотрудничеством ученых различных стран и усилением междисциплинарного комплексного подхода к изучению древнейшего прошлого человечества. В нашей стране выражением этих тенденций являются совместные работы петербургских и английских археологов, специалистов разных специальностей, предпринятые для комплексного исследования неолитического поселения Джейтун причом, результаты первых двух лет которого уже опубликованы (Массон, Харрис, 1991: 12-14). Аналогичные примеры наблюдаются и в других странах. Так, в Индии опубликован полевой отчет о раскопках поселения Орайо Тимбо, проведенных международной экспедицией, возглавлявшейся с индийской стороны М. Х. Равалом (директор департамента археологии Гуджарата, г. Ахмедабад), а с американской - Дж. Л. Посселом (профессор Пеннсильванского университета, г. Филадельфия). Авторы предисловия и введения М. Х. Равал и Дж. Л. Поссел. Основная часть монографии написана археологом У. М. Читавалая, палеозоологом П. С. Рисеманом, археологом Д. П. Мехта, палеоботаником Г. Е. Вагнером, химиком К. Т. М Хейджом.

Книга состоит из 9 компактных глав, 2 приложений и библиографии. Первая глава рисует природную среду той части штата Гуджарат, где расположено поселение Орайо Тимбо (район Бхавнагар, округ Гаджара (Сваминараин). Оно было открыто в 1971 г. и отнесено к памятникам хараппской культуры (IA 1975: 8-9). В 1981-1982 гг. новые работы дали интересные результаты: на поселении был обнаружен мезолитический комплекс, лежащий в основании холма и отделенный стерильной прослойкой от отложений последующего периода культуры блестящей красной керамики. К сожалению, попытки исследователей восстановить природную среду первобытной эпохи пока опираются на данные из соседнего Раджастхана. Метод флотации (Глава 8. Растительные остатки) позволил установить лишь наличие в Орайо трав, относящихся к группе "просо". Они включали разновидности Panicum, Setaria и Eleusine - растений известных из более ранних хараппских комплексов в Рожди, демонстрируя важную общность в использовании этих злаков. Ни пшеница, ни ячмень не были обнаружены в Орайо Тимбо, что косвенно подтверждает данные остеологических наблюдений о том, что это поселение не заселялось в холодные зимние месяцы. Данные же Раджастхана

свидетельствуют, что относительно влажная фаза в III тыс. до н. э. сменяется более засушливым периодом во II тыс. до н. э. (Singh et al. 1974). Другие данные - древесный уголь из Лотхала (Ramesh Rao and Lal 1985) и Рангпура (Ghosh and Lal 1963) предполагают флору, ассоциирующуюся с тропическим колючковым лесом, который доминирует в этих местах и сегодня. Поэтому, полагают ученые, ландшафт вокруг Орайо Тимбо во II тыс. до н. э. представлял собой отдельные группы древесных и кустарниковых зарослей, обрамленные луговой растительностью (Possehl 1980: 32).

Во второй главе описывается стратиграфия памятника, прослеженная в трех раскопах: центральном, восточном и западном. Поселение имело толщу культурного слоя не более 1,5 м и занимало площадь в 4 га. Наиболее полная информация была получена в западном раскопе (200 кв. м). Всего выявлено 6 слоев. Самый нижний представлял собой продукт выветривания скального грунта (анализы его даны в приложении I К. Т. М. Хейджом). Слой 5 (мощностью около 0,3 м) содержал микролитический комплекс с малым количеством костей и керамики. Слой 4 (0,1-0,2 м) состоял из двух частей: нижней (б), содержащей редкие находки, проникшие сверху, и верхней части (а), которая являлась древней дневной поверхностью, заселенной в постхарапское время. Для этого слоя характерно наличие очагов, большого количества микролитов, оббитых каменных орудий, мелких поделок, керамики и костей животных. Еще более насыщен находками слой 3 (мощность 0,6 м), который вместе со слоем 4 был основным слоем обитания на поселении. В слое 3 найдена блестящая красная керамика типа Рангпура III.

В третьей главе содержится описание строительных остатков постхарапского комплекса. На уровне 4 и 3 слоев были расчищены обожженные пятна древней дневной поверхности, с которыми связаны два типа очагов. Первый - округлой формы наподобие подковы (30x35 см) имел невысокие (8 см) стенки, и устье шириной 12 см, открытое на юго-запад. Два других очага имели форму чашеобразной ямы с обмазанными глиной сторонами. Меньший очаг (диаметр - 40 см снаружи и 25 см внутри) был углублен на 16 см, тогда как больший (80x25 см) - на глубину 25 см. Оба они содержали внутри кусочки углей и обожженной глины и были впущены в слой 4, тогда как округлый очаг первого типа располагался на поверхности этого слоя. Рядом с маленьким округлым очагом была расчищена прямоугольная (35x25 см) оградка, стены которой (толщина и высота - 5 см) обмазаны глиной. Судя по рисунку - это третий тип очага, хорошо известный как в Индостане, так и в Туркменистане с энеолита до эпохи поздней бронзы (Щетенко, 1979: 154). Около очагов выявлены отпечатки копыт крупного рогатого скота. Характер культурного слоя вполне определенно свидетельствует о временном характере поселения.

Четвертая глава посвящена классификации керамики, которая опирается на разработки индийских археологов для областей Западной Индии. Выделено 8 основных типов сосудов, среди которых преобладала красная керамика, составившая более 70 % всех стратифицированных венчиков и блестящая красная керамика - около 20 %. Важность блестящей красной керамики определяется еще и тем, что этот тип посуды увязывает весь археологический комплекс со стратиграфической колонкой Рангпура III (Rao 1963). Всего 8% приходится на 6 остальных типов посуды: грубой выделки красную, черно-красную, серую; две последние представлены и более качественными по выделке разновидностями, тогда как желтая (buff) встречена в единичных экземплярах.

Формы разделены на две категории: с узким горлом (кувшины и сосуды для хранения) и с широким горлом (чаши, блюда, блюда на подставке, миски). Корреляция типов и форм керамики представлена на таблицах 1 и 2. Ведущая роль принадлежит кувшинам для хранения с высоким горлом и утолщенным наружу венчиком (49 % всей коллекции), имеющие хорошие аналогии в материалах Рангпур III (Rao 1963: fig. 37-II, 12). Кувшины, ангобированные внутри и снаружи, очень редко украшены: расписные горизонтальные

ленты или резной узор. Вторая наиболее популярная форма чаши (21 %). Венчики гладкие, ангоб внутри и снаружи, иногда роспись: параллельные горизонтальные и вертикальные прямые и волнистые линии, заштрихованные ромбы. Третья форма - блюдо с утолщенным венчиком и выступающим наружу, также хорошо известны в Рангпуре III (Raо 1963: fig. 38-34в, 36 с).

Найдено 10 керамических кружков иногда с отверстием в центре (светильники?) и 17 фрагментов с графитти (соляные знаки, схематические ветки, кресты).

Небольшая коллекция мелких поделок описана в главе 6. Это: 3 фрагмента статуэток животных (быка?) и ряд круглых либо цилиндрических бус в основном из необожженной глины и по одной из раковины, пасты и яшмы - набор характерный для многих поселений Западной Индии постхараппского времени.

В пятой главе дается подробная характеристика каменной индустрии Орайо. Выявлено два источника сырья: первый находился в 10 км к северо-востоку от поселения в окрестностях дер. Лакханка. Здесь добывались прекрасные мелкозернистые породы кремнистого сланца, кремня, яшмы. Второй - дававший кремнистые породы базальтовых деканских лав - располагался вокруг Орайо. Эти местонахождения использовались в оба периода. Наличие корки на желваках кремня и заготовки нуклеусов говорят о том, что сырье доставлялось на поселение и здесь окончательно обрабатывалось. Отмечено также, что количество пластин уменьшается при переходе от периода к периоду. Это очень интересное наблюдение, так как в большинстве поселений Западной и Центральной Индии пластинчатая индустрия, наоборот, достигает своего расцвета в постхараппское время (Шетенко 1968: 50). Характерен и состав каменной индустрии на самом представительном западном раскопе. Из 2493 артефактов отщепы составляли 1378, нуклеусы - 143, пластины - 376 и сегменты - 4. Таким образом, не только пластинчатая индустрия, но и геометрические микролиты не были характерны для обитателей Орайо.

Седьмая глава знакомит с богатой коллекцией фаунистических остатков. Из общего числа 14992 костей лишь незначительное число фрагментов относилось к I периоду. Основная масса характеризует фауну пост-хараппского периода. Кости крупного рогатого скота (в основном бык) составляли 75-85 % во всех раскопах, овца/коза - 10-25%, свиньи - не более 7 %. Категория диких животных коза (газель), антилопа, заяц, были представлены единичными находками. Встречены панцири черепах и кости рыб. Скотоводческий характер занятия населения Орайо не вызывает сомнения. Еще более удивительные результаты были получены П. Риссманом при новом подходе к изучению палеозоологических коллекций (Rissman 1986). Его метод включает исследование ряда биологических явлений, которые прослеживаются на костях животных (зубные потертости, сношенность эпифизов, годовые круги на зубах), которые позволяют ему предположить возраст забиваемого животного, также как и сезон, когда его забивают. Так, в Орайо, полагает Риссман, большинство крупного рогатого скота, овец и коз забивалось в период от марта до июля, то есть до наступления муссона. И это объяснимо, ибо во время муссона могло ожидать напряжение в снабжении питанием населения поселка. Вероятно, также было значительное число отбракованных животных к тому времени, когда они достигали зрелого возраста. Фаунистические остатки принадлежат, главным образом, половозрастным особям и в то же время очень мало костей молодняка.

В девятой главе ("Хронология и заключение") на основании сопоставлений некоторых форм керамики, особенно блестящей красной керамики, с аналогичной посудой Рангпура III постхараппский комплекс Орайо датируется II тыс. до н. э. Впервые корректировка дат Рангпура была предложена мной в 1968 г. (Шетенко 1968: 90), а затем поддержана и другими исследователями (Possehl 1980: 44). К сожалению, радиоуглеродные датировки из Орайо не согласуются с нашими датами: калиброванные даты для

постхарапского слоя относят его существование к началу III тыс. до н. э. Однако авторы отчета предпочитают оставить дату - середина II тыс. до н. э.

Суммируя данные полевого отчета, авторы приходят к выводу, что Орайо не был обычным оседлым поселением земледельцев или скотоводов. Гуджарат в течение тысячелетия был занят значительным числом пастушеских и полупастушеских племен, основу экономики которых составляло разведение крупного рогатого скота и, отчасти, овец и коз. Эти пастухи были вынуждены мигрировать в течение всего или некоторой части года по двум главным причинам: поиск пастбищ и экономических условий реализации продуктов скотоводства. Изучение этнографических материалов и схем расселения древних поселений дало возможность Посселу (Possehl 1979) предположить, что внутри ареала харапской цивилизации должны существовать и временные стойбища пастухов. Раскопки в Орайо-Тимбо это блестяще подтвердили. Уникальный памятник, раскопанный с применением скрупулезной полевой методики, давшей разнообразный материал, в свою очередь подвергшийся тщательному лабораторному исследованию, является ярким примером сотрудничества ученых разных специальностей и примером международного сотрудничества. Остается пожелать, чтобы и в дальнейшем это сотрудничество американских и индийских археологов продолжалось.

- Массон, В. М., Харрис, Д. 1991. Палеоэкология и палеоэкономика неолитического Джейтуна (мультидисциплинарные исследования советско-английской экспедиции // Древние культуры и изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 26-28 ноября 1991 г.: 12-14. С.-Петербург.
- Щетенко, А. Я. 1968. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Ленинград.
- 1979. Первообытный Индостан. Ленинград.
- Ghosh, S. S., Lal, K. R. 1963. Plant remains from Rangpur // *Ancient India* 18-19: 161-177.
- IA 1975 - *Indian Archaeology 1971-72. A Review*: 8-10. New Delhi.
- Possehl, G. L. 1979. Pastoral nomadism in the Indus Civilization: an hypothesis // *South Asian Archaeology 1977*. M. Taddei (ed.): 537-551. Naples.
- 1980. *Indus Civilization in Saurashtra*. Delhi.
- Ramesh, Rao K. and K. Lal 1985. Plant remains from Lothal // *Lothal: A Harappan Port Town 2*. S. R. Rao (ed.): 667-684. Delhi.
- Rao, S. R. 1963. Excavations at Rangpur and other explorations in Gujarat // *Ancient India* 18-19: 5-207.
- Rissman, P. C. 1986. Seasonal aspects of man/cattle interaction in Bronze Age Western India // *Journal of Ethnobiology* 6 (20): 257-277.
- Singh, G., Joshi, R. D., Chopra, S. K. and Singh, A. B. 1974. Late quaternary history of vegetation and climate of the Rajasthan Desert, India // *Philosophical Transactions. Royal Society of London (series B)* 267 (289): 467-501.

А. Я. Щетенко

НА ПОРОГЕ ГОСУ- ДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Wilson D. J. Prehistoric settlement patterns in the Lower Santa valley, Peru. A regional perspective on the origins and development of complex North Coast society. 590 pages, 280 figures, 18 plates. 1988. Washington, London: Smithsonian Institution Press.

В 1946 г. группа американских специалистов во главе с Г. Уилли обследовала древние памятники долины Виру - одного из трех десятков оазисов перуанского побережья. Почти отказавшись от раскопок, археологи сосредоточили усилия на внешнем обследовании поселений и могильников, их датировке по подъемному материалу, на составлении максимально полной археологической карты. В прибрежном Перу, где большинство памятников однокультурны, густой растительный покров отсутствует, а климатические условия благоприятны для сохранения архитектурных остатков, подобный метод себя оправдал. Наиболее уязвимый момент в процедуре такого исследования - зависимость датировок от точности выделения типов глиняной посуды. Ошибки в классификации керамики отражаются на тенденциях распределения памятников во времени, хотя именно поэтому - если нарушения исторически труднообъяснимы - могут быть позже выявлены и исправлены.

Работы в Виру послужили примером для американских исследований в других центрах становления древних цивилизаций, особенно в Мексике. Однако в самом Перу подобная методика использовалась лишь ограниченно. Положение изменилось после того, как в 1979-1980 гг. Д. Уилсон (Мичиганский университет) в течение 12 месяцев обследовал долину реки Санта, точнее ее нижнюю, орошающую побережье, часть, расположенную в 400 км на север от Лимы и в 40-60 км южнее Виру. Полевому сезону предшествовали три года подготовительных работ, еще четыре ушло на обработку и анализ полученных данных. За 12 месяцев Уилсон выявил и обследовал 1020 памятников (в Виру, где работал десяток специалистов, эта цифра достигла лишь 315), собрал колоссальные коллекции подъемного материала, определил ареалы распространения и периоды бытования почти 200 типов керамики. Все это стало возможным лишь с применением современных технических средств. Объем рецензии недостаточен даже для беглого обзора приведенных в книге Уилсона новых сведений по археологии Санты. Остановимся поэтому только на результатах, имеющих общетеоретический интерес.

Не так давно некоторые постулаты программы Виру были подвергнуты критике. И. Шимада, один из ведущих американских археологов-перуанистов, указал на неправомерность экстраполяции полученных по материалам одной долины выводов на всю центральноандскую область (Shimada 1977). Уилсон учел это замечание, предпослав своей монографии подзаголовок "Происхождение и развитие комплексных обществ на Северном побережье в региональной перспективе", причем термин "региональный"

означает в данном случае "местный, провинциальный". Санта действительно никогда не находилась в самом фокусе становления цивилизаций и государств типа тех, которые изучал в 500 км севернее И. Шимада. В этой долине располагались не столицы, а резиденции наместников. Однако именно взгляд из провинции позволил раскрыть важнейшие особенности политического развития в древнем Перу. В этом Уилсон следует за специалистами по эпохе инков, перенесших с конца 60-х годов акцент на изучение провинциальных поселений Тауантинсуйю.

Уилсону удалось разделить памятники Санты на 8 хронологических групп. Для периода Лас-Салинас (докерамическая эпоха) материалы бедны, а для II тыс. до н. э. то ли вообще отсутствуют, то ли плохо отчленимы от более поздних. В любом случае данные Уилсона доказывают, что населенность и уровень культурного развития обитателей отдельных оазисов побережья в конце III - II тыс. до н. э. резко различались. Если в долине к югу от Санты в это время возникло общество предгосударственного уровня, то в Санте и в Виру ничего подобного не было, хотя еще дальше к северу в долине Моче памятники монументальной архитектуры II тыс. до н. э. появляются вновь. Причины подобной неравномерности пока непонятны, ибо распределение потенциально доступных пищевых ресурсов во всех этих районах было приблизительно одинаковым.

Таким образом, археология позволяет реконструировать ход развития культуры в долине Санта, начиная с I тыс. до н. э. Демографические и политические процессы этого времени обусловлены успехами в развитии орошаемого земледелия. Как и повсюду на побережье Перу, каналы стали сперва прокладывать в верховьях долины, где выводить их из реки легче. Поэтому еще и в первых веках нашей эры в верховьях оставалась сосредоточена главная масса населения, хотя там располагалась лишь 1/20 часть пригодных к обработке земель.

Анализируя расположение поселений по отношению к сельскохозяйственным землям, сравнивая размеры поселений и их групп (кластеров), размещение укрепленных центров, жилищ и сооружений отдельных типов, накладывая на все эти данные карты распространения типов керамики, Уилсон реконструирует главные тенденции в развитии оазиса примерно до 400 г. н. э., когда число его обитателей возросло от приблизительно 6 тыс. чел. в начале-середине I тыс. до н. э. до 30 тысяч. Он доказывает, что отношения между обитателями долины все это время были мирными, однако сохранялась военная угроза извне, главным образом с юга, где видимо, жили люди, не родственные в этническом отношении обитателям Санты. Племенной уровень организации допустимо предполагать только для докерамической эпохи. С начала I тыс. до н. э. в Санте уже существуют вождества, что в частности доказывается наличием как монументальной архитектуры, так и двух-трехступенчатой иерархией поселений. После рубежа нашей эры организация усложняется, но жесткой централизации не происходит. Видимо, был достигнут уровень сложного вождества, т. е. системы, в которой общий центр уже выделился, но все еще не командует, а исполняет посредническую роль во взаимоотношениях общин и мелких вождеств. Этноисторические материалы XVI - XVII веков позволяют конкретнее представить принципы управления в предгосударственных обществах в Андах как многоярусные системы, в которых каждый уровень включал две асимметричные половины, в свою очередь дуально организованные. Уилсон продемонстрировал, что подобные слабо централизованные сообщества были способны осуществлять крупные совместные проекты (прокладка магистральных каналов, возведение мощных крепостей), весьма ограничивая в то же время себя в расходовании ресурсов на престижные цели. Даже в период Позднего Сучимансильо (примерно III - IV века н. э.) монументальная архитектура Санты по перуанским масштабам скромна (пирамиды со стороной 20-40 м, менее 15 м высотой), нет четкой корреляции между храмовыми центрами, расположением жилищ элиты и местами наибольшего скопления

рядового населения, а находки относящихся к этому времени изделий из драгоценных металлов (что свидетельствовало бы о накоплении сокровищ) не известны.

Резкая перемена в истории Санты произошла около 400 г. н.э., когда сюда вторглись с севера создатели культуры мочика. Это вторжение сопровождалось сокращением общей численности населения с 30 до 22 тыс., переселением большинства оставшихся людей из традиционных мест обитания в районы ближе к устью реки, массивным освоением в низовьях целинных земель, оставлением укреплений по краю долины и возведением вместо этого монументальных зданий и пирамид в пределах обжитой территории. В отличие от прежних крепостей, эти новые центры не имели обводных стен и рвов, но их платформы почти двадцатиметровой высоты могли при нужде использоваться для отражения осады. Монументальные стилобаты расположены рядом со зданиями элитарного характера, а на кирпичках кладки, по крайней мере в одном случае, обнаружены знаки. Ранее в ходе раскопок в столице мочика в Моче была доказана связь такого рода знаков с практикой ротационной мобилизации крестьян-общинников на государственные работы (Березкин 1983: 124-125).

Показателен проведенный Уилсоном анализ распределения типов керамики. Общее количество типов падает с 28 в Позднем Случимансильо до 10 в период мочикской оккупации, а их распределение по долине меняется от сложного клиновидного (что отражает переплетение горизонтальных хозяйственных связей между общинами) к однообразному равномерному с единственным средоточием всех вариантов в Пампаде-лос-Инкас, где мочика построили свой административный центр. Часть керамических типов прямо повторяет образцы, характерные для долины Моче.

С полным основанием Уилсон делает вывод о вооруженном вторжении мочика, осуществленном решительно и жестоко. Правда, росписи на сосудах, которые он приводит в подтверждение своих мыслей, вряд ли воспроизводят реальные битвы и столкновения. Скорее это могут быть мифологические сцены и изображения ритуальных сражений (Березкин 1990: 229-230). Однако рисунки подвергаемых пыткам пленников или же ягуаров, слизывающих кровь с отрубленных конечностей и голов, в любом случае дают представление о нравах создателей первого централизованного государства Южной Америки. Надо сказать, что и сапотеки Монте-Альбана, претендующие на честь создания древнейшего мезоамериканского государства, действовали не более гуманно, если судить, например, по находке остатков специальной деревянной конструкции с насаженными на перекладины рядами человеческих черепов (Spencer 1982: 237-239).

Вся совокупность фактов свидетельствует о том, что мочика установили над населением долины Санта прямой военно-административный контроль, длившийся 100-200 лет, а это предполагает наличие на северном побережье Перу такой политической организации, которую обозначают термином "государство". К подобному выводу можно было прийти уже после обследования долины Виру, однако там мочикское вторжение хотя и было опознаваемо археологически, не привело к столь же беспощадному подавлению местной культуры - быть может, потому, что местные обитатели сопротивлялись менее ожесточенно. Поэтому два десятилетия назад еще удавалось отстаивать тезис о принадлежности мочикского объединения в категории вожеств (Schaedel 1972), и лишь Уилсон положил, надо думать, конец дискуссии.

В начале второй половины I тыс. н. э. государство мочика (вернее его ранний вариант со столицей в Моче) перестало существовать. Причина кризиса и возможная роль природных (эль-ниньо, тектоническая активность) и политических факторов (гипотетическое столкновение с государством, возникшем в горном Перу) несколько десятилетий служат предметами спора. Исследование Уилсона позволяет посмотреть на проблему под новым углом зрения. Массовое, несомненно насильственное, перемещение

земледельческого населения Санты (частью, возможно, и за пределы долины), освоение целины, искоренение местных традиций в ремесле и домостроительстве - все это находит параллели в социально-экономической организации инков, заставляя полагать, что под прямым контролем властей оказались люди, занятые не только в престижной сфере (монументальное строительство, изготовление предметов роскоши), но частью и в производстве продуктов жизнеобеспечения, нужных для покрытия потребностей самих же работников. С другой стороны, размеры мочикских пирамид в Виру, Непенье и Санте, не говоря о столице в Моче, а также недавние открытия богатейших гробниц представителей провинциальной мочикской знати в Сипан в долине Ламбайеке (National Geographic 1988 174/4: 510-553; 1990 177/6: 2-43) показывают, сколь велики были средства, направлявшиеся для удовлетворения запросов правящей элиты и необходимые для поддержания ее власти. Система, овладевающая все новыми ресурсами лишь для того, чтобы их расточительно израсходовать, не может не потерпеть скорый крах.

Период, последовавший за уходом мочика из Санты и из соседних с ней долин получил в хронологии Уилсона обозначение Раннее Тангуче. Его подробная характеристика - крупный шаг в изучении истории древнего Перу. Несмотря на то, что в третьей четверти I тыс. н. э. в южных долинах северного побережья распространяются своеобразный художественный стиль и вполне определенные типы парадной керамики, формы архитектуры, погребений, соответствующая культура все еще не получила общепринятого наименования. Она как бы выпадает до сих пор из сознания перуанистов, хотя по своему значению стоит в одном ряду с такими широко известными культурами как мочика, наска, чиму и чанкай. Эту "безымянную" культуру я (отчасти вслед за Р. Карьон Качот) предпочитаю именовать касма; В. А. Башилов назвал ее томавал, перенеся термин с памятников соответствующего периода долины Виру (Башилов 1972: 124-125), Л. Г. Лумбрерас - санга, а Д. Уилсон именует "черно-бело-красной" по характерной росписи на керамике. На севере граница между ней и поздней мочика пролегла, сдвигаясь, между долинами Моче и Пакасмайю; на юге ее территория простиралась до долины Уармей включительно. Первым, кто высказал мысль о соответствии культуры касма особому государственному образованию, был, по-видимому, перуанский археолог Л. Г. Лумбрерас (Lumbregas 1974: 151), но лишь теперь, в свете работ Уилсона, эта идея получает конкретные подтверждения.

Центр культуры касма все исследователи единодушно помещают в одноименную долину к югу от Санты и многие связывают с находящимся там огромным городищем Эль-Пургаторио. Можно предположить, что государство Касма образовалось в результате свержения мочикского господства местным населением при поддержке извне (Касма мочика не подчинялась). Возникнув в эпоху давно сложившихся, санкционированных государственной властью идеологических систем и художественных стилей, культура касма разработала собственную иконографию на основе смешения черт, свойственных мочика, уари и отчасти горной культуре рекуай.

Касма - государство второго поколения и в некоторых отношениях больше напоминает политические объединения в горной области Анд (уари и даже инков), а не своего предшественника на побережье. Прекращается возведение гигантских стилобатов из сырцового кирпича, сам облик которых скорее всего ассоциировался с ненавистным мочикским владычеством. Население Санты (как и соседних долин) быстро растет и снова достигает (с небольшим превышением) домочикского уровня. Происходит возвращение к старым архитектурным традициям (жилища на каменных основаниях), забрасываются освоенные при мочика поля, часть населения вновь возвращается на прежние места вверх по долине. Вместе с тем система централизованного государственного контроля сохраняется. Число типов керамики (15) по-прежнему много меньше, чем в Позднем Сучимансильо и распределены они

равномерно по всей долине (из этого Уилсон делает вывод о том, что гончары продолжали работать в государственных мастерских). Не забыты и программы общественных работ, связанные с мобилизацией тысяч людей, перемещением населения и обеспечением работников за счет центральной власти.

Создатели государства Касма в первый и единственный раз в истории древнего Перу (но не последний, конечно, в истории централизованных политических систем) попытались вступить в противоборство не только с соседями, но и с природой, заселив пустыню между Сантой и маленькой долиной Чао к северу от нее. Оказавшиеся здесь 5-6 тысяч человек были призваны обслуживать проложенные через пустыню дороги. Воду и продовольствие им приходилось доставлять за 20-30 км. Кроме того, в пустыне и по гребням гор были построены стены общей длиной около 75 км, для чего потребовалось уложить 207 тысяч куб. м камня и глины. В силу своей конструкции и расположения, стены эти бесполезны для обороны и имели, скорее какое-то символическое значение. В период Раннего Тангуче на берегу океана появляется группа деревушек, в которых жили рыбаки и собиратели раковин. Эти поселения скорее всего также были организованы в порядке осуществления какой-то государственной программы.

Государство Касма распалось также быстро, как и мочикское, хотя его крах не был столь драматичен. В Позднем Тангуче (на рубеже I и II тыс. н. з.) Санта, видимо, продолжала входить вместе с двумя соседними долинами в меньшее по размерам объединение.

Последние века доиспанской истории Санты отмечены печатью упадка. Население сократилось до 12-10 тысяч и стабилизировалось на этом уровне, а после прихода испанцев быстро исчезло. Долина недолго входила в состав государства Чимор, бывшего географическим и отчасти культурным наследником мочика, а затем инков, но эти завоевания, особенно инкское, почти не оставили следов. В начале нашего тысячелетия на вершинах холмов вновь появились крепости, но в гораздо меньшем числе, чем до нашествия мочика. Распространенность одних и тех же типов керамики по всей долине указывает на то, что некоторые основы централизованной организации сохранились.

Хотя Санта осталась "на обочине прогресса" и ее обитатели почти не участвовали в драматических событиях XIII - XVI веков, условия жизни в долине никогда не были, видимо, столь благоприятны, как в этот поздний период. Жителей мало привлекали к общественным работам; они владели большими участками земли, что избавляло от необходимости выращивать на одних и тех же полях два-три урожая в год. В прединкский и предиспанский периоды население сократилось и в ряде других оазисов побережья. Как объяснить это явление - пока не ясно. Трудно отрешиться от мысли, что оно связано с возникновением общей для всего региона Центральных и Южных Анд политической и хозяйственной системы, центры которой располагались не на побережье, а в горах, особенно на юге области. Однако непонятно, каким мог быть конкретный механизм, обеспечивавший постоянно низкую, втрое-четверо меньше потенциально возможной, плотность населения.

Работа Уилсона много дает для реконструкции условий и обстоятельств формирования и развития древнейших государств. Важны хотя бы демографические оценки. 30 тысяч жителей Санты в период Позднего Сучимансильо - это слишком мало для спонтанного превращения сложного вожества в государство (порог находится где-то между 50 и 100 тыс. человек на территории радиусом менее 30 км). В больших долинах к северу от Моче сельскохозяйственный и демографический потенциал был выше, и вряд ли случайно, что древнейшее государство побережья (мочика) возникло именно там.

Книга Уилсона помогает по-новому оценить и сам факт возникновения первичных государств того типа, который связан в нашем представлении с древней Америкой

и древним Востоком. Конечно, это был скачок в развитии, отмеченный впечатляющими внешними проявлениями в области монументальной архитектуры, художественного ремесла и т.п. Однако за этим скачком последовал долгий застой, ознаменованный быстрым распадом и новым возникновением однотипных политических систем с централизованной, командной системой управления. В Андах империя инков, территориально в десятки раз более обширная, чем мочикское государство, была основана все на том же принципе насильственной мобилизации населения на общественные работы. В системах подобного рода развитие не только духовной культуры, но и технологии совершается медленно. Вряд ли случайно, что все революционные технологические открытия в древнем Перу были сделаны либо в догосударственный период, либо в промежутке между гибелью одной цивилизации и возникновением новой (это касается, например, освоения выплавки меди из сернистых руд вслед за исчезновением позднемочикского государства).

С другой стороны, нельзя преуменьшать возможности догосударственных обществ в освоении природных ресурсов. Вопреки старой идее К. Виттфогеля, деспотическая власть не являлась предпосылкой создания крупных оросительных систем. Вообще же настало время уделить больше внимания изучению тех форм политической организации, которые, оставаясь на уровне регулятора, а не командного центра, обеспечивали вместе с тем функционирование сложных хозяйственных организмов. В Южной Америке это прежде всего вождества эквадорского побережья, процветание которых обеспечивала дальняя морская торговля. На Среднем Востоке в подобную категорию скорее всего попадают некоторые протогорода эпохи бронзы, в которых получили развитие ремесло и, видимо, тоже торговля, но военная активность, монументальное строительство и накопление сокровищ были сведены к минимуму. Оценивать достижения древних обществ по одной лишь высоте пирамид явно несправедливо.

БАШИЛОВ, В. А. 1972. Древние цивилизации Перу и Боливии. Москва.

БЕРЕЗКИН, Ю. Е. 1983. Мочика. Ленинград

1990. Социальная структура цивилизации мочика и ее отражение в иконографии // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки: 223-248. Москва.

LUMBRERAS, L. G. 1974. Los Origenes de la civilización en el Perú. Lima.

SCHAEDEL, R. P. 1972. The city and the origins of the state in America // 43 Congreso Internacional de Americanistas. Actas y Memorias 2: 15-33.

SHIMADA, I. 1977. Impact and after-effects of the Virú valley project // Paper presented at the 76-th Annual Meeting of the American Anthropological Association. Mimeographed.

SPENCER, C. S. 1982. The Cuicatlán Canals and Monte Albán. A study of primary state formation. New York etc.

Ю. Е. Березкин

ПОЕДИНКИ ВСАДНИКОВ В НАСКАЛЬНЫХ РЕЛЬЕФАХ ПАРФЯН И САСАНИД.

Gall. H. von. Das Reiterkampf bild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sassanidischer Zeit. Berlin, 1990. 113 S., 12 Abb.; 24 Taf. (Tehraner Forschungen. Bd. VI).

Рецензируемая книга известного немецкого специалиста по древнему искусству Ближнего Востока Хуберта фон Галла посвящена парфянским и сасанидским памятникам искусства, прежде всего, наскальным рельефам, на которых изображены поединки всадников. Эта иконографическая тема, отчасти уже рассматривавшаяся такими выдающимися авторитетами, как Э. Херцфельд, М. И. Ростовцев, Р. Гиршман и Л. Ванденберг, впервые стала предметом специального монографического исследования. Книга состоит из введения, трех глав, дополнительного экскурса, списка библиографических сокращений, указателей встречающихся в тексте имен, географических названий, археологических объектов, специальных терминов, сцен и символов и снабжена фотоиллюстрациями, а также штриховыми прорисовками и реконструкциями.

В первой главе (А) речь идет о собственно памятниках искусства, причем по каждому из них автор приводит полную библиографическую справку, историю его изучения, детальное описание и излагает свои наблюдения по толкованию данного монумента, его иконографическим и стилистическим особенностям, датировке и т. д. В первой части главы последовательно рассматриваются наскальные рельефы с батальными сценами, происходящие с территории Ирана: сначала парфянского времени - рельефы Готарза Геопотра в Бисутуне и правителя Элимаиды в Танг-и Сарвак (Монумент III), затем сасанидской эпохи - знаменитый рельеф в Танг-и Аб близ Фирузабада, прославляющий победу основателя империи Сасанидов Ардашира I над последним аршакидским царем Ардаваном V в битве при Хормиздагане (224 г.), изображения конных дуэлей в Накш-и Рустам (рельефы Нрм 3, 5 и 7), малоизвестный рельеф в Рее близ Тегерана и, наконец, конная скульптура из Большого айвана в Так-и Бостан. Следует отметить, что для некоторых из этих памятников Х. фон Галл предлагает иные, по сравнению с традиционными, атрибуции и даты. Так, двойной рельеф Нрм 7 он, в отличие от Э. Шмидта, который помещает его во времена Бахрама II и Бахрама III (последняя четверть III в.) (Schmidt 1970: 130-131), относит к эпохе Бахрама IV (388-399); рельеф Нрм 3 он датирует первой половиной V в., тогда как тот же Э. Шмидт (там же : 136-137), полагал, что в качестве победителя на нем изображен, возможно, Шапур II (309-379).

Конную скульптуру в Так-и Бостан автор монографии, вслед за К. Эрдманном, приписывает шаханшаху Перозу (459-484), а не Хосрову II (590-628), согласно мнению Э. Херцфельда и других исследователей. Эти выводы Х. фон Галл обосновывает наблюдениями за предметами экипировки изображенных персонажей - их коронами, шлемами, панцирями и др., а также элементами конского снаряжения, время бытования которых устанавливается им на основе привлечения уже датированных (правда, следует признать, что с большей или меньшей степенью надежности) аналогий.

Во второй части главы А рассматриваются батальные конные сцены на памятниках искусства, происходящих из соседних с Ираном территорий. Это скульптурный фриз I в. н. э. с панцирным пикейщиком-катафрактарием и легковооруженными стрелками из дворца в Халчаяне (Северная Бактрия), а также настенные росписи (примерно середины III в.н.э.) из крепости Дура-Европос на Ефрате - "Битва Збенезера" из синагоги и сцена преследования персидскими всадниками римских из т. н. "Дома с фресками".

Третья часть главы А посвящена анализу изображения на камее из собрания Национальной библиотеки в Париже, на которой показана сцена пленения конным сасанидским шаханшахом римского императора, также сидящего верхом. Обычно считается, что здесь изображены Шапур I и Валериан, а сама камея символизирует победу сасанидской армии над римлянами в 260 г., в результате которой римский император Валериан попал в плен к персам. Однако, автор монографии, основываясь на изучении как деталей парадно-боевого облачения сасанидского царя, так и данных позднеантичных письменных источников, предлагает видеть в персонажах на парижской камее Шапура II и римского императора Иовиана; по его мнению, изображение на ней отражает заключительную фазу персидского похода Юлиана Отступника (363 г.), когда после гибели последнего его преемником был провозглашен Иовиан, который был вынужден прекратить войну и увести римские войска из Месопотамии.

Во второй главе (В) рассматриваются археологические и исторические аспекты сцен поединков всадников на парфянских и сасанидских монументах. В первой ее части на широком археологическом фоне, с привлечением многих аналогий с территории евразийского материка, исследуются доспехи, представленные на этих изображениях: панцири разного броневоего покрова для самих воинов и их скакунов - чешуйчатые, ламеллярные, кольчужные, т. н. "шинного" или сегментного типа, а также шлемы. Затем автор обращается к истории древнеиранских бронированных всадников, начиная ее с известий ранней античной нарративной традиции о тяжелом защитном вооружении массагетских всадников. Попутно он касается истории античной панцирной кавалерии вообще, уделяя при этом внимание не только иранским, но также селевкидским, сарматским, римским и др. тяжеловооруженным конникам, называемым в греко-латинских источниках катафрактариями и клибанариями.

В третьей части главы В речь идет о художественных предшественниках и специфических особенностях парфяно-сасанидских изображений конных дуэлей. В качестве первых называются произведения греческого искусства периода ахеменидского господства из Ликии, а именно рельефы из Ксанфоса и Тлоса, на которых уже в сложившемся виде предстает тема двух сражающихся друг с другом всадников; наличие близкой к ней схемы противостоящих конников отмечается автором в декоре золотых ножен акинака из Амударьинского клада и серебряного ритона из скифского кургана Карагодеуашх. Далее Х. фон Галл останавливается на анализе таких характерных для иранских боевых сцен мотивах, как "летающий конский галоп" и "падение всадника", рассматривая их с привлечением аналогий широкого территориального и хронологического диапазона.

Третья, заключительная глава монографии (С) посвящена вопросам непрерывности и идейного содержания исследуемого иконографического сюжета. В первой ее части,

наряду с выяснением формальных связей парфянских и сасанидских памятников с батальными сценами в искусстве Ликии, Скифии и Боспора сарматского времени, предлагается также типология иранских боевых рельефов на примере сасанидских монументов из Накш-и Рустам. Они разделяются автором на две композиционные схемы - условно "схему бегства" и "схему конфронтации". К первой он относит рельеф Хормизада II (Нрм 5), восходящий, по его мнению, к более ранним сценам на рельефе в Фирузабаде и стенописи из "Дома с фресками" в Дура-Европос: на нем шаханшах повергает наземь своего врага и его коня в тот момент, когда тот пытался спастись бегством. Ко второй схеме принадлежат рельефы Нрм 7 и 3, на которых победоносные всадники поражают своих противников, сражаясь с ними лицом к лицу, т. е. на встречном движении.

В этой же главе Х. фон Галл, вслед за Э. Херцфельдом, приходит к выводу, что мотив единоборства двух всадников сасанидского времени - ничто иное, как передача в сжатом виде финалов исторических и военных событий.

В конце главы С и в следующем за ней специальном экскурсе проводится сравнение триумфальных рельефов Шапура I в Дарабе, Бишапуре (Биш I-III) Накш-и Рустам (Нрм б), высеченных в честь грандиозных успехов этого шаха в войнах против Римской империи, с победными римскими и ранневизантийскими монументами - колоннами Траяна и Марка Аврелия в Риме и колоннами Феодосия и Аркадия в Константинополе. Отмечается их значительное сходство, в первую очередь, в общем композиционном решении - на тех и на других представлено большое число действующих персонажей; обращают на себя внимание также некоторые детали изображений на сасанидских рельефах - в частности, характерные для римской иконографии жесты Шапура. На основании этих наблюдений автор делает заключение, что при Шапуре имела место попытка заменить тему поединка двух всадников как триумфального символа в официальном искусстве Ирана на многофигурную композицию чисто римского типа, однако уже при ближайших преемниках Шапура первоначальный вариант конного единоборства вновь занял свое прежнее место.

Оценивая работу Х. фон Галла в целом, отметим, что это очень важное исследование по искусству и военному делу парфянского и сасанидского Ирана, базирующееся на превосходном знании не только иконографических, но и археологических и письменных источников. Наблюдения и выводы автора оригинальны и интересны, хотя надо признать, что далеко не все они представляются бесспорными. Это относится, например, к атрибуциям рельефов Нрм 3 и 7, камеи из Национальной библиотеки в Париже и скульптурного изображения бронированного всадника из Так-и Бостан. Трудно согласиться и с предлагаемой типологией сасанидских боевых рельефов. Дело в том, что к т. н. "схеме бегства" здесь можно отнести только фреску из Дура-Европос, тогда как рельефы Нрм 5 и в Танг-и Аб (Фирузабаде) явно принадлежат к "схеме конфронтации": поверженные всадники на них пробиты пиками главных персонажей спереди, а не сзади, как это следовало бы ожидать в том случае, если бы они действительно спасались бегством; то же обстоятельство, что их кони как бы следуют в своем падении в одном направлении с победителями, можно объяснить, скорее всего, тем, что скульпторы, изобразившие их в столь вычурном "полете", хотели таким образом подчеркнуть всепокрушающую мощь удара своих царственных заказчиков, повергающую наземь не только седоков, но и их скакунов.

Следует сказать, что Х. фон Галл использовал не все имеющиеся на сегодняшний день изобразительные материалы по проблеме. Вне поля его зрения оказались фрагменты парфянских настенных росписей с батальными сценами из Старой Нисы (Пилипко 1988). Очевидно, также неизвестными остаются для него и сцены поединков на золотой пластине из Гермесова кургана - памятнике скифской торевтики IV в. до н. э. (Артамонов

1966: табл. 188; Горелик 1971) и на серебряном сосуде из сарматского погребения рубежа н. э. у с. Косики в Астраханской обл. (Дворниченко, Плахов, Федоров-Давыдов 1985: 35; Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: 8, 10, рис. 5). Справедливости ради надо отметить, что находки из Старой Нисы и Косики были обнаружены сравнительно недавно (в 1984 г.) и до сих пор полностью не изданы, за исключением кратких предварительных сообщений в советских изданиях, которые малодоступны для зарубежных исследователей, прежде всего из-за языкового барьера.

Происхождение иконографического мотива всадника, сбивающего длинной пикой своего противника с коня (или поражающим неприятеля, который в этот момент продолжает оставаться в седле, - как на рельефах Нрм 7 и 3), вряд ли правомерно возводить к памятникам только греческого искусства, в частности, из Ликийи. Если это и справедливо, то, как кажется, лишь в отношении некоторых иконографических и стилистических приемов передачи изображений на парфянских и сасанидских монументах, тогда как сама идея явно происходит из кочевого скифо-сако-сарматского мира. На это определенно указывают как происходящие оттуда памятники изобразительного искусства (золотая пластина из Гермесова кургана и сосуд из погребения близ Косики), так и сообщения о поединках героев из эпоса среднеазиатских помадов, частично дошедшего до нас в "Шахнаме" Фирдоуси. Вовсе не случайно рассматриваемая иконографическая тема появилась в искусстве Ирана именно в парфянскую эпоху - ее явно принесли сюда родоначальники Парфянского государства Аршакидов, парны из скифской конфедерации даев (дахов) - выходцы из кочевых и полукочевых ираноязычных племен, обитавших в степном ареале к северу от земледельческих областей Средней Азии (Никоноров 1990).

Впрочем, высказанные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств рецензируемого труда, представляющего собой несомненное достижение в области изучения культуры парфяно-сасанидского Ирана.

- АРТАМОНОВ, М. И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Ленинград.
- ГОРЕЛИК, М. В. 1971. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику изобразительного искусства - золотой пластинке из Гермесова кургана // Советская археология 3: 236-245.
- ДВОРНИЧЕНКО, В., ПЛАХОВ, В., ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, Г. А. 1985. Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь 3: 33-38.
- ДВОРНИЧЕНКО, В. В., ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, Г. А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья: 5-13. Москва.
- НИКОНОРОВ, В. П. 1990. К истории одного иконографического сюжета в парфянском и раннесасанидском официальном искусстве // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Тезисы докладов: 170-172. Душанбе.
- ПИЛИПКО, В. Н. 1988. Нисийские всадники. О находках сюжетной росписи в Старой Нисе // Наука в СССР: 1 50-55.
- SCHMIDT, E. F. 1970. Persepolis III: The Royal Tombs and other Monuments. Chicago.

В. П. Никоноров

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

J. L. Huot, M. Yon, Y. Calvet (eds.). De l'Indus aux Balkans. Recueil a la memoire de Jean Deshayes. 478 pages. 1985. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Смерть Жана Дейе в 1979 г. совпала с началом мрачной эпохи в истории Среднего Востока. На фоне бурных событий в Иране и Афганистане, а затем и в Ираке, прекращение обещающих столь много археологических изысканий в этих странах не привлекло внимание. Исторической науке, однако, со времени Второй мировой войны еще ни разу не наносился столь тяжелый урон. Остается утешаться тем, что отсутствие новых полевых материалов позволило лучше осмыслить накопленное, а кончина Дейе объединила его коллег в создании сборника, посвященного памяти ученого.

Материалы рецензируемой книги в основном соответствуют кругу интересов Ж. Дейе: археология первобытных и древних обществ от Белуджистана до Балкан. Здесь собраны как заметки по частным вопросам, так и концептуальные статьи.

По мнению К. Ламберг-Карловского, между серединой IV и серединой II тыс. до н. э. в рамках древневосточной цивилизации идет процесс формирования и распада все более крупных трансрегиональных структур (см. также Ламберг-Карловский 1986: 166-171; Lamberg-Karlovsky 1982: 61-68; 1986: 189-219). Первый раз такое происходит в позднем Уруке (около 3300 г. до н. э.), когда в Сузах, Годин-тепе (в иранском Загросе) и в северной Сирии (Хабуба Кабира) появляются южномесопотамские колонии, через 100-200 лет прекращающие существование. В Сузах на смену раннешумерской приходит прото-эламская культура и около 2900 г. начинается новый цикл событий. Теперь воздействие прото-эламской цивилизации обнаруживается на поселениях запада и юга Ирана: в Тали-Малиане (период банеш), Сялке IV, Яхья IV-С. Влияние Суз на периферию продолжается столь же недолго, как и урукское и тоже отражено в распространении доселе не встречавшихся признаков административного управления: табличек с письменностью, цилиндрических печатей, стандартных сосудов, видимо, служивших мерами емкости сыпучих тел. О конкретных причинах появления удаленных на сотни километров от метрополии центров пока остается гадать, тем более, что конфигурацию урукской и прото-эламской зон влияния рано считать установленными. Показательна в этом смысле вошедшая в сборник статья П. Амье, доказывающего разнокультурность двух горизонтов, относимых в Сялке к периоду IV. Если верхний действительно связан

с прото-эламским воздействием, то нижний - с урукским, шедшим, как полагает Амье, через посредство шумерского центра в Сузах.

Обнаруженные им урукско-прото-эламские параллели определили стремление К. Ламберг-Карловского рассмотреть под тем же углом зрения весь период ранней древности. 2400 г. до н. э. (эта точная дата, естественно, условна и на практике означает вторую половину III тыс. до н. э.) - апогей развития земледельческих культур между Тигром и Индом в эпоху бронзы. Распространение каменных сосудов с изображениями позволяет американскому исследователю предполагать (вслед за Ф. Колом, Kohl 1978; 1979) становление широкой месопотамо-иранской религиозно-идеологической общности при неслияемости входящих в нее археологических культур. В этот период завязываются связи Месопотамии с Индией, где автономное развитие отдельных протогородских центров неожиданно прервано появлением в Пенджабе и Синде однородной харапской цивилизации. В сферу влияния древневосточных государств втянут Оман, превращающийся в основного поставщика меди в Двуречье. В ряду подобных событий К. Ламберг-Карловский описывает и экспансию культуры Намазга V/VI из южной Туркмении в Бактрию-Маргиану и к границам Индии. В этом последнем случае нарисованная картина более гипотетична, чем в остальных. Памятники данного круга нельзя рассматривать вне более западных аналогий (Горган и Гиссар III). Сомнительно сопоставление намазгинского общества с шумерским или протоэламским ввиду отсутствия в нем признаков раннегосударственной организации. Требуется уточнения отнесение белуджистанских древностей к типу "Намазга V / VI", ибо не ясно, какие конкретно вещи из южного могильника Мергара похожи на изделия именно Намазга V, а не VI. В целом же синхронизация памятников столь приблизительна, а разницей в абсолютной оценке их возраста столь велика (до 500 лет), что под вопросом остается сама возможность создания сейчас для индо-иранского пограничья в эпоху развитой и поздней бронзы однозначной модели развития.

Конец III тыс. американский исследователь описывает как период наивысшего напряжения интегрирующих сил, вобравших в себя множество факторов (рост населения, развитие ремесленного и сельскохозяйственного производства, усложнение социальной организации, торговая экспансия). Далее наступает перенапряжение и разрыв связей. К 1600 г. протогородские поселения исчезают практически повсюду восточнее Загроса, цивилизация долины Инда постепенно сходит с исторической арены, наступает упадок культуры в Омани, на Бахрейне, да и в самой южной Месопотамии. Ведя дискуссию на высоком культурологическом уровне, Ламберг-Карловский избегает прямо ставить вопрос о причинах упадка, но в других работах американских и западноевропейских археологов прекращение торговли предметами роскоши (лазурит, каменные сосуды) обычно выносятся в таких случаях на первый план. С нашей точки зрения, распределение престижных ценностей являлось механизмом поддержания иерархических структур и регулирования взаимоотношений с соседями, но культурный и хозяйственный потенциал отдельных обществ зависел, главным образом, от успехов сельскохозяйственного производства. Разрыв трансрегиональных связей, чем бы он ни был вызван, сам по себе не мог поэтому привести к той повсеместной рурализации, которая охватила Западную и Южную Азию во II тыс. до н. э. Ее наиболее вероятная причина, почему-то не принимаемая в расчет специалистами, посвятившими свои статьи памяти Ж. Дейе, - приходящееся на данный период иссушение климата, подтвержденное и палеоклиматическими исследованиями в Средней Азии (Виноградов 1981: 23-38; Долуханов 1985). Аридизация имела катастрофические последствия для тех областей, где водные ресурсы были невелики и в предшествующую эпоху уже освоены полностью, так что уменьшение количества осадков влекло за собой немедленное сокращение посевных площадей, а значит и экономический, демографический и социальный кризис

(для Ближнего Востока подобная модель детально разработана для Палестины, Shay 1986). Предположительное распространение на Среднем Востоке индоевропейцев, начиная где-то с 2000 г., могло быть прямым следствием нарушения экологического баланса, частичной хозяйственной переориентации с земледелия на скотоводство.

Из авторов сборника к подобной идее с наибольшим вниманием отнесся бы скорее всего Т. К. Янг, чья статья посвящена старой проблеме иранской археологии: отношению к индоевропейцам серой керамики Горгана и Тепе-Гиссара. Когда-то Янг, так же как и Ж. Дёйе, видел здесь связь, но затем решительно изменил позицию: рассматривать этногенетические проблемы путем изучения одной лишь керамики методически неправомерно. Соглашаясь в основном с И. Н. Медведской, Янг полагает, что относящиеся к первой половине II тыс. до н. э. следы индоевропейцев ускользают от нас, а определенная генетическая преемственность западноиранских комплексов ЖВ-I от более восточных памятников эпохи бронзы, вероятно, отражает движение каких-то местных племен. Канадский археолог подчеркивает, что гипотеза принадлежности серой керамики Горгана и Тепе-Гиссара иранцам или индо-ариям ведет к предположению о северо-востоке Ирана как об индо-европейской прародине. Нет необходимости говорить, какие трудности археологического и лингвистического порядка надо преодолеть, чтобы защитить такой тезис.

Горгано-гиссарской проблематике посвящены в сборнике еще две статьи. Р. Дайсон рассматривает эволюцию и преемственность керамических комплексов Гиссара на протяжении всей стратиграфической колонки. То же делает и Ж. Д. Форэ на более разнообразных материалах, однако его размышления о происхождении культуры Горгана оказались бы более основательными, если бы автор учитывал результаты раскопок И. Н. и Л. И. Хлопиных в сумбарской долине.

Ж. Ф. Жарриж выступает в сборнике со статьей, основанной на материалах Мергара. Рассматривая ряд технологических достижений, связанных с использованием медных орудий и принципа вращения, он доказывает, что именно Белуджистан был центром распространения подобных новшеств в окружающем регионе и что Хараппа не обязана соответствующими элементами своей культуры импульсам из Месопотамии. Однако ситуацию IV - III тыс. до н. э. руководитель раскопок в Мергаре готов перенести и на VII - VI тыс., тем самым близко подходя к мысли о существовании достаточно самостоятельного очага "неолитической революции" в индо-иранском пограничье. Наотрез отвергать подобную возможность нельзя. Это явствует хотя бы из включенной в сборник статьи М. Л. Инизан, доказывающей, что отжимная техника скалывания пластин связана на Ближнем и Среднем Востоке с распространением жатвенных орудий, древнейшие же ее образцы как будто обнаружены на севере Афганистана. Однако, проводимое Жаррижем хронологическое сопоставление Мергара и Джейтуна в решении данной проблемы не служит пока аргументом. Ведь в определении возраста джейтунской культуры французский исследователь принимает консервативные оценки советских археологов (VI тыс. до н. э.), сам же смело относит следы первых земледельцев Белуджистана к VII тыс., хотя радиоуглеродные определения допускают более позднюю дату. Отсутствие в Мергаре I керамики пока равно объяснимо как большей, по сравнению с южнотуркменскими памятниками, древностью, так и периферийным положением Белуджистана по отношению к западным центрам. Гипотеза о западных корнях раннеземледельческой культуры Среднего Востока и долины Инда все еще сохраняет силу, удревнилась лишь датировка соответствующего процесса.

Среди месопотамских статей сборника наибольшее внимание привлекает сообщение И. Кальве об исследовании раннеубейдских памятников на юге Двуречья. Недавние раскопки на Уэйли (рядом с древней Ларсой) выявили сырцовые постройки и керамику, более ранние, чем найденные до сих пор в Эриду, причем материк не был достигнут.

Ясно, что любые суждения о времени освоения земледельцами (а ранее - рыбаками?) аллювиальной равнины Евфрата и Тигра невыходят пока за рамки предположений, а реконструкция процесса становления производящего хозяйства и комплекса оседлости на Ближнем Востоке остается неполной.

Французской экспедицией в южной Месопотамии в начале 1980-х годов были получены материалы и по более поздним периодам. Любопытна статья Ж. Л. Гюо и К. Маршаль, в которой исследуется распространенная в раннем уруке техника сооружения стен из гипса с шамотом, облицованных мозаикой из каменных конусов. Керамические плитки с отверстиями, назначение которых оставалось загадкой, предназначались, как теперь выяснено, для скрепления слоев "цемента", без чего отягощенная наружу секция обвалилась бы. Поскольку плитки неоднократно находили в подъемном материале, мозаичное оформление стен шумерских поселений IV тыс. до н. э., не было, очевидно, редкостью.

Статья Ж. М. Денцера, Ф. Вильнева и Т. Бьянки касается не столько частного вопроса сохранения в Сирии в эллинистическую эпоху древневосточных градостроительных традиций, как можно было бы судить по ее названию, сколько существа самих этих традиций. Развивая идеи Ю. Шмидта и обогащая их собственными археологическими и этнографическими наблюдениями, авторы доказывают, что с самого формирования комплекса оседлости и до Средневековья, если не до наших дней, деревни и города Ближнего Востока возникали и развивались по одной схеме. Почти бессистемно рассредоточенная на большой территории группа из нескольких жилищ сперва превращалась в занимающий по периметру ту же площадь, но более плотно застроенный поселок, а затем в сплошной массив домов и дворики, рассеченный лишь узкими извилистыми проходами. Поскольку потомки того или иного родоначальника ставили свои жилища на остающейся свободной земле, некогда закрепленной за первопредком, размеры незастроенного пространства и площадь помещений от поколения к поколению сокращались, улицы образовывались стихийно из междудомий, а участки, все еще не занятые строениями, являлись собственностью отдельных групп, общин, но не обитателей поселения в целом и использовались скорее для хозяйственных нужд, чем для церемоний и ритуалов. Центральная власть несколько ограничивала нерегулярность системы, внося в нее базовые планировочные элементы (главная улица, свободное пространство вокруг храма, дворца или вдоль городских стен), но внутри кварталов планировка всегда оставалась хаотической.

Выявленные французскими исследователями закономерности не только позволяют лучше понять наблюдаемую динамику развития крупных поселений в отдельных ареалах передне- и среднеазиатской культурной зоны (в частности на юге Туркмении), но и характеризует саму эту зону как целое. В других областях земного шара известны традиции, в которых поселение четко ограниченное по периметру обычно геометрично (например, имеет форму кольца), а если планировка стихийна, то плотность застройки понижается от центра к окраинам, так что граница поселка определяется лишь весьма приблизительно. Хотя умеренная зона Евразии вряд ли может быть резко противопоставлена более южным районам, планировочная традиция здесь все же не совпадала с ближневосточной. В этом смысле допустимо искать северные истоки некоторых черт, отличающих архитектуру древней Бактрии и сопредельных областей, чьи монументальные памятники рассматривает В. И. Сариниди.

Советский археолог выделяет два типа объектов, один из которых представлен геометрически правильными в плане комплексами в виде круга или квадрата (Дашлы - 3, Алтын - 10, Кутлуг, Ат-Чапар). С этой группой сближается хорезмийская Кой-Крылган-Кала. Строения другого типа в плане не столь велики и геометричны, но поставлены на высокий кирпичный стилобат. На севере Афганистана с подобной традицией связан

Тилля-тепе, в Систане - Нади-Али, в Маргиане - Яз-депе, на юге Узбекистана, вероятно, Кучук-тепе. В переднеазиатском контексте огромные симметричные комплексы типа Дашлы-3 свидетельствовали бы скорее всего о значительной роли центральной власти в проектировании и организации работ, но для бактрийского общества II тыс. до н. э. такое объяснение маловероятно. Геометризация структуры поселения легче объяснима здесь наложением на местную архитектурную традицию чужеродных (степных ?) форм сопоставления освоенного пространства с макрокосмом (в древневосточной традиции моделями мира служат отдельные постройки или различные мелкие объекты).

Попутно В. И. Сариниди касается вопроса об облике монументального сооружения периода Намазга V на Алтын-депе. Здесь следует заметить, что сохранившееся основание свидетельствует лишь о массивности сооружения и о наличии ступеней (Массон 1981: 57-62, 80, рис. 17, 18). Как именно выглядела верхняя часть, можно было бы судить лишь по какой-нибудь глиняной модели, по поскольку ни на Алтын-депе, ни на Тюренг-тепе, где Ж. Дейе тоже обнаружил "высокую террасу", таковых нет, спорить, в сущности, не о чем.

Статья А. П. Франкфора "Фортификация и общество в доисторической Центральной Азии" основана во многом на тех же источниках, которые использует В. И. Сариниди, но памятники в ней группируются не типологически, а по периодам. Автор приходит к заключению, что основные черты оборонительной архитектуры железного века восходят к эпохе бронзы. Появление в I тыс. до н. э. высоких стилобатов тоже нельзя признать новшеством, если вспомнить о Тилля-тепе II тыс. до н. э. Из текста не ясно, насколько А. П. Франкфор принимает во внимание разницу между бактрийско-маргианскими крепостями и Алтын-депе, где стены, вероятно, не столько препятствовали нападению, сколько укрепляли склон холма и символически очерчивали край поселения. В любом случае материалы Намазга V было бы уместнее рассматривать отдельно от данных по периоду поздней бронзы.

Э.Хэришк и Б. Оверлэт тоже как бы затрагивают вопросы военного дела обитателей Ирана и Афганистана во II-I тыс. до н. э., поскольку речь идет об оружии. Правда, оружие это миниатюрное, непригодное к боевому использованию. Статья интересна обширной подборкой материала, но назначение изделий все же остается невыясненным.

Исследования В. И. Сариниди и А. П. Франкфора образуют логичный переход от первобытной тематики к завершающим сборник статьям Д. Стронаха и Р. Бушарла по ахеменидской и парфяно-сасанидской культовой архитектуре, между которыми, правда, вклинивается небольшая работа Ж. К. Гардена. В ней он доказывает, что типы керамики, распространявшейся в восточном Средиземноморье, уже буквально через несколько лет воспроизводились гончарами Греко-Бактрии.

По тематике и составу участников, сборник памяти Ж. Дейе вписывается в серию, представленную несколькими выпусками "Археологии Южной Азии" или же изданиями типа "Рубежей Индской цивилизации". Хотя он и смежен географически на запад, основная проблематика все же связана с Ираном и, отчасти, Месопотамией, в то время как балкано-анатолийская, да, пожалуй, и сиро-палестинская части не обеспечены работами, которые бы раскрывали существенные особенности исторического процесса на данных территориях. Большинство небольших статей и заметок по западной тематике посвящено введению в оборот конкретных материалов (керамика и архитектура поселения Дикили-Таш в Македонии, группа медно-бронзовых орудий с Крита, случайные находки по раннебронзовому веку Малой Азии, глазурованная керамика периода поздней бронзы из Сирии и с Кипра, некоторые типы левантйской керамики I тыс. до н. э., сирийская архитектурная модель II тыс. до н. э.). Две статьи касаются иконографии. П. С. Де Жесю анализирует скульптуру и росписи Чатал-Хеюка, но выделение мужских и женских символов и указание на верхнепалеолитические истоки

подобного дуализма вряд ли дают сейчас что-то принципиально новое для понимания духовного мира древних анатолийцев. Интереснее сопоставление изображений на стелах и других предметах культа из Угарита (XIV-XIII вв. до н. э.). М. Йон удалось здесь выделить серию фигур царя, выступающего в качестве жреца Ваала.

В двух небольших статьях О. Оранш и Т. Берту и С. Клезну размышляют о статусе и методических проблемах соответственно этноархеологии и лабораторных исследований древнего металла. Подготовленный в Париже сборник был бы неполон, не войди в него заметка о бронзах римской Галлии, выполненных в восточном стиле, и эссе на тему "Восток в элегиях Проперция".

- ВИНОГРАДОВ, А. В. 1981. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского Междуречья. Москва.
- ДОЛУХАНОВ, П. М. 1985. Аридная зона Старого Света в позднем плейстоцене и голоцене // Известия Всесоюзного географического общества 117 (1): 16-23.
- ЛАМБЕРГ-КАРЛОВСКИЙ, К. К. 1986. Контуры древнейшей истории Иранского плато // Древние цивилизации Востока: 166-171. Ташкент
- МАССОН, В. М. 1981. Алтын-лепе. Ленинград
- КОНЛ, Р. Л. 1978. The first world economy: External relations and trade in West and Central Asia in the third millennium BC // Mesopotamien und seine Nachbarn I: 23-31. Berlin.
- 1979. The "world economy" of West Asia in the third millenium BC // South Asian archaeology I (1977): 55-85.
- LAMBERG-KARLOVSKY, C. C. 1982. Sumer, Elam and the Indus: Three urban processes equal one structure ? // Harappan civilization: A contemporary perspective: 61-68. Warminster.
- 1986. Third millennium structure and process: From the Euphrates to the Indus and the Oxus to the Indian Ocean // Oriens antiquus 25 (3/4): 189-219.
- SHAY, T. 1986. A cycle of development and decline in the early phases of civilization in Palestine: An analysis of the Intermediate Bronze period (2200-2000 BC) // Comparative Studies in the Development of Complex Societies 2: 1-10. Southampton, London.

Ю. Е. Березкин

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КЕЛЬТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

B. Raftery (ed.). Celtic art. Unesco collection of representative works: Art album series. 171 p., 205 ill. (103 in color). 1990. Unesco-Flammarion.

Авторский коллектив во главе с Барри Рафтери предложил читателям великолепно изданную книгу-альбом по древнему и позднеантичному кельтскому искусству. Книга состоит из 6 глав, введения, заключения и приложений (карта находок, хронологическая таблица, словарь терминов, библиография, индекс, список хранителей фотографий).

Цель книги (с. 8), по видимому, видится авторам в том, чтобы не только продемонстрировать неискушенному читателю широту территориального распространения и величие древней кельтской культуры в Европе, но и осознать ее значение для дальнейшего развития европейской культуры.

Во введении (с. 8-13), написанным О.-Г. Фреем, дан общий обзор истории кельтов в древности и рассмотрены проблемы возникновения кельтского искусства. Начало кельтского искусства авторы (с. 12) относят к началу эпохи Ла-Тена, когда "без сомнения появляется новый художественный стиль, который непрерывно развивается в Ирландии и Британии вплоть до средневековья" (с. 12).

Две первые главы (с. 15-72) - В. Круга и М. Собе, посвящены возникновению и расцвету кельтского латенского искусства, сформировавшегося под сильным этрусским влиянием и представлявшего собой разительный контраст своей пластичностью по сравнению с геометризованными мотивами предыдущей эпохи. Дальнейшее развитие латенской культуры определяется политической и демографической экспансией кельтов, в ходе которой центр развития культуры на время перемещается из южной Германии на восток, в Подунавье. В процессе этого движения репертуар латенского искусства обогащается эллинистическими мотивами.

Глава 3 (с. 73-84, П.-М. Дюваль) посвящена кельтским монетам. Эта глава снабжена не только почти тремя десятками прекрасных иллюстраций (как и другие главы), но и весьма подробными подписями к ним. Чеканка монет у кельтов распространяется в III в. до н. э. (золото), обогащаясь со временем новыми типами и материалами (так, бронза используется только в I в. до н. э.), под влиянием средиземноморских центров.

Глава 4 (с. 85-100, Г. Кэнел) посвящена закату кельтского искусства на континенте. С возникновением во II в. до н.э. городских поселений типа oppidum происходит коренная перестройка всего кельтского общества, мировоззрения и, соответственно, искусства. Появляются новые виды произведений искусства (например, высокого качества керамика со специфическим орнаментом). Конеч развитию кельтского искусства на континенте был положен военной экспансией Рима.

Глава 5 (с. 101-126, А. Шерратт и Б. Рафтери) посвящена кельтскому искусству в Британии и Ирландии. В Англии экспансия Ла-Тена с материка начинается с конца III в. до н. э. с юго-востока и увеличивается по мере приближения римских границ. В конце концов социальные условия для сохранения латенской культуры остаются только в Шотландии и Ирландии за пределами римских провинций. С переходом к I тыс. н. э. в искусстве Ирландии возрастает тенденция геометризации и формализованности, расцвет которой относится к первым векам н. э. и к периоду после крещения ирландцев.

Глава 6 (с. 126-151, М. Риан) посвящена наследию (aftermath) древней кельтской культуры в ирландском христианстве V-X вв. Разберем эту главу подробнее, т. к. эта тема менее известна советскому читателю. Во время англо-саксонского завоевания кельтские мастера Ирландии и Британии сохраняют традиции Ла-Тена. Распространяется обработка серебра, серебрение и покрытие оловом. Стиль этот известен под названием конечный (ultimate) Ла-Тен, расцвет которого связан с употреблением эмали новых цветов на бронзовых изделиях с орнаментом из расширяющейся спирали. Особенно известен тип подвешивающихся чаш (hanging bowl), производившихся, видимо, кельтскими мастерами для англо-саксонской знати. Знакомство ирландских монахов-проповедников конца V - VII вв. с германским (англо-саксы, франки, лангобарды) полихромным звериным стилем и раннехристианскими средиземноморскими художественными традициями позволило кельтским мастерам выработать на основе стиля конечного Ла-Тена новый гибридный стиль в книжной миниатюре, обработке металла и (позже) монументальной скульптуре (циркулярная расширяющаяся спираль, плетенка, филигрань, звериные головы, отливка глубокого рельефа, декоративные листья и виноградная лоза, золочение, зернь). Непоправимый удар по мастерским этого стиля был нанесен набегами викингов с конца VIII в. Многие вещи ирландского, шотландского и нортумбрийского происхождения найдены в погребениях Норвегии эпохи викингов. После начала X в. почти не известно металлических изделий в стиле конечного Ла-Тена. Полностью исчезает этот стиль в металлообработке с конца XI в. В то же время на этот последний этап (конец VIII - X вв.) падает расцвет каменной скульптуры (кресты с окружностью, стеллы), последние примеры которой датируются XII в.

В заключении (с. 153, П.-М. Дюваль) обсуждаются причины, позволившие кельтскому искусству на протяжении более тысячелетия сохранять без особых изменений своеобразный художественный стиль по всей территории своего распространения. Авторы видят этому следующие причины: однообразие специфического среднеевропейского климата и ландшафта, единство языка и происхождения, общая идеология (язычество), однообразие используемых материалов, стремление к свободе, иносказанию и абстрагированию.

X X X

Итак, каковы недостатки этого издания?

Бросается в глаза, что авторы книги ни в отдельных главах, ни тем более, в заключении, не рассматривают такую важную проблему как специфика кельтского искусства по сравнению, например, с античным греческим (которое тоже языческое, тоже отмечено печатью свободолюбия и абстрагирования) или римским провинциальным (которое было распространено почти на той же территории и тоже языческое в начале и христианское в конце). Не спасает положения и сомнительное объяснение факта быстрой романизации

* Кстати, почему язычество такая уж характерная черта кельтского искусства: ведь были же и V-X вв. !!! - см. главу 6.

галлов отсутствием у них единой политической организации (с. 10), - ведь Греция тоже была раздроблена. Остается в стороне и проблема близости кельтского искусства к искусству германцев и скандинавов раннего средневековья.

Действительно, это те вопросы, которым следовало бы уделить хотя бы страницу текста: в чем специфика языка и духа этой культуры? В чем заключалось своеобразие мышления и мировосприятия кельтов? Связано ли это было с предыдущей культурной традицией (Urnenfelderkultur, Hallstat) или с особыми формами политической и социальной организации и культа, выработанными в эпоху раннего Ла-Тена? Действительно, может быть кельтское общество развивалось каким-то совершенно иным путем, чем античное, которое и победило-то галлов в силу своей большей приземленности и духовной ограниченности? Все это выпадает из поля зрения авторов, а ведь это, в конечном счете, и важно для широкого читателя.

Вообще говоря в книге есть еще один серьезный пробел: судьбы кельтского наследия в средневековом изобразительном искусстве за пределами Британских островов. А ведь во введении (с. 8) авторы как бы включают эту проблему в задачу публикации. Раннее средневековье вообще как-то скомкано: например, хронологическая таблица обрывается на 500 г. н. э. (точнее - по последнему событию - на 450 г., с. 158-159), хотя разумно было бы довести ее хотя бы до 793 г. Видимо, здесь все довлечет над авторами их собственный тезис о якобы доминирующей "язычности" кельтского искусства. Но ведь основные изобразительные мотивы сохраняются и после середины V в. (см. гл. 6 и с. 12). Так может быть и язык, и дух культуры сохраняется? К тому же ведь и форма организации христианской церкви у ирландцев была весьма своеобразной.

Следует еще указать и на отдельные недостатки. На карте (с. 156-157) нет ни одного значка на территории Испании (хотя на с. 161 кельтиберы признаны кельтами) и в Малой Азии (см. то же про галатов на с. 162). Отсутствуют кельтские влияния в Силезии и восточнее. Украсили бы карту и маршруты основных кельтских походов (Рим, Дельфы) и названия основных кельтских civitates (ср. с. 161-boii, с. 163 - insubres, с. 164 - scordisci) и королевств. В хронологической таблице (с. 158-159) уместно было бы привести и разделение латенской культуры на ступени (I-V, A₁ - D₃). Без этого и карта, и таблица выглядят дилетантски.

В целом же эта богато иллюстрированная книга представляет собой хороший (а по качеству иллюстраций - непревзойденный) путеводитель по кельтскому изобразительному искусству, но не дотягивает ни до фундаментального Handbuch'a, ни до концептуального исследования.

П. В. Шувалов

* Не даром на с. 11-12 авторы, говоря о делении доримского железного века на периоды, забывают об этапе Urnenfelderkultur.

СИСТЕМНЫЕ ИССЛЕ- ДОВАНИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

**J.-Cl. Gardin, O. Guillaume, P. O. Herman, A. Hesnard,
M. S. Lagrange, M. Renaud, E. Zadora-Rio. Systemes-
experts et sciences humaines. 1987. Paris: Editions
Eyrolles.**

**J.-Cl. Gardin (ed.). Artificial Intelligence and Expert
Systems. Case studies in the knowledge domain of
Archaeology. 1988. Chichester: Ellis Horwood Publish-
ers Ltd.**

В современной теоретической археологии Запада труды французского археолога Жана-Клода Гардена и его последователей занимают особое место. В 1960-1970 гг. работы Гардена оказали заметное воздействие на развитие теоретической мысли в археологии: его основной труд "Теоретическая археология" был переведен на многие языки, в том числе и на русский.

В самое последнее время Ж.-К. Гарден и его ученики обратились к так называемым "экспертным системам", которые ими рассматриваются как наиболее перспективное направление, могущее разрешить основные проблемы в исследовательской археологической процедуре. Рецензируемые книги представляют собой изложение (на французском и на английском языках) основных теоретических положений этого направления, а также иллюстрации его применения для решения конкретных археологических задач.

Для того, чтобы лучше разобраться в преимуществах и недостатках предлагаемой исследовательской процедуры, необходимо кратко остановиться на некоторых теоретических положениях, высказанных Ж.-К. Гарденом в его прежних публикациях.

Одной из положительных сторон концепции Гардена является ее историзм. Археология определяется Гарденом (здесь и далее - ссылки на французское издание его книги (*Une Archéologie théorique*. Paris, 1977) как сумма исследований материальных объектов с использованием ряда иных данных, конечной целью которых является восстановление образа жизни людей прошлого (особых событий, каждодневной деятельности, институтов, верований и т.д.) (с. 20). Цель теоретической археологии, по мысли Гардена, состоит в разработке ряда формальных правил и процедур, обеспечивающих по возможности максимальную научную точность анализа, а также проверяемость получаемых результатов (с. 274).

Существенный интерес представляют рассуждения Ж.-Кл. Гардена, относительно уровней археологического анализа. Краеугольным камнем концепции Гардена является постулирование им существования "двух полюсов", обозначаемых им, соответственно "компиляцией" (Cc) и "экспликацией" (Ca). Первый определяется как

"последовательность различным образом сформулированных предположений, имеющих целью систематическое описание материальных остатков с целью реконструкции образа жизни людей прошлого" (с.54). Соответственно, "экспликация - это совокупность предположений, имеющих целью восстановление отдельных событий или образа жизни как отдельных личностей, так и человеческих коллективов, на основании свойств конкретных ансамблей материальных остатков" (с. 55). При этом Гарден категорически возражает против концепции "двух археологий" ("аналитической" и "синтетической"), защищаемой рядом археологов в США и Европе (И. Рауз, А. Моберг и др.). Гарден подчеркивает неразрывную связь обоих полюсов: "компиляция - лишь этап на пути к экспликации или историческому синтезу" (с. 59).

Весь процесс археологического анализа Гарден рассматривает как движение от исходного корпуса данных к конечным экспликативным предположениям. Этот процесс Гарден называет "логистическим анализом" или целью экспликативных предположений, что описывается формулой $E_i \rightarrow E_j$.

Одна из основных проблем, встающих на этапе компиляции: выбор языка. Гарден различает три разновидности языка: естественный (LN), документальный (LD) и научный (LS). Каждый язык имеет свои особенности и сферу применения. Как считает Гарден (с.99), в современной археологии наблюдается тенденция к разработке особых документальных языков, для решения особых исследовательских задач.

Одним из основных инструментов анализа на начальном этапе исследования является построение баз данных. При этом, для Гардена характерен отказ от построения универсальных банков археологических данных, что было типичным для многих исследователей (в том числе и для самого Гардена) в 60-х - начале 70-х гг. Каждая база данных должна составляться для решения конкретных, чаще всего, ограниченных задач.

Логистический анализ осуществляется двумя путями: снизу вверх, т. е. от исходных данных к интерпретационным построениям ($P_0 \rightarrow P_n$) или же сверху вниз, от рабочих гипотез - к исходным данным ($P_n \rightarrow P_0$). Первый путь характеризует эмпирико-индуктивную, второй - гипотетико-дедуктивную процедуры. Гарден критикует абсолютизацию второй процедуры, что, в частности, характерно для "новой археологии" в США.

В соответствии с высказанными положениями, Гарден строит схему логистического анализа. Исходным блоком этой схемы является блок 1 - "объект исследования", определяющий все последующие элементы. Блок 2 - корпус данных, блок 3 - дескрипция, блок 4 - упорядочение. Все эти блоки образуют этап компиляции - O_c , завершающийся построением базы данных. Этот этап рассматривается как подготовительный к этапу интерпретации - S_a , которому в схеме Гардена соответствует блок 5. В качестве обязательного элемента в схеме присутствует блок 6 - верификация, открывающий собой новый цикл исследований.

Построение экспертных систем Гарден рассматривает как дальнейшее усовершенствование предложенной им исследовательской процедуры. Появление экспертных систем (ЭС) считается закономерным этапом развития исследований в области искусственного интеллекта. Под этим термином обычно понимают методы и приемы построения систем типа "человек-машина" в ряде узкоспециальных областей (выбор и конструирование вычислительных систем, разведка полезных ископаемых, медицинская диагностика и терапия). Во всех этих областях ЭС оказались весьма эффективным и перспективным инструментом исследования.

Основной элемент ЭС: база знаний. Этот блок включает не только исходный материал исследования, представленный в виде базы данных, но и совокупность описательных предположений (P_0). Тем самым, база знаний представляет собой уже достаточно высокоорганизованную структуру. Заметим, что такой подход был характерен и для

более ранних работ Гардена. Типологию он всегда рассматривал как элемент экспликации, т. е. верхнего уровня археологического анализа. Типологию он определял как упорядочение объектов, при котором используются связи и взаимоотношения, не являющиеся очевидными при первичном описании.

Следующим элементом ЭС является совокупность "правил". Эти "правила" строятся по формуле: "если (P_i), то (P_n)". "Эти правила", по существу, мыслятся как совокупность парадигм, определяющих логистический анализ в археологии. Правомерность реализации правил обеспечивает логический процессор - третий основной элемент ЭС.

В рецензируемых книгах содержатся шесть примеров применения ЭС к решению конкретных археологических задач. Первый пример, автором которого является сам Ж.-К. Гарден, связан с изучением керамического комплекса, происходящего из эллинистического поселения Ай-Ханум в северном Афганистане. Поселение это, раскопанное французскими археологами, относится к греко-бактрийскому периоду (приблизительно 300-150 лет до н. э.). В ходе раскопок было получено огромное количество керамики, причем многие типы сосудов имеют прямые аналогии в эллинистических центрах восточного Средиземноморья (в Греции, на островах Эгейского моря, в Малой Азии). В ходе реализации ЭС (в этом и в других случаях использовалась специально написанная программа СНАРК; вычисления производились в вычислительном центре Орси) вводились данные, включавшие типологическую и технологическую характеристику всех типов посуды, их хронологический диапазон, а также все известные аналогии. Все эти данные вместе взятые образуют базу данных и блок описательных предположений (P_0). Далее конструируется совокупность "правил", имеющих вид цепочек "интерпретационных предположений", типа "если (P_i), то... (P_{i+1}) - (P_n)". В рассматриваемом случае, эти предположения имеют вид двух логических цепочек:

I) подтверждается большое число типологически разнообразных параллелей между посудой греко-бактрийского и восточно-средиземноморских центров (P_1); это достигалось копированием на месте поступавших из средиземноморья прототипов (P_2); на протяжении существования Ай-Ханум, существовали прямые контакты этого центра со средиземноморскими центрами (P_3).

II) установление хронологических параллелей между греко-бактрийской и средиземноморской керамикой позволяет сделать заключение о синхронном появлении новых типов (P_1); в Бактрии осуществлялось многократное копирование средиземноморских инноваций (P_2); то, что эти инновации распространялись не только на парадную, но и на обычную посуду, может считаться доказательством существования регулярных контактов между Бактрией и Средиземноморьем.

Второй пример (автор О.Гийом) связан с изучением металлургического производства на территории Бактрии в течение трех последовательных археологических периодов: эпохи бронзы, эпохи железа и греко-бактрийского царства (последнее - на материалах Ай-Ханум). Как и в предыдущем случае, строится база знаний (P_0), включающая типологические и технологические характеристики металлических изделий, их аналогии, а также "описательные предположения". Затем строится ряд "правил" (т. е. интерпретационных предположений). На основании реализации программы, формулируется заключительная гипотеза, относительно того, что в эпоху железа в Бактрии существовало развитое металлургическое производство, слабо документированное, ввиду недостаточного объема археологических исследований.

По той же схеме строятся исследования и других проблем: статуэток "с поднятыми руками": Кипр, эпоха бронзы (П. Херман); римских амфор середины I в. до н. э. (А. Энар); средневекового укрепления в Плесси-Гриму, Кальвадос (Э. Зандора-Рио), изображения на стеле сельджукского времени (М. - С. Лагранж, М. Рено).

В ряде случаев у читателя возникает правомерный вопрос: столь ли необходима сложная исследовательская процедура и применение совершенных ЭВМ для получения достаточно очевидных заключений? В заключительной главе Ж.-К. Гарден пытается найти положительный ответ на этот вопрос. По его мнению, предлагаемая им процедура имеет ряд неоспоримых методологических и "философских" преимуществ. В другом месте (с. 86-87) он пишет, что основное преимущество ЭС состоит в стандартизации описаний исходных данных и логических процедур с использованием специального языка.

Подводя итог, необходимо отметить, что предлагаемая Гарденом процедура действительно имеет ряд преимуществ в особенности в сфере логики и методологии первичного археологического анализа. Однако нельзя не учитывать и серьезных недостатков: в первую очередь абсолютизацию формализованных методов анализа, которые в ряде случаев превращаются в самоцель.

П. М. Долуханов

ОРГАНІЗАЦІЯ НАУКИ

ВОССОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В САНКТ ПЕТЕРБУРГЕ

Институт истории материальной культуры как исследовательский и организационный центр начинает свою историю с 1859 г., когда указом Александра II от 9 февраля была организована Императорская комиссия под председательством графа С.Г.Строганова (с 1918 г. - Российская государственная археологическая комиссия РГАК). 18 апреля 1919 г. декретом Совнаркома, подписанным В.И.Лениным, Российская государственная археологическая комиссия была ликвидирована и образована Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). В дальнейшем преобразование центрального археологического учреждения страны прошло несколько этапов: 1) с 1926 г. - Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), находившаяся в Ленинграде; 2) с 1937 г. - Институт истории материальной культуры (включен в систему Академии наук СССР), центральное учреждение которого было в Ленинграде (ИИМК), а в Москве - его отделение (МО ИИМК); 3) с 1945 г. постановлением Президиума АН СССР центр Института был утвержден в Москве, а ленинградская часть Института истории материальной культуры определена как Ленинградское отделение ИИМК (ЛО ИИМК); 4) с 1959 г. по постановлению Президиума АН СССР Институт истории материальной культуры стал именоваться Институтом археологии АН СССР, а его ленинградская часть - ЛОИА АН СССР; 5) 25 июня 1991 г. ЛОИА АН СССР постановлением Президиума АН СССР было преобразовано в самостоятельный Институт истории материальной культуры, вошедший в декабре 1991 г. в состав Российской Академии наук. Директор Института - член-корреспондент АН Туркменистане, профессор В.М.Массон.

Основными направлениями научной деятельности подразделений Института истории материальной культуры являются следующие: методология и теория археологии, применение естественно-научных методов в исторических науках; эпоха палеолита, происхождение человека и общества, древнейшие этапы первобытно-общинного строя; древняя история и культура Средней Азии, Кавказа и степной зоны Евразии; история охотников и собирателей, племенных и раннегосударственных структур на Северо-Западе России; история и культура античных городов-государств в Северном Причерноморье и Восточном Средиземноморье; техника и технология древних обществ на основе экспериментальных археологических исследований.

Экспедиции Института истории материальной культуры ведут археологические исследования почти на всей территории России и многих стран, входящих в Содружество

независимых государств. Особенно большой объем работ выполняется в зонах строительства.

Библиотека Института крупнейшая и по существу единственная специальная археологическая библиотека бывшего СССР и одна из наиболее значительных в Европе. Сотрудники библиотеки регулярно публикуют библиографии по археологии СССР. Архив рукописей ИИМК хранит документальные материалы, начиная с 1793 г., в том числе фонды Императорской археологической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества, РАИМК-ГАИМК-ИИМК-ЛОИА и личные фонды многих крупных русских ученых. Уникальный архив фотодокументов ИИМК содержит материалы об археологических исследованиях, а также по истории искусства и архитектуры Евразии с 1851

27-28 ноября 1991 г. в ИИМК РАН прошел пленум "Древние культуры и археологические изыскания", посвященный итогам полевых исследований 1989-1991 гг., на котором состоялась презентация ИИМК. Открывший ее заместитель председателя Петербургского научного центра Российской АН академик А.А.Фурсенко, официально поздравил коллектив с приобретением статуса самостоятельности. Он отметил, что еще в 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, которая как и многие другие гуманитарные учреждения России, вошла затем в состав Академии наук СССР, но получила наименование с 1937 г. Института истории материальной культуры. А.А.Фурсенко отметил, что в Петербурге всегда уделялось особое внимание развитию гуманитарного спектра науки и Санкт-Петербургский центр РАН приложит особые усилия к воссозданию этой традиции. В этом плане следует рассматривать воссоздание Института истории материальной культуры. С приветствиями выступили от Великобритании проф. П. Акко, от Чехо-Словакии - П. Мачала (АН Словакии), от Польши - П. Урбанчик, от Финляндии - Ю. П. Тавитсайнен, от Румынии - К. Шустер. Были зачитаны поздравительные телеграммы и письма от профессоров О. Олсена и К. Рансборга (Дания), Б. Хензеля (Германия), Л. Ф. Стенвика и А. Стальсберг (Норвегия). На презентации присутствовали археологи из США - профессора О. Соффер и Дж. Адовазио.

Член-корреспондент Академии наук Таджикистана Н. Н. Негматов особо подчеркнул заслуги Ленинграда-Петербурга в развитии науки в Таджикистане и выразил горячую готовность развивать сотрудничество с ИИМК, где он когда-то был аспирантом именно ИИМК, хотя и в качестве его "Ленинградского отделения". С приветствием выступил член.-корр. А. Н. Латвии Э. С. Мугуревич. Был представлен адрес от археологов Киргизии, зачитаны поздравительные телеграммы в том числе от директора института археологии и древней истории Молдовы В. А. Дергачева, директора Института истории Академии наук Туркменистана члена-корреспондента Н. В. Атамедова, и.о. директора Археологического центра Академии наук Грузии Т. К. Микеладзе, директора Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук член-корреспондента В. В. Алексева. Зарубежные делегаты, прибывшие в С.-Петербург, были приняты председателем С.-Петербургского научного центра РАН академиком Ж. И. Алферовым.

Официальная часть презентации отразила стремление научной интеллигенции к сохранению и развитию научных связей в условиях осложняющейся политической и экономической ситуации. Было высказано пожелание регулярно проводить в Санкт-Петербурге пленумы, посвященные новым экспедиционным открытиям, что способствовало бы не только ознакомлению с новой информацией, но и личным деловым контактам представителей различных центров по научным и научно-организационным вопросам.

А. Б. Курчо

The Reconstruction of the Institute of the History of Material Culture in St.Petersburg

L.B.Kircho

The Institute of the History of Material Culture was established on February 9th 1859, when emperor Alexander II signed the edict about the organization of the Emperor's Archaeological Commission (from 1918 called the Russian State Archaeological Commission). On April 18th 1919, V.I.Lenin signed a decree of the Council of People's Commissars, according to which the Russian State Archaeological Commission was substituted by the Russian Academy of the History of Material Culture. After this, the reorganization of the archaeological centre of the country has passed different stages and this centre had different names: 1) from 1926 - the State Academy of the History of Material Culture (Leningrad); 2) from 1937 - The Institute of the History of Material Culture (part of the Academy of Sciences of the USSR), which had its centre in Leningrad, and a department in Moscow; 3) from 1945, by the decision of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR, the institute was transferred to Moscow, while in Leningrad a Branch of the Institute of the History of Material Culture was maintained; 4) from 1959, by decision of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR, the Institute of the History of Material Culture became the Institute of Archaeology - and the Leningrad department was called the Leningrad Branch of the Institute Of Archaeology; 5) on June 25th 1991, The Leningrad Branch of the Institute of Archaeology was reorganized into an independent Institute of the History of Material Culture of the Academy of Sciences of Russia (director - professor V.M.Masson).

The main research directions of the Institute are: Methodology and theory of archaeology, Natural scientific methods in archaeology; The Palaeolithic, the origin of Mankind and Society, the first stages of Prehistory; The Bronze Age and the ancient history and culture of Central Asia, Caucasus, and the Stepe Zone of Eurasia; The history of hunters and gatherers, tribal and later early state socio-economical formations in North-West Russia; Classical Archaeology of the Northern Black Sea Area and the Eastern Mediterranean area; Prehistoric technique and technology, based on experimental and traceological investigations.

Expeditions of the Institute of the History of Material Culture carry on archaeological investigations almost on the whole territory of Russia and many countries - members of the Commonwealth of Independent Nations. Especially great amount of work is being done during rescue excavations.

The Library of the Institute is the largest and practically the only special archaeological library of the former USSR and one of the most important libraries of this kind in Europe. The workers of the library regularly publish bibliographies on the archaeology of the USSR. The archives of manuscripts contain documents starting with 1793, including the funds of the Emperor's Archaeological Commission, the Russian Archaeological Society, the Moscow Archaeological Society, the Russian Academy of the History of Material Culture - the Institute of the History of Material Culture - the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology as well as private collections of many great Russian scientists. The unique archives of documentary photographs of the Institute contain materials on archaeological studies as well as on the history of art and architecture in Eurasia starting with 1851.

**СОТРУДНИЧЕСТВО
ВОСТОК - ЗАПАД**

ТРАСОЛОГИЯ И РАБОТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Трасология - это метод, с помощью которого изучаются следы человеческой деятельности, оставшиеся на поверхности неметаллических орудий труда. Кроме того, она исследует объекты, которые подвергались обработке этими орудиями, следы от естественных и искусственных деформаций. Составной частью трасологии является также изучение проблем техники и технологии изготовления орудий труда и древних производств. Таким образом, понятие трасологии значительно шире, чем понятие "Use wear analys", предложенное американскими учеными.

Разработка трасологического метода принадлежит известному петербургскому археологу С.А.Семенову, который уже в 30-х гг. нашего столетия соединил микроанализ с экспериментами в целях идентификации и верификаций функций орудий труда и выработки генеральных признаков износа для основных групп инструментов. Именно его книга "Первобытная техника", в которой изложены основы экспериментально-трасологического метода, переведенная во многих странах Западной Европы и Америки, явилась толчком к развитию этой методики во всем мире.

При анализе следов изнашивания выявляются строгие закономерности в расположении следов, направлении и характере. Именно они и дают представление о функциях неметаллических изделий. Как свидетельствуют данные микроанализа, определенному виду орудия соответствуют присущие только ему следы износа. Они являются особенностью исследуемого изделия, а параметры текстуры следов служат методологической основой трасологического метода. Последний позволяет восстановить связь орудий с человеческой деятельностью, технологию изготовления данного изделия, установить длительность использования орудия и его функцию. При наличии нескольких функций можно восстановить их последовательность. Принципиально важное значение имеет метод при определении обрабатываемого материала, зачастую отсутствующего среди артефактов. Можно также выяснить, подвергалось ли орудие подправке во время пользования, употреблялось ли в рукоятке, если да, то такой формы; установить, с каким производством было связано и какова его технология. Метод позволяет дифференцировать орудия по принципу ручных и станковых, выявлять разного рода деформации, а также следы, оставшиеся на поверхности каких-либо археологических объектов от конкретных орудий. Но особенно велика роль трасологии в получении данных для восстановления конкретно-исторической картины хозяйственных систем прошлого и внутренней структуры поселений или стоянок (с учетом планиграфии).

Исходя из далеко неполного перечня возможностей трасологического метода, становится очевидным его значимость в археологической науке. Итак, эффективность

метода проявляется в конкретно-историческом понимании: 1) хозяйственных структур древних обществ, 2) характера стоянок и их деятельностной направленности, 3) техники и технологии существовавших производств.

Методика трасологических изысканий предполагает изучение материалов с помощью разнообразных микроскопов с увеличением до $\times 100$ раз (бинокляры) и $\times 400-500$ раз (металлографические микроскопы). Дифференцированное использование их зависит от степени сохранности археологического материала и следов износа, а также от характера задач исследования. Нельзя забывать, что трасология не должна замыкаться на узком кругом специалистов. Она должна быть рассчитана на массового рядового археолога, подобно типологическому методу, которым владеет каждый. Иначе не будет развития самой трасологии, тесно связанной с развитием археологической науки. Подробное описание следов износа, коим грешат многие работы трасологов, интересны только для специалистов, но не для археологов. Вместе с тем существуют такие объективные причины, которые требуют заострения внимания на описании следов износа. Это бывает при внедрении новых микропризнаков или разработке новой методики, либо при типологии следов, или при установлении функций новых инструментов и уточнении старых. Словом, в каждом конкретном случае нужно действовать в соответствии с поставленными научными задачами.

Следует напомнить, что составной частью трасологии являются эксперименты. Они служат источниками аналогии и идентификации функций, верификации и объяснения, получения новой информации как о функциях, так и технике и технологии конкретного орудия и конкретных производств. Особая роль принадлежит им при получении данных для реконструкции хозяйственно-производственной деятельности прошлых обществ и разработки новых методик микро- и макроанализа.

Последнее пятнадцатилетие школа петербургских трасологов, работая на применении комплекса микро- и макроследов износа при определении функций орудий, сделала новый качественный скачок в технике и методах исследований. Это выразилось в установлении более узкой конкретизации функций известных и новых инструментов, распространении методики микроанализа на материалы апшеля - средневековья, изучении орудий из разного рода сырья и отходов производства. Анализ массовых археологических коллекций позволил получать информацию о технической вооруженности и производственном потенциале древних обществ.

В петербургской лаборатории Института истории материальной культуры РАН (ИИМК) подготовлена многотысячная коллекция (около 6000) экспериментальных эталонов самых разнообразных орудий труда, сделанных из различного сырья, использованных за разные отрезки времени в обработке разного материала. Это солидный банк данных для совершенствования методики микроанализа и разработки новой - макротрасологии, идентификации и конкретизации функций многих инструментов, и, особенно важно, - для обучения молодых специалистов и подготовки кадров трасологов. Именно последнее обстоятельство привело к организации и проведению Международной трасологической школы. Ее основная задача - обучить в месячный срок основным трасологическим навыкам, работе с микроскопом, определению функций наиболее часто встречающихся в археологических коллекциях групп орудий труда по комплексу микро- и макропризнаков, анализу эталонных и археологических образцов, а также закрепить полученные трасологические знания на серии экспериментов.

В этих целях в 1990-1991 гг. на территории республики Молдова силами петербургских трасологов ИИМК при поддержке Отделения истории АН СССР и Института археологии и древней истории Молдовы была проведена Международная трасологическая полевая школа. В ней проходили обучение студенты и представители

из США, Кубы, Польши, Чехо-Словакии, Румынии, Испании, Италии, Мали, Дании. В школе обучались также студенты и сотрудники Петербургского, Уральского, Алтайского, Петрозаводского, Ижевского университетов, аспиранты ИИМК, сотрудники Института истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР и другие. Занятия состояли из ежедневных лекций по методике трасологического анализа, практической работы с микроскопами в целях знакомства со следами износа на орудиях и выявления работающих микро- и макропризнаков, проведении серии экспериментов, связанных с текущей тематикой.

Основной курс лекций по типологии следов на разнообразных орудиях был прочитан д.и.н., профессором Г.Ф.Коробковой. Специальные разделы освещались сотрудниками лаборатории ИИМК, д.и.н. А.К.Филипповым (Формообразование орудий труда и предметов обработки в палеолите. Технология искусства), к.и.н. А.Е.Матюхиным (Проблема изготовления галечных орудий), к.и.н. Н.Н.Скакун (Характеристика орудийного комплекса земледельческих культур Юго-Восточной Европы эпох неолита-бронзы: кожеобрабатывающие и деревообрабатывающие орудия. Микро- и макропризнаки), к.и.н. В.Е.Щелинским (Цели археологической и экспериментальной трасологии. Трасология орудий среднего и нижнего палеолита), мл.н.с. Е.Ю.Гирей (Проблемы технологического анализа. Задачи изготовления экспериментальных эталонов для трасологических исследований. Характеристика следов износа на отбойниках и ретушерах). К занятиям были привлечены выпускники лаборатории кандидаты исторических наук Н.А.Конюшенко (Лекция: Землекопные, рудодобывающие, рубяще-долбящие орудия: топоры, тесла, долота, мотыги, кирки). Одну лекцию прочитал профессор Иллинойского университета Л.Кили. Она была посвящена сравнительной характеристике трасологических знаний в России, и Западной Европе и США. Кроме того, в проведении практических занятий помогали кандидаты исторических наук О.Лоллекова (Ашхабад, Туркменистан), Г.В.Сапожникова (Одесса, Украина), К.М.Эсакия (Тбилиси, Грузия), А.Ю.Чиндин (Караганда), Т.А.Шаровская (зам.нач.школы), А.Шаманаев (Екатеринбург) и др.

Всего были проведены занятия по 19 темам. В каждой лекции рассматривались орудия определенной группы, отмечались генеральные и индивидуальные признаки износа, давались сравнительные характеристики следов в пределах выделенных групп орудий. Тематически лекции распадалась на следующие разделы:

1. Трасологический метод. История сложения и развития, значение и перспективы.
2. О терминологии трасологического метода. Блоки следов.
3. Скоблящие орудия: группа скребков. Следы износа и их дифференциация.
4. Скоблящие орудия: скобели для дерева, кости, рога, раковин, керамики, краски. Следы износа и их дифференциация - 3 лекции.
5. Режущие-строгающие орудия: резчики для дерева, кости, рога и камня - 2 лекции.
6. Режущие-строгающие орудия: резцы для дерева, кости, рога, камня. Следы износа и их дифференциация.
7. Строгающие орудия : стамески для шкур, дерева, кости, рога. Следы износа и их дифференциация.
8. Строгающие орудия: строгальные ножи для дерева, кости, рога, раковин. Следы износа и их дифференциация.
9. Пилящие орудия: пилки для дерева, кости, рога, камня, раковин. Следы износа и их дифференциация - 2 лекции.
10. Сверлящие-прокалывающие орудия - проколки для шкур, сверла, развертки для дерева, кости, рога, раковин, камня. Следы износа и их дифференциация - 2 лекции.
11. Режущие-проникающие орудия: ножи для мяса, рыбы, кожи. Наконечники стрел и копий. Следы износа и их дифференциация - 2 лекции.

12. Жатвенные орудия: серпы и жатвенные ножи для домашних и диких злаков, травы и тростника. Следы износа и их дифференциация - 2 лекции.

К этому основному курсу добавлялись специальные лекции А.К.Филиппова (2), В.Е.Щелынского (2), А.Е.Матюхина (2), Н.Н.Скакун (1), Н.А.Кононенко (1), Е.Ю.Гири (2), А.Кили (1). Лекции сопровождалась демонстрацией микрофотографий и самих орудий труда: экспериментальных и археологических оригиналов. Особенно интенсифицировалась работа с микроскопами в предэкзаменационные дни, когда каждый участник школы просматривал тысячные коллекции орудий труда. По окончании школы студенты сдавали экзамен по трасологии. Он проходил в виде слепых тестов. Студентам предлагались 20 разнообразных орудий, функции которых они должны были установить по микро- и макропризнакам и объяснить их. В итоге участники школы получали дифференцированные оценки и в соответствии с ними диплом об окончании.

Наряду с занятиями в выходные дни проводились общекультурные и целевые экскурсии с посещением археологических памятников - верхнепалеолитической стоянки Косоуцы, древностей Старого Орхоя, музеев Кишинева и Одессы. Сотрудники знакомились с коллекциями в отделе археологии и музее АН Молдовы, получали соответствующие консультации от местных специалистов.

В целом Петербургская Международная трасологическая школа пользуется заслуженным авторитетом. Ежегодно поступают многочисленные заявки на продолжение ее работы. Кроме того, ее деятельность способствовала налаживанию и развитию научных связей между лабораторией ИИМК и археологами Западной и Центральной Европы, США и Канады, возникновению совместных научных проектов, обогащению и развитию трасологических знаний, оживленному обмену между трасологами Запада и Востока. Большую роль Международная школа играет в сохранении межреспубликанских контактов, развитии самой методики микроанализа и разработке новых методических приемов.

Г.Ф.Коробкова

ВТОРОЙ СОВЕТСКО- АМЕРИКАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ПАЛЕОИНДЕЙСКОЙ - ВЕРХНЕ- ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ.

Симпозиум проходил в США с 9 по 27 июня 1991 г., как ответный на первый симпозиум, организованный в СССР в 1989 г. в соответствии с договором о научном сотрудничестве между СССР и США в гуманитарной области.

Программа симпозиума включала трехдневную конференцию в Денвере (Колорадо), на которой было представлено 30 докладов и экскурсию по ряду палеоиндейских стоянок, исследованных относительно недавно, с посещением музейных и университетских центров, знакомством с их организацией и археологическими коллекциями.

Советская делегация была представлена сотрудниками ИИМК (В.М.Массон, З.А.Абрамова, Г.П.Григорьев, Г.Ф.Коробкова, П.Д.Праслов, А.А.Синицын, Е.Ю.Гиря), Института археологии Российской АН (Х.А.Амирханов), Института археологии Украинской АН (А.А.Кротова), Института археологии и древней истории АН Молдовы (И.А.Борзияк). С американской стороны на разных этапах симпозиума и на конференции принимало участие более 100 ученых.

Повышение взаимного интереса к материалам и методическим принципам исследования ученых обеих сторон объясняется, во многом, политическими причинами, а именно самой возможностью его практической реализации. Среди ряда подобных настоящих симпозиум выделяется прежде всего широтой охвата как проблематики, так и привлекаемого материала и разнообразием подходов и аспектов изучения.

Представленные на конференции, проходившей в Музее естественной истории Денвера, доклады были распределены по нескольким тематическим разделам. Собрание было открыто выступлениями Д.Фризона и О.Соффер - инициаторами Симпозиума. Было рассказано об истории создания Проекта сотрудничества и о ходе первого симпозиума 1989 года.

Доклады первой группы, объединенные под названием "Теоретические разработки и их реализация" касались наиболее общих проблем понимания культуры каменного века и конкретных способов жизнедеятельности древнего населения в условиях меняющегося

П.М.Долуханов обобщил широкий круг материалов в докладе "Неолит в Северо-Восточной и Северо-Западной Европе: сходство и взаимодействие". Было зачитано сообщение Д. Харриса и Г. Хиллмана об исследовании раннеземледельческого поселения Джейтун в рамках советско-британского сотрудничества. Все английские доклады, кроме информации по Джейтуну, были связаны с реинтерпретацией уже известных материалов и слайды, как правило, были репродукциями из опубликованных книг и статей.

Доклад В. М. Массона был посвящен теме "Ранние комплексные общества в древней истории Восточной Европы". Концептуально имелась в виду эпоха развития сложных социальных структур, в том числе управленческих, позволяющих путем концентрации организованных усилий создавать престижные сооружения от культовых центров, до крупных поселков и экстраординарных гробниц. Не будучи еще связанными с классовой структурой общества, при отсутствии государственного устройства с бюрократическим аппаратом, эти организмы часто были неустойчивыми и распадаясь демонстрировали периоды исторического упадка и регресса.

Три английских доклада были прочитаны по античной тематике. В докладе Г. Цейхлава "Греческая культура и колхи: проблема эллинизации" сделана попытка доказать высокую степень эллинизации местной колхидской культуры. Однако, она базировалась не на анализе комплекса археологических данных, а на показе престижных вещей, поступавших в среду местной элиты, а поэтому прозвучала неубедительно. Доклад Д.Браунда "Транскавказская Иберия: греки, римляне, персы, семиты, картвелы..." был построен на публикациях археологов и во многом следовал высказанным в них представлениям. Как и предыдущий докладчик, оценивая вклад различных этнокультурных групп в формировании местной культуры, он в основном оперировал материалами, относящимися к высшему социальному слою. Б. Шефтон в своем сообщении "Импорт метрополии и локальная продукция: основные аспекты взаимодействий в Черноморском регионе" провел детальный анализ группы художественных произведений из причерноморских находок. Как и в докладах по первобытной эпохе, в сообщениях по античности обсуждались хорошо известные и неоднократно публиковавшиеся материалы. В докладе А.Н.Щеглова "Греки и "варвары" в Северо-Причерноморском регионе: проблема взаимодействий" была изложена концепция о влиянии демографической ситуации в местных обществах на динамику греко-варварских взаимоотношений. К моменту греческой колонизации в регионе сложились три основных экономико-географических региона с присущим и им хозяйственно-культурными типами, выраженными в местных археологических культурах. Внедрение греков в местную среду и первые контакты зависели от двух основных факторов: типа колонизации и демографической ситуации в районе колонизации. В дальнейшем характер взаимодействий определялся изменениями в подвижном кочевом мире степной зоны.

М.Казанский (Франция) выступил с докладом "Аристократия гунской империи и ее влияние на материальную культуру Руси эпохи раннего средневековья". Сообщение Д.Оксли (Великобритания) "Развитие городских центров на Северо-Западе Руси в IX-X вв.: взгляд с запада" явилось результатом активного участия автора в советско-английском сотрудничестве в 1989-1990 гг., когда он посетил раскопки в Ладозе, Новгороде, поселений под Новгородом и в Суздале. Д.Оксли подчеркнул, что английские исследователи во многом заняты рассмотрением отечественных материалов, в то время как только общими усилиями в области раннегородской археологии можно способствовать всестороннему освещению исторического процесса. В докладе "Первые города Северной Руси" Е.Н.Носов показал, как в русской и советской исторической науке вырабатывался подход к определению города и как конкретно решалась эта проблема

для отдельных центров и территорий. Автор специально подчеркнул особую роль В.О.Ключевского, в трудах которого русский город приобрел системосозидающее значение, но многие положения концепции которого оказались в наши дни незаслуженно забытыми. Е.Н.Носов показал, что в Северной Руси первые городские поселения появились в VIII-IX в. как торгово-ремесленные центры, игравшие активную роль в дальней торговле и обслуживании водных магистралей.

В дискуссии по докладам, помимо ряда конкретных аспектов поднятых в них тем, были затронуты и некоторые общие проблемы археологии. Профессор К.Рансборг (Дания), в частности, поставил вопрос о том, что массовые материалы археологии дают серьезные основания уже для непосредственного решения собственно исторических задач и в этой связи особое значение приобретают вопросы общей методологии археологии и используемых ею понятий. В.М.Массон, согласившись с этим, дал пояснения по поводу употребления советскими археологами понятия "культура", которое будучи омонимом в данном случае означает только единицу археологической систематики, а на интерпретационном уровне уже может быть объяснено как этническая общность, цивилизация и т.д.

В целом, конференция показала, с одной стороны, большой интерес английских археологов к новейшим достижениям археологии в Восточной Европе, а, с другой стороны, отсутствие у западных исследователей, во многом из-за языкового барьера, полноценной информации о последних открытиях, идеях и дискуссиях в археологической науке, в частности, нашей страны. Участники прошедшей встречи в г. Ньюкасле-на-Тайне неоднократно отмечали ее плодотворность для ликвидации отмеченной информационной лакуны и необходимость расширения взаимных контактов. Материалы симпозиума будут изданы в Англии.

Е. Н. Носов

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В Г.НЬЮКАСЛЕ-НА-ТАЙНЕ

Конференция на тему "Культурные взаимовлияния и трансформация в Восточной Европе в древности" была организована в апреле 1991 г. факультетом искусств Университета г.Ньюкасла-на-Тайне (Великобритания) и охватывала широкий хронологический период: от палеолита до средневековья. В ней приняли участие исследователи из различных научных центров Великобритании (Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Саутгемптона, Ньюкасла-на-Тайне и др.), СССР, США, Франции, Дании. Институт истории материальной культуры представляли В.М.Массон, Е.П.Носов и А.Н.Щеглов.

На открытии конференции выступил профессор П.Акко (Великобритания) с большим сообщением "Британско-советское сотрудничество в археологии". П.Акко, являющийся координатором программы сотрудничества с английской стороны, построил свой доклад в повествовательном плане, суммировав сделанное за последние годы и высказав различные мнения об участии в этом Британской академии и иных учреждений страны. Выступивший вслед за П.Акко В.М.Массон, как своего рода содокладчик, осветил вопросы сотрудничества, как оно видится с советской стороны. Он сказал, что в СССР имеются огромные материалы из новых археологических исследований, всесторонняя обработка которых, в том числе с применением новых лабораторных методов, открывает большие возможности для совместной работы. Составлен план долгосрочного научного сотрудничества по пяти направлениям в рамках которых могут создаваться отдельные конкретные проекты. По некоторым направлениям сейчас получены реальные результаты. Так, в Туркмении советско-английская экспедиция проводит уже третий сезон раскопок на поселении Джейтун и ее сотрудниками подготовлен для публикации сборник отчетов, включая анализы по окружающей среде, осуществленные английской стороной. В марте 1991 г. в Майкопе было проведено советско-английское археологическое совещание по проблеме ранних комплексных обществ. В рамках темы "Урбанизм раннесредневековой эпохи" подготовлена для издания в Англии книга о раскопках в Новгороде и на Рюриковом городище.

Ряд выступлений английских археологов был посвящен первобытной эпохе. К.Гэмбл сделал доклад "Передвижения населения в Центральной и Восточной Европе во время последнего ледникового максимума", где он попытался, правда в общей форме, без опоры на типологический анализ массового инвентаря, установить различия между миграцией и диффузией. Интересный аспект социологической интерпретации был предложен в докладе Д.Чэпмена, в котором он, основываясь на материалах поселений типа Лепенский Вир в районе Железных ворот на Дунае, рассматривал усиление социальных процессов в эпоху мезолита. Сообщение М.Звелебила "Общества неолита и бронзового века Северо-Восточной Европы" было связано с проблемой смены охотничьесобирательской экономики земледельческим хозяйством. Социологическую направленность имел и доклад А.Хардинга "Лужицкая культура и развитие протогородских обществ в Центральной и Восточной Европе в 1 тыс.н.э."

природного окружения и климатических условий. В докладе В.М.Массона "Природная среда и адаптация в позднем плейстоцене арктической зоны" было раскрыто эпохальное значение верхнего палеолита как качественного этапа эволюции общества со специфическим механизмом культурогенеза, в рамках которого происходило зарождение социальной дифференциации и изменение адаптивных механизмов существования. Социальная структура верхнего палеолита представляется как иерархически упорядоченная система: малая семья - локальная группа - групповая общность - совокупность общин - племя. Скорее всего именно в рамках верхнего палеолита осуществляется возникновение лидерства как общенсторического явления. Р.А.Келли (Луисвиальский университет, Кентаки) в докладе "Обеспечение продовольствием и мобильность палеоиндейцев" на основе анализа ряда археологических свидетельств и модели, основанной на этнографических данных, доказывает существование высокоподвижной модели адаптации палеоиндейского населения периглациальной зоны с развитой системой базовых лагерей и кратковременных стоянок. По мнению автора, такая стратегия существования обеспечивала оптимально быстрое продвижение населения на юг и освоение широких территорий. Г.П.Григорьевым ("Верхний палеолит Восточной Европы: стадии развития и территориальные группировки") была сделана попытка по-новому представить соотношение локальных и глобальных характеристик европейского верхнего палеолита. Трехчленная периодизация признается обоснованной только для Западной Европы, где выделяется средний - солютрейский - этап; для остальной территории принимается двучленное деление с общей стадией раннего верхнего палеолита, выделяемой по присутствию ориньякского компонента. К общеевропейским показателям развития относится усиление значения контактов населения (мадлен) и присутствие (на некоторых территориях только эпизодическое) граветтского компонента, который, впрочем, не имеет общих закономерностей ни в хронологическом, ни в организационном плане.

В рамках второй тематической группы - "Типология, технология и добыча камня" - были представлены доклады различной ориентации. А.А.Синицыным на примере инвентаря Костенок 15 была предложена диагностика кремневой индустрии на основе системных характеристик и признании изменчивости формообразующих признаков таким же культуроопределяющим показателем, как и их устойчивость. П.Мэллоуф и Г.Гуд (Техасская историческая комиссия) в докладе "Сравнение верхнепалеолитической и ранней палеоиндейской пластинчатой технологии" на основе анализа ряда комплексов индустрии кловис, с включением материалов происходящих из кладов, констатировали схожесть их технологических принципов с пластинчатой технологией Старого Света. Экспериментальные данные позволили авторам выдвинуть ряд интересных гипотез, в частности о связи технологии эксплуатации полиэдрических нуклеусов с посредником, а конических - с мягким отбойником. П.Кнудсон (Служба национальных парков Калифорнии) в сообщении "Палеоиндейские парадигмы", критикуя традицию диагностики палеоиндейских культур на основе типологии исключительно наконечников и однолинейную модель развития, видит пути повышения информативности материала в переносе акцента исследования на стилистические, технологические и функциональные характеристики индустрий, на анализ деталей оформления, на выявление внутренних связей материала. На этой основе предполагается возможность более дробной дифференциации палеоиндейских культур Юга и Центральных равнин. В основе построений М.Коллинза (Техасский университет) "Технология кловис южных штатов" и Дж.Хофмана (университет Оклахомы) "Верхнепалеолитическая рефлексия: технология фолсом южных равнин" лежит выделение в рамках соответствующих индустрий двух технологических стратегий - технологии создания двустороннеобработанных форм и технологии производства

призматических пластин. В первом случае констатируется использование для выделяемых технологий различных видов сырья из разных источников, что дает возможность установления реальных связей между обитателями отдельных стоянок; во втором - на основе фиксируемой мобильности двух технологий предполагается возможность определять степень мобильности древнего населения в зависимости от расположения источников сырья и плотности заселенности территории. К.Танел (Техасская историческая комиссия) в докладе "Данные по пластинчатой технологии ст.Ареа-Стидман, индустрии фолсом в северо-западном Техасе" также подчеркивает наличие специального отбора сырья для производства пластин и , особенно, наконечников и дает детальное описание процесса их изготовления,полагая, что отдельные приемы пластинчатой технологии использовались и при создании наконечников. В докладе большой группы авторов "Интерпретация кремневых мастерских: на примере юго-западной Монтаны" сделанным П.Бонихсеном (Майнский университет), на основе материалов мастерской Саус Форк раскрывается технологический процесс обработки разных видов сырья. Стратифицированная стоянка Мамут Мидоу дает возможность проследить изменение технологии во времени и на фактическом материале решать вопрос о зависимости этих изменений от изменений климатических условий.

Третья, наиболее обширная группа докладов, представляла региональные обобщения. И.А.Борзьяком в докладе "Финальнопалеолитическая адаптация Днестрово-Карпатского региона" на основе сопоставления широкого круга археологических данных и результатов естественно-научных исследований была показана сложная картина изменения культуры на фоне климатических колебаний позднего плейстоцена. Относительно высокая плотность заселенности рассматриваемой территории объясняется богатством источников сырья и разветвленной сетью гидро- и экоресурсов. Разнообразие культурных традиций, типов поселений, домостроительных и художественных традиций обеспечивало стабильный баланс культурной и естественной среды на протяжении всего палеолита вплоть до общего кризиса охотничьего хозяйства, и стимулировало приток населения разных культурных традиций преимущественно с севера. В предложенном П.Д.Прасловым докладе "Костенковская модель развития верхнего палеолита: изменение природных условий и смена населения", было показано, что не все культурные изменения могут быть объяснены действием эволюционных факторов и сменой населения. Достаточное число данных из области домостроительства, искусства, технологии свидетельствует о влиянии на их разнообразие естественных условий, изменчивость которых сейчас представляется более сложной и многоплановой. В докладе, представленном группой авторов (Т.Хьюгес, Р.Бонихсен, Дж.Фастук, Б.Хьюгес - Майнский университет, М.Гросвальд - Институт географии РАН) "Плейстоценовая Берингия: сухопутый мост или ледниковая преграда миграции?" констатируется, что ландшафт приледниковой Берингии представлял собой не широкое свободное от льдов пространство, а систему узких коридоров, пересекающих долины северо-восточной Сибири, которые служили преградой миграциям населения. Миграции были возможны только в рамках коротких интервалов между освобождением территорий от льда и морскими транстрессиями. Миграциям морским путем препятствовали горные материковые ледники. Компьютерная модель плейстоценовых оледенений показала возможность миграций во время интерстадиалов, но не во время их максимумов, что подтверждается и археологическими данными. Доклад Д.Стенфорда (Смитсоновский институт, Вашингтон) "Критическая оценка палеоиндейских материалов Аляски: данные по возникновению культуры клонис" был ориентирован на критический разбор достаточно обширных материалов в плане возможности их

привлечения для решения проблемы происхождения индустрии Кловис, хотя собственно наконечники Кловис здесь не представлены.

В двух докладах М. Вильсон (университет Лесбридж, провинция Альберта, Канада) "Меридиональные связи палеоиндейских индустрий Канадских равнин" и П. Сторка (Королевский музей Онтарио) "Новые исследования раннего и позднего палеоиндейского заселения Онтарио" были предложены достаточно сложные построения с учетом высокой степени мобильности древнего населения и развитой системы контактов. Намечается определенная цикличность в заселении территории, когда периоды относительно высокой плотности населения чередуются с периодами почти полного его отсутствия. Основная сложность состоит в оценке такой ситуации: или цикличность отражает различные волны миграции, или - свободное движение населения. Тот же, в целом традиционный круг вопросов был рассмотрен в докладе Е. Джонсон (Археологический центр Лаббок, Техас) "Палеоиндейские охотники южных равнин: по материалам побережья оз. Лаббок" с акцентом на изменение охотничьих ресурсов и археологических материалов. Три доклада Р. А. Бетингер (университет Калифорнии) "Высокогорные охотники и собиратели межгорного района Соединенных Штатов", Л. Б. Дэвис (университет Монтаны) "Палеоиндейцы Бартон Галч юго-западной Монтаны: неспециализированные собиратели комплекса Элдер" и М. А. Ларсон (университет Вайоминг) "Стабильность и случайность: изменчивость у палеоиндейского населения высокогорных районов Вайоминга" были посвящены анализу образа жизни древнего населения горных областей различных районов США. Во всех трех определяется высокий уровень подвижности населения, в первую очередь сезонных перемещений через ландшафтные зоны от высокогорных лугов до предгорных равнин со связанными с экологией изменениями ориентации хозяйства. Отмечается большее, чем у равнинных обитателей, значение собирательства и, в целом, более сложная структура различных видов активности. Интересен ряд нетрадиционных наблюдений за растительными ресурсами, в частности, в плане возможности использования отдельных видов в качестве лекарственных.

В докладах, объединенных в разделе "Изучение археологического инвентаря и его контекста" основное внимание было сосредоточено на методической стороне анализа археологических данных, на отдельных аспектах и приемах исследования. Г. Ф. Коробковой "Функциональная типология и системы жизнеобеспечения" на материалах финальнопалеолитических и мезолитических стоянок северного Причерноморья была показана общая линия хозяйственного развития во времени и специфика отдельных поселений. Возможности функциональной классификации этим признаются не менее значимыми, чем типологической, особенно для реконструкции хозяйственных процессов. Доклад С. Д. Уэба (университет Флориды) "Костяные наконечники позднплейстоценовых стоянок Флориды", имевший в основном информационный характер, обратил на себя внимание интересными приемами реконструкции составных наконечников и наглядной демонстрацией методов подводного исследования. Сообщение И. Фридмана (Геологическая служба США, Денвер) "Современное состояние методов датирования обсидиана" было посвящено узкоспециальным естественнонаучным проблемам. Под необычным углом зрения процесс формирования культурных отложений в контексте конкретных геофизических условий был рассмотрен Ч. А. Рейером (университет Вайоминг) в докладе "Время и темпы: геоархеология и длительность обитания ст. Пайн Блафс". Информативностью и, особенно, наглядностью выделялся доклад З. А. Абрамовой "Отражение природного окружения в палеолитическом искусстве стоянок Русской равнины".

Заключительная тема "Фаунистические остатки, обеспечение питанием, региональные источники" объединяла доклады, посвященные исследованию отдельных

стоянок, регионов и приемам реконструкции образа жизни древнего населения. В докладах А.А.Кротовой "Реконструкция социально-экономических систем верхнепалеолитического населения Азово-Черноморских степей" и Х.А.Амирханова "Практика жизнеобеспечения как показатель культурной близости: по данным Кавказских стоянок" определяющая роль в формировании облика культуры признается именно за экономическими факторами; различие в инвентаре, фаунистическом составе, характере культурных отложений, культурной принадлежности свидетельствуют (прямо или опосредованно) о социально-экономических различиях оставившего их населения. Хорошо иллюстрированный доклад Л.Д.Агенброта (университет Северной Аризоны) "Плато Колорадо: плейстоценовая фауна и палеоиндейцы" познакомил с различными направлениями анализа пространственного распределения фаунистических остатков на стоянках с использованием компьютерных методов. В докладах Л.К.Тодда (университет Нью-Мехико) "Анализ залегания костей и палеоиндейский способ использования природного окружения" и Л.А.Хануса (Археологическая лаборатория Августинского колледжа, Южная Дакота) "Костяные обломки и отщепы: анатомия использования мамонтовых туш" был показан широкий спектр использования палеоиндейским населением костного материала, в том числе и таких специфических приемов, как перенос техники обработки камня на костное сырье. Важные наблюдения по использованию различных частей туши убитых мамонтов были приведены в докладе Дж.Сондерса (Государственный музей Иллинойса) и Е.Б.Дешлера (Академия естественных наук Пенсильвании) "Описательные и общие вопросы анализа мамонтов со стоянок кловис".

В целом, доклады, представленные на конференции, дают наглядное представление о принципах и конкретных методических приемах исследования и американских, и советских археологов. Общей чертой "американского" подхода является предельно широкое использование для характеристики археологического материала его контекстуальных показателей, таких как топография стоянок, удаленность от источников воды, палеоботанические данные... Дискуссионность реконструируемых на этой основе "стратегий охоты", "стратегий жизнеобеспечения", решение палеодемографических вопросов отражает действительную сложность этих проблем, а сами реконструкции показывают какого рода информация может быть извлечена из казалось бы бедного фактического материала. Исследование поведенческих аспектов жизнедеятельности палеоиндейского населения, не заменяя, конечно, традиционной диагностики, показывает, что контекст культуры является столь же многоплановым и информативным как и ее вещественное выражение. Обсуждение докладов показало определенное сближение исследовательских принципов, не говоря уже о круге проблем, общих для всей археологии каменного века.

Программа экскурсий отличалась своей насыщенностью и охватывала огромную территорию от Канадской границы до Мексиканской. В штате Нью-Йорк делегация в сопровождении Сотрудников Музея естественной истории г.Баффало Р.М.Грамли и Р.С.Лауба посетила стоянку Хичкок, содержащую культурные отложения с наконечниками кловис, с материалами которой участники экскурсии имели возможность ознакомиться в музее. Скальный навес Мидоукрофт (штат Пенсильвания) исследуется профессором Дж.Адовазио с 1973 г. и на настоящий момент является не только одним из самых древних, но и одним из наиболее полно исследованных памятников Америки. Музейный комплекс в Хот Спрингс (штат Южная Дакота) построенный на месте естественной гибели мамонтов в карстовой воронке замечателен не только тем впечатлением, какое оказывают на посетителей остатки 44 мамонтов, большая часть из которых представлена почти полными скелетами, но и созданными при нем реставрационными и естественнонаучными лабораториями. Там же, в Южной Дакоте

делегация осмотрела стоянку Хадсон-Менг, раскопки на которой производились в 1971-1977 гг., и где был вскрыт небольшой участок культурного слоя, сплошь заполненного костями бизона. Всего на этой охотничьей стоянке, датированной по C^{14} временем 9820 лет назад были зафиксированы остатки по крайней мере 400 особей бизонов, отмечено наличие очажных пятен и немногочисленных каменных орудий, относящихся к традиции плано (культура коди). Особый интерес вызвало применение компьютерных методов фиксации с которыми исследователи (Л.Агенборд и Л.Тодд) связывают большие надежды.

В Аризоне делегация посетила стоянку Мюррей Спрингс, исследованную В.Хайнесом в 1961-1971 гг. с тремя пунктами находок, относящихся к культуре кловис и стоянку Лейнер, находящуюся в 19 км к югу от Мюррей Спрингс. Показательно, что последняя расположена на территории частного владения, хозяин которого в 1952 г. обнаружил тут кости мамонта, оказывал содействие раскопкам и в 1988 г. передал место, на котором она расположена, в дар Бюро Земельного Управления "в образовательных целях". Совершенно справедливо в науку эти материалы введены с именем владельца - Эдварда Лейнера. Нижний слой стоянки датируется временем 11 600 +/- 400 лет назад, верхний - около 9700 лет назад.

Особое внимание в работе симпозиума занимало знакомство с университетскими и музейными центрами, в которых работает большая часть археологов Соединенных Штатов. Прекрасная организация музейных экспозиций и хранения археологических коллекций в Баффало, Денвере, Альбукерке, Вашингтоне, великолепное оснащение естественнонаучных и реставрационных лабораторий определяют высокий технический уровень исследований и популярность археологии в США. Огромное значение для музеефикации, исследования и популяризации археологии имеет система Национальных парков и Заповедников. При национальном парке Меца Верде (штат Колорадо) создан Центр культурного наследия Анасази с постоянной археологической экспедицией и рядом музеефицированных объектов, число посетителей которых достигает 650 тысяч человек в год.

Симпозиум позволил советской делегации ознакомиться практически со всеми аспектами археологической науки США от чисто научных до организационных. В кратком обзоре невозможно даже перечислить всех, кто способствовал его успешному проведению и информативности. Нельзя не упомянуть одного из спонсоров симпозиума писательницу Джин Аул, выпустившую уже три романа из жизни людей эпохи палеолита и принимавшую участие в конференции в Денвере и экскурсиях от Южной Дакоты до Аризоны. Но в первую очередь надо отметить роль в организации и проведении всех мероприятий профессора Иллинойского университета О.Соффер, без энергии которой настоящий симпозиум вряд ли мог быть реализован.

А. А. Синицын

СИМПОЗИУМ АРХЕОЛОГОВ ДАНИИ И РОССИИ

В ноябре 1991 г. в г. Орхусе (Дания) состоялся второй российско-датский симпозиум по археологии на тему "Взаимодействие древних культур в Балтийском регионе" (первый симпозиум был проведен в 1989 г. в г. Санкт-Петербурге). Тематика докладов охватывала время от эпохи мезолита вплоть до развитого средневековья. На заседаниях было заслушано 10 докладов археологов России и 8 докладов датских коллег. Они включали как анализ новых материалов раскопок, так и историко-интерпретационные сообщения и доклады, связанные с особыми аспектами изучения данных археологии с помощью специальных методов. Открывая симпозиум У. Насман (Дания) и В. М. Массон (Россия) отметили, что после первой встречи в Санкт-Петербурге сотрудничество археологов двух стран значительно расширилось и укрепилось. В выступлениях была подчеркнута роль профессора О. Олсена, директора Национального музея Дании, в установлении сотрудничества датских и российских археологов на государственном уровне.

Группа докладов была посвящена вопросам археологии каменного века. С. Андерсен (Дания) рассказал о проблемах изучения мезолитических памятников на территории Дании. Хорошо иллюстрированный доклад подробно осветил методику раскопок своеобразных археологических объектов, так называемых "раковинных куч". Т. Мадсен (Дания) в докладе "Ранне-неолитические погребальные обряды в южной Скандинавии" охарактеризовал систему погребальных обрядов, существовавших в раннем неолите Дании и представил опыт их классификации. Х. Андерсен (Дания) рассмотрел структуру одного из эталонных памятников культуры воронковидных кубков Дании - поселения Саруп, обратив специальное внимание на систему "загородок" и огороженных пространств, существовавших на нем в разные периоды жизни.

В. И. Тимофеев (Россия) в докладе, посвященном выявлению общих элементов в материальной культуре эпохи мезолита и неолита на территории Восточной и Западной Прибалтики, сопоставил индустрии культур Маглемозе и Кунда, Эртебелле и нарвской, а также рассмотрел структуру раннекерамических культур и вопросы появления первой керамики в Балтийском регионе. Проблемам позднего мезолита бассейна Верхней Волги и выделению особой валдайской археологической культуры было посвящено выступление Г. В. Синицкой (Россия). По ее мнению, на территории вокруг верхневолжских озер существовала обособленная археологическая культура, где преобладала отщеповая техника, в отличие от верхневолжской культуры, основанной на пластинчатой технике. В докладе Г. Ф. Коробковой (Россия) "Функциональная типология орудий и реконструкция палеоэкономических систем прошлого" рассматривались результаты трасологического анализа орудий труда из ранне-неолитических поселений джейтунской культуры Средней Азии. Особое внимание было уделено теоретическим разработкам, функциональной типологии, в основу которой положены следы износа, сохраняющиеся на рабочих поверхностях древних инструментов. Г. Ф. Коробковой удалось выявить основные тенденции в развитии жизнеобеспечивающих отраслей палеоэкономики населения джейтунской культуры и различия в домашних промыслах.

Важное место на симпозиуме заняло обсуждение проблем развития европейских культур в эпоху бронзы. В докладе В.С.Бочкарева(Россия) на примере развития металлургии и металлообработки в восточноевропейской лесостепной зоне был рассмотрен процесс формирования центра культурогенеза в эпоху поздней бронзы. Теоретическое обоснование получили широко используемые в археологии понятия "центр металлургии и металлообработки", "блок культур" и другие. В докладе была показана универсальность этих понятий, отмечена структурная близость культурных процессов в различных районах Европы. В выступлении В.А.Трифонов (Россия) были затронуты проблемы развития европейской теоретической археологии, в частности, обострившиеся в последние годы противоречия между теорией и практикой. В то время как практика заинтересована в объяснении процессов культурогенеза, разнообразия культур, теоретическом обосновании типологического метода, теория увлечена философскими построениями, подменяя частнодисциплинарные теории мировоззренческими концепциями. Сообщение Х.Ванкилде (Дания) было посвящено проблемам социальной интерпретации процессов, связанных с распространением изделий из металла в Дании в эпоху бронзы. Исходя из количества изделий, их размеров и характера отделки, заточенности Х.Ванкилде проследила динамику изменений в использовании металлических орудий и связи этих процессов с изменениями социальной структуры общества. На некоторых общих аспектах проблемы изучения поселений периода ранней бронзы в Дании остановилась в своем сообщении М.Расмуссен (Дания). Доклад К.Адамсена (Дания) "Предистория образования поселений периода поздней бронзы в Западной Ютландии" касался рассмотрения планировки, структуры и динамики их изменения на поселениях в разные хронологические периоды. Автор в своих заключениях опирался на ряд полностью раскопанных древних памятников. Подобная работа по сопоставлению между собой поселений стала возможной только благодаря широко распространенному ныне в датской археологии методу их изучения с помощью техники, когда машинами полностью снимается весь пахотный слой вплоть до материка на большой площади. К.Адамсен отметил сложный путь внедрения этого метода в полевую работу археологов Дании.

В.М.Массон (Россия) в докладе "Эволюция и разнообразие ранних комплексных обществ" остановился на самом понятии "ранние комплексные общества", как особом историческом феномене завершающих этапов архаической формации. Эта система позволяла концентрировать организованный труд и создавать монументальные культовые сооружения и гробницы. На финальных этапах большую роль играл военный фактор, способствовавший институализации власти. Можно говорить о двух основных путях развития таких обществ - урбанистическом (Ближний Восток, Средняя Азия) и не-урбанистическом, где особенно ярко выступает нестабильность, в определенный период происходит стагнация, а затем и дезинтеграция. Этот путь представлен в Старом Свете двумя вариантами - раннеземледельческими обществами V-IV тыс. до н.э. Юго-Восточной Европы и степным - культурами палеометалла степной зоны Евразии. Оба пути не ведут прямым образом к государству и цивилизации.

Два доклада датских исследователей, посвященных эпохе средневековья, касались результатов новейших археологических работ. Х.Андерсен рассказал о новых раскопках 1991 г. Даневирке - древнего вала, отделявшего Ютландию от остальной части континента. Докладчик остановился на вновь выявленных деталях устройства вала, его датировке. В сообщении Х.Кристенсена "Изменения в топографии Виборга в средние века" была рассмотрена планировка и структура города в динамике его развития. Автор широко привлекал сведения письменных источников, древние планы, а также результаты археологических наблюдений.

О. А. Щеглова (Россия) рассмотрела вещевые клады VII - начала VIII вв. из района Среднего Поднепровья, как своеобразный источник для характеристики направления и динамики культурных связей региона. Если состав кладов второй половины VII в. свидетельствует о вовлечении среднеднепровского населения в систему культурных связей и контактов заключительного этапа великого переселения народов от Крыма до Пруссии, то клады рубежа VII и VIII вв. обнаруживают целый ряд заимствований из района распространения славяно-аварских могильников в Среднем Подунавье, что может быть интерпретировано, как археологическая иллюстрация к известному эпизоду "Повести временных лет" о возвращении славян с Дуная.

Совместный доклад А. Н. Кирпичникова и В. А. Назаренко (Россия) был посвящен новым открытиям в Старой Ладоге и чертам сходства раннесредневековых балтийских городов. В нем было сообщено, что в 1991 г. в Ладоге в слое IX в., по мнению авторов, впервые были обнаружены парцеллы. На одной из них зафиксированы остатки жилого дома, а на другой - металлургический комплекс с горном и помещением для обработки железа. А. Н. Кирпичников и В. А. Назаренко полагают, что ладожские парцеллы имеют такой же характер, что и найденные в г.Риббе в Дании, где они датируются VIII в. Сообщение Д.И.Фонякова "Средневековый русский город. Письменные источники и археология" касался рассмотрения этой проблемы на примере одного центра - г.Торопца, раскопки которого возобновлены под руководством автора несколько лет назад и уже дали интересные результаты.

В докладе Е. Н. Носова (Россия) были затронуты общие вопросы происхождения древнерусских городов. Было отмечено, что территория Древней Руси принадлежит к тем районам Европы, где были известны ранние формы урбанизации восходящие к античности и где появление городов было обусловлено развитием социально-экономических отношений в среде местных славянских племен в период становления раннефеодальных структур и государственности. Развитие древнейших городов на Руси шло не по единой социологической формуле, а имело несколько вариантов. Пути образования городов Северной Руси в конце I тыс.н.э. были близки путям становления городов Балтики, что свидетельствует об одинаковом ходе социально-экономических процессов в это время во всем этом регионе.

Во время симпозиума его российские участники имели возможность ознакомиться с археологическими коллекциями, хранящимися в Национальном музее в г.Копенгагена, в музеях городов Орхуса и Оденсе. Были проведены переговоры о перспективах дальнейшего сотрудничества между археологами Дании и Института истории материальной культуры Российской Академии Наук.

Е. Н. Носов